

**АННИТ
ՕՒՅՈՒ**

**ПЛЕМЯ
ВИХРЕНОГИХ**

2017

Annotation

1001-я история про попаданцев — детская такая книжка о том, как отряд пионеров (из СССР образца 1972 года) попал в первобытный мир и поставил весь этот мир на уши (что, собственно, уже понятно из названия:)

Аннит Охэйо

Племя вихреногих

Глава 1: В поход!

*Трубачи на заре поднимают отряд,
Просыпается дремлющий город...
В путь собрался отряд, и вернется назад
Он не скоро, не скоро, не скоро...*

*В путь собрался отряд, и в далеком пути
Будут радости, будут тревоги.
Золотые просторы лежат впереди,
И дороги, дороги, дороги...*

*Нас любые преграды в пути не страшат, —
Пионер никогда не сдаётся!
В путь собрался отряд, и сквозь сотни преград
Он пробьётся, пробьётся, пробьётся...*

Из кинофильма «Отряд Трубачева сражается».

Сл. М. Львовского. Муз. М. Зива.

Димка проснулся на самом рассвете длинного июньского дня, когда солнце только-только показалось из-за горизонта, — словно первый алый луч толкнул его теплой дружеской рукой. Открыв глаза, мальчишка с наслаждением потянулся. Счастье захлестнуло его стремительно и неотвратимо. Сегодня! Сегодня они отправляются в первый самостоятельный поход! Сколько дней прошло в нетерпеливом ожидании этого утра, — и вот оно наступило, наконец.

Димка подтянул пятки к заду, — и вскочил одним упругим рывком, словно нырнул во втекавшие в распахнутое окно волны влажного, очень теплого воздуха. Там радостно пересвистывались птицы, мягко колыхались верхушки тополей, мягко розовел и сверкал окнами верх новенькой восьмиэтажки, в которой жил Сережка, его лучший друг. Он уже наверняка тоже проснулся...

Подумав это, Димка ощутил нетерпеливый зуд в пятках: он расстался с друзьями вчера в школе, поздно вечером, но уже успел соскучиться, — словно целая вечность прошла. Сердце его пело в нетерпеливом ожидании Большого Дела — и он, ещё раз потянувшись, помчался в душ.

Дома царила непривычная тишина — мама и папа уехали на юг, на целый месяц. Димке тоже хотелось поехать, — в памяти сразу вставали золотые пляжи Черного моря и белые горы Грузии — но желание впервые в жизни стать САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ перевесило. Ну, ещё, конечно, Большой Поход. Целых две недели без взрослых, в близких, но таких незнакомых горах!..

Если бы кто-нибудь спросил его, что есть счастье, — он ответил бы, что это именно оно. Класс у них дружный, но туристский клуб — это самые лучшие, самые верные друзья. И Машка...

При мысли, что они с Машкой целых две недели будут рядом, в груди что-то ёкнуло, и Димка недовольно помотал головой. С Машкой всё, увы, очень сложно. Ну почему девчонки всегда такие... раздвоенные? Вроде бы, она не отрицает, что он, Димка, ей нравится. Но зачем тогда постоянно поддевать и дразнить его? Нет, это никак невозможно понять...

Вновь недовольно помотав головой, Димка сбросил трусы и залез в ванную. Холодная вода обожгла кожу, смывая оставшийся после жаркой летней ночи пот и словно заряжая тело нетерпеливой бодростью. Димка выпрыгнул из ванны, отряхнулся, как кот, и до жара растерся полотенцем.

Вихрем промчавшись в свою комнату, он начал торопливо натягивать аккуратно сложенную с вечера одежду. Новенькие пёстрые плавки, привезенные мамой из Болгарии, тренировочные штаны, синяя футболка...

Кеды Димка натянул уже в прихожей. Там же стоял и рюкзак — собранный ещё пять дней назад, с тех пор многократно перебранный и перепроверенный. Мальчишка крикнул, забросив его за спину — двенадцать килограммов, не шутка! — потом невольно передернул плечами, вспомнив, что ему придется таскать эту тяжесть целых две недели, — и засмеялся. Такая трудность ему даже нравилась, — тренированное тело само просило нагрузки.

В прихожей висело большое прямоугольное зеркало, и он замер, с сомнением глядя на себя, — обычный сибирский мальчишка, стройный, со светло-золотистым загаром, но далеко не такой крепкий, каким он сейчас чувствовал себя. Потянет ли он, не подведет ли товарищей?.. А, ладно, не хватит силы мышц, — поедем на силе воли...

Димка отпер дверь и шагнул в прохладный полумрак лестничной площадки. Вновь замер, глядя в уютное тепло квартиры, — сюда он вернется лишь через полмесяца. Стало грустно, — но Димка вновь встряхнул головой, отбросив назад падающие на глаза светло-русые волосы, и решительно захлопнул дверь. Щелкнул замком, потом вторым, — обычно им не пользовались, но сейчас... мало ли что?..

Пряча ключи в карман, мальчишка ощутил веское чувство Хозяина, ответственного за Дом. Это чувство ему нравилось. Всё же, быть взрослым, наверное, не так и плохо...

Улыбаясь от предвкушения новых впечатлений, он упруго скатился по лестнице и, толкнув тяжелую, с тугой пружиной дверь, вылетел на улицу, словно нырнув в утренний сумрак совершенно пустого в этот час двора. Казалось, что он совсем один в городе, словно попал в какую-то сказку, — такого с ним не случалось уже с ранних детсадовских лет.

Он вновь изо всех сил потянулся, поднявшись на носки, потом быстро и упруго зашагал к школе, — туда подойдет автобус, который отвезет их за город, к началу маршрута, и место их сбора — там.

Наверху едва слышно зазвенел будильник, и Димка невольно улыбнулся напрасной бдительности глупого механизма. Чтобы он, Димка Светлов, проспал самое важное дело в своей жизни? Да никогда!..

* * *

Путь до школы был знаком Димке, как свои пять пальцев. На углу мальчишка задержался на миг, решая, идти ли по улице, — потом решительно нырнул в полумрак соседнего двора: попав в сказку, он решил побыть в ней подольше. Тут какой-то старичок выгуливал собаку, но его Димка старательно не замечал: он словно попал в один из

странных своих снов, где все люди исчезали непонятно куда, и он мог делать, что угодно. Жаль даже, что дорога до школы короткая — один квартал, точнее, даже двор квартала. Справа длинная пятиэтажка, слева — ограда детского сада, в котором учился... тьфу, в нем когда-то был Сережка. Жаль, что они не встретились ещё тогда, — нет, конечно, друзей у Димки и так хватало, но всё же, такой друг, как Сергей — один...

Возле самого забора уютно устроилась построенная отцом Борьки Стеклова голубятня — её светло-синяя, обитая крашеным железом коробка стояла на аккуратном дощатом кубе. В этом полуигрушечном домике мальчишки провели немало интересных часов, фантазируя о путешествиях в дальние страны. Борька с отцом ездил аж в Югославию, и потом долго рассказывал о Белграде и пляжах Дубровника. А вот Димке не повезло, — дальше обычного для всех юга он не бывал. Ну, ещё в Ленинград летал, к бабушке, — но разве ж это приключение? Отец обещал свозить его на Алтай и на Камчатку, — но следующим летом, а это же значит — через целую вечность...

Димка вздохнул. Впервые этот, знакомый до последней травинки двор показался ему каким-то... игрушечным. Наверное, он и в самом деле вырос...

При этой мысли мальчишка усмехнулся и вновь передернул плечами, поправляя рюкзак. Всего два года назад такой же рюкзак казался ему неподъемным, — Димка помнил, как ворочал его, сопя от натуги. А теперь он не кажется ему таким уж тяжелым. Всё-таки, плавание — великая вещь. Медалей он так и не завоевал ни одной, но снять футболку ему теперь не стыдно, не то, что Витьке Парамонову, — тот худобой и бледностью кожи походил на глиста, а от физры бежал, как черт от ладана...

Ещё один поворот, пустынная улица — и Димка вступил в негромко шумящий школьный сквер. Окна серой кирпичной четырехэтажки мягко розовели. Мальчишка сразу нашел на третьем этаже окна родного 7 «Г» класса, и снова вздохнул, — этой осенью он пойдет уже в восьмой класс, и станет невероятно взрослым. Это, конечно, не так страшно, как идти в девятый, — там вообще уже одни старики, — но всё же...

Дошагав до поворота, мальчишка на миг замер. Здесь, во дворе между его родной четвертой и соседней, седьмой школой всегда тихо — но, если прислушаться, в воздухе висит некий глухой, отдаленный гул, словно исходящий откуда-то из бесконечного пространства, — это по Транссибирской дороге шли поезда. Димке тоже хотелось поехать туда, на восток, — там новые города, там Владивосток и Тихий океан. Он мечтал стать моряком — как отец, служивший срочную на крейсере «Кутузов», или как дядя Миша, до сих пор служащий офицером на самой настоящей атомной подводной лодке. Вот это — настоящая служба, а не то, что в пехоте, с автоматом по грязи бегать!.. Ещё, правда, хотелось стать летчиком, но Димка сам понимал, что его мечта призрачна, — отец и мать говорили, что в летчики берут только круглых отличников, а с этим у него... Нет, он не какой-нибудь троечник, конечно, но четверки в его дневнике появлялись всё же чаще пятёрок, и за это ему иногда доставалось — на словах, но тоже обидно. С другой стороны — ну нельзя же киснуть над уроками, когда друзья бегут кататься на лыжах или просто с горки на санках! А особенно тяжело было в мае, когда за окном уже шелестит листва, и душа просит пляжа и вольных прогулок. Тем не менее, Димка, как настоящий мужчина, успешно сдал все контрольные, и сейчас наслаждался заслуженной свободой...

Быстро обогнув школу, он вышел к главному входу, — и сердце на миг замерло. Там уже стоял желтый городской автобус, — и возле него несколько его товарищей.

Димка испуганно взглянул на часы — что, неужели всё же опоздал? — и с облегчением

перевел дух. Всего-то четыре сорок, — а отъезд у них ровно в пять, чтобы по утреннему холодку пройти хотя бы самое начало маршрута. Похоже, не ему одному не сиделось на месте...

Торопливо поправив рюкзак, он побежал к ребятам.

— Светлов! Явился, наконец-то! — с ходу заявила Аглая Марецкая, вожатая их пионерского отряда — рослая, крепкого сложения девчонка, одетая, как и все они, в футболку и штаны от спортивного костюма. На ногах у Аглаи были китайские^[1] кеды тридцать восьмого размера, а на груди пламенел пионерский галстук. На взгляд Димки, сочетание забавное, но свои мысли он оставил при себе. Характер у Аглаи был, как у танка, и дураков перечить ей давно не находилось. Именно она «пробила» этот поход, когда Игорь Васильевич, руководитель кружка, вдруг срочно уехал по каким-то семейным делам, за что мальчишка почти готов был её расцеловать. Она да Сергей — душа и сердце их туристского клуба.

Рядом с Аглаей стояла Танька Ковалева, её лучшая подруга, и Андрей Гаюнов, её, так сказать, друг. Димка не знал, восхищаться ли его смелостью или считать его просто дураком. Он-то уважал Аглаю — но дружить с ней не стал бы ни за какие коврижки. Это же всё равно, что дружить с тигром, — не знаешь, то ли он тебя оближет, то ли съест. Взрывалась Аглая не хуже водородной бомбы, и все, кто попадал ей под горячую руку, икали потом очень долго. Сам Димка до сих пор с содроганием вспоминал последний Новый Год, — он всего-то уронил один шар для школьной елки, а Аглая разоралась так, словно он звезду для верхушки разбил. Даже из пионеров угрожала выгнать, хотя и прав-то таких не имела!..

Скандал, к счастью, оказался короткий, — Аглая как быстро взрывалась, так и быстро отходила, но новогоднее настроение она ему испортила. Ненадолго, конечно, — но всё равно обидно, хотя и шар жалко, его тоже люди делали...

Чуть в стороне, на составленных в рядок рюкзаках, сидели закадычные дружки — Борька Стеклов и Юрка Головин, и как всегда, о чем-то бодро трепались. Они прервались лишь на секунду, взглянув на мальчишку.

— Всем привет! — Димка вскинул руку в пионерском салюте.

— Ты б ещё честь им отдал, — тут же съязвила Танька, и Аглая зло фыркнула. Насмешек над пионерией она не терпела, даже от лучшей подруги.

— А что? До отъезда ещё двадцать минут, — удивился Димка. — Да и наших пока почти никого нет.

— Сережка уже здесь, и Машка твоя тоже, — немедленно пояснила Аглая. — Они в автобусе сидят.

— Машка не моя, — пробормотал Димка, чувствуя, как непонятно почему краснеют уши. Нет, всё же все девчонки — язвы. Вот нечего им делать, кроме как об этом самом языками трепать, невесты недоделанные! Ну, кроме Машки, понятно.

Подбросив рюкзак на плече, Димка бодро залез в теплый, пахнущий маслом салон. Сергей и Машка сидели над задним колесом, как обычно. Он помахал им рукой и плюхнулся в кресло у окна напротив, — любимое своё место, по пути пожав руку Сережки. Пожатие было крепкое, почти как железное, — Сережка Малыхин, сын офицера, мечтал стать космонавтом, и спортом занимался очень серьёзно, да и выглядел подтянуто — короткие русые волосы, густой загар, майка-тельняшка. Глаза серые, большие и внимательные, а лицо — твердое, то ли помора, то ли уже викинга. Он и в самом деле был с тех северных краев, чуть ли не из Мурманска.

Машка Орехова казалась чуть ли не его негативом, — невысокая, гибкая, с круглым и невероятно симпатичным лицом коренной сибирячки. Год назад её родители переехали из Ачинска, и едва увидев её, Димка ощутил какой-то толчок в сердце. Правда, подружиться с Машкой оказалось ой как непросто, — слишком уж сурово она, на взгляд Димки, относилась к парням, — но всё-таки удалось, и теперь, сидя с ней рядом, он ощущал в груди приятное тепло. Стало так хорошо, что дальше, казалось, уже некуда. Вот если бы эта язва Аглая ещё не называла их в глаза женихом и невестой и не говорила, что не об этом пионерам надо думать...

— Ничего не забыл? — сразу же спросила Машка с чисто женской заботливостью.

— Обижаешь, — проворчал Димка. — Я свой рюкзак на десять раз перебрал.

— Всё равно, самого нужного там не окажется, — спокойно заметил Сережка. — Закон жизни.

— Да ну тебя, — проворчал Димка. Про себя он порадовался, что родители уехали, — в прошлые разы мама набивала в его рюкзак столько теплых вещей, что места для другого просто не оставалось. А кому, скажите, нужны куртки и свитеры в июне? — Сам-то ничего не забыл?

— Обижаешь, — в тон ему протянул друг, и мальчишки рассмеялись. Вот уж у Сережки наверняка всё в порядке, — его отец, матерый турист, чуть ли не мастер спорта, бывал даже на плато Путорана. Рюкзак друга аккуратно стоял на заднем сидении — меньше, чем у Димки, но наверняка тяжелее: вещи там уложены так плотно, что дальше некуда. У самого Димки на такое не хватало терпения, — из-за одной вещи весь рюкзак каждый раз перекладывать? Ну, пусть пучит его — это не смертельно, главное, чтобы ничего не гремело и не звякало, — когда идешь час за часом, это здорово раздражает, и тебя, и соседей...

— Ой, смотрите, Эдик идет, — заметила Машка, и Димка повернулся к окну. В самом деле, к автобусу деловито топал Эдик Скобелев, — он придерживал свой рюкзак за лямки двумя руками, и явно сопел от натуги. Сам он походил на хомяка, — и фигурой, и толстощеким лицом. Турист из него был так себе, — но Эдик упорно таскался в походы в напрасной надежде похудеть.

— Наверное, опять рюкзак едой забил, — заметила Машка, и Димка хихикнул. Он помнил, как в самый первый раз Игорь Васильевич, заподозрив неладное, попросту вывернул рюкзак Эдика наизнанку. Там оказалось штук двадцать шоколадок и — офигеть! — настоящий торт! Того, что Игорь Васильевич выдал потом, было лучше не слышать, — несчастный Эдик стоял красный, словно рак, и покорно отправился домой...

Димка думал, что он не вернется, — но упрямства Эдику занимать не пришлось. Он казался идеальным объектом для насмешек, — но попавшие под его тяжелую руку быстро проникались к нему уважением. А уж для поддевок Эдик был непробиваем, чем и заработал совсем немалый авторитет среди мальчишек.

Димка с интересом выслушал дежурное «Скобелев! Явился!» Аглаи. Эдик что-то проворчал, но в салон не полез, — грузно свалил рюкзак наземь и сразу же сел на него, отдуваясь. По виду тот тянул пуда на два.

— Вот жиртрест, — проворчал Сережка. — Лучше бы он дома остался, опять весь отряд тормозить будет.

Димка вздохнул. На самом деле друг преувеличивал, — Эдик был упорен, как вол, хотя и тащился, пыхтя, в самом хвосте группы. Иногда, он, правда, отставал, и его приходилось ждать, — но это же иногда! Не гнать же за это человека, вон как старается, аж вспотел

весь...

Почти сразу же показались Ирка Семяцкая и Антон Овчинников — ещё одна парочка, служившая мишенью для постоянных насмешек Аглаи. Рюкзачок у Ирки был почти игрушечный, и Антон тащил его на плече, в дополнение к своему, вовсе немаленькому. Аглая тут же уперла руки в бока и выдала длинную тираду — что-то насчет «ты весь поход чужую кашу жрать будешь?», на что Ирка ответила не менее длинной речью — что-то насчет казармы и унтер-фельдфебелей. На самом деле, Ирка слыла у мальчишек первой красавицей в классе — смуглая, с черными волосами, совсем как француженка, так что причина возмущения Аглаи была ясна, как день.

Сейчас, в дополнение к кедам, Ирка была в болгарском спортивном костюме, с волосами, собранными в пышный хвост, и Аглая опять отпустила что-то ядовитое — уже насчет буржуазного разложения. Ирка не осталась в долгу, и вокруг парочки сразу же собрался кружок — споры между Иркой и Аглаей стали осью классной «светской жизни». Антон стоял рядом, снисходительно ухмыляясь, — как звезда школьного театра, он мог позволить себе не бояться какой-то отрядной вожатой. Правда, Аглая метила в председатели их школьной дружины, а тогда Топшке могло прийти кисло — двум мальчишкам, имевшим глупость всерьёз с ней повздорить, пришлось переводиться в другой класс, а Димку Ткаченко Аглая даже выжила из пионеров за любовь к буржуазной музыке, не поленившись дойти аж до совета дружины...

В самый разгар спора появился Максим Потапов — самый крепкий мальчишка в классе. Светловолосый, похожий на былинного отрока — хоть бери его в фильм «Детство Ильи Муромца», на главную роль. Рюкзак он тащил, как пушинку, под короткими рукавами футболки бугрились твердые бицепсы. Едва он подошел к друзьям, спор прекратился, и Аглая загнала всех в автобус, тут же устроив перекличку, — словно не видела, что нет только Сашки Колтакова. Димка начал злиться, — в самом деле, кому охота сидеть в душном салоне, когда уже можно ехать? Всё же, нехорошо это, когда все ждут кого-то одного... Нет, понятно, что Аглая ждать не будет, и они уедут ровно в пять, как и решили, — но до пяти-то ещё десять минут, и высидывать их не очень-то приятно...

Вполуха слушая дружеский треп, Димка нетерпеливо вертелся в кресле. Всё же, обидно будет, если Сашка опоздает. Пусть и странный он, — молчит всё время, — но всё же свой, турист и пионер. Сам Димка тоже как-то опоздал на автобус, — пусть дядя Валера, друг отца, подбросил его на маршрут на своей машине, всё равно, было очень обидно...

Сашка появился всего минут через пять. Молча забрался в салон — и так же молча плюхнулся на сиденье. Мест в автобусе хватало, так что все расселись, как хотели. Водитель закрыл дверь, и за спиной Димки заурчал двигатель. Автобус мягко тронулся, и сердце мальчишки запело: Большой Поход начался. Тогда ещё никто из них не знал, — насколько он окажется БОЛЬШИМ...

* * *

*Ещё в лесу не просыпались птицы,
Ещё не время солнечным лучам.
И только трубачам уже не спится,
Не спится на рассвете трубачам.*

*Им тоже спать, наверное, охота,
В подушки спрятать хочется носы.
У трубачей — особая работа,
У них всегда вперед идут часы.*

*И потому встают они до света,
И строятся у ночи на краю.
Трубят горнисты в сторону рассвета,
И выдувают красную зарю.*

*Уже звезда прощально замигала,
Горят на трубах жаркие лучи...
Чтоб мы смогли подняться по сигналу,
Сперва должны подняться трубачи...*

Петь в несущемся во весь опор автобусе здорово. Они уже давно выехали за город, и сейчас за окнами величаво проплывали сосны, такие громадные, что иногда казалось, — дорога идет по дну какого-то каньона. Всё чаще среди леса мелькал серый гранит скал, а за ними уже поднимался сизый хребет гор. Димке хотелось, чтобы дорога тянулась бесконечно, — но всё когда-нибудь кончается. Автобус мягко затормозил и повернул к обочине. Молча, похватав рюкзаки, ребята посыпались наружу.

Ступив на землю, Димка глубоко вздохнул и осмотрелся. Небо затянуто тонкими, высокими облаками, сквозь них лишь изредка просвечивает солнце, — самая лучшая погода для летнего похода, не холодно, ни жарко...

Прямо перед ребятами в лес уходила узкая проселочная дорога — начало маршрута. К вечеру они уже должны оказаться в горах, — там будет первая ночевка. А потом... потом...

Димка счастливо вздохнул. Хотя он и понимал, что их не ждет каких-то особых приключений — ну, разве что геологов встретить, или там охотников, — всё же оставалась надежда найти какой-нибудь упавший метеорит или самолет времен войны — как тот «Бостон», на который наткнулись в прошлом году взрослые туристы. Или — чем черт не шутит? — встретить самого настоящего снежного человека, о котором писали в журнале «Техника-молодежи», и про которого никто не знает, — есть он на самом деле, или нет...

Долго мечтать у мальчишки, к сожалению, не вышло — неугомонная Аглая тут же учинила построение, да ещё и с перекличкой, — словно кто-то из ребят мог остаться в автобусе!..

Автобус, между тем, неуклюже развернулся и уехал. Димка невольно проводил его взглядом. Стало очень тихо, лишь в лесу негромко пересвистывались птицы.

Мальчишке вдруг стало одиноко и даже немного страшновато, — в прошлых походах с ними всегда был Игорь Васильевич, всё знающий и всегда готовый дать совет, — да и спокойнее просто, когда рядом взрослый мужик, да ещё бывший десантник. Чем черт не шутит — вдруг медведь? Или даже китайские шпионы? Хоть и далеко тут от границы, и пограничники не дремлют — ну а вдруг?..

При этой мысли Димка усмехнулся. Всё же, они все — уже взрослые

четырнадцатилетние люди, вполне способные прожить пару недель самостоятельно, да и отец Борьки Стеклова, охотник, рассказывал им, что медведь на самом деле труслив и, если его нарочно не дразнить, никогда не нападает...

— Всё, товарищи пионеры, — провозгласила Аглая. — Выходим!

Впереди, как обычно, пошел Сережка, — у него на груди висел бинокль, а в командирской сумке на боку лежала карта и планшет с утвержденным маршрутом. За ним, понятно, увязалась Аглая, как обычно — со свистком на груди, чтобы подгонять отставших. За ней уже пристроился сам Димка с Машкой, за ним — остальные. Подъем пока что почти не ощущался, так что идти оказалось легко.

Всё же здорово в лесу, подумал Димка, вдыхая невероятно свежий воздух. Здорово шагать вот так, с друзьями, в полумраке, зная, что целых две недели перед глазами будет только новое...

* * *

— Ребята, мы заблудились, — сказал Сергей, когда вместо указанной на карте деревеньки они вышли на какую-то свежую вырубку.

— И как это понимать? — спросила Аглая, уперев руки в бока. — Кто тут у нас штурман и следопыт?

— Это другая дорога, новая, её ещё нет на карте, — ответил Сергей. — Вот водитель и ошибся, не довез нас. Я сразу подумал, что мы слишком рано приехали, да решил, — показалось, быстро ехали же...

— Кажется, — креститься надо! — зло фыркнула Аглая. — Что делать будем? Возвращаться к шоссе?

— Нет, не пойдет, — ответил Сергей. — Мы сюда почти полдня топали, — да и назад будет не меньше. А потом ещё по шоссе, а потом до Алешек... Два дня потеряем минимум. И маршрут весь полетит к черту.

Это Димка понимал и сам. Для туриста маршрут — дело самое первейшее. Отклоняться от него запрещается, — иначе группу даже не найдут, случись с ней что, да и точки остановок все расписаны и утверждены. Опоздаешь на одну, — в городе начнут беспокоиться, могут выслать спасателей, и привет — группу снимут с маршрута. И вроде бы никто не виноват...

— Что делать-то будем? — уже раздраженно спросила Аглая. Этот поход был её детищем, и смотреть, как оно летит ко всем чертям, она явно не мечтала.

Сережка почесал в затылке. Снова посмотрел на карту. Хмыкнул.

— Судя по всему, до Алешек тут всего километров пять на юг. По ногам, конечно, больше, но вряд ли намного.

— Мы же не знаем, где находимся, — сразу же занудил Сашка. — Может быть, пять, а может — все пятнадцать. И тропинок тут нет — лес глухой. Заблудимся и сгинем.

— Панику не разводи! — прикрикнула Аглая, и Сашка затих. — Значит, так. Разбиваем лагерь. Сережка и Максим идут на регонсцировку маршрута к Алешкам. Если найдут — выходим сразу все, как раз до ночи доберемся, и всё будет по плану. Более-менее. Потом, правда, придется поднажать, чтобы не выпасть из графика. Ну да ничего. Полдня, — не срок. Сократим стоянки, пойдем без привалов, на сухпайке из НЗ... за день-другой наверстаем.

Наверное.

— А если ребята никаких Алешек не найдут? — предположила Танька.

Аглая прикусила губу. Этот вариант ей не нравился, — но его тоже приходилось учитывать.

— Если через пять... ладно — через семь километров деревни не будет, пусть возвращаются. Пойдем назад к шоссе, там заночуем, утром двинемся к Алешкам. Оттуда позвоним в турклуб, сократим маршрут на пару дней — это не страшно. Всем понятно?

Понятно было всем.

* * *

Как это часто бывает, план Аглаи рассыпался, едва дошло до дела. Начать с того, что Димка сразу же увязался за другом — как, такое и без него? Максим посопел обиженно, но согласился, — понимал, каково это, без друга. Потом к ним привязались Борька и Юрка — явно затем, чтобы не возиться с разбивкой лагеря. Аглая сразу начала выступать на этот счет, но после краткой лекции о лютых волках и медведях, от которых ну никак не отбиться вдвоем, всё же сдалась — ей и самой стало страшновато...

Шагая за Сережкой, Димка ощущал себя самым настоящим героем — ещё бы, он, можно сказать, лично спасал Большой Поход! Будет чем ткнуть в носы этим противным девчонкам! Но легкой прогулки — не получилось. Сначала они забрели в небольшое, но донельзя противное болото, которое никак не получалось обойти — а когда они, наконец, из него выбрались, погода вдруг резко испортилась. Небо заволокло нехорошими плотными тучами — с лимонным зловещим отливом, низкими и неподвижными, — хотя тут, внизу, дул ветер, почти горячий и настолько ровный и сильный, что мешал идти. Когда они добрались до леса, стало тише, зато на нервы здорово давил монотонный нескончаемый гул в кронах деревьев. В лесу было темно даже на нашедшейся кстати тропинке.

— Гроза будет, — Димка вытер вспотевшее лицо рукой. А ведь ничего не предвещало вот такого...

— Бери выше, — бурей пахнет, — возразил Борька. — Душно-то как, словно не Сибирь...

— Надо было плащи с собой взять, — сказал Сережка. — Теперь промокнем к чертям все...

Димка промолчал. Ему стало вдруг страшно. Все волоски на его теле поднимались, он буквально физически чувствовал, как в странных жёлтых тучах скручиваются в спирали сиреневые молнии. Туже и туже. И, когда они развернутся в гремучие ломкие линии, — мало не покажется. Наверху явно готовилось что-то немыслимое. Не гроза и даже не буря, пожалуй, а нечто такое, чему даже нет названия...

Димка никогда не боялся гроз.

Но там, наверху, — там была НЕ гроза. Что-то такое, чего здесь не бывало, ещё, наверное, никогда...

В лесу орали и метались птицы. Так заполошно, что ребятам тоже стало не по себе.

— Слушайте, — сказал Борька. — Давайте в лагерь вернёмся и поставим палатку. Переждём. А то в лесу сухостоем прихлопнет — вот и вся наша геройская разведка.

Сергей грыз ноготь. Потом, выставив плечо, достал карту, развернул на руке.

— Нет, — решительно сказал он через полминуты. — Не успеем. Надо дальше идти. Да Алешек мы не успеем, конечно, но если я правильно определился, тут всего километр до старого лабаза. Он понадежней палатки, да и вообще, их в надежных местах всегда ставят...

Риск тут, понятно, был немалый, — карта уже раз их подвела, — но возвращение означало полный уже провал их героической миссии, и они заторопились по тропинке в сгущавшуюся жутковатую черноту. Димка нутром чувствовал, что делают они что-то не то, — надо было, сломя голову, бежать назад, в лагерь, где без них много чего могло случиться, — но, как всегда в таких вот случаях, он ничего не мог поделать...

Дождь хлынул мгновенно, едва они сделали первый шаг. И так же мгновенно промочил их навывлет. Песчаная тропинка вскипела белопенным ручьём, быстро дошедшим до щиколоток. Упругие струи пробивали кроны деревьев, — дождь был невероятно тёплым и пахнувшим какой-то травой, точнее Димка не мог определить. Вода лила так, что он почти испугался захлебнуться. По лицу струились потеки, слепили глаза.

Похоже, Сергей сам уже жалел о своём решении, но Димка был даже доволен приключением, — казалось, что он сейчас где-то в джунглях Африки или вообще в бразильской сельве...

— Ёлки-моталки! — прокричал Борька, цепляясь за его плечо. — Ёлочки зелёные, я такого за всю жизнь не помню-ю-у!!!

— Очень длинную жизнь, — усмехнулся Димка. — Это солидное заявление.

— Как в джунглях! — крикнул Юрка, и едва не сыграл через корягу в кусты. — Ухх! Сезон дождей!..

Тучи ползли уже так низко, что казалось, — дождь выливается прямо над верхушками деревьев. Несколько раз на тропку падали мертвые птицы, — ошалевшие и с маху разбившиеся об сучья. Их живые собратья не прекращали дикого тарарама. Воцарилась почти настоящая темнота, мешавшая идти. Но Сергей оказался на высоте — Димка ничего не видел, а он поднял руку:

— Во! Вот он, вот лабаз!

И только через два десятка шагов трое мальчишек тоже различили приподнятый на четырёх мощных столбах приземистый домик охотничьего лабаза. К черневшему прямоугольнику двери вела лесенка из грубых плах. Лабаз до такой степени напоминал всем известную избушку на курьих ножках, что Юрка просто не смог удержаться:

— Повернись к лесу задом, ко мне передом! — гаркнул он, подбрасывая рюкзак на спине. Рюкзак мокро чавкнул.

Честное слово — Димка почти ожидал, что лабаз со скрипом развернётся... Чушь, конечно...

Сережка взобрался по лестнице и потянул дверь. Она отворилась — без скрипа, которого все ожидали, и Димка вдруг подумал, что это вовсе не к добру...

* * *

Лучи двух фонариков-«жаб»^[2] едва рассеивали темноту внутри. Но потом Сергей отыскал лампу на столе, побулькала ею, и через минуту огонёк керосинки за мутным стеклом вытянулся, окреп и относительно рассеял сумрак.

Внутри не нашлось ничего, кроме маленького стола, широких нар и печки из

бензиновой бочки. Возле нее кубиком сложены сухие кирпичи торфа, рядом банка с керосином и растопка. Узкие окна-бойницы — задвинуты фанерками. На столе рядом с керосинкой стояли две гильзы. И всё. Но мальчишку не оставляло ощущение, что они только что забрались в мышеловку, которая вот-вот захлопнется...

— Шестнадцатый калибр, — сразу сказал Борька, сбрасывая рюкзак. — Вовремя дошли, разгулялось-то как...

Стоя посреди лабаза, ребята прислушались. По крыше мощно лупил дождь. Выл ветер, слегка вибрировали фанерные заслонки. И только теперь они начали ощущать, как вымокли. Вода, пропитавшая одежду, перестала казаться тёплой. У Димки сами собой застучали зубы, — и точно такой же стук понёсся ещё из трёх точек вокруг него...

Ребята, не стовариваясь, сунулись раскочегаривать печурку, толкаясь и рассыпая упакованные в полиэтилен спички. Растопкой оказались газеты — старые, пожелтевшие, даже ломкие от времени, но сухие. Правда, от них одних, без керосина, торф вряд ли загорелся бы. Димке вообще не очень нравилось, как горит торф — в смысле, запах не нравился. Но его в этих местах столько, что в одной деревушке — в Спасском — до сих пор своя электростанция (небольшая, правда) на торфе работает. А топят вообще часто. И у деда дома сохранилась печка, которую в войну топили как раз торфом, потом — дровами... Когда семь лет назад провели газ, бабуля запретила ломать — как она сказала, «на всяк случай, то оно...» Все посмеялись, но ломать и правда не стали...

Печка-бочка тем временем ухнула, подавилась звуком «пок...» — и активно загудела. Собранная из консервных банок труба начала стремительно раскаляться.

— Ну вот, — довольно сказал Сергей, — это дело, — и начал поспешно раздеваться.

Рюкзаки промокли только снаружи, внутрь воду не пустили полиэтиленовые вкладыши. Вот фигня, мелочь, а почему на заводе не сделали? — подумал Димка. — Ну, был бы рюкзак на полтинник подороже, зато не корячиться самим...

Они покрепче вытерлись полотенцами и развесили всё мокрое на растянутом под потолком крест-накрест шнуре, а сами завернулись на топчане в одеяла — и, наконец, расслабились. Даже Димку постепенно отпустило...

А снаружи творилось уже что-то невообразимое. Даже стены, казалось, подрагивали, а по полу гулял отчётливый сквозняк непонятно откуда. Гром грохотал почти непрерывно, сливаясь в сплошной гул, в щели заслонок то и дело пробивались полоски ослепительного сиреневого света.

— Ребята, — вдруг сказал Юрка, — смотрите, мы как будто в кабине бомбардировщика...

Он был прав. Темнота, гул, грохот, подрагиванье, а сиреневые лучи — это, конечно, шарят в небе фашистские прожектора... Если бы они не так сильно устали и были чуть помладше, то наверняка начали бы играть в бомбардировку Берлина. Дед Юрки служил во время Великой Отечественной в ДБА — дальней бомбардировочной авиации — и летал на Берлин в начале войны два раза, с острова Саарема. Он рассказывал им, как это всё было...

Но они устали и к тому же считали себя уже взрослыми, поэтому просто помолчали, конечно, представляя, как летят. Димка собирался предложить поесть, но язык почему-то уже плохо ворочался, а темнота становилась всё непроглядней и непроглядней, пока он не решил, что сейчас закроет глаза (раз они сами всё время закрываются) и чуть-чуть отдохнет — всё равно нос наружу не высунешь и вообще темно, как будто не полдень, а полночь...

Стоило ему закрыть глаза по-настоящему и перестать сопротивляться, как он тут же

крепко уснул...

Глава 2: Неведомое место

*Идти по следам героев им на дом не задавали,
В дневник за поход отметки учитель не ставит им.
Но звонкие ветры странствий в дорогу ребят позвали,
Знали ребята: надо мир открывать самим!*

Димка проснулся от чудовищной духоты. Не помнил, что снилось, но что-то точно связанное с баней и, ещё не совсем проснувшись, он подумал, что руки надо оторвать тому, кто так раскочегарил печку...

Первое, что он увидел, была как раз печка. Давным-давно прогоревшая и холодная даже на вид. Второе — пробивающийся в щели ровный зеленоватый свет.

Во сне он спихнул одеяло на пол, но всё равно был весь мокрый от пота. Борька с Юркой тоже дрыхли голышом, тяжело дыша. Сергея не было.

Димка сполз на пол. Голова была почему-то тяжёлая, во рту — мерзкий привкус кислого металла. Он даже подумал, что угорел. Но печка-то давно остыла... Пол оказался почему-то сырой, и их барахло просохло плоховато.

Открыв дверь, он прижмурился. Воздух был очень влажный и тёплый, даже жаркий (точно как в бане), светило через деревья солнце, стоявшее в зените... в зените? Так сколько же они спали-то, что, всего несколько минут?..

— Димка! — услышал он окрик и, повернувшись, увидел Сережку, быстро выходящего из-за угла лабаза. На нём были лишь одни трусы, лицо — ошарашенное. — Димка, иди скорее сюда, ну же!..

— погоди, оденусь, — мальчишка сунулся назад, но друг схватил его за руку (Димка охнул — не схватил, а вцепился, да ещё как!) и буквально сдёрнул в траву. — Ты чего?!

— Смотри... — почти прохрипел он, таща Димку за собой на прогалину сбоку от лабаза. Трава была мокрющей, мальчишка хотел было возмутиться как следует, но...

Но не успел. Вместо этого он заорал и шархнулся к стене, вляпавшись в мокрые брёвна затылком и лопатками.

Огромный — в пять раз больше Солнца! — расплывчатый золотисто-зелёный шар висел над деревьями в дымчатом зеленоватом небе. Только теперь Димка сообразил, что свет вокруг не кажется зелёным, пробиваясь сквозь листву, — он в самом деле отчётливо зеленоватый...

— Ч-ч-ч-ч-ч-ч-ч-ч... — Димка укротил прыгающие губы и выдавил: — Что это-о-о?!

— Солнце, — прохрипел Сергей. Димка сказал несколько слов, от которых в другое время его самого скрутило бы. Сергей то ли хихикнул, то ли всхлипнул, и идиотски помотал головой. Потом нетвёрдо добавил: — Это ещё не всё. Смотри, Дим... Вокруг внимательно смотри...

Мальчишка отлип от стенки и, сделав два шага, неуверенно поднял голову.

Лес вокруг был ДРУГОЙ. Настоящие джунгли — с какими-то яркими цветами, с лианами... За ними, отчётливо, хотя и далеко, вставали сиреневые шпильки невероятно острых гор.

Джунгли?! Здесь?! Но в следующую секунду Димка понял, что это так и есть, — он

видит джунгли и горы, которых на Земле просто НЕТ.

Он шагнул обратно и, прижавшись к стенке, закрыл глаза как можно плотнее — так, что в темноте заплясали огненные колёса. Наверное, всё это, — просто дурной сон, и надо немедленно, сию же секунду проснуться...

Со стороны лестницы донёсся хоровой вопль. Сергей идиотски захихикал:
— Проснулись...

* * *

Как ни странно, они быстро опомнились — всё же, все четверо были советскими пионерами, все четверо читали фантастику в достаточных количествах, так что ЧТО произошло, — они хотя бы в самых общих чертах понимали.

— Ребята, мы в другом мире, — сказал Сергей. — Не знаю, как мы сюда попали, но это — не Земля, даже не Земля в прошлом — солнце совершенно другое.

— Это всё гроза, наверное, виновата, — предположил Димка. — Наверное, она была такая сильная, что случился этот... как его... подпространственный перенос. И мы теперь на планете какой-то другой звезды или даже в другой галактике.

— Ну, про другую галактику ты, положим, загнул, — фыркнул Сергей. — В одной нашей — сто пятьдесят миллиардов звезд. Мало тебе, что ли?

— Ребята, а ведь это, наверное, циркониевая звезда, как в «Туманности Андромеды», помните? — сказал Борька. — Такая же зеленая.

— Точно! — воскликнул Димка. — Это очень редкие звезды. Если мы узнаем, как она называется...

— Это ничем нам не поможет, — вздохнул Сергей. — Звездолета-то у нас нету.

— Это что, выходит, — мы тут навсегда останемся? — опасно высоким голосом спросил Юрка.

— Нет, конечно. Ведь СЮДА мы попали, — значит, можно попасть и обратно.

— Угу, ещё тысячу лет такой же грозы ждать, — проворчал Димка, и сразу же пожалел о своих словах. Что, если и в самом деле — так? И они тут на самом деле навсегда останутся? Нет, так просто быть не может! Отец всегда говорил Димке, что выход есть из любой, даже самой сложной ситуации — главное, не паниковать и хорошенько подумать...

— С этим потом разберемся, — решил Сергей. — Сейчас для нас главное — этот мир разведать, чтобы не пропасть, почему зря.

— Может, тут динозавры настоящие бродят, — бодро предположил Юрка. — Схарчат на раз, и спасибо не скажут.

— Динозавров тут быть не может, — веско сказал Димка. Он увлекался палеонтологией, и теперь пришло время использовать свои знания. — Потому что они плод земной эволюции. Здесь все животные должны быть совершенно другими.

— Ага, — сказал Юрка. — Медузы какие-нибудь электрические, как на планете Железной звезды.

При этой фразе всем стало неудобно. В самом деле, выйдет из леса какое-нибудь инопланетное чудовище, — а у них даже ружья нет!

— У меня в рюкзаке топор есть, — сказал Сергей. — Что у кого ещё?

— У меня только нож складной, — с неохотой признался Димка. Ведь был же у него

дома отличный туристский топорик, — так нет же, договорился с Сережкой, что топор возьмет он. Впрочем, что толку теперь жалеть-то...

— У меня лопатка саперная, — признался Борька. — Отец говорит — жуткая вещь в рукопашной.

— Ого, — присвистнул Сергей. — Это зачем она тебе?

— Аглая взять заставила, — выдавил Борька, краснея. — Ямы под сортиры копать.

— Так, с этим всё понятно, — заключил Сергей. — Правильно твой отец говорит — саперная лопатка, это в бою жуткая вещь. Так что раскисать не надо, отбиться у нас есть чем. И спички у нас есть. И крупы по семь кило на брата. И масло есть, и сахар, и чай. Мы на наших запасах пару недель продержимся, а то и побольше, если экономить.

— А потом что будем жрать? — спросил Юрка. — Вдруг тут все растения ядовитые?

— Наверняка не все, — сказал Борька, знаток ботаники. — В земных джунглях ядовиты не все растения, а только немногие. И большинство плодов съедобны.

— Ага, и как ты узнаешь, — съедобны или нет? Будешь пробовать и ждать — помрешь или нет? — спросил Юрка.

— Ну, не знаю, — насупился Борька. — Надо здешних жителей найти — уж они-то знают, что тут есть можно, а что нет.

— А с чего ты взял, что тут есть жители? — спросил Юрка.

— Ну, должны быть, — предположил Борька. — В земных джунглях, даже самых диких, всегда племена какие-то живут.

— Ага, людоедов, — фыркнул Юрка. — Зажарят нас, и тут же съедят.

— Насчет людоедов — это ещё неизвестно, — вмешался Сергей. — У меня отец во Вьетнаме служил — ну, советником. Так он говорит, что никаких людоедов не видел. А там тоже джунглей и дикарей хватает. Так что враки это всё.

Кое-как разобравшись со своим положением, мальчишки вернулись к лабазу. Он выглядел так, словно стоял тут всегда, — но земля под ним была уже другая. Хотя опоры уходили в неё, словно так и надо. Что-то тут было не так...

Димка вдруг вспомнил явственное ощущение чужого пристального взгляда, — ещё там, дома, — и подумал, что сюда их забросил не природный феномен, а чья-то, явно недобрая воля. Мысль была настолько дикая, что мальчишка решил держать её при себе, — ещё подумают друзья, что он свихнулся. Ведь все высокоразвитые существа должны быть добры, так во всех книжках пишут. Ну, разве что какие-то буржуи недобитые, как в повестях Бориса Фрадкова...

Как ни странно, эта дикая мысль придала мальчишке сил. Со стихией ещё непонятно, как поспорить, а недобитых буржуев можно взять за хобот и заставить вернуть их назад. Сразу резко улучшилось настроение. Димка в первый раз подумал, что попал в настоящий ДРУГОЙ МИР, совсем как в своих мечтах. Правда, без скафандра и звездолета, но зато с друзьями, а это немало...

— Ребята, а ведь это саговник, — сказал Борька, показывая на растение, похожее на толстую, низкую пальму.

— Он съедобный? — спросил Юрка. Он сразу заметил конусовидный стручки с круглыми зелеными семенами.

— Не-а, ядовитый, — с видом знатока сказал Борька. — И на стволе какие-то анемоны растут. Тоже, наверное, ядовитые.

— Здорово, — с сарказмом ответил Юрка.

— Это точно, — сказал вдруг Сергей.

— Что здорово, — что ядовитые? — спросил Юрка.

— Нет. Просто если это, в самом деле, земной саговник, то семена его сюда с Земли попали. И значит, такие переходы тут часто случаются.

— Саговники на Земле триста миллионов лет живут, — вздохнул Борька. — Может, их семена сюда ещё в эпоху динозавров прилетели.

— Спасибо, порадовал, — сказал Димка. — Что нам тут делать-то? Как дикарям жить, до самой старости?

— Юни не распускать, — ответил Сергей. — Для начала надо на гору повыше залезть и осмотреться. Может, людей найдем. Тогда всё проще будет.

— А с чего ты взял, что тут люди живут? — спросил Борька. — Может быть, осьминоги какие-то, как в «Войне миров». Которые кровь из людей пили.

— Шляпа ты, — с чувством сказал Димка. — Тут и воздух, и гравитация совсем как у нас.

— И что?

— А ты «Туманность Андромеды» читал? Там же сказано, что в одинаковых условиях одинаковые существа развиваются. То есть люди.

Возражений не последовало, — авторитет профессора Ефремова у пионеров был непрерываем.

— А всё же, странно всё это, — сказал Сергей. — Пусть какой-то подпространственный переход, — но вы размер планеты по отношению к Галактике представляете? Нас должно было в межзвездное пространство выкинуть — и привет.

— А может, мы сюда как раз не случайно попали, — решил Димка.

Сергей с интересом взглянул на него.

— С чего это ты взял?

Мучаясь и краснея, Димка объяснил. К его удивлению, смеяться над ним никто не стал.

— Так, это уже интересно, — сказал Сергей. — Похоже, что наши планы меняются.

— Почему это? — спросил Борька.

— Потому, что инопланетяне эти могли и остальных наших прихватить. Так что сейчас, ребята, мы пойдем назад, искать их.

Димка вздохнул. Идти в этот дикий лес ему ну совершенно не хотелось — да он и понимал, что надежда найти тут своих бредовая. Ну а вдруг?.. Тогда предательство получится — там же девчонки, Машка... Мальчишка понимал, что если с ней хоть что-то случится, он себе никогда этого не простит.

* * *

В джунглях было темно и сыро. В джунглях было страшно. В джунглях было тяжело дышать. Димка даже в одних кедах и тренировочных штанах взмок, словно мышь. Прошлым летом у них была трудовая практика, и он работал в теплице — ощущения очень похожие. Хорошо хоть, что у Сережки нашелся компас, и что он работал так же, как и на Земле, — если предположить, что лабаз при переносе не развернуло и солнце тут восходит с той же стороны. Никакой уверенности в этом не было, — но если ни во что не верить, то как тогда жить? Так что Димка верил, что всё будет хорошо...

Но всё равно, было страшновато. Каждый шаг давал понять, что это — не Земля. Среди сырого растительного мусора ползали какие-то гады, похожие на земных ухверток — только длиной сантиметров в двадцать. От одного их вида мальчишку пробивала дрожь. Хорошо хоть, что никакой агрессивности эти твари не проявляли, напротив, панически улепетывали из-под ног...

Под кронами высоченных деревьев летали пёстрые, как бабочки, птицы, тоже явно не земные — с четырьмя крыльями. Над землей сновали громадные, в ладонь размером, осы. А может, и не осы — вид у них был такой странный, что Димка не видел ничего подобного даже в самых подробных атласах по энтомологии. С осами их роднила только черно-желтая яркая раскраска, и Димка не сомневался, что эти твари ядовитые — цапнет, так весь вдвое распухнешь. Однажды они вспугнули что-то, похожее на оленя — он был зеленый, с черными полосами, словно какая-то странная зебра...

В кронах деревьев скакали с ветки на ветку какие-то довольно крупные животные, перекликаясь странными, высокими голосами. Один раз на мальчишек налетело что-то, похожее на небольшого птеродактиля — Борька пришиб его кстати срубленной палкой, и мальчишки потом довольно долго рассматривали страшноватую тварь с четырьмя глазами и полной пастью похожих на крючки зубов. Размах кожистых крыльев был метра полтора.

Не менее странными оказались и здешние растения. Под кронами деревьев росли громадные, сине-зеленые папоротники, а сами эти деревья имели надземные корни-опоры и большие треугольные листья с колючими черешками. Иногда попадалось что-то совсем несуразное, вроде единственного, похожего на тарелку листа, растущего из земли на толстом стебле или увенчанных пучками громадных листьев каких-то... пальм? с толстыми, похожими на бутылки стволами. На земле часто попадались упавшие сверху плоды, похожие на земные бананы — почти все уже сгнившие, и Димка не стал их подбирать. На стволах деревьев кое-где росли странные... скорее, цветы, похожие на кошачьи уши — они отчетливо шевелились, поворачиваясь вслед за мальчишками, и смотреть на это было жутковато, — казалось, сам этот лес следит за ними...

Димка знал и любил лес — родную сибирскую тайгу. Но здесь лес был чужой. Нет, не так. ЧУЖОЙ. Чужеродный. Враждебный. Раньше мальчишка мечтал попасть в джунгли. Теперь он мечтал как можно быстрее выбраться отсюда, — да только кто ж его будет здесь слушать? Старика Хоттабыча, готового выполнить любое желание советского пионера, поблизости не наблюдалось, а молиться богу было просто смешно — в него Димка, как и полагалось пионеру, не верил вот ни чуточки.

— Нет, ну, сколько можно-то, — проворчал Юрка, поправляя на плечах рюкзак. — Ясно же, что нету там никого.

— Не гони волну, — ответил Сережка. — Мы ещё и трех километров не протопали, а дома прошли больше...

— Ты что, думаешь, что лагерь на том же месте остался? — спросил Юрка.

— Дойдем — узнаем, — отрезал Сергей. — Ясно?

— Да нету там ничего! — уже зло сказал Юрка. — Давайте к лабазу вернемся. Всё же укрытие какое-то.

— Тише! — шикнул Димка. — Слышите?

— Что? — Сергей замер — и почти сразу же до них донесся звук, знакомый им мало, что не до коллик — трель аглаинового свистка.

— Офигеть, — выдохнул Юрка. — Быть этого не может...

— Выходит, может, — ответил Сергей. — Ну-ка, в ту сторону, быстро!

Повернув почти под прямым углом, мальчишки двинулись на звук — благо, трели свистка повторялись едва ли не каждую минуту. С каждым разом они становились громче — и, как-то вдруг, Димка увидел Максима и Антона. Оба — тоже голые по пояс, без рюкзаков. Максим держал в руках затесанную на конце жердь длиной метра в два, и смотрелся донельзя воинственно.

На несколько секунд мальчишки замерли, ошалело глядя друг на друга, не в силах поверить, что встретились. Максим опомнился первым.

— Черт! Где вы были? — почти выкрикнул он.

— В лабазе, — ответил Сережка. — Наши все в порядке?

— Все живы, — ответил Максим. — Только Сашку и Андрюху волки порвали.

— К-какие волки? — выдохнул Юрка. Глаза у него стали совершенно квадратные. — Откуда здесь волки?

— Ну, может, и не волки, — Максим пожал плечами. — Вроде собак такие твари, черные... Из леса налетели — и сразу... Хорошо, что костер горел — мы их головнями разогнали, больше они не полезут... наверное.

— Сильно порвали? — спросил Димка. На душе у него стало кисло. Аптечка у них понятно, была, — но случись что серьезное... «Скорую» сюда ведь не вызовешь, да и больниц тут тоже нет...

— Не, не очень — только кожу попортили. Хотя кровящи было море, наши девчонки чуть не свихнулись сначала... Потом-то Танька его перевязала, сейчас он в лагере как китайский богдыхан лежит.

— А Сашка?

— Ему только руку прокусили. Правую, правда. Ничего страшного, вроде, но всё равно...

Димка вздохнул. Лишь сейчас до него начало доходить, что дело действительно очень серьёзное. Мечтать о походах в дальние страны, конечно же, здорово, — но в мечтах-то у него всегда было ружье или винтовка, из которой можно уложить даже самого крупного зверя — хоть тигра, хоть слона. А сейчас у него нет ничего, кроме складного ножа, которым даже от волка не отмахнешься. Правда, можно копье, как у Максима, сделать. Или каменный топор...

При этой мысли Димка усмехнулся. Представить себя, советского пионера, с каменным топором, он не мог, — да и как сделать этот самый топор, он представлял себе довольно плохо. Андрей Семенович, учитель истории, рассказал им, как какой-то доктор наук решил сделать каменный топор, тем же способом, что и далекие предки, — но только вывихнул себе запястье и разбил очки. Любое дело надо делать уменючи, — да и опускаться до такой дикости не хотелось...

В лагерь мальчишки возвращались молча и быстро, внимательно глядя по сторонам. Шагая рядом с товарищами, Димка как-то по-новому ощутил их дружбу. Дома всё было не так. Дома были родители, была пионерская дружина, была школа, государство, наконец. Там о них заботились. Здесь о них заботиться некому. Всё зависит лишь от них самих. Ощущение было новым и почти пугающим. Но именно «почти» — рядом с друзьями оказалось не страшно...

Теперь их было уже шестеро, — может, поэтому никакие здешние твари к ним не привязались. Димка считал секунды, думая о Машке, — хотя и немного стеснялся этого, ведь

и другие девчонки, даже Аглая, — девчонки, а значит, он тоже должен их защищать...

* * *

Как и всё, чего долго ждешь, лагерь открылся неожиданно. Димка увидел обширную, заросшую роскошной травой поляну, протянувшуюся вдоль бегущей в каменистых берегах речки. Возле неё стояли две палатки, между них горел костер, — а за ним, под самодельным навесом, на свернутых одеялах, возлежал Андрюха Гаюнов, весь перевязанный вдоль и поперек, словно раненый боец Красной Армии — бинтов Танька не пожалела. Сама Танька и Аглая вполне бессмысленно суетились вокруг. Сашка, с забинтованной до локтя рукой и страдающим лицом, слонялся вокруг, тщетно стараясь привлечь их внимание.

От этой картины у Димки отлегло от сердца — будь Андрюхе на самом деле плохо, у него не хватило бы сил играть Раненого Героя. Машка хлопотала у висевшего над костром котелка, а Ирка — офигеть! — возилась со своим гербарием.

Да уж, насмешливо подумал Димка, Ирке здесь будет счастье — дофига растений, и все науке неизвестные. Это тебе не по скалам сибирским лазить, в попытке найти ещё неописанный никем вид лишайника, — был у Ирки такой пунктик. Она мечтала обогатить науку, а заодно и оставить в ней свое имя — ведь каждый новый вид называют именем первооткрывателя...

Эдик с мрачным видом стоял возле левой палатки, опираясь на выломанную из здорового сука дубину. Полуголый, растрепанный, он сейчас удивительно походил на троглодита — или на двоечника из школьной стенгазеты, и явно сам это понимал...

Потом Ирка подняла глаза, — и спокойствие рухнуло.

— Мальчики!

Дальнейшего Димка никак не ожидал. Машка бросилась ему на грудь, едва не сбив с ног. Ошалевший мальчишка еле-еле выбрался из её объятий, смущенный и растерянный, но Машка тут же схватила его за руки, неотрывно глядя в глаза.

— Димка! Живой!

— Ну, живой, и что? — проворчал мальчишка. — Что со мной могло случиться?

— Ой, да что угодно! — Машка отпустила его руки и тоже смутилась. — Тут такая жуть была!..

— Постой, а что с вами было? — спросил Димка. — Как вы сюда попали-то?

— Димк, я не знаю, — Машка одернула кофту и отвернулась. — Едва палатки поставили, как гроза началась — ну, мы и залезли внутрь. Потом заснули. А потом... Я чуть с ума не сошла, Димк! Всё вокруг чужое и вы непонятно куда делись. А потом твари эти из лесу налетели. Было страшно! Хорошо хоть, мальчишки их прогнали. И то — Сашку и Андрея порвали, Танька на них все бинты извела...

Машка замолчала, потом повернулась к мальчишке.

— Димк, что с нами теперь будет?

— Нормально всё будет, — веско сказал Димка, с уверенностью, которой вовсе не испытывал. Уши у него покраснели — это была почти что ложь, а лгал он едва ли не в первый раз в жизни. Но сказать девчонке что-то иное он просто не мог. — Мы домой вернемся, обязательно.

Машка с сомнением посмотрела на него.

— Правда, Димк?

— Правда, правда, — проворчал мальчишка. — Люди и не из таких ситуаций выпутывались. Девятаев, вон, из фашистского концлагеря на бомбардировщике вырвался. А мы-то не в лагере и фашистов тут нет — одно зверье неразумное. Так что нормально всё будет.

— Ой, я про кашу забыла, — вдруг пискнула Машка. — Подгорит же! — она бросилась к котелку. Димка проводил её взглядом и вздохнул. И как прикажете это понимать? То чуть в объятиях не задушила, — а через минуту бросила его ради какой-то каши. Ну, как поймешь их, девчонок?..

* * *

— Итак, что делать будем, товарищи пионеры? — спросила Аглая, когда вызванная встречей волна эмоций несколько схлынула. Отобранный у Максима свисток вновь гордо висел у неё на груди, поверх галстука.

— Ясно, что из этого леса нам надо уматывать, и побыстрее, — сказал Сергей. — Тут, кроме зверья, ещё и всякие гады ядовитые наверняка есть, а мы ничего о них не знаем. Да и насекомые эти — жуть просто. И ящерицы эти зубастые...

— И куда же нам идти? — требовательно спросила Аглая, привычно упирая руки в бока. — Может, тут на всю планету один этот лес!

— На всю планету такого леса быть не может, — вдруг сказал молчавший до сих пор Сашка. — Видите, как солнце высоко стоит? Мы где-то в тропическом поясе. А значит, тут и умеренные широты есть.

— Ага, ты представляешь, сколько до них километров? — спросил Борька. — Да нам год туда идти придется! Это если по пути море какое-то не попадется или горы до небес.

— Давайте пойдем вдоль речки, вниз по течению, — предложил Сергей.

— Это почему? — спросила Аглая.

— Все реки куда-нибудь впадают, — начал Сергей. — Это раз. Мы обязательно выйдем к какой-нибудь большой реке, или к озеру, или даже к морю. Там и климат будет получше, и люди, если они тут есть, всегда живут возле воды, а не в такой вот чащобе. Это два. И, если мы будем идти вдоль реки, то не заблудимся. Это три.

Аглая нахмурила брови и прикусила губу. Димка видел, что ей до чертиков хочется предложить что-нибудь своё, — но предложение Сережки звучало безукоризненно логично, а душой Аглая вовсе не была, и умела уступать, когда доходило до дела...

* * *

А ведь здорово, когда есть дело, подумал Димка, аккуратно свертывая палатку. Здорово, когда есть цель, хоть какая-то. Сразу всё становится простым и понятным. К морю — так к морю. Есть ли там люди — ещё неизвестно, но когда человек чем-то занят, у него нет времени размышлять о всяких глупостях и травить себе душу. О том, что будет с папой и с мамой, когда их группа не вернется в намеченный срок, Димка себе думать запретил — всё равно ведь, ничего не исправит, а такие мысли... в общем, чем меньше их в голове, тем

лучше.

Пользуясь случаем, Аглая учинила тщательную инвентаризацию — заставила всех вытряхнуть рюкзаки и записала в свой журнал список имущества — за исключением, понятно, личных вещей. Имущества набралось совсем немало: три четырехместных палатки, четыре электрических фонарика — две «жабы» и два на батарейках — двадцать восемь свечей, аптечка, бинокль и даже фотоаппарат у Антона. У тихони Сашки нашелся страшный финский нож, — его мальчишке в поход дал дед, прошедший полвойны разведчиком. Сашка клялся и божился, что этим самым ножом дед уложил в войну трех фашистов, так что Димка смотрел на нож с уважением — не то, чтобы он верил в то, что им тут придется кого-то резать, просто вещь с Той Войны внушала ему уверенность, что всё будет хорошо. В самом деле, вот тогда было страшно, — считай, что силы всей Европы двинулись на Советский Союз! И небо было черно от фашистских самолетов, а земля — от жутких танков с крестами. А у них что? Ну, попали в какой-то дурацкий лес на какой-то планете — это же не в тыл к фашистам! Вот тогда, Димка это чувствовал, им могло прийти бы кисло. А так... как-то неловко даже переживать за себя, когда героев Той Войны вспоминаешь. Вот у них подвиги были! А тут...

Правда, они тоже оказались не лыком шиты — вон, Андрюха не побоялся схватиться врукопашную с какой-то здешней тварью, то ли волком, то ли нет, но страшной — с голыми руками, между прочим!.. И вполне мог бы погибнуть, не огрей Эдик тварь по загривку так кстати выломанной дубиной. А Сашка руки не пожалел, в самую пасть сунул, когда та тварь на Ирку бросилась... Мог бы тоже умереть ведь от заражения крови, хорошо хоть, у Таньки в аптечке нашлись антибиотики... Максим с Антоном не побоялись в лес вдвоем пойти — их, кстати, разыскивая... А они что?.. Перепугались поначалу до поросычьего визга, даже вспоминать стыдно...

— Ой, смотрите! — вдруг вскрикнула Ирка, указывая вверх, и Димка вскинул голову.

Высоко-высоко над ними, горделиво раскинув широкие крылья, парило какое-то огромное существо — по настоящему огромное, Димка вполне мог оценить расстояние по тому, как смазала его силуэт зеленоватая воздушная дымка. Существо сверкало на солнце, словно всё было отлито из драгоценного хрусталя, но Димка видел его длинное тело и голову, увенчанную рогами. Невероятно, но это был самый настоящий...

— Кто это? — спросила Машка, и Димка повернулся к ней.

— Это дракон. Хрустальный дракон...

*Полыхает закат над рекой,
Облака, словно яркие флаги...
Мы лесной потревожим покой
И над речкой раскинем свой лагерь.*

*Костры пионерские ярко горят
Над сонной рекой до рассвета.
А солнце взойдет,
И уйдет наш отряд
По маршрутам туристского лета.*

Димка бесшумно спустился к воде и замер на большом скальном выступе, неторопливо осматриваясь. Ноги ныли, — идти по этому лесу оказалось ох как не просто, кеды глубоко проваливались в рыхлый растительный прах, — словно идешь по глубокому снегу. Хорошо хоть, трикотажные треники надежно защищали икры — страшно представить, что было бы, иди он по этой кишасей многоногой мерзостью подушке босиком. Даже и так, при каждом шаге приходилось задирать ноги, словно цапле. Это сильно тормозило весь отряд, к тому же, от непривычной нагрузки начал болеть зад — до этого Димка как-то не задумывался, что поднимающие ногу мышцы находятся именно там. Впрочем, устал не он один, устали все...

Идти прямо вдоль реки не получалось — вдоль её русла тянулись или непролазные заросли, или самые настоящие болота. Пovyше из-под земли выпирали осклизлые сизые скалы, их приходилось обходить. Всё это тянулось, казалось, совершенно бесконечно. Лишь изредка ребята видели клочки чистого неба, — но солнце словно бы застыло в нем. По Димкиным часам сейчас было уже одиннадцать часов вечера, — они шли до заката почти девять часов, но прошли, если верить шагомеру Сашки, не больше двадцати километров. Это вовсе не настраивало на оптимистический лад.

Димка прикинул, что при таком темпе «запас хода» их отряда составит двести, максимум, триста километров. Если по дороге они не установят контакт с местными — на что надежды, увы, мало, все эти джунгли выглядели так, словно в них никогда не ступала нога человека, — придется рисковать и пробовать здешние плоды. Можно бы наловить рыбы, — у запасливого Борьки нашлась леска с крючком и грузилом, — но в мелкой речке рыбы, увы, не было, да и тут, в озере, похоже, тоже...

За спиной по мокрому камню тихо прощуршали босые ноги. Сергей замер рядом с Димкой и глубоко вздохнул, осматриваясь. Именно он нашел для их ночевки это место — словно вырезанную в скалистом склоне чашу с небольшим, но глубоким и чистым озером на дне. Никаких гадов в нем не оказалось, так что лагерь решили разбить именно здесь. Пройти сюда можно было лишь по узкой тропе между почти отвесным скальным склоном и обрывом, — сейчас прямо на ней развели костер, а нависающие над озером скалы были явно слишком круты, чтобы какой-нибудь зверь смог по ним спуститься. По крайней мере, — известный земной науке. О здешней фауне они ещё ничего почти не знали, — да и не искали пока слишком близкого знакомства...

Возле речки им однажды встретилось небольшое стадо каких-то зверюг, похожих на громадных полосатых быков — Борька начал было говорить про охоту, но сам и заткнулся, признавшись, что без ружья двенадцатого калибра или, лучше, специального слобойного шпугера таких «быков» не одолеть. Да и что потом делать с такой тушей, он представлял себе весьма слабо — ничего, крупнее уток, он пока что не разделявал. В будущем году отец обещал взять его на охоту на кабана — но через год, это не сейчас...

— Интересный мир, — усмехнулся Сережка, садясь прямо на холодный, влажный камень. Как и сам Димка, он был сейчас в одних трусах, — за день похода по джунглям одежда мальчишек пришла в совершенно непотребный вид, была изъята девочками для стирки и сейчас сушилась. Да и просто удобнее в трусах в такой жаре, благо, что никакой кусачей гнуса, к крайнему удивлению Димки, в здешних лесах не водилось. — Мы сюда попали почти в полдень, так? — спросил Сергей. Димка кивнул. — А до заката прошло часов девять. Выходит, что день тут длится восемнадцать часов. А если учесть, что мы в здешних тропиках, где день примерно равен ночи, то сутки тут часов тридцать шесть. Сашка говорит — это потому, что здешняя планета ближе к солнцу, и потому приливы затормозили её сильнее...

Про приливы Димка не стал переспрашивать, — он это уже знал. Им еще в третьем классе объяснили, что приливы от Луны и Солнца постепенно — хотя и очень медленно — тормозят вращение Земли. Давным-давно, когда Земля ещё только сформировалась, ее сутки составляли всего пять-шесть часов. А теперь...

— Интересно, есть ли тут луна? — спросил Димка.

Сергей пожал плечами.

— А пес её знает — не видно ничего за облаками...

Димка кивнул. В самом деле, к вечеру небо затянули низкие, тяжелые тучи, — они и сейчас висели над головой, словно крыша, лишь на юго-западе ещё оставался просвет чистого неба. Оттуда на лохматую изнанку туч падал странноватый коричневый свет. С другой стороны, за скалами, сгущался непроглядный мрак, и там уже явственно погромыхивало. Похоже, что ночью им не миновать дождя...

При мысли о грозе в сердце Димки шевельнулась глупая надежда, что ночью всё исправится, что они проснутся дома, в родном мире. Но умом он понимал, что надежда эта тщетна — гроза шла самая обычная, и...

Димка вдруг с искренним удивлением понял, что ему НЕ ХОЧЕТСЯ возвращаться — не совсем не хочется, конечно, а не хочется прямо сейчас, так ничего и не узнав об этом странном мире. Постепенно сгущавшаяся темнота и обдувающий тело одуряюще пахнувший здешними ночными цветами сырой теплый ветер будоражили, требовали от мальчишки совершить нечто разгульное и дикое. Димка не поддавался этим порывам — вот ещё! — но само ощущение ему нравилось. И ещё...

Он покачал в руке тяжелое самодельное копьё — обрубленный с двух сторон ствол молодого дерева с обожженным на конце острием, — эту странную на вид идею предложил, как ни странно, Максим, сказав, что именно так у них в деревне заостряют колья для плетня. Идея показалась дурацкой, но несложный опыт подтвердил правоту мальчишки: когда с превратившегося в головешку конца палки счистили золу, под ней обнаружилось твердое, словно на токарном станке выточенное острие.

Копья, вообще-то, предложил сделать Сергей — ещё утром, перед выходом, благо, подходящих деревьев вокруг лагеря хватало. Рацпредложение Максима намного упростило

дело — к тому же, оказалось, что обожженное на костре острие крепче и острее обтесанного топором. Так что копыя сделали для всех мальчишек, и теперь Димка чувствовал себя увереннее — против крупного зверя такая палка не поможет, но вот от здешнего аналога волков она помочь вполне могла — пусть не убить, но удержать обнаглевшую зверюгу на безопасном расстоянии от тела.

Ирка предложила было сделать лук — она занималась стрельбой из лука в спортивной секции — но Сергей, Сашка и Антон подняли её на смех. Нет, конечно, сделать лук нетрудно — кто из мальчишек этого не делал? Но — игрушечный, которым и курицы приличной не убьешь. А тут был нужен лук настоящий, боевой. Сашка рассказал, что изготовление такого лука — дело хитрое, тут не обойтись одной голой деревяшкой, нужны разные породы дерева, и накладки из рога, и сухожилия, и рыбный клей — многодневная работа, даже если бы получилось достать все нужные ингредиенты. Обо всем этом он узнал из рассказов отца, известного специалиста по материальной культуре народов Севера.

Это не означало, конечно, что ребята отказались от идеи наделать луков совсем — поражающее на расстоянии оружие раз и навсегда решило бы проблему зверья, — но этот замечательный план поневоле приходилось отложить до времен, когда их жизнь тут более-менее устроится, и они найдут место, где смогут поселиться — похоже, что без этого никак не обойтись. Сергей предложил создать крепкую постоянную базу, где можно в безопасности разместить девчонок, — а уж с неё устраивать разведывательные вылазки.

Против этого плана никто всерьез не возражал, даже Аглая. Здесь она несколько притихла — должно быть, поняла, что в этом мире её пионерские заслуги и влияние в совете дружины стоят гораздо меньше, чем обычная сила и ловкость мальчишек...

Димка невольно усмехнулся, вспомнив её речь перед выходом из лагеря, — когда всё уже собрали и уложили и оставалось только пуститься в путь, Аглая заявила, что все они находятся, по сути, за границей, и потому главное для них — не уронить чести советского пионера, не поддаваться на провокации (хотя никаких провокаторов вокруг не наблюдалось) и вообще, стать достойными представителями великой Советской страны...

Впрочем, лишь тогда это показалось Димке смешным. Сейчас же, подумав, он понял, что Аглая во многом права. Не в плане провокаторов, конечно, — ну не полезут же здесь из кустов коварные буржуины со жвачкой и кока-колой! — но сейчас они и в самом деле полномочные представители родной страны. И именно по ним местные жители, — если они тут найдутся, — будут судить обо всем Советском Союзе. А Димка знал, что первое впечатление — самое прочное, и перебить его ох как непросто. Так что от них и в самом деле многое зависело. Пусть потом в этот мир придут взрослые — судить-то их будут по тому, как поведут себя здесь они, пионеры. А подводить своих, советских людей никому из ребят не хотелось. Даже если сюда никогда больше не ступит нога землянина (хотя Димка отнюдь в это не верил) — будет очень обидно, если память о них останется лишь как о трусливых нюнях и нытиках...

После Аглаи выступила Ирка. Она заявила, что всё, что они тут видят, представляет собой невероятную ценность для советской науки (ну, кто бы сомневался!) и потому они просто обязаны собрать как можно больше образцов и тщательно всё зафиксировать. Правда, насчет «зафиксировать» в отряде было плохо — юных геологов или там гидрографов среди членов турклуба не числилось, да и с энтомологами тоже было плоховато. Нет, Димка кое-что в этом понимал, — но у него не было с собой ни сачка, ни морилки с эфиром, ни, тем более, альбомов для коллекций — в сибирской тайге насекомые сильны не разнообразием, а

количеством, а собирать коллекцию из одних комаров или там слепней — увольте, благодарю покорно... Вот у тети Тони, в воронежских степях — совсем другое дело...

У Антона, правда, был фотоаппарат — даже с тремя запасными пленками по тридцать шесть кадров, — но никаких средств для их проявки не имелось. Так что единственным средством что-то «зафиксировать» было его описать или там зарисовать — благо, что у той же Ирки имелся большой альбом для зарисовок, с набором акварели и цветных карандашей, да и сама Аглая рисовала совсем даже неплохо, — набила руку на стенгазетах. У Димки с этим, правда, было фиговато, — рисовал он так себе, хотя тетрадку с карандашом прихватил, но вовсе не для записи впечатлений, а для посвященных Машке стихов. У него уже набралось несколько таких тетрадок, но показывать их он не стал бы никому, даже под страхом расстрела...

Сейчас ему было совсем не до стихов, но Димка не знал, что записывать — в голове царил сумбур, никаких связных фраз, достойных внимания потомков, в ней пока что не просматривалось. Может быть, потом, когда всё как-то успокоится...

Он снова покачал в руке копье. Весь этот день он не расставался с этой тяжелой и совсем неудобной жердью, — но с ней ему было спокойнее. За день он так привык к ней, что даже здесь, во вполне безопасном месте, не расставался. Это было совсем новое, незнакомое чувство, — чувство данной оружием уверенности. А вторым незнакомым чувством было чувство Мужчины, Защитника — очень, надо сказать... ну, не приятное, ПРАВИЛЬНОЕ скорее.

Конечно, Димка и собирался стать защитником, — он твердо знал, что пойдет в армию, что пойдет и на фронт, если будет надо, — но это же потом, когда он станет совсем взрослым! Пока что дальше пионерской «Зарницы» с деревянными автоматами дело не заходило, — даже НВП начиналась лишь в девятом классе, — да и в армии он будет защищать не кого-то конкретно, а всю свою страну. А тут он защищал тех, кого знал, можно сказать, всю свою сознательную жизнь. Это не то же, конечно, что защищать Родину, — но всё равно здорово. Эдик, правда, развыступался насчет того, что раз они, мальчишки, защищают девчонок, те должны тащить за них их груз. Логика в его заявлении была, — с тяжеленным рюкзаком за плечами не слишком-то повоюешь, — но девчонки напустились на него с такой силой, что на Эдика жалко стало смотреть. Аглая даже заявила что-то насчет феодализма — мол, он и вырос из того, что такие вот люди только и умели, что махать мечами, да заставляя работать на себя других. Эдик обиделся, а Димка подумал, что не так уж он и не прав. Заставлять работать на себя других — это, конечно же, подлость, да и уметь только драться — тоже не слишком-то хорошо. Но и равнять всех под одну гребенку — это тоже не дело...

Мальчишка ещё раз вздохнул и осмотрелся. Собственно, лагерь они разбили уже давным-давно, но спать никто пока не собирался, несмотря на усталость, — слишком много накопилось впечатлений. Да и нельзя тут спать всем — придется выставлять часовых, и не по одному, а по двое, и только мальчишек, что бы ни говорили там эти противные девчонки... Нет, понятно, что своим визгом они смогут поднять и мертвого — а дальше-то что? Одним визгом, без твердой мужской руки, с какой-нибудь здешней зверюгой не справиться...

Сейчас Эдик и Максим сидели возле запирающего тропу костра, рядом с изрядной кучей натасканных из окрестного леса дров — их должно хватить на всю длинную здешнюю ночь. На берегу озера кучно стояли палатки, перед ними горел второй костер. Возле него

вновь возлежал Андрей — хорошо хоть, он мог идти сам, тащить его по этим лесам было бы тяжело. Аглая сидела рядом, и что-то бодро строчила в путевой журнал — интересно, насколько ей его хватит, при таком-то энтузиазме, с усмешкой подумал мальчишка. Ирка возилась с гербарием — даже на ходу она то и дело ухитрялась что-то сорвать и теперь сортировала добычу. Вон, и у неё половина гербарных листов уже заполнена, подумал Димка. Что она дальше-то делать будет?..

Танька перевязывала руку Сашки, — то ли помогли антибиотики, то ли здешним микробам оказался не по зубам крепкий организм землянина, но его рана не воспалилась. Борька Стеклов сидел на берегу озерца с самодельной удочкой — он не оставлял надежды что-нибудь там поймать. Юрка, сопя от усердия, починял порвавшиеся штаны, — помощи от девчонок в таком деле не дождешься, понятно же. Машка деловито сортировала и перекладывала продукты, — Аглая поручила ей провести инвентаризацию их продовольственных запасов, чем она с энтузиазмом и занималась. Одним словом, все, более-менее, были при деле.

Моё племя, вдруг подумал Димка, и сам удивился этой мысли. Какое племя? Вон стоят палатки, в свете костра ярко пламенеет Аглаин красный галстук... Но, с другой стороны, полуголые мальчишки с самодельными копьями, незнакомые кроны деревьев, дикие скалы вокруг...

В свое время Димка немало играл в индейцев, так что никак не мог сказать, что эта картина ему не нравилась. С другой стороны...

Мальчишка вдруг подумал, что сейчас для них главное — остаться собой, советскими пионерами, не превратиться в настоящих дикарей. И не потому, что это кому-то нужно там, на родине, нет, хотя и это тоже — это нужно им самим. Потому что если они перестанут быть пионерами, — то кем они станут?..

Краем глаза Димка заметил какое-то движение среди сложенных возле палаток рюкзаков. Один из них ощутимо шевельнулся, а потом неуклюже пополз в сторону обрыва, — его кто-то утаскивал!..

Богатое воображение мальчишки мгновенно нарисовало ему злобного голодного шакала, покусившегося на их пионерские запасы, и он побежал в ту сторону. И вдруг замер, словно наткнувшись на стенку.

За рюкзаком шевелилось что-то длинное, белое, похожее на змею... да черт, вообще ни на что не похожее!..

Вдруг мальчишке показалось, что за рюкзаком, — кстати, это ведь Машкин рюкзак! — явилась целая компания странных существ.

Возле клапана рюкзака, словно пытаясь влезть в него, копошилась какая-то черная бесформенная масса — самое страшное было то, что Димка никак не мог понять, ЧТО ЭТО. На миг ему померещился здоровенный паук, — но у этой твари не было ни головы, ни ног, ни глаз — вообще ничего, просто космы черного меха. За ней шевелилось что-то большое и белое, а за ним — ещё две таких же твари поменьше.

Димка замер, чувствуя, как отнимаются ноги. Захотелось заорать во весь голос, — но из горла вырвался лишь какой-то придушенный писк. В глазах потемнело, мальчишка даже испугался, что сейчас свалится в обморок от страха.

Одна из меньших тварей шевельнулась, зарываясь в землю короткими щупальцами, растущими на конце длинной головы... и мальчишка вдруг понял, что это... нога. Голая, босая и с грязной подошвой. А вторая «тварь» — это, попросту, чья-то голая же спина. Это

был человек!..

Оцепенение отхлынуло так же мгновенно, как и пришло, и Димка изо всех сил заорал «Стой!»

Незадачливый вор резко вскинулся на выпрямленных руках, — и Димка увидел светлое мальчишеское лицо, обрамленное лохматой гривой черных волос. Страх мгновенно перешел в ярость, — и Димка бросился на похитителя. Тот попытался было вскочить, но не успел, — мальчишка сбил его с ног, и они покатались по земле. Противник был немного старше его — на год, не больше, — но невероятно силен и гибок. Он вывернулся из захвата Димки — и, коротко размахнувшись, ударил его между глаз.

Димка взвыл, ослепленный неожиданной болью, но всё же успел поймать похитителя за руку. Тот снова попытался вырваться, — но мальчишка вцепился в него, словно клещ, и повалил на землю. Они снова покатались по траве, яростно сопя. Похититель лупил его кулаками, лягался и изо всех сил старался вырваться — и вырвался бы, наверное, но тут подоспели остальные мальчишки и навалились на него кучей.

— Ребята! Держи его! А-ай! Кусается, гад!..

— За ногу хватай!..

— Руку, руку заворачивай!..

— Уй, сильный какой! Не удержать, веревку, веревку тащите!..

Незнакомец сражался, словно лев, но против пяти крепких мальчишек у него не оставалось шансов. Всего через минуту он лежал на земле, крепко связанный по рукам и ногам, — а растрепанные и запыхавшиеся победители молча смотрели на него. Эдик тыльной стороной ладони утер текущую из разбитой губы кровь, глядя на пленника с нехорошим интересом.

— Давайте посмотрим, кто это, — предложил Сергей. Он вытащил из кармана фонарик и включил его, направив луч на лицо незнакомца. Тот заорал совершенно нечеловеческим голосом — так кричат только от дикого ужаса — слабо дернулся и вдруг замер.

— Умер... — пискнула подоспевшая Машка. — От испуга...

— Чувств лишился, — определил Сергей. — Танька, тащи нашатырь!

Подбежавшая девчонка сунула под нос пленнику флакончик. Тот снова дернулся и заорал не своим голосом, а потом крепко зажмурился, словно ожидая, что его вот-вот сожрут живьем.

Сергей вновь включил фонарик, и ребята замерли, рассматривая пленника. Это был мальчишка лет, примерно, пятнадцати, одетый лишь в короткую набедренную повязку из куска какой-то пёстрой шкуры, длинноволосый, в каких-то бусах из пёстрых камешков на груди и в таких же браслетах на руках и ногах — одним словом, самый настоящий дикарь, но отлично сложенный и гибкий, — Димке даже на миг стало завидно. С другой стороны, подумал вдруг мальчишка, если бы он жил в этом лесу, то у него были бы мускулы не хуже...

На сплетенном из каких-то стеблей пояске пленника висели скроенные из куска шкуры мохнатые ножны, — а из них торчала рукоять ножа. Сергей нагнулся и вытащил его. Нож был очень похож на настоящий — только клинок куда толще и сделан из аккуратного обколотого кремня, а рукоять тоже обмотана какими-то шершавыми стеблями.

А ведь он мог меня убить, как-то отстранено вдруг подумал Димка, глядя на жутковато зазубренное лезвие. Воткнул бы эту штуку мне в грудь — и фиг бы я что сделал. Но не стал. Вывод? Это не враг — просто непонятно кто...

— Ну, и что нам с ним делать? — спросил Сергей.

Пленник осторожно приоткрыл неожиданно зеленый глаз и посмотрел на него. Раньше Димка никогда не видел людей с такими отчетливо зелеными глазами — вон, у Борьки Стеклова глаза зеленовато-карие, но это потому, что сам он рыжий, как черт. А сочетание черных волос, зеленых глаз и неожиданно светлой кожи было, мягко говоря, странным.

— Русский понимаешь? — обратился Сергей к пленнику. Тот снова зажмурился, замычал и помотал головой — слишком энергично, на взгляд мальчишек.

— Вот что, ребята, — с кровожадной улыбкой предложил Сергей. — Давайте его зажарим и съедем.

— Ы! — пленник отчаянно дернулся и уставился на них с явным испугом.

— Понимаешь, — с усмешкой констатировал Сергей. — Ну, и что ты тут делал?

Пленник промолчал, глядя на него со смесью испуга и упрямства. Сейчас он извивался, как змея, стараясь освободиться от веревок.

В самом деле, что нам с ним делать? — подумал Димка. Отпускать нельзя, — мы же ничего об этом мире не знаем, и узнать, кроме как у него, не у кого. А говорить он не хочет. Ну, и что делать прикажете?.. Не мучить же его — они ведь пионеры, а не какие-то фашисты...

Сергей снова достал фонарик и с той же кровожадной улыбкой поднес его к лицу пленника. Тот слабо пискнул и зажмурился от ужаса.

— Звать-то тебя как? — спросил он.

Пленник удивленно уставился на него — похоже, что он никак не ожидал такого вот вопроса, и именно удивление перебило злость.

— Льяти, — каким-то детским, испуганным голосом сказал он. — Льяти Быстроногий.

Димка длинно выдохнул. Невероятно, что туземец знает русский язык, — но не более невероятно, чем само их появление здесь. Ладно, — теперь они наверняка во всем тут разберутся...

Пленник молчал, но было видно, что он изо всех сил борется с каким-то распирающим его изнутри чувством. С любопытством, как оказалось.

— А вы кто? — не сдержавшись, выдохнул он.

— Мы пионеры, из Советского Союза, — заявила подоспевшая Аглая.

— Откуда?

Приплыли, подумал Димка. В самом деле, — как объяснить, что такое Советский Союз человеку, который и про Землю-то не слышал, и даже в школу никогда не ходил? Да, задача...

— Развяжите меня! — вдруг потребовал пленник.

— Это мы ещё посмотрим, — туманно пообещал Сергей. — Ты зачем рюкзак стащить хотел, ирод?

— Ну так интересно же! Я таких вещей, как у вас, в жизни никогда не видел, — заявил пленник с такой несомненной искренностью, что злиться на него уже не хотелось. И тут же покраснел — должно быть, понимал, что воровать нехорошо, но тут его, как говорила Димкина бабушка, «бес попутал».

В бесов Димка не верил, а вот в то, что мальчишка, да ещё ни разу и не пионер, может стащить из любопытства незнакомую вещь — запросто. Он сам лет этак в шесть утащил отцовские часы, — и это кончилось бы для них очень плохо, не прояви мама бдительность. Попало ему в тот раз здорово, — но с тех пор Димка раз и навсегда усвоил, что брать чужое без спроса нельзя...

Смущенный вид пленника решил всё дело. Мальчишки переглянулись, потом Сергей сказал:

— Ладно, развяжем. Драться не будешь?

— Не-а! — пленник энергично помотал головой.

— Ну, ладно, давайте...

Юрка было потянулся к веревке с ножом — но Борька возмущенно заорал, и в итоге узлы пришлось развязывать. Затянули их на совесть, так что дело заняло добрых минут десять. Пленник недовольно сопел и время от времени подергивался, намекая, что ребята могли бы работать и быстрее.

Наконец, его руки и ноги оказались свободны. Льяти неуклюже поднялся и принялся растирать натертые веревками запястья и лодыжки. Потом выпрямился, с любопытством глядя на собравшихся вокруг ребят.

— Красивый... — вдруг протянула стоявшая за спиной Ирка, и Димка возмущенно фыркнул. Морда широкая, глаза косые — не в смысле раскосости, просто внутренние углы глаз ниже наружных — разве ж это красота?.. Ну да девчонок хлебом не корми, — дай повздыхать над тем, что, с точки зрения мальчишки, выеденного яйца не стоит...

Льяти осмотрелся, ловко цапнул свой нож из руки обалдевшего Сергея и едва ли не торжественно вернул его в ножны на поясе. Глаза его блестели сразу растерянностью и любопытством. Вдруг он выскользнул из кружка ребят и деловито направился к обрыву.

— Эй, куда? — крикнул ему вслед Сергей.

Льяти обернулся.

— Я вещи свои заберу. Не бойся, — это прозвучало уже насмешливо.

Льяти ловко соскользнул вниз и канул в зарослях. Его не было целую минуту, и Димка подумал, что абориген просто провел их всех вокруг пальца... но тут Льяти появился вновь. Так же ловко он взобрался наверх, — а Димка-то думал, что на этот обрыв без альпинистского снаряжения не подняться! — и снова замер перед ребятами.

Сейчас он выглядел совершенно по-другому. В руке — короткое, но крепкое копьё с зазубренным кремневым наконечником, за спиной — громадный, едва ли не в его рост, лук и колчан со стрелами, а заодно и мешок с какими-то вещами.

— Ух, ты! — выдохнул за спиной Димки Юрка. — Индеец настоящий!

Мальчишка хмыкнул. На его взгляд, ничего особенно индейского в Льяти не было — начать хоть с того, что по цвету кожи он вполне подходил под определение «бледнолицый брат». И нос не орлиный, а короткий, и никаких там перьев в волосах — правду говоря, в них вообще ничего не было, кроме лесного сора.

Неугомонный Борька сразу же потянулся к копьё.

— Можно посмотреть?

— На, — Льяти со снисходительным видом протянул ему оружие.

Немногочисленные вещи туземца быстро пошли по рукам. Простейшие на вид, они были сделаны на совесть, неожиданно с умом — наконечник того же копьё имел выдолбленный желобок под древко, к которому был намертво привязан несколькими витками какого-то сухожилия. Выглядел он жутковато, и Димка невольно подумал, что лучше уж получить пулю, чем удар таким вот зазубренным копьём. Стрелы были его миниатюрными копиями, с оперением из ярких перьев каких-то здешних птиц и с наконечниками из полупрозрачного зеленоватого камня — нефрита? Халцедона? И острые — проведя по пальчатою краю пальцем, любознательный Борька сразу же распахал его до

крови.

Стрелы были тяжеленькие, и Димка не сомневался, что такой вот стрелой вполне можно убить даже крупного зверя. А на древке копья был обтянутый шкурой упор, к тому же, на него была зачем-то плотно намотана сплетенная из растительных волокон веревка с петлей, — как пояснил Льяти, при броске она раскручивала копье, заставляя его вращаться, отчего оно летело дальше и точнее.

— Нарезное копье, — выдохнул Юрка. — Офигеть...

Но больше всего внимания привлек, конечно, лук. В отличие от игрушечных мальчишеских луков, этот был тяжелым — килограмма три-четыре. Он был тщательно вырезан из дерева, обтянут приклеенной очевидно кожей для защиты от сырости, — а поверх неё, для красоты и удобства, ещё и оплетен такой же растительной веревкой, украшенной вдобавок разноцветными бусинами.

Лук оказался неожиданно тугим — Димка смог натянуть его одним яростным рывком, но удерживать так лук не получалось — на прицеливание оставалось мгновение, не больше, да и то, после одного этого рывка заныли мышцы...

В книгах Вальтера Скотта Димка читал, что знаменитые английские лучники учились стрелять с трех лет. Раньше это казалось ему преувеличением — ну чего там уметь-то? — а теперь даже стало стыдно. В самом деле, попробуй, прицелься за мгновение — тут мало тренировок, тут ещё и талант нужен. Так что и оружие, и его владелец невольно внушали уважение.

В сумке Льяти оказалось мало интересного — несколько небольших каменных орудий, очень похожих на те, что Димка видел на витринах краеведческого музея, и какие-то свертки из пёстрых листьев. На вопрос, что это, Льяти спокойно взял один... и откусил от него едва ли не половину. Это оказалось что-то вроде голубцов — с начинкой из мяса, каких-то здешних орехов и плодов, завернутых в съедобные листья. Димке достался сверток с чем-то сладковатым, похожим на креветки — он энергично прожевал половину... а потом из второй выпал толстый здоровенный червяк. Под полупрозрачной кожей отчетливо виднелись внутренности, и мальчишку едва не вывернуло. Он зашвырнул остаток свертка в заросли — и зло уставился на Льяти, который откровенно заржал. Нет, Димка читал, конечно, что голодающие негры Африки едят даже саранчу и всякую прочую гадость, — но он вовсе не мечтал отведать её сам. Вот уж точно дикари!..

Как оказалось, «повезло» только ему одному. Остальные ребята умяли свои свертки моментально, и Льяти с несчастным видом посмотрел на свою пустую сумку — похоже, что он только что остался без ужина — а заодно без завтрака и без обеда.

— Вы все, мальчишки, бараны! — возмутилась Аглая. — Давайте хоть к столу его пригласим!

Идея всем понравилась — но, когда Льяти вручили миску с кашей, он моментально запустил в нее пятерню, сунул её в рот — и принялся чавкать с явным интересом. Когда Ирка попыталась вручить ему ложку, он уставился на неё с искренним недоумением, и показал ладонь, явно не понимая, что тут ещё нужно.

— Колбасы, колбасы ему дайте! — зашипела Аглая. Похоже, она считала, что если гостя не накормить от пуза, никаких «дипломатических отношений» не получится.

Льяти вручили кусок колбасы из Борькиных запасов, — но он лишь понюхал её, и осторожно отложил в сторону. Та же история повторилась и с печеньем. Зато тушенка вызвала несомненный энтузиазм гостя — ловко орудуя пальцами, он быстро очистил

немалую банку до дна.

После сытной трапезы гость сразу осовел и утратил прежнюю резвость. Лишь когда Танька зачем-то полезла со своим йодом к его грязным и поцарапанным босым ногам, Льяти взбрыкнул ими, и устоялся на неё с явным подозрением.

— Как же ты босиком по всему этому ходишь? — спросила Танька с искренним недоумением.

Вместо ответа Льяти вытащил свой нож и с силой провел лезвием по пятке. Димка поежился, — оно должно было развалить пятку до кости, — но вместо этого на ней остался лишь едва заметный белесый след.

— Офигеть, — Димка протянул руку и потрогал пятку гостя. Она была твердая, как камень. Похоже, что Льяти всю жизнь ходил босиком...

Льяти вяло отдернул ногу и зевнул. Ежу было ясно, что толку от расспросов сейчас будет мало...

— Удружили нам девчонки, нечего сказать, — вполголоса проворчал Сергей, когда они с Димкой отошли к своему, «сторожевому» костру. Льяти уже дрых, растянувшись на расстеленных возле костра одеялах. Похоже, что он с детской непосредственностью решил: раз его накормили, то ему тут точно ничего не угрожает... — Теперь утра ждать придется. Когда это чудо природы продрыхнется.

— Да никуда он от нас не денется, — усмехнулся Димка. — Ему же интересно до чертиков.

— Не нравится мне всё это... — сказал Сергей. — Вот откуда он русский язык знает, ты мне скажи? И он следил за нами, — я ведь несколько раз за день его замечал, только разглядеть не мог, как следует.

— И мне не сказал? — обиделся Димка.

— А я уверен не был, что мне не кажется, — Сергей вздохнул. — Ловкий, паразит, и прятаться в зарослях мастак. Я бы, например, так не смог, хотя отец меня учил, знаешь...

— Ты что, думаешь, что он шпион этих... пришельцев? — спросил Димка.

— Да ничего я пока не думаю. Не похож он на шпиона. Но парень очень странный, мы с ним ещё повеселимся, попомни мое слово. Не так он прост, как выглядит...

— Интересно, откуда он взялся? — спросил Димка. — Он не из Союза, это ясно. И вообще не с Земли, судя по виду, — у нас-то таких племен нет, одни негры да индейцы. А он, похоже, всю жизнь в этом лесу жил. Значит, тут и ещё люди есть.

— В этом я не сомневаюсь, — Сергей вздохнул. — И похоже, что мы с ними скоро встретимся. Вот тогда-то всё и начнется...

— Что начнется? — спросил Димка.

— Веселье. Пока он один такой — он забавный, не больше. А ты целое племя таких представь, этак в пару сотен голов, — взрослых, здоровенных, со своими обычаями, с табу, с шаманами, с колдунами всякими... Думаешь, они нас с распростертыми объятиями встретят?

— А что? Может быть, даже в племя примут, — ну, после всяких испытаний, как в книжках про индейцев.

— Угу, — голову воина из соседнего племени принести, я читал про такое... И жить заставят по своим обычаям, а я босиком по лесу бегать и червяков жрать не хочу. Ладно, завтра мы его расспросим, — тогда и ясно будет. Сейчас мы с Максом дежури́м, вторые — вы с Борькой. А пока спать ложись, утро вечера мудренее...

Глава 4: Мальчишеский мир

*Мальчишки здесь хозяева, девчонки здесь хозяйки,
А что им лет немного, так это ерунда!
Им небо улыбается, привет приносят чайки,
И Вега светит ласково, заветная звезда...*

Раньше Димка никогда не был часовым, — даже в почетный караул к дружинному знамени его не ставили, да он не очень-то и рвался. Не зря, как оказалось, — ничего приятного в этом деле не было.

В самом деле, кому понравится, когда его расталкивают посреди ночи, и, вместо того, чтобы вовсю смотреть сны после, согласитесь, не самого легкого дня, заставляют сидеть у костра, глядя в окружающую лагерь непроглядную темноту? Ну, заставляют, — это тоже преувеличение, вообще-то. Димка понимал, что от бдительности часовых зависят жизни всех ребят, так что никаких возражений на сей счет у него не было. Только вот спать от этого меньше не хотелось...

Ночью прошел сильный дождь, так что заметно посвежевший воздух пах просто одуряюще. Внизу, в зарослях, что-то светилось, — то ли гнилушки, то ли какие-то здешние грибы, — к тому же, там роились крупные светляки, и всё это смотрелось сразу красиво и страшновато.

Ночные джунгли жили своей жизнью — там то и дело кто-то повизгивал, взрыкивал, хохотал, — и всё это сливалось в симфонию, которую Димка вполне искренне назвал бы игрой на нервах — его собственных, понятно, потому что образы издающих эти звуки зверюг рисовались самые жуткие. Наверху, над обрывами, кто-то бегал, в конце ведущей в лес тропы иногда вспыхивали и гасли чьи-то глаза, а пару раз мальчишка замечал там стремительные черные силуэты. Один раз здешние «волки» подошли совсем близко, и убрались лишь после того, как Борька запустил в них головней. Зверюги, в самом деле, оказались неприятные — с голой черной кожей и желтыми глазами, длинные, приземистые, но очень проворные. Общаться с ними поближе Димке совершенно не хотелось, даже с копьем...

Мальчишка вздохнул. Всё же, Сергей, настоявший на том, чтобы они потратили битый час на поиск защищенного места для лагеря, и на сбор дров в таком количестве, чтобы их хватило на всю здешнюю ночь, оказался совершенно прав, — страшно представить, что с ними стало бы, устрой они лагерь просто на какой-то полянке... В том, что брезент палаток смог бы остановить этих зубастых зверюг, Димка сильно сомневался. Похоже, что если они хотят выжить в этом лесу, им придется строить целое укрепленное городище, вроде древнерусского. Оно увлекательно, конечно, — но он прикинул примерный объем работ, и ещё раз вздохнул.

Небо после грозы очистилось, там стали видны звезды. Ничего общего с земными созвездиями, как и следовало ожидать, не оказалось, и Димка долго смотрел вверх, складывая из звездных россыпей новые — Плуг, Танк, Бабочка... Занятие увлекало, а ощущение первооткрывателя подстегивало классификаторский зуд, так что, в конце концов, он покрыл созвездиями весь тот кусок неба, который видел из этой котловины. Двигались они тут неспешно, так что никакой особой трудности данный вопрос не вызывал.

На общем фоне выделялись две ярких белых то ли звезды, то ли, скорее, планеты — они не мерцали. Отец говорил Димке, что планеты не мерцают, и даже объяснял, почему, но сейчас мальчишка не мог это вспомнить. Отчасти его разочаровала здешняя луна — тусклый, маленький серп. Во всех читанных им книжках небеса других миров чуть ли не сплошь покрывали громадные разноцветные луны — но реальность, как оказалось, отличалась от них довольно сильно. Правда, на юго-западе, на самом горизонте, маячил какой-то смутный красноватый купол, — но такой тусклый и так смазанный воздухом, что мальчишка ничего не смог разглядеть, даже в одолженный у Сергея бинокль. На луну это было непохоже, — купол не двигался вместе со звездами — и Димка тщетно гадал, что это такое может быть. Явно не какое-то строение — слишком уж громадным оно должно тогда быть — и не облако, потому что таких облаков не бывает...

Увы, — чтобы разгадать эту тайну, придется подняться на высоченную гору — желательно, с настоящим телескопом — или расспросить местных...

Димка вздохнул. Единственный знакомый им местный бессовестно дрых возле погасшего второго костра, вольно раскинувшись на чужих одеялах — никакого страха перед земными ребятами он явно не испытывал. Мальчишке очень хотелось разбудить его и расспросить, но он понимал, что это невежливо — к тому же, спешить им здесь поистине некуда...

Снизу донесся нарастающий шум, — какая-то здоровая зверюга ломилась через заросли, — и Димка с подозрением посмотрел туда. Он не знал, водятся ли тут слоны — но, похоже, это был именно что слон. Под тяжелыми шагами трещало дерево, над кронами заполошно заметались, заорали разбуженные птицы. Зверюга явно направлялась сюда, и Димка порадовался, что от джунглей их отделяет десять метров почти отвесного скального обрыва — даже настоящий тиранозавр не достанет.

Наконец, заросли расступились под натиском громадного тела, — и чудище выбралось на осыпь.

Это был не слон. В темноте плохо было видно, но Димке показалось, что у приземистой, величиной с дачный домик туши шесть здоровенных ног.

Борька не нашел ничего лучше, чем запустить в зверюгу подобранным тут же камнем весом в добрых полпуда. Камень с отчетливым стуком отскочил от бронированной спины чудища. Оно подняло голову — Димка увидел, как в метровой, не меньше, пасти влажно блеснули зубищи, похожие формой и размером на рог для вина, который отец привез из Грузии, — а потом мальчишку оглушил дикий рев, который мог бы издать разве что реактивный истребитель.

— Ч-ч-ч-ч-ч... — выдавил через минуту Борька. Руки у него тряслись, губы прыгали. — Ч-ч-чт-то-о-о эт-т-то бы-ы-ыло?

Димка не ответил. Будь он помладше — он бы, наверное, описался. В ушах у него до сих пор звенело, тело стало как ватное. В голове промелькнуло, что этому чудищу, наверное, не надо и охотится — достаточно реветь и собирать зверей, погибших от разрыва сердца. Димка вовсе не считал себя трусом — но связываться с этой тварью без гранаты или противотанковой пушки он всё же постеснялся бы...

Рев чудища поднял на ноги весь лагерь. Паники не возникло, — чудище уже убралось, — но переполох поднялся изрядный. Ребята сбегались к обрыву, вниз бросили несколько наспех сделанных факелов — в их трепещущем свете стали видны поваленные заросли и сорванный с камней мох. Димка очень хотел, чтобы ему показалось, — но следы

подтверждали обратное...

— Что это было? — спросил Сергей.

Димка пожал плечами. В самом деле, как назвать зверя, которого ни разу раньше не видел?..

— Палулукан, — ответил Льяти. Он тоже стоял сейчас среди ребят, глядя вниз.

— Кто?

— Палулукан, — сейчас Льяти говорил медленно и насмешливо, словно объясняя прописные истины малышу. — Это самый большой зверь в здешних лесах. Людей он не ест, — просто разрывает их на части.

— Спасибо, порадовал, — фыркнул Димка. — И что нам теперь делать?

— Да ничего. Он ночью охотится, а днем спит — ну, если не голодный. Сюда ему не забраться.

— Как же вы тут живете, среди этих чудищ? — спросил Борька.

— А тут никто и не живет, — жизнерадостно ответил Льяти. — Все на юге живут, возле Моря Птиц. Это я сюда из любопытства забрался.

— Что ещё за Море Птиц? — спросил Борька.

— Ну, море не море, но озеро громадное, с кучей островов. Вокруг него степи, холмы, перелески всякие... Там все нормальные племена и живут.

— Какие племена? — спросил Сергей.

— Ну, всякие. Разные. Тут местных жителей и нет, — все из других миров сюда попали, кто раньше, кто позже...

— Офигеть... — выдохнул Борька. — А ты сам-то откуда?

Льяти открыл рот, чтобы ответить, потом почесал в затылке и задумался.

— Черт, не помню. Это очень давно было...

— Как давно? — спросил Сергей.

Льяти пожал плечами.

— Лет двести назад, может, и больше. Не помню...

— Это что же выходит, — у вас не стареют?

— Не растут и не стареют, — кивнул Льяти. — Кто каким сюда попал — таким и остается.

— И все говорят на одном языке?

— Ну да. А что — разве ДРУГИЕ языки бывают?..

Димка вздохнул. От услышанного голова буквально шла кругом. Всего минуту назад даже представить что-то подобное было решительно невозможно. А теперь это «невозможное» прямо на глазах превращалось в зримую, несомненную реальность.

— Постой-ка, — вдруг спросил Сергей. — Ты говоришь, — сюда из разных миров попадают. А домой кто-нибудь вернулся?

Льяти удивленно посмотрел на него.

— Нет. Никто. Я про такое никогда не слышал...

* * *

Какое-то время все молчали, — новость никого не обрадовала. Сергей опомнился первым. Он резко мотнул головой, словно вынырнув, и спросил:

— Ты можешь толком рассказать, — что это за мир, кто в нем живет — и как?

Льяти улыбнулся — слишком самодовольно, на Димкин взгляд.

— Ну, этот мир всегда был, а как давно всё началось, — никто не помнит. Просто иногда сюда попадают мальчишки и девчонки из разных миров — почти всегда отрядами, мало кто поодиночке.

— И что они тут делают?

Льяти пожал плечами.

— Как что? Живут. Дома себе строят, городища... Торгуют понемногу, иногда дружат, иногда ссорятся. Путешествуют — ну вот как я.

— А домой вернуться никто не пробовал?

Льяти удивленно посмотрел на него.

— А как? Никто же не знает, как он сюда попал. Да и зачем? Тут хорошо. Всегда тепло, еды в достатке, жить можно, где хочешь...

— Офигеть... — повторил Борька.

Димка подумал, что они попали в ОЧЕНЬ странный мир. Настолько странный, что его и быть-то не могло. Только вот не верилось ему, что Льяти врет. Видел Димка, как врут, — это было совершенно непохоже...

— Точно пришельцы постарались, — сказал Сашка. — Эксперимент ставят тут, вот.

— Кто такие пришельцы? — тут же спросил Льяти. Любопытства ему было не занимать.

— Ну, существа такие, с других звезд. Высокоразвитые.

— А что значит «высокоразвитые»? — снова спросил Льяти, и Димка вздохнул.

— Высокоразвитые — это значит, что они очень много умеют, — пояснил он. — Даже то, чего мы пока не умеем — в другие миры попадать, например.

— А, так вы про Хозяев, — ответил Льяти.

— Кто такие Хозяева? — сразу спросил Сергей.

Льяти пожал плечами.

— Говорят, что они за Морем Птиц живут. Там стоит их Цитадель. Только я там не был, да и никто. Через море же не перепрыгнешь...

— Корабль можно построить, — предложил Сашка.

— А что такое корабль?

Димка невольно хихикнул. Непонятно, из какого мира Льяти сюда попал, но с наукой у них там плохо. Это ж надо, — что такое корабли не знать! Они ж даже в Древнем Египте ещё были!..

— Вроде большой лодки, — пояснил Сашка.

— А лодка что?..

На сей раз, захихикал уже не один Димка, и Льяти насупился.

— Если смеяться будете, я вам больше ничего не скажу! — зло сверкая глазами заявил он. — И вообще, уйду от вас, вот!

— Успокойся, — примирительно сказал Сергей. — Мы не смеемся, мы просто больше тебя знаем. Ты мне скажи, — как вы по своему Морю Птиц плаваете?

— На плотках, конечно, — удивился Льяти. — Как же ещё?

— Да, плохо дело, — вполголоса, чтобы не услышал Льяти, сказал Сергей. — Похоже, тут у них первобытнообщинный строй...

— Что такое первобытнообщинный строй? — сразу же спросил Льяти. Остроты слуша

ему тоже было не занимать...

— Это когда люди в лесу живут, вот как ты, — смущенно ответил Сашка.

— Я в лесу не живу! — сразу же возмутился Льяти. — Я что вам, дикарь какой-то? У меня свой дом есть. И вообще, я из племени Виксенов, это вам кто угодно скажет.

— А Виксены — это кто? — спросил Сашка.

— Это мое племя, оно возле самых гор живет. Там все такие, как я. Ну, почти.

— И никто не помнит, откуда здесь взялся? — спросил Сергей.

— Не-а. Я же говорю, — это очень давно было. Да у нас вообще это мало кто помнит, — так давно здесь живут.

— Как давно?

— Я не знаю. Да и что толку — помнить-то? Только душу травить. Ну, так те говорят, кто здесь недавно.

— Да, дела... — протянул Борька. — Похоже, что влипли мы, ребята...

— И ничего не влипли! — возмутилась Аглая. — Вот ты скажи: тут есть ещё ребята из Советского Союза?

— Откуда? — ответил Льяти с искренним недоумением.

— Такие же, как мы, пионеры — ну, с такими же галстуками, — пояснил Сергей, показывая на Аглаю.

— Не, с такими вот не было. Я вообще новичков в первый раз встречаю, они тут редко очень появляются...

— Ну, вот видите! — заявила Аглая. — Советских ребят тут ещё не было, одни дикари какие-то. Уж мы-то во всем здесь разберемся!..

— А редко — это как? — спросил Сергей.

— Редко, — повторил Льяти. — Как Мать Бурь проходит, так все знают, — новое племя в мир пришло. Но она нечасто тут случается. Обычно по многу лет не появляется никто. Дс вас я лет семь уже ни о ком новом не слышал. А тут Бурю увидел, — ну, и помчался на север со всех ног. Вот и повезло мне вас встретить...

— А вообще народу у вас сколько?

Льяти в очередной раз пожал плечами.

— Я не знаю. Племен — десятка два сейчас.

— А в племенах народу много?

— У кого как. Где по десять человек, где по четыреста. Народ-то на одном месте не сидит, бывает, что из племени в племя переходят. А бывает, и племена сливаются. Вместе-то ведь намного удобнее жить.

— Где-то тысячи четыре человек, — подвел среднее арифметическое Сергей. — На целый мир негусто...

— Да ты что? — возмутился Димка. — Они с двух десятков планет, ты представляешь, как много мы можем узнать?

— Они и себя-то совсем плохо помнят, — ответил Сергей. — Похоже, одичали вконец.

— Кто одичал? — возмутился Льяти, и Димка подумал, что когда все говорят на одном языке, не всегда бывает хорошо... — Я на тебя посмотрю, когда тебе тысяча лет исполнится, — да ты даже имени своего не вспомнишь!..

— А что, тут есть и такие, кто тысячу лет прожил? — удивленно спросил Борька.

— Есть, конечно, — спокойно, как о чем-то, совершенно обычном, сказал Льяти. — Есть даже такие, кто по пять тысяч лет тут прожил, — только толку? Всё равно, они лишь

несколько веков последних помнят, да и то не целиком, понятно, — память, она же не бездонная.

Это Димка понимал уже и сам. Здешний мир в рассказе Льяти выглядел довольно-таки грустно — мир с остановленным временем, совсем как в злой сказке. Быть вечным мальчишкой — здорово, конечно, но Димке хотелось вырасти, стать взрослым, заняться серьёзными, взрослыми делами. Завести семью, наконец, — а что в этом такого?.. Короче, не понравилось ему здесь...

— А география в этом мире какая? — спросил неугомонный Юрка. — Ну, горы там моря, проливы?..

— Горы тут есть, — усмехнулся Льяти. — Дальше к западу, большие, настоящие. С этим, как его, со снегом, вот. На севере тоже, только пониже, без снега. На востоке степь, потом пустыня, потом, говорят, тоже море. А на юге — Море Птиц. За ним тоже холмы всякие...

— И всё? Что там за горами, за морем?

Льяти пожал плечами.

— Не знаю, я там не бывал же. А если кто и бывал, — то не рассказывает.

— А почему? Табу у вас, что ли, такое? — спросил Сашка.

Льяти удивленно взглянул на него.

— Нет, конечно, просто отсюда в другие места не попасть. Вы же видели, какой тут лес. Мало кто даже до северных гор доходил — слишком опасно, а если и дойдешь, так в них драконы и живут. Западный лес перед горами, — ещё похуже этого, и племена в нем живут самые в нашем мире дурные. А через сами западные горы и вовсе не перейти — в них холодно очень и дышать нечем. Да и места там жуткие. Такое можно там увидеть, что лучше потом и не жить, — его передернуло. — А через Море Птиц не перебраться — его Хозяева очень крепко стерегут. Ну, говорят, что люди и на востоке у Тихого Моря живут, но я не знаю, правда ли это. Пустыню-то не перейти, в ней воды совсем нет. Я пробовал же.

— А Море Птиц — оно далеко?

— Не, не очень. Дней пять-семь.

Димка присвистнул. Брести ещё целую неделю по этому кишашему чудищами лесу ему категорически не улыбалось. С другой стороны — оставаться здесь ещё опаснее, а вызвать вертолет для удобного путешествия тут вряд ли получится...

— Дорога трудная?

Льяти вдруг улыбнулся.

— Ну, это кому как. Я-то сюда дошел, дойду и обратно, не впервой. И вы, наверное, сможете.

— Наверное?

— Я тебе бог что ли, предсказывать? Да не бойтесь, вас много, и деретесь вы хорошо, — Льяти задумчиво почесал свежий синяк на скуле, полученный им во время отчаянной, но, увы, безуспешной борьбы за свободу.

— Ты нам поможешь пройти к Морю Птиц? — спросил Сергей.

Льяти широко улыбнулся.

— Конечно!

После столь раннего пробуждения ребята пришли в состояние некоторого обалдения — с одной стороны, четырех часов сна было явно маловато, с другой — спать пока что никому не хотелось, благо, побудка оказалась очень... яркой. А впереди ещё три четверти длиннющей здешней ночи — целая вечность, как подумал Димка. Самое поганое, что тут совершенно нечего делать — идти ночью через такой лес безумие, а никаких особых дел в маленьком лагере не имелось. Оставалось лишь расспрашивать Льяти, который, впрочем, тоже выглядел несколько... пыльным мешком пришибленным, как говорила Аглая о тех, кто затягивал или даже срывал ее пионерские поручения.

— Как же вы к таким суткам приспособились? — спросил Сергей.

— А чего приспособливаться? — удивился Льяти. — Ночь спим, день бегаем. А у вас что, день короче?

— Ага, в полтора раза, — ответил Димка.

— Ой, это очень мало. Как вы что-то успеваете?

Мальчишка вздохнул.

— Ну, иногда и не успеваем. Мне, например, иногда хотелось, чтобы в сутках и побольше двадцати четырех часов было.

— А что такое час?

Димка показал Льяти часы, но тот даже после длительных объяснений не понял назначения прибора. Цифр он не знал, и вообще оказался совершенно неграмотным — то есть, считать-то он умел, но лишь на пальцах. В буквальном смысле — на пальцах рук и ног. Сама идея каких-то условных значков — что букв, что цифр, — казалась ему даже непонятной, а совершенно ненужной — зачем, если считать можно в уме, а всё, что надо — передать на словах? И всё это при том, что назвать Льяти идиотом не получалось, — он был сообразительный мальчишка с живым характером. Даже, пожалуй, слишком живым, — Димка ещё никогда не видел столь стремительной смены эмоций.

Аглая от такой безграмотности гостя едва не упала в обморок — в её представлении здоровый парень, восьмиклассник, не умеющий даже читать, был чем-то совершенно невыносимым. По старой памяти она тут же дала Димке пионерское поручение «подтянуть» Льяти хотя бы до уровня первого класса. Мальчишка отказываться не стал, но про себя растерялся, — он знал, что Аглая с него не слезет, а как учить грамоте, если ни букваря, ни даже классной доски под рукой нет? Да и объяснить, зачем всё это надо, Льяти будет трудно — с чтивом в отряде было плохо, в поход шли, понятно, не затем, чтобы читать книжки. У Ирки в рюкзаке нашелся ботанический атлас, у Антона — затрепанная «Молодая Гвардия», вот и всё. Да и тетрадки им нужны совсем для других дел. Да уж, задачка...

Между тем, Льяти продолжал сыпать вопросами, как из пулемета — пусть он и дикий, любопытства ему было не занимать. При всем этом, его поражали даже совершенно обычные, с точки зрения пионеров, вещи, начиная от обычной стальной ложки, — Льяти не принимал её назначения, но сам материал ему понравился, и он стал расспрашивать, где можно найти такой. Однако, обстоятельный рассказ Сашки о железорудных шахтах, конвертерах и доменных печах прошел как-то мимо его ушей — Льяти совершенно искренне не понимал, как можно сделать какой-то МАТЕРИАЛ. Мастерить из уже готового — это он знал и хорошо в этом разбирался. А вот сделать что-то, в природе несуществующее, — это в его представлении было самой настоящей черной магией...

Сашка неосторожно дал ему посмотреть свою финку, — и в итоге её едва удалось отобрать: Льяти быстро оценил преимущества стального оружия над каменным. Хорошо

хоть, что с одеждой таких проблем не возникло, — ткать здесь умели, хотя лишь в немногих племенах, да и там ткали, в основном, паруса и ковры, а не одежду, которая здесь сводилась к обусловленному приличиями минимуму. Идея же обуви оказалась для Льяти совершенно непонятной, — из чистого любопытства он выпросил у ребят пару кедров, но ни одна не налезала ему на ноги, подошли только кеды Максима.

Льяти сделал в них несколько неуклюжих шагов, едва не свалился, сел и торопливо сорвал их со ступней, заявив, что носить такие шутки — только издеваться над собой, и без них гораздо лучше. А наивная попытка девчонок подстричь ему волосы едва не привела к драке, — Льяти возмутился так, словно ему попытались отрезать уши. Сашка сказал, что у туземцев, наверное, табу на стрижку волос.

Про табу Льяти не понял, просто заявил, что длинные волосы выглядят красиво. По мнению Димки, выглядели они дурацки, по-девчоночьи, как и нацепленные на Льяти украшения, но понимания в этом вопросе он не нашел — Льяти говорил одно: «это красиво», а все попытки объяснить, что это не так, игнорировал. В самом деле, если девчонки могут украшать себя, — то почему нельзя мальчишкам?..

Аглая едва не плевалась от такой дикости, но поделаться ничего не могла: насильно стричь и наряжать гостя было бы всё же несколько невежливо. Димка хихикал про себя, глядя на её попытки остаться в рамках «дипломатического протокола». Всё же странный народ девчонки: придумывают себе всякую фигню, а потом сами с ней маются, словно Льяти — и в самом деле посол какой-то зарубежной страны, хотя ему ясно: он никого, кроме себя, не представляет. Это, конечно, не отменяет обязательств вести себя с гостем вежливо, — но нельзя же давать ему слишком задирать нос!..

Между тем, Льяти осмелел настолько, что попросил посмотреть фонарик. Сергей с усмешкой протянул ему свой. Фонарь у него был, что надо, — хромированный, с ползунком на три положения и кнопкой. У Димки тоже был фонарь, только китайский — квадратный, из черной жести, но зато с толстой линзой, дающей далеко достающий, узкий, сильный луч.

Льяти очень осторожно, словно опасаясь обжечься, прикоснулся к тонкому блестящему металлу, — а потом недоуменно закрутил в руках длинный рифленый цилиндр. Димка показал ему, как включать свет — Льяти пискнул от испуга и выронил фонарик. Девчонки вокруг захихикали, и он цапнул фонарик как готовую взорваться гранату, — даже зажмурился от ужаса. В этот раз захихикал уже Димка. Пусть Льяти очень отличался от них, — но в самом главном все мальчишки во Вселенной оказались похожи: они до смерти боялись показать свою трусость перед девчонками.

Кажется, сам Льяти был искренне удивлен тем, что с ним ничего не случилось. Потом он мгновенно осмелел и принялся щелкать выключателем, а также вполне идиотски хихикать, направляя фонарик в лица ребятам, так что отнять его назад удалось только с большим трудом, — хотя запасные батарейки у них были, их стоило побереечь, так как достать новых тут уже негде...

— И его вы тоже сделали? — спросил Льяти.

— Ну, не мы, но сделали, — ответил Димка.

— А кто?

Димка перевернул фонарик. На его торце была выдавленная в металле надпись «Красноуфимский машиностроительный завод», но Льяти это ничего бы не сказало.

— Наши люди сделали, советские.

— Какие?

— Люди из Советского Союза, — встряла в разговор Аглая. — Мы много таких вещей делаем, мы даже в космос летаем, вот!

— Куда?

— Ну, туда, — Димка показал рукой вверх.

— На звезды, что ли? — спросил Льяти.

Димка вздохнул.

— Нет, до звезд мы ещё не добрались. Но на Луну и Марс наши станции уже летали. И на Венеру.

— Куда?

Димка вздохнул. Объяснять этому дикарю еще и устройство Солнечной системы было бы слишком утомительно.

— Я тоже хотел бы в небо полететь, — продолжал между тем Льяти. — На Таллаар например, вот!

— Куда?

— Ну, на Таллаар, — Льяти показал рукой на смутно краснеющий у горизонта купол.

— А это что?

— Ну, он вроде лун, только большой и неподвижный. Отсюда-то его плохо видно, а вот если в горы на западе подняться — то красотища, даже дух захватывает. Я вам покажу его потом, обязательно.

— Лун? — спросил Димка. — Выходит, их у вас много?

— Восемь, — удивился Льяти. — А у вас что, одна?

— Одна, но побольше этой будет.

— А, так это Армея, она маленькая. Вы ещё Арисфены не видели — вот она, это да!..

— Ого, похоже, мы на спутнике планеты-гиганта, — сказал Сашка. — Вот бы на другое полушарие попасть, где его хорошо видно!

— Нам сперва надо к Морю Птиц попасть, — ответил Сергей. — С тамошним народом контакт наладить, узнать насчет этих Хозяев... Чувствую я, что без их участия наше попадание сюда не обошлось...

— С Хозяевами вам лучше не связываться, — предупредил Льяти. — Они на племена иногда нападают, всё разоряют, громят. А сделать с ними ничего нельзя — ни стрелой, ни копьем их не пробить.

— Ого, почему это? — спросил Сергей.

— Потому, что они все железные, — снисходительно пояснил Льяти. — И прямо из воды выходят. Не люди они, а демоны.

— Демонов не бывает, — тут же заявила Аглая. — Это всё суеверия.

— Бывают, — упорно заявил Льяти. — Я сам их много раз видел — еле ноги унес!

— Демонов не бывает, — повторил Сергей. — Как они выглядят-то?

— Здоровые, во-от такие, — Льяти поднял ладонь на высоту где-то метров двух. — Башки плоские, овальные, с во-от такими ушами, а вместо рук — клешни, как у крабов.

— Так это же роботы! — воскликнул Борька. — Я про них в фантастике читал.

— А кто такие роботы? — сразу же спросил Льяти.

— Ну, такие машины, сделанные в форме человека, только с электронным мозгом. У нас таких как раз проектируют, чтобы в опасных местах работать — в атомных реакторах или там в космосе.

— А машины — это что?

Борька вздохнул. Уже ясно было, что объяснить Льяти всё придется очень долго...

Димка подумал, что у дикой жизни есть свои минусы. В самом деле, жить вот так, когда ни школы, ни взрослых нет, и всю жизнь сплошные каникулы, здорово — но смотреть на невежество Льяти было просто стыдно, и оказаться на его месте мальчишка не захотел бы ни за какие коврижки...

— Машины — это такие штуки, которые сами по себе разную работу делают, — пояснил Сергей.

— Вроде девчонок? — спросил Льяти, и ребята засмеялись, — аналогия вышла очень неожиданная. Аглая побагровела, и лишь нечеловеческим усилием сдержалась от того, чтобы дать «господину туземному послу» леща.

— А у вас что, мальчишки не работают? — удивленно спросил Борька.

Льяти смутился.

— Ну, мы на охоту ходим, селение наше охраняем — разве мало? Поля там пахать, дома чинить и строить — это всё мальчишеское дело. А воду там таскать или еду готовить — девчоночье.

Про себя Димка решил, что в племени Льяти устроено всё вполне справедливо: в самом деле, странно было бы, если бы девчонки ходили на охоту, а мальчишки варили им суп.

— Постой, выходит, что охота у вас работой не считается? — удивленно спросил Борька.

— Нет, — не менее удивленно ответил Льяти.

— А что же она тогда?

— Приключения, конечно.

* * *

После этой фразы все какое-то время молчали. Льяти переводил взгляд с одного лица на другое, и понемногу краснел, явно думая, что сказал что-то не то. Аглая открыла было рот для гневного спича — но так и не издала ни звука: равноправие — равноправием, а на охоте девчонкам делать нечего, это даже она понимала. Да и загонять мальчишек в традиционно девчоночьи дела ей не слишком-то хотелось: понятно ведь, что эти неумехи не то, что суп сварить, пуговицу к штанам пришить не смогут! Известное дело — тот же Юрка так её в первом классе пришил, что у него штаны потом не расстегивались, и весь класс над ним смеялся. А ей, Аглае, пришлось всё отпарывать и пришивать заново, — ну не смотреть же, как человек мучается? И всё равно, что-то тут было неправильно...

— Постой-ка, — спросил Сергей. — От кого вы свое селение охраняете? От Хозяев?

— Да не, — Льяти досадливо махнул рукой. — От соседей. Квинсы эти — все воры, только отвернись, — даже коврик из-под задницы уташат. А то и напакостить могут, переломать всё и разбросать. Ну да мы им спуску не даем!..

— Тоже, небось, всё тащите? — язвительно спросил Борька.

— Почему тащим? — возмутился Льяти. — Своё возвращаем. Ну и моральный ущерб ещё иногда компенсируем.

— Весело вы тут живете... — протянул Сергей. — А дружите хоть с кем-нибудь?

— Конечно, — удивился Льяти. — С Воронами дружим, с Волками, с Куницами... Только они все далеко от нас живут.

— Понятно. Кто далеко — те лучшие друзья. А кто соседи — враги навек. Так, что ли?

— Ну... — Ляты смутился. Было видно, что столь глубокая мысль до сих пор не приходила ему в голову.

— Короче, дикость тут полная, первобытная, — заявила Аглая. — Похоже, что кроме нас наводить порядок некому.

Сергей присвистнул, Димка тоже, только мысленно. Они едва-едва тут появились, — а Аглая уже наполеоновские планы строит. С другой стороны... Неправильно ведь ребята в этом мире живут. Глупо и неправильно. А они — советские пионеры. И оставить всё, как есть, они просто не смогут...

*Так было всегда и во все времена
В горячих мальчишеских снах:
Призывно звенят скакунов стремена
И ветер свистит в парусах!*

*Зовут нас дороги на север и юг,
И неба простор голубой,
Мы будем повсюду, товарищ и друг,
Где нас не хватает с тобой!*

*Мальчишки, вы смелый и верный народ,
А то, что малы, — не беда!
Оседланный конь снова ждет у ворот,
Во все времена и всегда.*

*Зовет нас счастливая наша звезда,
И светит ковыльный прибор.
И мы непременно домчимся туда,
Где нас не хватает с тобой!*

*В далеких боях отзвенели клинки
И песен напев грозových.
В легенды ушли боевые полки,
Но память осталась о них!*

*Мальчишек, как прежде, сзывает мечта,
Трубач не играет отбой.
И есть на Земле широта, долгота,
Где нас не хватает с тобой!*

Димка поправил на плечах рюкзак, вздохнул и осмотрелся. Идти с проводником оказалось легко. Вообще, им здорово повезло на этот счет. В самом деле, кто бы мог подумать, что в горах надо идти не по дну долин, а по самому гребню? Да, он неровный, всё время приходится то вверх, то вниз, — но зато лес тут совсем не такой густой, как внизу, не давит сырая жара, да и вредной живности куда как поменьше.

Мальчишка почесал подживающую уже ссадину на губе и усмехнулся. Да уж — не всяк вывозит, кому везет. Дерись он самую малость похуже, — и не видать им ни проводника, ни его рассказов...

Сейчас Ляпти шагал во главе отряда, ловко прыгая с камня на камень (бессовестно выделяясь перед девчонками, на взгляд Димки), бодро размахивая руками («а у нас есть такое... и на нем ещё такое... да, такое!..») и что-то всё время объясняя. Ирка не отходила от

него, записывая Мудрые Изречения в блокнотик, и даже зловредная Аглая прислушивалась вполне благосклонно. Льяти, попав в фокус внимания сразу двух девчонок, благоухал и цвел, а вот лицо шагавшего рядом Антона было мрачнее тучи, и Димка подумал, что скоро уже «господина туземного посла» позовут отойти и обстоятельно поговорить насчет его не совсем скромных взглядов, которые он бросал совсем не туда, куда надо. Что из этого выйдет — сказать трудно. Льяти на год старше и силен, даже для своего возраста. Но и Антон совсем не выглядел задохликом. Драться он не любил, — но не любит, это не значит, не умеет. Прошлой зимой он здорово навалял двум хулиганам, которые что-то там сказали в адрес Ирки — а ведь они были оба на пару лет старше, и даже нож у них был... Тут до ножа вряд ли дойдет, конечно, — но зрелище обещало стать... интересным.

Мальчишка мотнул головой и рассмеялся. Все-таки, сон — великая вещь. Вчерашняя глухая жуть ушла, словно приснилась. Сейчас ему стало... интересно. Всё же, другой мир — это другой мир. Вереницы живописных облаков парили вокруг горных вершин, самые дальние из которых казались просто тенями на зеленоватом небе. Водопады, подобно каскадам драгоценных камней, рушились из межгорных долин по крутым обрывам. Свежий теплый ветер нес какие-то пушистые яркие комочки, — должно быть, местный аналог тополиного пуха, — и их было так много, что они тянулись высоко в небе темно-бордовыми полосами. Прямо на лету их подхватывали птицы и какие-то другие существа, похожие на летучих мышей. Далеко внизу по зеленым просторам долин бродили стада разноцветно-полосатых «быков» — или, как называл их Льяти, тайлоанг. Он рассказал уже, что они медлительны и туповаты, но всегда держатся в стаде и дружно дают отпор, так что добыть их почти невозможно...

Вообще, слушать Льяти было очень интересно, — рассказчиком он оказался отличным, по крайней мере, — очень эмоциональным. Вот если бы он ещё и руками перед носом у девчонок не размахивал...

— Красивый... — как назло выдохнула топавшая рядом Машка.

— Кто, этот лось? — удивился Димка. — Ну и что в нем красивого?

— Ну, спина... — Машка покраснела и смутилась.

Димка присмотрелся, — но никакой красоты не обнаружил. Ну, спина и спина. Ну и что? Лохмам Льяти не повредила бы расческа, да и ноги у него грязные — впрочем, если все время бегать босиком, оно и не удивительно. Аглае бы помыть это чудо природы — да заодно и подстричь, а потом и одеть во что-нибудь приличное... В самом деле, не годится же почти взрослому уже парню скакать в одном куске звериной шкуры... да ещё под носом у девчонок!..

Димка недовольно помотал головой. Фиг с ним, с нарядом — если Аглае этот дикарь нравится, то так ей и надо. Впрочем, послушать Льяти определенно стоило, — мальчишка хорошо понимал, что от этих самых рассказов вполне может зависеть их благополучие, а может, и сама жизнь...

— Странно, — вдруг сказала Машка, поглядывая на голые плечи Льяти. — Он же всё время так ходит, да?

— Наверное. А что? — буркнул Димка.

— Тогда почему он совсем не загорел?

— В самом деле... — Димка задумчиво посмотрел на себя. Он уже полдня топал голый по пояс под громадным здешним солнцем, — а кожа даже не покраснела, словно он шел под лампочкой. — Выходит, что ни фи́га тут не загорись.

— И не обгоришь, — вставила Машка.

Димка нахмурился. В самом деле, в прошлом году он обгорел так, что маме пришлось два дня обмазывать его сметаной, — но ведь красиво же получилось, черт побери! По крайней мере, когда «линька закончилась», как злобная Машка называла облезание кожи. А в этом мире, выходит, солнце совсем другое, не такое злое, что ли. Но всё равно — обидно, словно у него отняли что-то вроде бы незаметное, но притом — очень нужное...

Мальчишка недовольно помотал головой. Ещё не хватало расстраиваться от такой мелочи! Солнечный ожог ему не грозит — вот и хорошо. Если на такой жаре пришлось бы ещё и от солнца кутаться, — то вышло бы совсем хреново. Всё же, странный здесь мир...

Подтверждение этому он получил буквально через минуту. Им открылась аккуратная, идеально круглая полянка, посреди которой торчал единственный громадный цветок — могучий, толще человека, коленчатый стебель высотой метра в четыре венчался единственным, метра в полтора, цветком неприятного ярко-розового оттенка, похожим на какую-то громадную муху — такая, по крайней мере, у Димки возникла ассоциация. Ирка с восторженным писком бросилась вперед, — но Льяти ловко схватил её за руку.

— Нельзя. Нельзя подходить, — неожиданно строго сказал он.

— Почему это? — возмутилась Ирка. — Табу такое, что ли?

— Нет, — терпеливо объяснил Льяти. — Это скорпионов чертополох.

— И что?

— У него вместо нектара кислота. Подойдешь к нему близко, — он в тебя плюнет.

— Ну, плюнет, и что потом?

— А ничего. Лежишь и удобряешь.

— Врешь! — выдохнула Ирка. — Так не бывает. Цветы не плюются.

— Нет, не вру! — Льяти бодро вышел на полянку и остановился метрах в трех от цветка.

В следующий миг тот вдруг... ожил. Могучий стебель шевельнулся, цветок, только что уныло свисавший вниз, вдруг приподнялся, нацелившись на мальчишку. Послышался странный звук, вроде вздоха — и цветок вдруг словно раздулся.

В этот миг Льяти резво отпрыгнул назад, — а ещё через миг точно на то место, где он стоял, ударила мощная струя мутной, желто-зеленой жидкости. Льяти взвыл и покатился по траве, — его достало разлетевшимися брызгами. Ирка, завизжав ещё громче, бросилась к нему, но мальчишка не обращал на неё внимания, яростно оттирая ноги пучками тут же надранной травы.

— Ты с ума сошел! — завопила Ирка. — А если бы ты погиб?!

— Да не, я ловкий, — Льяти бросил пучок травы и посмотрел на свои ноги. Они все были в красных пятнах, словно их ошпарили кипятком. Лицо его скривилось от боли, но голос звучал вполне спокойно. — Это сейчас я споткнулся. Квинсы, вон, вообще к самому стволу подбегают — и ничего им, гадам таким...

— А им-то зачем? — удивилась Ирка.

— А стрелы мазать. У него сок очень злобный — насмерть не отравит, а ни рукой, ни ногой пошевелить не сможешь. Лежишь, как бревно, а эти уроды над тобой смеются...

— А зачем это им? — спросил подошедший Сергей.

— Как зачем? — удивился Льяти. — А как они тогда прохожих грабить будут? Квинсы же все трусы. Они в драку никогда не лезут. Стрелами из кустов — это да, а в честный бой — никогда, понимают же, что им там ничего не светит.

— А что ж вы им ума-то не вложите? — удивился Максим. — Грабить ведь нехорошо.

— Да мы пробовали, да только фиг найдешь их, — вздохнул Льяти. — Квинсы — они вообще дикие. У них даже домов нет — они по дуплам прячутся. И красятся так, что фиг их заметишь.

— Как это — красятся? — спросил Борька. — Как девчонки?

— Ну, они краски всякие делают — из камней, из растений всяких. А потом кожу себе мажут — в зеленый в основном цвет, с разными пятнами. Вот потому и не заметно их.

— А, это как у нас маскхалаты, — догадался Сергей. — Только у нас солдаты одежду красят... то есть, не они, а сразу на фабрике красят. А Квинсы — себя, прямо кожу.

— И не чешется у них? — с интересом спросила Ирка.

— Чешется, надеюсь, — ответил Льяти. — Я-то не пробовал. Я же не дикарь какой.

Димка хихикнул. От парня в одном куске звериной шкуры такое заявление звучало несколько забавно...

Он перевел взгляд туда, куда ударила струя, — и невольно поёжился. В аккуратной зеленой травке зияла похожая на кляксу черная дымящаяся проплешина.

— Ни фига себе цветочек, — Борька почесал в затылке. — Сразу и могилка тебе, и надгробие.

Димка недовольно помотал головой. Сцена вышла бредовая, словно из сна, — но это самая что ни на есть реальность, и в неё нужно поверить. Мир здесь полон опасностей, — и им наплевать, что кто-то сомневается в них... Танька, между тем, уже ковырялась в своей аптечке, надеясь найти там мазь от ожогов — но, увы, напрасно.

— Не знаю, чем тебе помочь, — наконец с неохотой призналась она. — А вы что в таких случаях делаете?

— Надо пайвулл найти, — проворчал Льяти, поднимаясь на ноги. — Да вон он, внизу...

— Что? — спросила Ирка.

— Пайвулл, — пояснил Льяти, уже бодро спускаясь вниз. Если ему и было больно, на его ловкости это никак не отразилось. — Это растение такое. Лечебное.

Пайвулл оказался похожим на земное алоэ — толстый конический стебель высотой метра два с половиной, сплошь покрытый мясистыми, темно-зелеными отростками и увенчанный пучком длинных колючих листьев. Тоже далеко не безобидных — когда Льяти протянул копьё и сбил со ствола несколько отростков, листья вдруг, словно плети, хлестнули по древку, оставив на нем хорошо заметные царапины.

— Нет, ну ни фига себе, — повторил Борька. — И много тут таких... цветочков?

— Не, не очень, — ответил Льяти, аккуратно подтаскивая к себе сбитые отростки острием копья. — Ксорна, например, плодами стреляет, которые взрываются, но они не ядовитые, только семена там страсть как липкие. Их девчонки потом вымачивают и мордочки себе настоем мажут.

— Зачем? — удивился Борька.

— Они думают, что это цвет лица улучшает, — пояснил Льяти. — На самом деле это кожные болезни всякие здорово лечит, да и сами семена вкусные. Ну, вот...

Он подтянул обломанные отростки к ногам и взял один. Как оказалось, внутри эти штуки были полые и наполненные сладковатой водой, очень вкусной, — а внутренность их покрывала зеленоватая желеобразная масса. Ей-то Льяти и натер свои ожоги. Похоже, что боль отпустила его почти сразу, и он облегченно вздохнул.

— Он и раны лечит, да? — спросила Ирка.

— Да. Его и есть можно, если чем-то отравился. Так-то не стоит, — пронесет со

страшной силой, и вообще....

— Надо ещё листьев набрать, — предложил хозяйственный Борька. — Удобней, чем фляги, да и вода в них вкусная.

— Нельзя, — ответил Льяти. — С этого пайвулла нельзя.

— Это почему же?

— Если много сразу отломать, пайвулл засохнет, — а зачем это надо? В лесу порядок должен быть, тут ничего просто так портить и ломать нельзя.

Аглая довольно закивала: во время походов она сама не раз и не два говорила то же самое.

— А иначе удачи не будет, — закончил Льяти, и Аглая нахмурилась. С её точки зрения это было диким суеверием, — но говорить это вслух она всё-таки не стала. А Димка про себя подумал, что Льяти тут прав: лес, он тоже живой, и тех, кто берет без нужды, наказывает. Отец Борьки много чего рассказывал на этот счет — и вот как раз ему Димка верил...

Шумно обсуждая происшествие, ребята пошли дальше. Льяти несколько притих — к определенному удовольствию Димки, — но грустить долго аборигену не дали. Сергей догнал его и пристроился рядом. Льяти подозрительно покосился на него.

— Чего тебе?

— Веселый, я вижу, тут у вас мир, — ответил Сергей. — Так что давай, выкладывай, от чего тут ещё можно отдать концы.

— Ну, растений опасных тут не так много, — начал отвечать Льяти. — Бутылочное дерево тоже гадостью всякой плюется, — но не нарочно, а когда сок в стволе забродит. А вот сомтилор — это плохо.

— Что? — переспросил Сергей. Пусть Льяти и говорил по-русски, — но многих слов для обозначения здешних реалий, в русском не было...

— Сомтилор, — пояснил Льяти. — Это растение такое, в мой рост примерно. От него болеют.

— Как это?

— Ну, волосы облазят, иногда кожа даже. И потом лечатся долго.

— А зачем его тогда едят? — встрял неугомонный Борька.

— Ты что, дурак? — ответил Льяти. — Сомтилор никто не ест, никто его не трогает даже. Просто если к нему подойти, — то обязательно заболеешь. А много кто подходит, кто не знает, — он же светится ярко. А если из лука в него стрельнуть, то взрывается. Тогда всем, кто рядом, вообще хана.

— Офигеть, — сказал незаметно подошедший Сашка. — Радиоактивное растение...

— Какое? — переспросил Льяти.

— Это в природе сила такая есть — радиация, — пояснил Сашка. — Очень вредная. Нs я читал, что есть бактерии, которые в урановых рудах живут и ей питаются. А тут вон и растения приспособились. Наверное, эта штука на урановых рудах и растёт.

— Сомтилор растёт там, где много черного камня, да, — подтвердил Льяти. — Вот если из этого камня наконечник для стрелы сделать и в сомтилор выстрелить — он и взрывается.

— Живая атомная бомба, — выдохнул Борька. — Офигеть.

— Ну, бомба, не бомба, а реактор — точно, — сказал Сашка. — Только нам от него, в самом деле, надо держаться подальше, — у нас-то свинцовых скафандров нет. Это пусть уже ученые наши разбираются.

Димка вздохнул. Он не знал, дойдет ли тут дело до ученых, даже если они и вернутся.

Да и что вернуться, — это ещё вилами по воде писано...

— А еще у румута плоды взрываются, — продолжал рассказ Льяти. — Это дерево такое. На нем такие шары растут, здоровенные. Они когда созревают, то отрываются и летят. А потом взрываются и семена разбрасывают. Если в румут стрелой горячей выстрелить — знаешь, какой фейерверк будет!.. Ну и в летящий шар попасть тоже красиво.

— А драконы на людей не нападают? — спросил Антон.

— Не, никогда, — ответил Льяти. — Мы-то для них никто — так, мелочь... Вот тайлоанги — это да. Их драконы по целому быку в когтях уносят.

— Куда уносят? — машинально спросил Димка. То, что он слышал, очень походило на сказку — но, задрвав голову, он увидел высоко-высоко в небе пару крохотных снизу серебристых фигурок...

— В северные горы, ясное дело, — ответил Льяти. — Там у них гнезда. Вот туда вообще незачем ходить — логова свои драконы защищают магией, человеку там и не пройти. Из опасных зверей тут ещё шипонос есть — он добычу рогом своим колет и яд внутрь впрыскивает. А в Море Птиц рыбы-горгульи живут, вот такие, — он далеко развел руки. — Они быка могут на глубину утащить и сожрать.

— Ни фига себе, — сказал Антон. — У нас пираньи в Амазонке живут, — но они-то хоть маленькие...

— Поганое это место — тропики, — сказал Сергей. — Мне отец про Вьетнам рассказывал — у нас лес как лес, а джунгли — как базар восточный: ярко, шумно, и любой может нож под ребра воткнуть.

— Не знаю, как у вас, а у нас возле Моря Птиц хорошо, — обиделся Льяти. — Вот в лесу плохо, это да, но сюда и незачем ходить — ну, разве что из любопытства, как вот я.

— А что ж вы сами в этом лесу живете? — спросил Борька.

Льяти хмыкнул.

— Мы в другом лесу живем, в нормальном. И вообще, у нас хлеб любят есть, — а он в степи не растет почему-то.

— Постой, вы что — хлеб выращиваете? — удивился Сергей.

— А то! — с гордостью сказал Льяти. — Это только мы тут и умеем. А хлеб — он всему голова. На него всё, что хочешь, можно выменять. Хоть еду, хоть вещи. К нам много кто торговать приходит. Вот Квинсы и бесятся, — они-то сами ничего не умеют. Ну да Квинсы-то трусы — они только воровать и смеют. А вот Нурны, суки, прийти и отнять могут. Ну, если у них получится, — добавил он. — Мы как раз через их земли пойдем.

— Ничего себе новость, — буркнул Димка. — Выходит, что они и на нас напасть могут?

— Это если заметят, — ответил Льяти. — Лес-то большой, да и здесь они не ходят, — тут же никто не живет. Вот южнее — это да. А ещё южнее Куницы живут, но мы с ними дружим.

— А Квинсы где живут?

— А где придется. По лесам шастают, то там крадут, то сям. Их никто и не любит. У них вождь есть, Шиан Та, — до чего хитрый, сволочь!.. И особенно глумиться любит. Сначала смолой обольет, а потом перьями обсыплет. А потом отпускает. Только фиг потом отчистишься, — Льяти невольно передернул плечами. Видать, ему тоже пришлось отведать этого угощения. — Вот если вы его поймаете, — вас в любом племени как родных примут.

— А зачем нам его ловить? — удивился Сергей. — Нам он ничего не сделал. А в чужие разборки вступать — нам как-то не с руки. Сначала осмотреться надо и понять, с кем

спорить, а с кем дружить.

— Как это — не должны? — тут же возмутилась Аглая. — Если эти Квинсы все воры — то их надо наказать и перевоспитать, вот!

— Вот ты и перевоспитывай, а я домой попасть хочу, — зло ответил Сергей. — Я в няньки здешним наниматься на собираюсь. Что ж вы сами-то воров не отвадите? — повернулся он к Льяти.

— Да мы-то их бьем, — ответил Льяти. — Но это только если они к нам в поселок пробираются. А в лесу-то у них все козыри — стрельнут из лука, и привет. Лежишь, глазами хлопаешь и смотришь, как они твои вещи утаскивают. А могут и самого утащить. И так разрисуют, что фиг потом отмоешься. А могут волосы в косички заплести и смолой склеить. Тогда только всё обрезать или соком ксорны отмачивать, а от него голова потом чешется, и долго это... Нурны — те могут побить, но хоть так не издеваются.

— Не понимаю я вас, — ответил Сергей. — У вас в племени сколько человек?

— У нас? Двадцать девять, — удивленно ответил Льяти. — А что?

— А у этих, как их — Нурнов?

— У них человек двадцать. Сейчас.

— А парней?

— Половина примерно.

— Понятно... А Квинсов сколько?

— Их вообще одиннадцать. Раньше больше было, но многие ушли. По лесам от соседей не все ж любят бегать.

— А у этих ваших друзей-соседей, Куниц?

— Сорок. У них племя большое.

— Итого семьдесят. А врагов ваших вдвое меньше. И наверняка, они друг друга терпеть не могут, ведь так?

— Это да, — довольно ответил Льяти. — Нурны Квинсов гоняют, как сидоровых коз!

— Тогда почему вы с Куницами не объединитесь и сами их не прогоните?

Льяти вздохнул.

— Да эти Куницы — нам как бы и не друзья. Они вообще верят, что настоящие люди — это только они, а все остальные притворяются. Своё защищают, это да, это у них обязательно. А другим-то помогать зачем? А Нурны дерутся здорово, их голыми руками не возьмешь.

— И что, у вас больше друзей нет?

— Волки есть. Они здесь самое сильное племя — у них людей четыре сотни. Только они уже в море живут, на острове.

— Так что ж они вам не помогают, раз друзья?

Льяти открыл рот, чтобы ответить, — но так ничего и не сказал. Очевидно, это вопрос до сих пор просто не приходил ему в голову.

— Ну, так далеко же, — наконец нашелся он. — Ещё Вороны есть, только они кочевники вообще, и к нам редко заходят.

— А вы о помощи их хотя бы просили?

— Нет... — Льяти растерянно помотал головой.

— Тогда почему же плачетесь? Живете, каждый сам по себе, — да ещё и удивляетесь, почему вас обижают!..

— Нас не обижают! — возмутился Льяти. — Ну, разве что иногда, когда врасплох

застанут. Но зато мы потом!..

— А Вороны? Им что, тоже всё равно, что у них друзей бьют и грабят?

— Им-то как раз не всё равно, только они у нас редко появляются. Они всё способ ищут, как с Хозяевами справиться, — да только никак найти не могут...

— Вот это дело, — одобрил Сергей. — А ты знаешь, как с ними связаться?

— Не, — Льяти беспомощно пожал плечами. — Они ж где хотят, там и ходят, нам не докладывают. Они у нас с полгода назад были, а когда снова появятся, — никто не знает. Может, ещё через полгода, а может, и через год. Они обычно в таких местах бродят, где никто кроме них и не бывает.

— Понятно... — протянул Сергей. — Ну что, ребята — пошли, нечего тут задерживаться...

Они вернулись на тропу и снова двинулись на юг, к невидимому пока морю. Сергей пристроился рядом с Димкой и какое-то время молчал.

— Ты чего так насупился? — спросил, наконец, Димка. — Несвежего молока попил, что ли?

— Да нет, откуда тут молоко... — пробурчал Сергей. — Мне как живут в этом мире, не нравится.

— А что? — удивился Димка. — Не так уж и плохо они тут живут. Войн, вон, почитай, что и нет, одно хулиганство какое-то... Драконы — и те на людей не нападают, дань принцессами не требуют...

— Да пофиг мне на драконов... Я тут Льяти спросил, — хочет ли он домой вернуться.

— И что?

— А он не хочет. Не помнит ничего, да и в этом мире ему нравится.

— Ну и что?

— А то, что я не хочу таким же вот Льяти стать, всё позабывшим. Это уже и не я буду, а вообще непонятно кто... Возвращаться нам надо, и побыстрее.

— Так я же не против, — удивился Димка. Тут же навалился страх, — а что, если они не вернуться, что тогда будет с мамой, с папой, с бабушкой и дедушкой?..

Упрямо помотав головой, мальчишка прогнал эти мысли прочь. Пользы от них никакой, — а вот вред очень даже может быть. Начнешь плакать, рыдать — и сам не заметишь, как превратишься в ноющую тряпку, которой возвращение уж точно не светит...

День всё тянулся и тянулся, и мальчишке начало казаться, что этот день бесконечен. Разговоры незаметно стихли — ребята устали от бесконечных спусков и подъемов, да и послеполуденная жара уже ощутимо давила на плечи. Нет, все-таки плохо, что тут нельзя загореть — загар у Димки был уже неплохой, но все-таки, по его мнению, недостаточный. Интересно — в этом мире он сойдет или останется, как есть?..

Мальчишка вздохнул. Всё же, Сергей был прав, — жизнь в этом мире была какая-то неправильная. Пусть они и не видели пока что ничего, — но даже рассказы Льяти особого оптимизма не внушали. Какие-то банды грабителей, хулиганы глумливые... И никому, похоже, нет дела, что это плохо, каждый держится за свой кусочек счастья и думает лишь о том, как его не потерять, а не как получить больше, хотя бы — навести элементарный порядок в своем доме... И похоже, что таки им, землянам, и придется этим заниматься — больше и некому...

Димка удивленно помотал головой. Что это с ним? Нет, ему хотелось вернуться домой, это совершенно точно. Но ещё больше ему хотелось помочь здешним ребятам, — хотя он

пока что даже их не видел. Ну и, само собой, разобраться с этими похитителями, забросившими их в этот странный мир...

— Слушай, — пристроился он к Сашке. — Ты не знаешь, зачем этим пришельцам нас похищать? Ладно бы ещё на какие-то опыты, — а просто так зачем? Ну, сбиваются здесь ребята в племена, кто-то кочует, кто-то как-то устраивается — и что? Что в этом интересного?

— Да не знаю я, — Сашка беспомощно пожал плечами. — Может, их интересует, как ребята из разных миров тут уживутся. Пока похоже, что не очень. Вот в этом-то и беда.

— Почему?

— А ты что — думаешь, что мы сами Хозяев победим одной левой? Нам без помощи местных — никак, а им на Хозяев в большинстве пофиг, они врага в соседе, таком же собрате по несчастью видят.

— Ну, мне эти Квинсы и Нурны как-то друзьями не кажутся, — усмехнулся Димка.

— Интересно бы послушать, что они о Виксенах этих рассказывают... — ответил Сашка. — Думаешь, они все в белом и пушистом, и на крылах все порхают, не касаясь грешной земли, аки ангелы?

— А ты что, думаешь, что все здесь сволочи? — зло спросил Димка. — Так, что ли, у тебя выходит?

Сашка смутился.

— Димк, ты волну не гони, — попросил он. — Нет, не верю я, что сволочи они тут все. Просто, ты на Ляты посмотри. Нормальный ведь вроде парень, да? А рюкзак Машкин спереть попытался. И твое знакомство с ним с того началось, что он тебе в морду дал.

— Вообще-то, я первый на него набросился, — самокритично признался мальчишка. — Ну, в морду дал, и что с того? Мы вон с Серым поначалу вообще чуть друг друга на клочки не порвали, пока решали, кто будет за Машкой ухаживать. А теперь лучшие друзья!

— Вот! — Сашка наставительно поднял палец. — Дружба просто так не дается, её сперва заслужить надо, новичка на зуб попробовать. А если не получится, и не ты попробуешь, а тебя — раскусят, да и выплюнут?

Димка зло хмыкнул.

— Пусть попробуют. Я, знаешь, не хлюпик какой.

— Не хлюпик. Но с Сережкой ты не справишься, — да и с Максом тоже.

— И что? Я ж не хочу с ними драться.

— А то. Думаешь, среди здешних ребят Сережек и Максов не будет?

Димка пожал плечами.

— Нет, почему. Будут, наверное. Только Сережка и Макс и у нас есть.

— А если кто-то лучше них найдется? Скажешь, что такого быть не может, потому что это МЫ?

— А вот не знаю! — ответил Димка. Разговор вдруг перестал ему нравится. — Макс вон, тяжелой атлетикой занимается. А Сергей — вообще школьный чемпион по самбо. Таких, как он, ещё поискать надо. Ты вообще о чем?

— А о том, что милиции тут нет, и кроме нас самих, нас тут защищать некому. И не надо думать, что мы тут самые-самые-самые, потому что это МЫ.

— И что?

— А то, что на рожон лезть не надо, надо и головой иногда думать. Поражение — оно штука такая. Липкая. Потом не отмоешься.

— И что — выходит, нам в драку нельзя лезть, если враг сильнее? — удивился Димка. — А если он слабых обижает? После такого, знаешь, тоже... не отмоешься.

Сашка смутился — видать, сам не подумал о таком.

— Друзья нам нужны, — наконец сказал он. — И чем больше, — тем лучше. Иначе, чувствую, домой мы не вернемся. Будем, словно Квинсы, шастать по лесам и врагов орехами забрасывать...

— Друзья — это да, это обязательно, — согласился Димка. — Ладно, доберемся до этих Виксенов, — посмотрим...

* * *

Ещё задолго до заката Льяти предложил остановиться. Сергей начал возражать, — но Льяти спокойно объяснил ему, что ночью костер жечь нельзя — могут прийти нантанг, то есть волки, и тогда гостям придется кисло. Так что поесть надо заранее, — а ночевать придется на деревьях, потому что подходящих укрытий в скалах рядом, к сожалению, нет.

Разбивать лагерь в таких обстоятельствах особого смысла не было, готовить ужин тоже — Льяти быстро отыскал дерево, на котором росли *маути*, здоровенные, побольше полуметра, плоды, похожие на громадную, покрытую жесткой синеватой корой клубнику. Стебель одной такой «клубники» пришлось рубить топором, — а потом ещё ошкуривать её, словно кабанчика. Но под корой скрывалась маслянистая розоватая мякоть — каждому досталось по здоровенному куску, так что ужин на этом и закончился. Вкус был очень необычный — что-то горьковато-сладкое, вроде грейпфрута, — и Димка невольно подумал, как отнесется к такой пище его живот. Пока что всё было в порядке, но, кто знает...

Хлопот с ночлегом вышло куда больше. Во-первых, залезть на дерево оказалось совсем даже непросто. Подходящие, на взгляд Димки, деревья Льяти сразу же забраковал, объяснив, что на них могут запросто забраться «волки» — эти твари лазили немногим хуже кошек.

Показанный Льяти способ подъема был совсем несложный: обрезаем кусок лианы, обвязываем его вокруг дерева, упираемся в него спиной — и идем вверх по стволу, как по бульвару. На деле, правда, оказалось, что жесткая лиана страшно режет спину и никак не желает скользить по шершавой коре. Её приходилось ослаблять и захлестывать выше, проделывая чуть ли не цирковые трюки, так что времени всё это заняло много. Машка, Ирка, Сашка и Аглая так и не осилили подъема, и их пришлось втаскивать вверх на лианах, вместе с рюкзаками. Устроиться на ветках тоже казалось совершенно невыносимо, — нет, сидеть там ещё можно, но лежать!..

Льяти показал им, как делать гнезда из наломанных веток — тоже непростое дело, вроде изготовления плетня. Плетение гнезда было делом ответственным, — иначе ничего не стоило свалиться, — так что когда они закончили, уже почти успело стемнеть. Димка весь оцарапался и устал, словно черт. К тому же, на всех гнездах всё равно не хватило, и Льяти подал мудрейшую идею спать парами. Понятно, что Машка сразу же забралась в гнездо к Димке, и это ужасно смутило мальчишку. Нет, они уже спали вместе в одной палатке, — но там хоть отодвинуться можно!.. Тут же оказалось... тесновато, и избежать Машки не было никакой возможности. Самое обидное вышло то, что сама она не видела в этом ничего необычного. Димка повернулся к ней спиной — невежливо, но хоть сердце так не колотилось, — и попытался разобраться в своих ощущениях. Машка ему, определенно,

правилась, — но почему тогда он душу готов продать, лишь бы она оказалась сейчас в другом месте?..

Так и не придя ни к каким выводам, мальчишка уснул.

Глава 6: Дети двух миров

*В земле наша правда, в земле наши корни,
И сила в плечах — от лугов и полей.
Земля и оденет, земля и накормит,
Ты только себя для неё не жалеи.
Под небом прозрачным и синим,
Земля — словно сон наяву.*

*Зови меня дочкой,
Зови меня сыном,
А я тебя матерью с детства зову.*

*Земля хорошеет, приветствуя друга.
Земля для врага — как огонь горяча.
И часто бывает, что лемехи плуга
Заденут при вспашке обломок меча...
Сверкают алмазы росинок,
И падают звёзды в траву...*

*Зови меня дочкой,
Зови меня сыном,
А я тебя матерью с детства зову.*

*На нивах и пашнях красивые люди,
Они у земли набрались красоты.
А если ты землю всем сердцем не любишь,
Любви настоящей достоин не ты.*

— Вот, мы уже почти пришли, — гордо объявил Льяти.

Димка недоверчиво хмыкнул. На его взгляд, впереди не было ну совершенно ничего необычного: тот же надоевший до чертиков лес. Горы, правда, уже остались на севере и громоздились там, словно низкие грозовые тучи, тонущие в зеленоватой воздушной дымке. Трудно даже поверить, что они как-то дошагали оттуда — сюда. Тем не менее, Льяти уверял, что они уже у границы обитаемых земель. Саму границу особо ничего не отмечало — кроме, разве что, невероятно высокой, как телебашня, пальмы, — наверное, метров в сто пятьдесят. Коричневато-зеленый её ствол плавно суживался кверху, потом резко расширялся — и уже оттуда свисал неопрятный ворох узких зеленовато-голубых листьев, похожих на ремни. Они лениво колыхались в воздухе.

— Вот, — повторил Льяти. — Чтобы увидеть Ойкумену (странно, но он употребил именно это греческое слово) вам нужно залезть туда. Оттуда открывается самый замечательный вид, вот!

— А это обязательно? — хмуро спросил Димка. Лезть на эту живую «телебашню»,

верхушка которой весьма заметно качалась, ему ну совершенно не хотелось.

— Обязательно, — очень серьёзно ответил Льяти, хотя в зеленых его глазах отчетливо прыгали чертенята. — Ну, я-то всё равно полезу, а вы как хотите. Если боитесь, оставайтесь здесь, — он бодро повернулся и направился к стволу.

Молча проклиная всё на свете, Димка последовал за ним. Как-то само собой, за ним увязался Сергей, Максим и Антон, — хотя никто из них об этом не договаривался, они за дни похода превратились в настоящую, как говорила Аглая, «Банду Четырех», единолично решавшую все дела отряда. Странно, но никто против этого не возражал: дел и так у всех хватало, зачем лишняя головная боль?..

Вблизи ствол исполинской пальмы был похож на нефтяной резервуар, — его огромность уже не охватывалась взглядом. Он возвышался на вполне приличных размерах холме — Димка не сразу понял, что холм создала сама пальма, вернее, подземная часть её ствола. Должно быть, она была невероятно старой, словно тысячелетний дуб. Раньше Димка никогда не задумывался над тем, сколько живут пальмы. Ирка, наверное, знала, и он решил обязательно спросить её, — если живым спустится с этого... с этого...

Льяти деловито свалил свое оружие на землю и бодро полез вверх. Как оказалось, ствол пальмы покрывала не кора, а что-то вроде гладкой громадной чешуи, к счастью, обращенной кверху, так что карабкаться не составляло никакого труда — Димка словно поднимался по стремянке. Вот только эта «стремянка» казалась совершенно бесконечной. Взглянув через минуту вниз, мальчишка громко икнул, и зарекся впредь это делать — не то, чтобы он очень уж боялся высоты, но фигурки друзей казались отсюда слишком уж маленькими. А ведь они преодолели едва десятую часть подъема...

Димка вздохнул. Пока что не было ничего особенно страшного. Если посмотреть вверх, он видел деловито мелькавшие грязные пятки Льяти (вот ведь паразит — знал же, что они не смогут отказаться, после таких-то слов!), а если посмотреть вниз — руки и головы других ребят. Кроме как механически перебирать руками и ногами, делать тут было абсолютно нечего, и мальчишка начал вспоминать самые яркие эпизоды этого семидневного похода.

Ничего страшного, к счастью, с ними не случилось, — но только потому, что они шли днем, по открытым местам, а задолго до наступления темноты забирались высоко в кроны деревьев. Они тоже оказались далеко не безопасным местом — там жили страшные огромные осы, и даже змеи (как уверял Льяти, неядовитые, хотя те, кому ночью под бок забиралась хладнокровная гадина, не слишком в это верили). Но по сравнению с тем, что творилось на земле, кроны казались сущим раем — каждую ночь Димке казалось, что едва ли не все здешние хищники собирались под деревом, на все голоса требуя человеческого мяса. Чудищ-палалуканов они больше не видели, но «волки» появлялись регулярно, и иногда преследовали отряд даже днем — не решаясь нападать, но всё равно, такое вот сопровождение здорово выматывало нервы. Льяти уверял, что в этом нет ничего страшного, — если держаться кучно и с оружием наготове, — но подобная постоянная бдительность утомляла. Димка поражался про себя, как Льяти ухитрился забраться в лес так далеко в одиночку, — в этом явно был какой-то секрет, но раскрывать его Льяти не собирался или делал вид, что ничего не понимает — так, по крайней мере, казалось Димке. Он прекрасно понимал, что без этого лохматого проводника им пришлось бы очень кисло, — но особого благоговения к Льяти не испытывал. Слишком уж тот задавался, и вел себя с ними едва ли не как воспитательница с малышами в детсаде. А ведь когда на них напал-таки шипонос, его убил вовсе не Льяти, а Максим...

Вспомнив об этой встрече, мальчишка передернулся. Чем-то шипонос был похож на лебедя — упитанная тушка с длинной изогнутой шеей, — но не прекрасен, как тот, а чудовищно безобразен. Словно тот же лебедь, но ощипанный, зажаренный и уже начавший гнить — такой вот был у него цвет. Длинная шея твари расширялась наверху, как у кобры, — а на плоской, как тарелка, голове торчал похожий на штык бивень. Шипонос и атаковал, как кобра, — бил головой и вонзал полый бивень, впрыскивая в тело яд. Хуже всего было то, что эта тварь напала внезапно, из засады — и, оказавшись на месте жертвы не Максим, всё могло бы закончиться плохо. Мальчишка чудом увернулся от смертоносного выпада и разрубил шею твари топором, — черная кровь хлынула, словно вода из разорванного шланга. Льяти быстро увел отряд от бьющейся в агонии туши, — всего через минуту оттуда донесся вой и тьяканье «волков», разрывающих добычу. Потом грязно-зелено-оранжевая голова твари, плавно качавшаяся на высоте в два с половиной метра, не одну ночь являлась Димке в страшных снах. Спать тут вообще приходилось чутко и даже привязываться на ночь, — после того, как Ирка, под боком которой уютно пригрелась змея, едва не свалилась с диким визгом с дерева.

Доставали и здешние не то обезьяны, не то лемуры, — небольшие, где-то в метр длины, лысые звери, окрашенные в разных оттенков зеленый цвет, — отчего их почти нельзя было заметить. Уже в первую ночь Димка проснулся оттого, что его деловито дергали за ухо. Открыв глаза, он увидел над собой плоскую, с оранжевыми глазами морду. Строгое выражение на ней почему-то напомнило ему Андрея Васильевича, их школьного учителя физики, — но пока мальчишка пытался понять, не сон ли это, напуганный зверек исчез. Вскоре ребята поняли, что тут их невероятно много — лемуры галдели, норовили стянуть всё, что не приколочено, щипались и даже пробовали людей на зуб — не до крови, но всё равно противно. Льяти поначалу пообещал подстрелить парочку — как он объяснил, мясо лемуров противно, но вот потроха сойдут за деликатес, — но его никто не поддержал. Девчонки едва не попадали в обморок от такого кулинарного зверства, а мальчишкам стало просто жаль красивых, и, в общем-то, безобидных зверушек, — хотя шугать их приходилось постоянно...

Вся эта канитель со спуском и подъемом вещей, устройством гнезд и постоянным поиском еды отнимала массу времени, и Димка быстро решил, что в такой вот дикой жизни нет ничего привлекательного. Странно, но Льяти она явно нравилась — правда, и сам он был странный, как говорил Димкин отец — «без царя в голове». Ну, в самом деле, что может быть интересного шариться босиком по лесам, где каждая вторая зверюга норовит тебя сожрать?..

Мальчишка заметил, что ствол под ним начало ощутимо покачивать — не так, как качается дерево, а так, как качает палубу корабля, медленно и неторопливо. Вокруг лениво колыхались громадные листья — лишь теперь Димка смог оценить их размер. В ширину каждый лист был метров пять, а в длину — добрых метров сорок. Под одним таким листиком вполне мог укрыться многоэтажный дом...

Здесь, на высоте, был очень сильный ветер — ровный и плотный, как вода. К счастью, он дул в спину, прижимая мальчишку к стволу. Димка понимал, что будь иначе, — его уже сто раз бы сорвало и сбросило вниз...

Последние метры подъема дались трудновато, — ствол пальмы расширялся наверху, и подняться по нему удалось лишь потому, что он наклонился в одну сторону, став почти вертикальным. И всё равно — тело ощутимо нависало над пропастью, в которую Димка старался не смотреть. О том, как он будет спускаться, мальчишка старался не думать...

От самой макушки ствола расходились трехгранные черенки листьев толщиной метра в полтора. Между них торчала какая-то бурая щетина высотой в два человеческих роста, — но чья-то твердая рука прорубила в ней дыру, через которую вполне можно было пролезть.

Вслед за Льяти Димка перевалился через край — и замер, задохнувшись от ветра. Но не только. Перед ним открылась огромная страна: тающие в зеленой дымке холмы, голубые глаза озер, тонкие нити рек — и далеко за всем этим блестело не то море, не то огромное озеро. Ойкумена...

* * *

Лишь когда рядом с ним наверх выбрался Сергей, Димка опомнился. Он помотал головой и осмотрелся. Самая вершина ствола была плоской, даже вогнутой, с радиальными ребрами листовых черешков — что-то вроде волокнистой, разлохмаченной тарелки диаметром метров в пятнадцать. Приподнятый её край неплохо защищал от ветра, так что сидеть в самой середине оказалось неожиданно удобно. От плавных, медленных покачиваний ствола сладко кружилась голова, — Димке почти наяву казалось, что он летит в небе на каком-то невероятном плоту. Льяти, вытянув ноги, посматривал на них со снисходительным самодовольством — он-то, верно, видел всё это далеко не в первый раз, — но это уже не раздражало Димку. Зрелище стоило всех усилий, которые пришлось на него потратить.

— Вон там живем мы, — Льяти протянул руку, указывая на какое-то место в лесу, которое, по мнению Димки, ничем не отличалось от прочих. — А вон там Куницы. А Волки — во-он там, — он показал вдаль, к едва заметным островам на озере.

— А Хозяева где? — спросил Сергей.

Льяти нахмурился.

— Они-то? Да вон там, — он указал на самый горизонт. Там смутно темнело что-то вроде другого берега — зубчатая, неровная полоска. И уже где-то за ней виднелась блестящая точка — до того маленькая и смутная, что порой Димка думал, что она ему просто кажется. Но, приложив к глазам бинокль, он смог рассмотреть что-то вроде верхушки металлической пирамиды, должно быть, колоссальных размеров. Наверняка, она больше знаменитой пирамиды Хеопса, подумал мальчишка. Ничего мрачного или зловещего в ней не было — скорее, она походила на пирамидальную крышу какого-то великанского дома...

— Вот это и есть Цитадель Хозяев, — пояснил Льяти. — Её только отсюда и видно.

— А отчего ты уверен, что Хозяев? — спросил Димка. — Они тебе что — докладывали?

Льяти обиженно фыркнул.

— Там ночами огни видно — плохо, как тусклые звездочки, но всё же... И они не красные, как огни костров, а синие. Таких огней не бывает, это колдовство...

— Это не колдовство, а ртутные лампы, — пояснил Сашка. — У нас такими улицы как раз освещают. Так... Выходит, что там есть электричество. Это и понятно, потому что роботы без электричества не работают. Эх, попасть бы туда...

— Это не получится, — вздохнул Льяти. — Там остров, а переплыть озеро невозможно, демоны не дадут...

— Это мы ещё посмотрим, — пообещал Сергей.

Димка вздохнул. До Цитадели наверняка было очень далеко — километров сто, не

меньше. Они и видели-то её только потому, что пальма торчала на гребне высоченного склона. Если считать от уровня озера, они были на высоте метров в четыреста — почти как на самолете. Вот если бы он, Димка, мог летать...

Слезать вниз не очень-то хотелось, тем более что Льяти завладел биноклем, и отдавать его не собирался. На все упреки он только молча, но сильно отбрыкивался, и только донесшиеся снизу слабые крики девчонок заставили его оторваться от созерцания.

Уже на самом краю Димка оглянулся на огромный, неведомый мир, поймал взглядом тусклую искру Цитадели.

— Ждите, сволочи, — пообещал он. — Мы идем.

* * *

Граница Ойкумены была совершенно незаметной, но Димка сразу ощутил, что вокруг всё изменилось. Прежде всего, исчезла влажная, давящая жара, — в лицо ему ударил обычный теплый ветер лета. Удивительно, но здесь, на равнине, оказалось гораздо прохладней, чем в горах. Да и сам лес выглядел вполне обычно — не тайга, конечно, больше похоже на леса Крыма или Черноморского побережья, в которых он бывал, — но без бьющей по глазам, оглушающей пестроты. Льяти уже рассказал им, что твари из джунглей никогда не заходят сюда, и здесь обитают совсем другие животные, многих из которых приручили. Димка не понимал, как такое возможно. В душе шевельнулась какая-то смутная, неприятная мысль, — но он не додумал её. Идти тут было легко, ноги словно бы сами несли мальчишку вперед. Льяти тоже торопился, — он возвращался домой, так что привалов решили не делать. Наконец, путь им преградила самая обычная узкая тропа — первое, не считая самого Льяти, свидетельство, что здесь-таки живут люди...

Льяти глубоко вздохнул и упер тупье копы в землю.

— Вот. Идите за мной, — а я побежал.

— К-куда? — выдохнул Димка.

— Своих предупредить, — снисходительно пояснил Льяти. — Надо же гостей по всем правилам встретить, — это прозвучало уже несколько двусмысленно, но задать новый вопрос никто не успел: Льяти перешел на бег и исчез почти сразу, развив оч-чень приличную скорость, — Димка и не представлял, что можно *так* бегать.

— И что нам делать? — спросила Аглая. Она выглядела несколько ошарашенной, да и сам Димка был немного растерян. Он до такой степени привык к советам проводника, что без него ощутил себя беспомощным. Ощущение глупое, он сам понимал это, — но никак не мог избавиться.

— Что, что... — проворчал Борька. — Следом идти.

— Ага, придем, а там уже котлы для дорогих гостей приготовлены, — брякнул Юрка Головин, и Сергей тут же дал ему леца. Слегка.

Наступило глубокомысленное молчание. В самом деле, — об обитателях этого места они знали только со слов Льяти. Не то, чтобы Димка верил в людоедов, но идти всё же было страшновато...

— А, в самом деле... — начал Эдик. — Мы же даже не знаем, сколько их там... Вдруг этот Льяти брешет, и они человеческое мясо жрут?

— За свои окорока боишься? — съязвила Аглая.

Эдик заткнулся и покраснел, но вслед за Льяти так никто и не двинулся.

— А вдруг они мальчишек берут в рабство? — мечтательно предположила Ирка.

— И девчонок! — добавила Машка.

— Так, хватит, — сказал Сергей. — Пошли.

— Куда? — сразу же спросил Борька.

— Ну не назад же!

Никто так и не двинулся. Сергей сплюнул и зашагал по тропе. Димка глубоко вздохнул и последовал за ним, — бросить друга он никак не мог. За ним, вразнобой и неохотно, потянулись остальные...

* * *

Тропа оказалась довольно-таки длинной, и страхи ребят понемногу начали слабеть, — в самом деле, никто не бросался на них из кустов с дубиной, не запихивал в мешок, и не тащил к котлам в пещеру. Откуда у пещерных людей могут взяться котлы? — подумал вдруг Димка и хихикнул. Собственный страх показался ему вдруг очень глупым.

За очередным поворотом тропы ребята увидели, что лес впереди обрывается, точно обрезанный ножом, — но между ним и поляной стояла трехметровая стена странных синеголубых растений, похожих на мохнатые, насаженные друг на друга цветки. Тропа снова поворачивала и ныряла в узкий проход между ними.

— Что за шутки... — пробормотал Сергей, сбавляя шаг.

— Они, наверное, ужасно ядовитые, — тут же оптимистично предположил Юрка.

— И плюют ядом прямо в глаза. С двадцати метров, — тут же подхватил Борька.

— Фигня это, — ответил Антон. — Льяти-то тут прошел, а он почти что голый.

Про себя Димка подумал, что как раз Льяти мог тут и не проходить, — с чего они взяли, что он шел по тропе? — но Сергей уже скрылся за поворотом, и думать стало не над чем.

— Мать моя женщина... — выдохнул Борька, останавливаясь, и Димка молча согласился с ним.

Перед ними лежала обширная поляна... нет, поле! — на котором зеленела пшеница. Самая обычная земная пшеница, а не какой-то инопланетный злак, который логично было бы тут встретить. Точно посреди поля стояли самые натуральные индейские вигвамы — конические шатры из тщательно выделанных и раскрашенных шкур, над которыми торчали верхушки опорных жердей. Этих «фигвамов» тут оказалось штук пятнадцать. Вокруг них, в загородках, толкалась какая-то живность, похожая на коз. Между самих шатров виднелось несколько фигурок, и гостей сразу же заметили.

В селении поднялась суматоха, — и всего через минуту наружу высыпало, наверное, человек двадцать парней, очень похожих на Льяти — рослые, светлокожие и черноволосые, точно так же одетые, — если, конечно, набедренные повязки можно назвать одеждой. В руках у всех копья, — а у нескольких такие же, как у Льяти, длинные луки.

Димке стало неудобно. Если не считать девчонок, туземцы превосходили их числом раза в три — и это не считая того, что у них настоящее, пусть и самое простое оружие. Видно было, что обращаться с ним тут умели, и что драка хозяев вряд ли удивит. Тем не менее, на орду людоедов это всё же походило мало, — во взглядах хозяев не было ни свирепости, ни голодного вождения, они блестили самым обычным любопытством. Никто не бросался на

них с утробным воем, — местные просто стояли, и смотрели, что предпримут гости.

Среди других парней Димка заметил Льяти, — тот тоже узнал его, и активно замахал руками, призывая подойти поближе. Делать было нечего, — пришлось идти...

Димка был готов буквально ко всему, — но то, что случилось, застало его совершенно врасплох. Парни расступились в стороны — и навстречу гостям вышли девчонки. Одетые почти как парни, — то есть, можно сказать, почти не одетые. Что-то вроде цветных фартучков и какие-то ожерелья из листьев, прикрывающие грудь — вот, можно сказать, и всё. Это, конечно, если не считать украшений. Волосы у девчонок оказались черные, пышные и длиннющие — до... до...

Димка вздохнул и невольно замедлил шаг. Не то, чтобы он совсем не видел раздетых девчонок, — они с Машкой даже на пляже не один день валялись! — но всё было как-то... слишком неожиданно.

Подойдя к ним шагов на десять, мальчишка остановился, — ноги отказывались идти. Глаза, словно обезумев, не могли остановиться на чем-то одном, и сами бросались то туда, то сюда. Девчонок было, наверно, штук пятнадцать — все светлокожие, зеленоглазые, с короткими носами... красивые... красивые! Вот что было совершенно ужасно. Димка никак не мог выбрать какую-то одну, — хотя, зачем ему это надо, он и сам не смог бы сказать. Он старался смотреть только на ноги, но и это мало помогало.

Вроде бы, ноги у парней и девчонок одни и те же — но вот ноги Льяти не вызывали у него ровно никаких чувств, а тут... Димка не мог даже представить, что у каждой девчонки их так... много. То, что ноги были босые, добивало его окончательно — хотя он опять-таки не смог бы сказать, почему...

Он не сразу заметил, что стоящая в центре девчонка держит на руках хлеб — самый настоящий каравай, правда, без соли и не на рушнике, а на чем-то, вроде громадного листа, но всё равно...

В голове словно что-то щелкнуло — ощущение реальности отключилось, теперь Димке казалось, что он смотрит какой-то сумасшедший фильм. Девчонки шептались и хихикали, — гостей они не боялись ни фиги, и это было почему-то обидно. Самая высокая — та, которая держала хлеб, — окинула взглядом неровную шеренгу гостей — и направилась прямо к мальчишке. Остановившись где-то в шаге, она протянула ему каравай.

— Это мне? — тупо спросил Димка, чувствуя, как по коже расползается пунцовый жар, — взгляд его был устремлен на её гладкий, подтянутый живот, потому что смотреть выше, — а тем более, смотреть в её смеющиеся зеленые глаза было совершенно невозможно.

Механически протянув руки, он взял блюдо, — неожиданно тяжелое. Горячее. Хлеб был теплым, от него поднимался умопомрачительный запах. Мальчишка почувствовал, как рот наполняется голодной слюной.

Как ни странно, это привело его в чувство. Он мотнул головой и осмотрелся. Виксены стояли полукругом — парни уже смешались с девчонками — и он, наконец, понял, что их не так уж и много, всего человек тридцать. Но после недели полного безлюдья в лесу и это количество казалось огромной толпой.

Взгляд Димки вдруг зацепился за парня, стоявшего в центре толпы — вроде бы, вместе со всеми, но как-то так наособицу, что становилось понятно — это вождь. Димка сначала отметил именно это, и лишь потом понял, что этот парень непохож на остальных — крепкий, плечистый, он был заметно ниже стройных Виксенов. Русые волосы, серые глаза... Правый прищурен, — сначала Димке показалось, что парень подмигивает, и лишь потом

заметил сползающий на щеку рваный шрам. Лицо у парня было самое обычное — как у самого Димки, у Сашки, у Антона...

— Ребята, — выдохнул вождь, — вы что? Русские?

* * *

Это было уже чересчур, и сознание Димки снова отключилось. Виксены окружили их галдящей толпой и куда-то повели. Как оказалось, вигвамы стояли правильным кругом, — а в центре, между ними, посреди небольшой площади, помещался очаг. Не какое-то первобытное кострище, а именно настоящий очаг — выложенная камнями овальная яма длиной метра в четыре. Поперек неё положено несколько тщательно обтесанных каменных плит, на которых что-то даже жарилось. В яме жарко тлели угли, но дыма совсем не было.

Площадь оказалась маловата для стольких людей, началась суматоха, толкотня. Димка задыхался от волнения, сердце у него бешено колотилось. Может, потому, что только здесь он осознал, что Виксены тоже люди, — но не земной расы, — или потому, что вокруг него повсюду были девчонки.

Национальный женский костюм Виксенов отнюдь не отличался сложностью: что-то вроде передника, — кстати, не из шкуры, а тканого, где-то тут умели ткать ткань! — то же самое, прикрывающее... э-э-э... тыльную сторону, — а между ними видно, как ноги переходят в... наверное, бока. Где именно они там переходят, Димка затруднился бы сказать. Вся эта нехитрая конструкция скреплялась немудреным шнурком, — и ещё один такой же придерживал нагрудное ожерелье. Но если спереди оно ещё как-то справлялось со своей функцией, то взгляд сбоку открывал нечто такое, чего Димка предпочел бы не видеть наяву — особенно, когда рядом Машка. И эти заразы словно нарочно двигались так, словно плыли в некой невесомой среде. Смотрелось это потрясающе — только, вот беда, Машка всё равно была лучше!..

Наконец, как-то вдруг, все расселись вокруг очага — прямо на земле, потому что никаких стульев не было. Девчонки начали разносить еду, — как сначала показалось, на листьях, но это были настоящие тарелки, вернее, мелкие корзины, высланные изнутри листьями. От их содержимого тоже можно было опалеть — хлеб! Масло! На этом фоне жареное и тушеное мясо, какие-то фруктовые салаты и соленые грибы уже как-то терялись. Димка даже представить не мог, что так соскучится по простому горячему хлебу...

Он плохо помнил, о чем тут говорили — вообще-то, говорили в основном хозяева, а гости молчали. Мальчишка быстро обожрался до совершенно неприличного состояния и потому плохо соображал. В довершение ко всему, после пира пришлось ещё ставить палатки — потому, что Аглая категорически отказалась стеснять хозяев, да и Сергей намекнул, что спать поодиночке в чужих домах не слишком-то разумно. Пусть Виксены вели себя открыто и дружелюбно — обычаев их ребята не знали, и какой-нибудь внешне безобидный поступок мог резко переменить их настроение. Чего-чего, а книг о приключениях среди диких племен Димка прочитал достаточно...

Предосторожность, в общем, была глупая, — но Льяти успел объяснить им, что эта небольшая полянка сбоку от селения как раз и предназначена для гостей, — они бывали тут довольно часто. Как ни странно, привычная, чисто механическая работа необъяснимо успокоила мальчишку, — и он крепко заснул...

Проснувшись, Димка несколько секунд смотрел в зеленый брезентовый потолок палатки. В первый миг ему показалось, что весь этот чужой мир ему просто приснился, — но донесшийся снаружи незнакомый звук, мычание какой-то местной животины, — безжалостно разрушил иллюзию. Димка вздохнул и осмотрелся.

В палатке он был один — остальные, похоже, уже проснулись и разбрелись по делам. Солнце стояло уже высоко, и мальчишка понял, что спал очень долго — лишь теперь он ощутил, как вымотался во время этого бесконечного перехода в проклятом лесу, где ночью и днем что-то беспрерывно выло, похрустывало и хохотало. Сейчас вокруг звуки были самые что ни на есть деревенские, мирные — вот потому, наверное, и спалось так хорошо...

Димка с наслаждением потянулся, потом натянул кеды и треники — расхаживать в трусах, на манер местных, ему как-то не хотелось, — потом, подумав, надел ещё кофту от спортивного костюма и повязал поверх неё галстук, о котором во время похода как-то забыл. Непонятно почему, это показалось ему сейчас очень важным. Он ещё раз придирчиво осмотрел себя, потом выбрался наружу.

В первый миг ему показалось, что он где-то на съемочной площадке — вигвамы были совершенно, как в фильмах, — но иллюзия тут же рассеялась. В загонах лениво бродили какие-то, явно неземные горбатые бычки, похожие на измельчавших бизонов — на них, очевидно, Виксены и пахали. Между шатрами сновало несколько забавных зверушек, похожих на гибрид белки и зайца, с размерами последнего, явно домашних — одна из них подбежала к Димке и села на задние лапы, явно выпрашивая подачки, но мальчишка отпихнул её ногой, — ему надо было узнать, куда все делись.

Понять это, впрочем, труда не составило, — хорошо поставленный голос Аглаи был слышен издалека. Ребята — и земные и местные — собрались на площади, рассевшись прямо на земле, а Аглая, стоя, держала речь, и Димка остановился послушать.

— ...в нашей стране все живут в настоящих каменных домах! В каждом нашем доме есть электричество и горячая вода!.. В каждом нашем доме...

Димка хихикнул про себя. Сама Аглая как раз жила в деревянной развалюхе, назначенной на скорый снос, — ей приходилось топить печь и посещать удобства во дворе, но это ничуть её не смущало, это ведь временные трудности и скоро всё обязательно будет, как надо!..

Мальчишка собирался, было присесть к Машке — интересно же послушать, всё равно, больше тут делать нечего, — но тут его цепко схватили за локоть. Димка повернулся, готовясь врезаться нахалу между глаз — и облегченно вздохнул, заметив Сергея. Тот тоже, почему-то, был полностью одетый и в галстук.

— Пошли, — коротко сказал он, не отпуская локтя друга.

— К-куда? — выдавил Димка, немного ошалев от такого напора.

— К Ивану.

— К какому Ивану?

— К вождю здешнему. Его зовут Иван Корыто.

Димка хихикнул.

— Ничего себе фамилия. Или это прозвище такое?

Сергей улыбнулся. Губами. Глаза у него остались серьёзными.

— Других фамилий тогда не было. Иван родился ещё во времена царя Петра. Первого.

Димка удивленно приоткрыл рот.

— А...

— Б! Нечего тянуть, пошли!

* * *

Идти было совсем недалеко. Сделав всего несколько шагов, ребята нырнули в один из вигвамов, ничем не отличавшийся от остальных. Внутри, к разочарованию Димки, оказалось почти совсем темно, — свет проникал сюда только сверху, через дырку в шкурах. В центре горел небольшой костерок, — но света он тоже давал, прямо скажем, немного.

Когда глаза приспособились, Димка с удивлением обнаружил, что тут же сидят Макс и Антон — «Банда Четырех» собралась в полном составе. Тут же сидел и Иван. Вчера он показался Димке почти взрослым, — но сейчас стало ясно, что мальчишке всего лет четырнадцать. Трудно было поверить, что на самом деле он самый, что ни на есть настоящий свидетель «времен Очакова и покоренья Крыма»...

Обстановка шатра отнюдь не поражала роскошью. Большая постель из травы и шкур, несколько стоявших у стены мешков, очевидно, с зерном, прислоненное к опорной жерди короткое копьё... Вот, собственно, и всё. Личного имущества чуть больше, чем у рыбы. Димка не знал, как там обстоят дела у остальных Виксенов, но их вождь явно не был заражен вещизмом.

Несколько минут все молчали, посматривая друг на друга. Димка начал волноваться. Он уже понял, что представление на площади — это и есть представление. Для публики. А настоящие дела будут обсуждаться здесь.

Они представились — Иван пожал каждому руку — потом попросил рассказать о России.

— Так что, выходит, — за эти триста лет тут никого из наших не было? — простодушно удивился Димка.

Иван как-то странно посмотрел на него. Вроде бы и не зло, а так... непонятно.

— Да почему, были... Только последнего я лет сто назад видел, не меньше, — «сто лет» прозвучало, как шутка, но это была самая, что ни на есть реальность этого мира, и от осознания её Димку начало потряхивать.

— А куда они потом делись? — спросил Сашка.

Иван пожал массивными плечами.

— Да кто знает... Затерялись... Кто к восточному морю ушел, кто так — давно это было... У нас там теперь как?..

Сергей начал рассказывать. Говорил он совсем не как Аглая — без призывов и лозунгов, коротко и веско. Рассказ, правда, получился длинноват — слишком уж много всего произошло в мире за эти три столетия, — но Иван не задал ни одного вопроса. Димке это показалось странным, — на его месте он бы взорвался вопросами, — но Иван просто долго молчал.

— Вот оно как, выходит, — наконец сказал он. — Нету больше царей... — и снова замолчал. Что хотел сказать — непонятно...

— А как ты тут оказался? — быстро спросил Димка. Он, почему-то, боялся разговора,

который мог бы начаться.

— Как... — Иван снова помолчал. — Отец послал дяде мешок пшеницы отнести — вот и донес... сюда. Сначала подумал — к чертям в ад попал, кругом дикари голые пляшут... Чуть умом не решился. Да вот по привычке как-то... Бродил по лесам, на этих вот наткнулся — они тогда только что тут появились, не знали, что делать, тыкались туда-сюда, как слепые котятка... Я сразу понял — пропадут. А они всё же люди — парни молодые, девчонки... Вот и взялся я их вести... — Иван снова замолчал.

— И что? — наконец спросил Димка.

— И всё. Веду. Вот уже сотни две лет как. Хлеб вот приучил сеять. Дома хотел поставить как положено — не хотят, им в шалашах проще... Они же сначала совсем дикие были, почти как звери... Руками ничего делать не умели, всё ждали, что кто-то их спасет... Всему их приходилось учить. А теперь и не помнят уже, что ничего не знали, носы перед соседями дерут...

— А наших ребят искать не пробовал? — это спросил уже Антон.

Иван махнул рукой.

— Как искать, когда я два, почитай, века тут сижу? И они вон сидят... привыкли. Один Льяти — путешественник, да и тот без царя в голове — по горам своим всё гоняет, не счесть уже раз, сколько голову он там сложил... Ему что ни накажи, — всё забудет, по-своему сделает.

— А самому пойти? — спросил Димка.

Иван усмехнулся.

— Вы же их видели. Дети. Всех мыслей, что играть и веселиться. Без меня они б уже на десять раз пропали. Соседи у нас — не дай Боже, только чуть оплошай, — все поля разорят, вытопчут... Сколько раз я с ними договориться хотел, да только толку... — Иван махнул рукой.

— А Хозяева как? Их победить не пробовал? — Сергей прямо посмотрел на него.

Иван ответил ему таким же прямым взглядом. Нехорошим таким взглядом. Тяжелым.

— У нас тут целое племя было. Наше, русское. Многие ещё Смуту помнили, каково это — под инородцами жить... Да только тщетно всё... Железа тут не выплавить — а без доброго клинка как с нечистью сражаться? Народцев тут побывала тьма-тьмущая — да только каждый на особицу, каждый на соседа зуб точит, каждому соседское добро нутро жжет вперед любых Хозяев. Про веру Христову и слышать не хотят, — плюются, аки бесы, а без веры — как народ поднять? Сами-то мы то туда бросались, то сюда... Вот и добросались. Хозяева-то поначалу пугали — раз пугнули, второй, третий... А потом разъярились, городище наше по щепкам разнесли, народ по лесам разогнали — да так, что потом мы уже и не собрались. Кто к чужакам прибился, а кто и совсем сгинул, царствие ему небесное...

Димка промолчал. Хотя он и привык думать о религии, как об опиуме для народа и глупости, смеяться как-то не хотелось. Совсем. Пусть и опиум, — а опираться душой на что-то же надо. Без опоры в здешнем мире вполне можно свихнуться — это мальчишка уже понимал. Ну, может, и не свихнуться — а... смириться со всем этим, что ли? А смириться Димке совсем не хотелось. После рассказа Ивана откуда-то из глубины души начала подниматься темная, тяжелая злость.

— А ещё кто-нибудь пробовал? — спросил, между тем, Антон.

Иван почесал в затылке.

— Да все, наверное, пробовали поначалу — только без толку оно всё... Вороны, вон, до

сих пор ищут — по всему миру мотаются, да только не нашли ничего...

— А нам как их найти? — сразу спросил Сергей.

— То одному Богу ведомо, — ответил Иван. — Они тут с полгода назад были, а когда снова появятся, — то не сказали. Может, ещё через полгода, а может, и через весь год. Да только зачем они вам? По лесам без толку мотаться — пустое дело.

— А что ж нам тогда делать? — спросил Сергей.

Иван пожал плечами.

— Тут селитесь. Нас людишки дурные часто беспокоят, — а ежели вы тут осядете, то сподручней отбиваться будет. Наши-то не против совсем.

— Э... спасибо, — ответил Сергей. Видно было, что он здорово ошарашен предложением. — Но мы к Волкам хотим идти, корабль строить...

— Да идите, мне-то что? Они-то рассказы слушать обожают, да и живут вроде бы так, как вы рассказывали — по уму, да по справедливости. И ими тоже девчонка заправляет, — Иван покачал головой. Видно было, что эту идею он категорически не одобряет. — Только не понравится вам там. Не дело это — на островах всяких жить...

— На островах? — выдохнул Антон. — Они что ж — по Морю Птиц плавают?

— Плавают, конечно, — удивленно ответил Иван. — На плотках.

— И что — их Хозяева не трогают? — спросил Димка.

— Нет. Им на тех-то, кто просто живет, наплевать. Вот если кто что-то сделать попробует — ну, железо там плавить или Море переплыть — то у тех сразу всё разгромят. Или в лес загонят. В лес они вообще редко заходят — бояться, что ли...

— А до Волков далеко идти? — спросил Антон.

— Да не очень... Неделя ещё или две — это уж как спешить будете... Только дойти-то непросто — ни Квинсы, ни Нурны вас через свои земли просто так не пропустят. Да и Куницы вряд ли помогут — хоть они тоже вроде как русские, только из времен совсем уже древних, чуть ли не былинных. Когда они сюда пришли, на Руси о вере Христовой и не слышал ещё никто.

— Офигеть... — выдохнул Антон. — Они, выходит, сюда ещё до Владимира Красное Солнышко попали...

— Когда они сюда попали — то мне неизвестно, — ответил Иван. — Да и сами они того не помнят, — очень уж давно это было... Недоверчивые они. Всех, кто вокруг живет, даже и за людей-то не считают. Говорят — то духи, мол, в человеческом обличье. Да и колдовством пробавляются. Одно слово — нехристи.

— А колдовством — это как? — сразу же спросил Антон.

— Они со зверями говорить могут, — спокойно пояснил Иван. — Ну, не словами, конечно, но так, что звери их понимают и даже как-то отвечают по-своему.

— Я-то думал, что у них машины какие-то есть... — разочарованно вздохнул Димка.

— Машины тут только у Хозяев есть, — ответил Иван. — Их же только бесы могут двигать, а Хозяева те — сами бесы и есть.

Димка хихикнул про себя. Но вот смеяться вслух ему почему-то не хотелось. Совершенно. Как отец говорил — в каждой избушке свои погремушки. Да и нехорошо это — смеяться над человеком. Иван же не от безделья невежественный — просто время тогда дикое было, а здесь ему объяснить и подавно никто не мог. Успеется ещё...

— Со зверями говорить нельзя, — уверенно заявил Антон. — У них плотка не так устроена, чтобы слова произносить, — да и слов они не понимают.

— Так Куницы ж не словами разговаривают, — спокойно повторил Иван. — А что звери их понимают, — то я сам видел. То магия и есть, самое чернокнижие настоящее.

— Может, они телепатией владеют? — предположил Антон. — Слушай, а у вас с магией вообще как? А то Льяти говорит, что есть, а вот что именно, — ни бэ, ни мэ...

Иван удивленно посмотрел на него. Было видно, что он совсем не понял вопроса.

— У нас-то в племени чернокнижием никто не балуется, да и не умеет, — ответил он, наконец. — Да и у соседей я про такое не слышал, окромя, ясное дело, Куниц... А вот звери зачарованные попадают, что правда, то правда.

— А как это — зачарованные? — спросил с интересом Димка.

— Те, кто всё человеческое забывают, в зверей тут превращаются, — спокойно пояснил Иван, и вот от этого СПОКОЙСТВИЯ Димку вдруг продрал мороз. — Да только не до конца. Они и говорить умеют, и хозяйство даже иногда ведут... Иногда помочь могут, а иногда и напакостить. А иногда просто с тоской такой посмотрят, что просто жуть берет...

Димка тоже поёжился. Не то, чтобы он совсем в это верил, но всё же, стало страшновато. Мало ли что может произойти в этом странном мире? Мало ли что умеют Хозяева? Возьмут вот — и превратят в собаку. И гавкай им потом...

Мальчишка недовольно помотал головой. Это были явно не те мысли, которые добавляют смелости, — да и вообще, явно лишние. Мало он, что ли, слышал страшилок? И сколько из них, в итоге, оказались правдой? Вот именно. Так что совсем нечего тут...

— Ладно, — вздохнул Сергей. — Ты нас к Волкам-то проводишь?

— Я-то не провожу, — не могу, — вздохнул Иван. Димка отметил, что говорит он веско и медленно, как настоящий хозяин. Настоящий, конечно, почему нет? — А вот Льяти тот же — запросто. Ему же мигни, намекни только, — сразу с места сорвется. Да и дороги здешние он, почитай, лучше всех знает.

— А доверять ему можно? — спросил вдруг Антон. Димка заерзал, — вопрос получился не слишком-то вежливым, но Иван ответил спокойно, с ухмылкой даже:

— Ежели пакостей ему делать не будете — то запросто. А ежели будете... царствие вам небесное. Он вам такого не простит, — а уж мы и подавно. У нас в племени с этим просто — ежели чужак нашего обидел, то, почитай, обидел всех. Тут нельзя без этого, никак.

Сергей яростно почесал в затылке.

— Ну, и у нас так же. Сами-то мы обижать никого не будем, — пока нас не тронут.

— Вот и правильно, — ответил Иван. — Я вот что думаю: вам всем оружие нужно, без него тут нельзя. Тут и лихие людишки шалят, и зверье вежество не всегда помнит.

— Так мы же не против, — Сергей развел руками. — Только где ж его взять-то?

— А вы сделайте, — спокойно предложил Иван. — Оружие, оно вещь такая, что только хозяйской руке и служит. А ежели из чужой руки брать — не принесет оно удачи.

Это можно было понять и так, что лишнего оружия в племени нет, а если и есть, то делиться хозяева им не намерены. Но по зрелом размышлении Димка понял, что Иван прав: особой долговечностью здешнее вооружение не отличалось, так что уметь делать его таки нужно. Да и дело явно не особенно сложное. Только...

— Мы ж не знаем, как его делать, — просто сказал Антон.

— А вы Льяти попросите, — спокойно ответил Иван. — Он вам всё покажет, и где материал нужный найти, и всё прочее.

— Это, выходит, нам тут задержаться придется? — ответил Сергей.

— Так спешить некуда, — да и у нас никто не против будет. Оружие-то сделать

недолго, — а вот научиться владеть им, оно потрудней будет. Только без этого нельзя, оружие без умения — оно, что ноги без головы, сам себя и покалечишь. С этим-то мы вам поможем, а скоро ли то выйдет — мне неведомо. Лучше шагать медленно, чем быстро упасть.

Спорить с этим никто не захотел, и аудиенция на этом завершилась. Димка выбрался из шатра, шурясь от яркого света. Лекция Аглаи тоже кончилась, и с площади расползались молчаливые Виксены. Смотрелись они как-то пришибленно, — да и глаза у них как-то странно блуждали.

Мальчишка усмехнулся про себя — Аглая, она как главный калибр на линкоре, на непривычных людей действует оглушительно. Виксены, бедняги, и на политинформации простой никогда не были — а тут им целая речь, да ещё без регламента. От такого можно и в самом деле ошалеть...

Но, как оказалось, ошалели далеко не все. Почти сразу навстречу мальчишке вывернулся Льяти — и уж он-то совсем не смотрелся пришибленным, привык уже за неделю похода. Сейчас рядом с ним стояла девушка — та самая, которая вручила Димке хлеб — и мальчишка подумал, что она его... э-э-э... ну, как бы...

К счастью, Льяти тут же положил конец его мучениям.

— Это Иннка, — представил он её. — Моя подруга.

Иннка спокойно кивнула, глядя на землянина с неким ироническим интересом. Она была рослой, великолепно сложенной девчонкой, и весь её вид говорил, что шутки с нею плохи. Кожа её, как и у всех Виксенов, отливала молочной белизной, резко выделяясь на фоне черных волос и зеленых глаз. Широкое лицо с высокими скулами и большим чувственным ртом было бледно. Одетая она была вполне обычно, по местным, опять-таки, меркам — хлопковый, очевидно, передник, ворох каких-то разноцветных травяных метелок на груди (это, наверное, щекотно, неволью подумал мальчишка, и его плечи, непонятно почему, передернулись). Ну и, разумеется, бусы — яркие, красные, синие и желтые гальки, как-то просверленные и нанизанные... на жилы, что ли? Нитки таких бус были у Иннки на талии, на запястьях, на щиколотках, даже на плечах над локтями.

Димка вдруг вспомнил школьный урок истории, — как первобытные люди сверлили камень при помощи воды, песка и деревянной палочки. Когда он представил, сколько труда ушло на эти, пустяковые с виду украшения, ему даже стало страшновато. С другой стороны, если бы Машка попросила его сделать такие вот бусы, он бы, наверное, и не так ещё трудился...

— Ты не хочешь зайти к нам в гости? — обманчиво невинно спросила его Иннка.

Димка неволью хихикнул. Только что вышел от вождя — и вот, его снова приглашают в гости. Правда, не очень-то хотелось — как живут местные, он уже видел, сейчас мальчишка хотел просто побродить по селению, отыскать Машку, наконец...

— Я ещё не завтракал, — начал он и сбился. — Кроме того...

Он замолк. Щеки его покрылись багровым румянцем. Он сердито взглянул на девушку.

— Что кроме того?.. — в её вопросе ему почудилась насмешка. — Завтрак для гостя у нас всегда найдется.

Крыть было больше нечем, а давать прямой отказ — невежливо. Димка глубоко вздохнул и пошел вслед за насмешливой парочкой.

К его удивлению, шатер Льяти отличался от шатра Ивана очень сильно — сразу видно, что тут задает тон девчонка. Пол застелен тщательно выделанными шкурами (шкура добыл Льяти, сразу догадался мальчишка), и не по земле — под шкурами ещё что-то мягкое, трава, наверное. На полу две постели — тоже устроенные вполне основательно: сделанные из шкур и травы тюфяки и подушки, были даже одеяла! Ещё несколько подушек на полу — на одну из них Димка и уселся. Льяти с подругой устроились на своих постелях, с явным любопытством посматривая на него, — вероятно, ждали от него какого-то положенного местными обычаями приветствия, но мальчишка его, разумеется, не знал, и потому волновался всё больше. Не слишком хорошо быть невежливым — даже по незнанию...

Не представляя, что делать, Димка бездумно осматривался. Вдоль стен тут стояли аккуратные корзинки, сплетенные из каких-то эластичных листьев и веток и украшенные — страшно сказать! — теми же бусами. Но самым интересным тут была висевшая под потолком шатра... штуковина. Димка понятия не имел, как она называется — толстый, черно-оранжевый плетеный шнур, ровной дугой изгибавшийся между опорными жердями. Сверху на нем растянута что-то вроде узкого и длинного коврика, украшенного очень сложным, но совершенно непонятным мальчишке красно-зеленым узором. Снизу в шнур вплетены страшноватые когти. На них, словно на простых крючках, висела всевозможная фигня — разноцветные передники, пояски, даже что-то вроде кокошника. Димка догадался, что эта самая штуковина заменяет Иннке сразу туалетный столик и гардеробную. Наверное, девчонки во всей Вселенной одинаковы, — прожить без такого они просто не могут. Правда, поверх всего этого висел лук со снятой тетивой и несколько черных, с желтым оперением стрел — все вместе в такой изящной плетеной темно-бордовой муфточке. По обе стороны от лука с шнура попарно свисали тоже плетеные черепа, подозрительно похожие на человеческие, и Димке даже не хотелось знать, что это — просто бзик эксцентричного вкуса хозяйки или же гигиенически приемлемая замена вполне реальных трофеев...

— Ну, и что я должен сказать? — неожиданно для себя иронично сказал мальчишка.

— Не сказать, а... — Иннка приложила ладонь ко лбу, потом изящно отвела её вниз и в сторону, и слегка поклонилась. — Так будет вежливо.

— Хорошо. То есть, я... — мальчишка повторил её жест. Получилось смешно и торопливо, — но как уж есть. О правилах здешнего этикета ему же никто не рассказывал!..

— Вот, теперь я могу тебя угостить, — Иннка достала уже знакомую ему корзинку-тарелку, и начала накладывать еду. Ничего особенного — несколько кусков мяса, завернутых в какие-то большие листья, похожие на капустные, и пара кусков хлеба, — но ко всему этому прилагалась большая, грубая кружка из обожженной глины, полная молока. В общем, всё оказалось очень вкусно, так что завтрак много времени не занял — ни у гостя, ни у хозяев. Димка с интересом отметил, что здешние «тарелки» незачем мыть: достаточно выбросить старые листья и настелить новые. По сравнению с тарелками его родного мира это было большое преимущество, — он терпеть ненавидел мыть посуду, хотя совесть и не позволяла ему уклоняться от этого...

— Иван попросил тебя помочь нам с оружием, — не зная, о чем ещё тут говорить, мальчишка сразу решил перейти к делу.

— А, — Льяти явно ждал этого. — Помогу, конечно. Вы как — дальше пойдете или у

нас останетесь?

— Дальше пойдем, к Волкам. У них вроде наши есть.

— Ну, тогда понятно... — Льяти вздохнул.

— А ты с нами не пойдешь? — спросил Димка.

Льяти отвернулся.

— Не-а. Я же и так месяц по горам мотался. Устал, дома хочу пожить, в уюте и покое. У Волков-то я много раз уже бывал, там ничего интересного нету...

— Это для тебя нету, а для нас так очень даже, — обиженно сказал Димка. Умом-то он понимал, что Льяти прав — месяц в диких джунглях, это такое испытание, что иным и года не хватит опомниться, — но всё равно, обидно...

— Ты новое совсем не ценишь, — сказал Льяти. Он как-то ощутил обиду Димки и нахмурился. — А тут нового мало, его сразу узнавать нельзя — иначе на стенку от скуки полезешь. Новое — оно никуда не убежит, а как узнаешь, — так и нет его...

Это была новая для Димки точка зрения — и она очень ему не понравилась. Какой-то тоской тянуло от неё, честное слово...

— У вас тут что — совсем новостей не бывает? — невольно вырвалось у него.

Льяти пожал плечами.

— Ну, почему, бывают. Только они одинаковые все — кто куда ходил, кто кому наподавал, кто что стащил у кого... По большому-то счету тут ничего не меняется.

— Совсем ничего? — Димка был озадачен.

Льяти задумался.

— Знаешь, трудно сказать. Мы ведь то, что раньше было, плохо помним... — лицо его вдруг стало хмурым. — А ведь я вроде бы вспомнил, что было до того, как я сюда попал... как все мы сюда попали. И ещё много что вспомнил. Думал, что забыл уже намертво, — а как с вами встретился, начал понемногу вспоминать...

— И что? — Димка подался вперед.

— Плохо у нас там было. Очень. Война у нас была.

— Между племенами?

Льяти помотал головой.

— Нет. Большая война. Как там Аглая говорила? Да. Атомная. Атомная война.

— Атомная? — Димка невольно вздрогнул. В его представлении ничего страшнее просто не могло быть. — У вас там, что — свой СССР был?

— Не, у нас этот был... как там она говорила... капитализм, да? Потому вот, наверно, всё и кончилось так плохо...

— А... как это было? — Димка буквально сгорал от странного, мучительного любопытства.

— Да не помню я толком... — Льяти нахмурился. — Мы в школе сидели, когда всё началось. В убежище спустились, тряхнуло... Вот и всё.

— А потом?

— Там и сидели, пока еда не кончилась. Потом пошли... в никуда пошли, вообще-то, просто еду какую-то искать... А там, наверху, холодно. Очень. Мгла, солнце, как уголек... Гарь, везде запах гари... и снег. Черный. Слушай, я не хочу об этом помнить. Страшно. Я даже не знаю, живой я сейчас или нет...

Наступила тишина. Нехорошая тишина. Вязкая. Димка очень хотел что-то сказать, но никак не мог понять — что...

Вдруг полог шатра откинулся, и внутрь просунулась встрепанная голова Борьки.

— Ты тут? Иди быстрее, тебя Сергей зовет!..

Мальчишка вздохнул и поднялся на ноги. В конце концов, день только начинался...

Глава 7: Первые шаги

*Вольные ветры, вольные ветры,
Всюду вы были, по свету летая.
Есть ли страна, что похожа на нашу,
Есть ли ещё на планете такая?..*

*Чтобы она была так же свободна,
Недра богаты, земля плодородна,
Счастливы взрослые, веселы дети —
Есть ли такая другая на свете?..*

*И отвечали вольные ветры:
Много мы видели, много летали,
Только Отчизны, похожей на нашу,
Мы не видали. Нет, не видали!*

— Так, — Ляпти обвел взглядом короткую шеренгу землян. Только мальчишек — девчонки нашли дела поинтереснее, чем возиться со всякой фигней. — Я думаю, как делать древки, вы все более-менее знаете. Главное и самое сложное — это сделать наконечники. Вот, смотрите, как нужно, — он поднял небольшой мешок и вытряхнул на землю груду камней. Кремней, как понял Димка.

Ляпти сел на корточки, и ребята собрались кружком вокруг него. Димке вдруг стало смешно — он, советский пионер, с открытым ртом внимает древнейшей науке изготовления каменных орудий в исполнении бывшего буржуазного школьника. Но ничего смешного тут нет — в самом деле, взять тут автомат Калашникова или даже нормальный стальной нож решительно неоткуда...

Ляпти взял в руки два округлых желвака.

— Смотрите внимательно. Надо бить быстро, бить сильно и, главное — точно.

Коротко размахнувшись, он ударил. Брызнули осколки и отчетливые искры, запахло серой. Ляпти быстро ударил ещё один раз... потом ещё... и ещё...

Всего минут через пять у его ног лежал клинок каменного ножа — погрубее, чем его собственный, но вполне пригодный. Димка хмыкнул. Пользы от таких орудий явно не особенно много, — но делать их легко... Так ему сначала показалось. На деле всё оказалось несколько сложнее.

Когда Ляпти раздал каждому по два кремня, оказалось, что бить и в самом деле нужно СИЛЬНО. Димка привык бережно относиться к инструменту, и первые несколько минут у него просто ничего не получалось. Кремень оказался чертовски прочным, и даже самые сильные его удары всего лишь отбивали небольшие куски — к тому же, совсем не там, где нужно...

Примерно через полчаса Димка с удивлением посмотрел на бесформенный огрызок — всё, что осталось от кремневого желвака. С ловкостью рук у него, вроде бы, всё было в порядке, на уроках труда он регулярно получал пятерки, — но слишком уж грубыми

оказались инструменты...

К некоторому его облегчению, у других получалось не лучше — лишь Антон смог изготовить что-то, хотя бы отчасти пригодное. Льяти посмотрел на кучки каменного крошева и почесал в затылке. Должно быть, кремни обходились тут недешево.

— Так. С этим всё понятно. Давайте лучше луки делать...

* * *

— Ура! — стрела воткнулась прямо в центр плетеного щита, и Аглая запрыгала от радости.

По мнению Димки, радоваться тут особо было нечему: попасть с двадцати шагов в метровый щит каждый сможет. Ну, почти каждый, — у него вот пока не получалось. Отчасти, наверное, в этом был виноват лук — делать мощные составные луки, как у Льяти, слишком долго, и их пришлось просто вырезать из дерева — благо, что у Виксенов оказалось припасено сухое, потому что лук из сырого дерева никуда не годится, это Димка знал даже по своему невеликому опыту...

Вообще-то, и цельнодеревянные луки у Виксенов получались неплохими, — большинство их было именно такими. Но такой лук надо ещё обтянуть кожей, для защиты от сырости, проклеить её растительным клеем, а сверху ещё и обмотать плетеной из растительных волокон веревкой — для надежности, причем, не как попало, а чтобы получился красивый узор. На тщательные украшения у землян, к сожалению, не было времени, да и луки им нужны были совсем не для того, чтобы на них любоваться. Так что рукоятки луков обмотали каким-то волокном, скрепленным растительным клеем — гладкое дерево неудобно скользило в руке, так что обойтись без рукояти оказалось решительно нельзя. Лучше всего было сделать лук из рога — он получался маленьким, легким и удобным — но, к сожалению, владельцы рогов никак не хотели с ними расставаться, и по зрелом размышлении ребята решили, что пусть при них они и остаются. На все племя был только один роговой лук — у Ивана. Он добыл его ещё очень давно, в драке с племенем Морских Воришек, живущим на берегу Моря Птиц и жадных до чужих вещей. Этот лук они сперли у кого-то ещё, так что определить его автора было уже решительно невозможно. Сам по себе лук был странноватый — Х-образный, из четырех наискось соединенных рогов куиври — крупной лесной антилопы. Тетив тоже две, соединенных в середине, — но сам лук гораздо короче и удобнее обычных деревянных. Для Димки, правда, он оказался туговат — да Иван никому его и не отдал бы. Те же луки, что получились у землян, смотрелись, честно говоря, убого. Вот вроде бы и бесполезное излишество — украшения, а без них вещь смотрится почему-то не очень, или никак вообще не смотрится, — так, поделка, без души...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вот Аглае лук достался замечательный — легкий, изящный, из чуть ли не полированного дерева, с плетеной красно-белой рукоятью и украшенный — офигеть! — двумя громадными перьями какого-то местного павлина. Но уж его-то она сделала не сама, ей его подарил один из Виксенов — робкий, застенчивый парнишка, который, однако, отлично делал луки. Что он нашел в Аглае — непонятно, по мнению Димки у него было что-то не в порядке с головой. Она же приняла подарок, как нечто совершенно должное, в упор не замечая отчаянных намеков на готовность к... э-э-э... более дружеским отношениям.

Подарил — вот и хорошо, люди должны друг другу помогать. А требовать что-то за подарок — так это пережиток загнивающего капитализма и вообще некультурно. В итоге, мрачная физиономия Элари — так звали незадачливого дарителя, сопровождала её повсюду, как тень отца Гамлета. Наверное, и к лучшему — рука у Андрюшки Гаюнова была тяжелая, и физия незадачливого ухажера могла приобрести вид, совершенно непригодный к показу в приличном обществе...

Димка вздохнул. Смех смехом, а Аглае он завидовал. Попробуй-ка каменным ножом обтесать немаленький сук, чтобы хотя бы с обеих сторон было одинаково! Справишься за полдня — твое счастье. За луки они принялись в то же самое первое утро, — по мнению Димки, могли бы и подождать немного, чтобы отдохнуть и осмотреться, но вот тянуть Сергей не стал. Уж если он брался за какое-то дело, — то брался всерьёз и основательно. Но даже Сергей, в конце концов, плюнул на «чистоту эксперимента», и ребята взялись за свои стальные ножи. С ними дела пошли быстрее — правда, не у всех. Сам Димка справился неплохо, — а вот, например, у Эдика ничего не выходило, хоть убей. Льяти, правда, его успокоил, объяснив, что в каждом племени обычно есть два-три оружейника, — то есть, парня или девчонки, у которых это дело получалось гораздо лучше, чем у остальных...

Конечно, если надо что-то особенное, вроде его собственного лука, то тут оставалось только кумекать самому, — ТАКИХ вещей никому не доверяют. Но вот когда речь идет об обычных, вполне рядовых орудиях — то лучше уж обратиться к тому, у кого они лучше получаются. Потому что время — оно тоже дорого, да и сила коллектива-то заключена не в том, что все в нем умеют всё одинаково, — а в том, что каждый в нем — в чем-то лучший. Так что, немного поразмыслив, Сергей назначил на роль оружейника отряда Борьку Стеклова — у мастеровитого мальчишки эта работа, как говорится, горела под руками. Ну и Юрку тоже — как же Борьке без него? Но изготовление луков всё равно оказалось делом сложным. Самые большие проблемы возникли, как ни странно, с тетивой. Это царевичу Гвидону было легко — «со креста шнурок шелковый натянул на сук дубовый». У пионеров, конечно, никаких нательных крестиков не было — что со шнурками, что без. У лука Льяти тетива была сплетена из волос — и даже не его собственных, а подруги. Девчонки, едва услышав о такой идее, дружно встали на дыбы, так что в итоге тетивы пришлось делать из кишок стага, местных горбатых бычков, похожих на миниатюрных бизонов — и потом ещё выслушивать многочисленные «фу!» от девчонок, даже не хотевших трогать «эту гадость». Димке это было смешно, — колбасу-то тоже из кишок делают, а к ней никто из девчонок никакого отвращения не испытывал, напротив, — всю колбасу, какая была в отряде, срубали за два дня, хотя понять, кто тут больше приложился, теперь, конечно же, трудно...

Даже в таком простом, казалось бы, деле хитростей нашлось много. Многие казалось бы ничемные фенечки оказались неожиданно полезными — пара нанизанных на тетиву больших тяжелых бусин не давала ей гудеть после выстрела, а прицепленный к верхнему концу лука пучок длинных нитей помогал определить силу и направление ветра — без чего, как оказалось, на открытом месте трудновато попасть в цель. Правда, использование этого своеобразного «анемометра» требовало нехилой практики — Виксены-то брали упреждение на ветер не думая, а вот земляне быстро поняли, что такие вещи приходят лишь после долгой тренировки. Пока что лучше всех стреляла, как ни странно, Танька, зловредная Аглаина подруга — и Максим. Ну, с ним-то всё понятно — с такими плечами натянуть лук не проблема. Но Танька-то могучим сложением отнюдь не отличалась — а вот поди ж ты...

Но на одних луках дело вовсе не кончалось. К каждому луку полагался ещё колчан и

налучь — раньше Димка как-то не задумывался, что всё время таскать в руках трехкилограммовую дуру длиной в полтора метра, мягко говоря, неудобно. Тут проблем не возникло, — шкурками Виксены поделились, а уж шить и кроить девчонки умели, — а вот со стрелами оказалось сложнее. Кремни тут и впрямь обходились недешево, так что, в конце концов, наконечники пришлось делать из половинок семян пальмы-бритвы — страшноватых, словно отлитых из какой-то черной фигурной пластмассы «лодочек» величиной с пол-ладони — с острым, как бритва, мелко зазубренным краем.

Как показал несложный опыт на туше стага, странноватый наконечник служил вполне неплохо, — вместе со стрелой он втыкался глубоко, и, в общем, вполне соответствовал предназначению. Он не мог только дробить костей, как кремневый, просто соскальзывал с них, — но это, в общем, несущественно, для охоты он вполне годился, да и на то, чтобы ранить врага в ногу или в руку — тоже...

Вырезать в нем выемки под древко и сухожилия, которыми он к нему привязывался, оказалось, правда, трудновато — скорлупа была твердой, как железо, — но Льяти показал, что тут надо не резать, а выжигать углубления специально раскаленным камнем. Это тоже оказалось долго, — но тут уж приходилось терпеть. Точно так же, только из семян побольше, делались тут и наконечники копий. Вот с оперением стрел пришлось помучиться — перья, для начала, надо добыть, к тому же, Виксены крепили их не к самой стреле, а к кольцам из упругих веток — это, по их мнению, увеличивало точность, но труда стоило немалое, ведь к одному луку полагалось двадцать пять стрел. А изготовленным оружием ещё надо было научиться владеть, — и Димка быстро понял, что всё только начинается...

* * *

Бух!

Димка проводил взглядом свой шест, не в силах понять, как оружие улетело прямо из рук. Отвлекаться, впрочем, не стоило, потому что Иван ударил ещё раз, и мальчишка едва успел увернуться, — шест вождя свистнул возле уха, и Димка даже ощутил ветерок. Если бы попал, — мало бы не показалось, это точно. Голова уже кружилась и гудела от ударов, и всё вокруг казалось ему каким-то нереальным — кроме его собственного тела. Оно-то, как раз, ощущалось очень чётко: многочисленные синяки, честно заработанные им во множестве учебных поединков, злобно и упорно ныли. Но, к своему удивлению, Димка вполне крепко стоял на ногах, что пришлось кстати, когда Иван вновь атаковал его. Мальчишка одним гибким движением ускользнул, думая, что делать дальше. Он остался безоружным, — но сдаваться вовсе не собирался. В настоящем бою ведь сдаваться нельзя!..

Они насторожённо кружили по поляне, выгадывая удобный момент. Димка часто и глубоко дышал, сердце его бешено колотилось. Пригнувшись, он пытался обойти вождя сбоку. Вот только это не слишком-то получалось...

Со стороны Иван казался малоподвижным, медлительным и несколько даже неуклюжим, — но Димка быстро понял, что это впечатление ошибочно. Когда надо, Иван мог быть быстр, как молния, — и почти столь же безжалостен. Шест в его руках превратился в жутковато гудящий мерцающий круг, — и этот круг неотвратимо надвигался на спокойно замершего Димку. Внешне спокойного — сейчас ему отчаянно хотелось удрать. Что тут можно сделать, он не знал, — но вполне понимал, что в НАСТОЯЩЕМ бою бежать будет

нельзя...

Думать тут было совершенно некогда, так что Димка сделал первое, что пришло ему в голову, — с отчаянной решимостью прыгнул вперед, пытаясь перехватить шест, — и не пытаться вырвать, нет! — направить вниз, в землю.

Бух! Вот такого Димка никак не ожидал, — шест, словно взбесившись, с невероятной силой вывернулся из его рук, едва не свалив его на землю. Тут же Иван ударил в ответ — быстро и сильно. ОЧЕНЬ сильно, — но к этому Димка уже был готов, неделя изнурительных тренировок не прошла даром...

Он отпрыгнул назад, одновременно вновь пытаясь перехватить шест, — но уже не у середины, а у края. Шест со звонким хлопком ударил по пальцам, едва не оторвав Димке руки, — их до самых плеч пронзила боль, — но мальчишка не отпустил оружия и, стремительно отступая, потянул его за собой...

Лишь сейчас Димка начал понимать, как много ему дали занятия в школьной секции самбо. Бою на копьях — в данном случае, конечно, на шестах, — их там не учили, но он быстро усвоил, что грамотно подтолкнуть нападающего куда проще, чем лихо швырять через бедро. А физика — наука универсальная, приемы на все случаи не заучишь, но хотя бы усвоишь, что с инерцией движения лучше не спорить. Только...

Только это оказалось очень тяжело, — хотя они с Иваном и ровесники, тот оказался сильнее мальчишки раза в два. Димке просто не хватало силы, ему казалось, что он тащит и тащит тяжеленное бревно, — но Иван вдруг покатился по земле, а его шест остался в руках Димки. Мальчишке отчаянно хотелось от всей души огреть пытавшегося подняться вождя по загривку, — но он мужественно подавил этот, явно недостойный пионера порыв, и утер пот, чувствуя, как дрожат руки. Сил ему всё же хватило, — но лишь едва-едва-едва...

Иван медленно сел и, потирая плечо, посмотрел на мальчишку с уважением — впервые за всю эту неделю. Димка и не знал, что дождется такого, — и с громадным облегчением вздохнул. Этот день уже казался ему самым длинным в жизни. Учиться стрелять из лука куда проще — мишень словно отталкивала его стрелы, но хотя бы не пыталась ударить в ответ. Вот в рукопашной пришлось уже хуже. Димка считал, что умеет драться — он и в самом деле умел, и даже смог одолеть двух первых Виксенов, скорее за счет приемов самбо, чем кулаков, — но они дрались совершенно всерьез, и после третьего поединка — со старым знакомым Льяти — Димка оказался на земле, с основательно разбитым лицом и головой, гудящей от затрещин. Теперь, в первом же поединке на шестах он заработал массу синяков, и уже сомневался, что уйдет отсюда живым. Слова «понарошку» Иван, очевидно, не знал, лупил всерьез и со всей дури. Наверное, так и надо — в настоящем-то бою его никто жалеть не будет! — но всё равно, к такому вот натурализму мальчишка не привык.

Поначалу Димка отнесся к Виксенам снисходительно — ну, какие-то дикари, подумаешь!.. — но теперь выходить против этих хмурых, мускулистых парней, густо покрытых шрамами, ему было уже страшновато — как-никак, они все на год физически старше его и гораздо сильнее. Да и драться учились далеко не первый век. По сравнению с ними он был тут просто зеленым новичком, и они над этим посмеивались, причём, вовсе не беззлобно...

Он ожидал, что теперь, когда он одолел их вождя, его, как минимум, хорошенько отлупят, — и был очень удивлен, услышав явно одобрительные возгласы.

Он помог Ивану подняться, и Виксены — каждый из них — подходили к нему, брали за руки, крепко сжимали их и называли братом, чем окончательно смутили его. Впрочем,

Димка уже знал, что именно теперь всё начнётся по-настоящему...

* * *

— Сони, подъем! — крикнул Сергей, не заходя в палатку, и Димка неохотно поднял ресницы. Синяки по-прежнему горели, все мускулы ломило, а голова после вчерашних оплеух до сих пор отчетливо кружилась.

Сжав зубы, мальчишка сел. Судорожно растирая все ноющие места, он старался понять, зачем терпит всё это, — ведь Иван просто издевался над ним!.. Вчера он весь день заставлял его изучать бой на копьях — проще говоря, нещадно бил, если Димка не мог отбить удар или увернуться, а когда он уже просто не смог стоять на ногах, отправил делать наконечники для стрел, вместе с девчонками, — и это обидело Димку больше всего остального...

Он яростно помотал головой и вдруг широко улыбнулся: по крайней мере, за это он уже заплатил авансом. А, раз он одолел Ивана один раз, — то сможет и второй. И третий. И...

Он старательно потянулся, с удивлением чувствуя, как боль стихает с каждым мгновением. Так или иначе, но его ожидал новый, длинный и интересный день — и не только в плане овладения оружием. Так как земляне стали сейчас как бы одним целым с племенем, им приходилось помогать Виксенам и по хозяйству — а заодно, знакомиться с их жизнью.

Димка давно уже мечтал попасть в племя первобытных индейцев, — и вот теперь его мечта исполнилась. Правда, на самом-то деле Виксены оказались не совсем первобытными. Считать они умели, и даже знали четыре действия арифметики, — но на этом их познания и кончались. По идее, они много чего знали в своей прошлой жизни — хоть и при капитализме, но всё-таки, — но если и так, об этих своих знаниях они не вспоминали так давно, что они совершенно выветрились из их памяти. Два века — это далеко не шутки... Тут и как тебя звать забудешь, а школ никаких у них нет, — потому что тут нет детей, которых приходилось бы учить...

К тому же, детьми оказались, собственно, и сами Виксены — пожалуй, у одного только Ивана нашлись «взрослые» интересы. Даже, пожалуй, СЛИШКОМ взрослые — но, когда вокруг тебя одни лишь легкомысленные мальчишки и девчонки, оно и не удивительно. Виксенам явно нравилось, что вождь думает за них, — они относились к нему с искренним и глубоким уважением, но Иван порой мало, что не был от него, — надо же иногда и своей головой думать!.. Она же не для того только дана, чтобы в неё есть, и носить на ней шапки!..

Нельзя сказать, правда, что Виксены совсем уж отупели и впали в дикость. Кое-какие интересные штуки в их племени встречались, — например, в Димкиной палатке теперь висел местный фонарь-ловушка. Вроде бы совсем несложная штука — берем желудок или мочевого пузырь стага, выскабливаем, высушиваем и сшиваем при помощи стеблей и кожаных шнурков так, чтобы получилось что-то вроде шара. Внутри наливается сок, нектар, или как там это называется, панописы — громадного здешнего цветка, жрущего насекомых. И всё! Фонарик наверху открыт, в него набиваются здоровенные местные светляки, — и он светит всю ночь, не очень ярко, конечно, но красиво — неземным голубовато-зеленым светом, без которого в темной палатке или «фигваме» было бы довольно неудобно...

Димка оделся — жарко, конечно, но не может же пионер ходить как папуас какой-то? — и выбрался из палатки. С удовольствием потянулся, посмотрел на небо — и...

— Димк, тебе нравится?..

Мальчишка повернул голову, — и его сердце едва не вылетело из груди. Машке сегодня почему-то пришло в голову нарядиться в местный «национальный костюм». Нарядиться... угу. Сейчас на ней был только цветной хлопковый фартучек и довольно-таки реденькое ожерелье из длинных листочков, прикрывающее, так сказать, грудь. Вот, собственно, и всё, — если не считать бус из разноцветных камешков, сушеных ягод и другой пёстрой фигни, которые Машка не только нацепила на шею, но и намотала на запястья, щиколотки, плечи и даже заплела в волосы.

Это было красиво. Даже СЛИШКОМ красиво, — мальчишка отвернулся, отчаянно краснея, — но образ девчонки стоял перед глазами, как выжженный. Димка не сомневался, что не забудет увиденного до самой смерти, — а возможно, что и несколько дольше. Раньше он не замечал, что Машка такая... э-э-э... стройная. Каждый день она бегала к Иннке — якобы поучиться ведению хозяйства или, как предполагал Димка, потрепаться — и вот результат. Одичала. Смотрелось это, конечно же, здорово — но... но... но...

— Нравится? — снова спросила Машка.

— Маш... — мальчишка отчаянно покраснел, чувствуя, что ему хочется провалиться на месте, — ты лучше оденься, а? По нормальному. Мы же всё же не эти... не дикари.

Машка хихикнула и нырнула в палатку, сверкнув босыми пятками. Кажется, она была ОЧЕНЬ довольна эффектом, — и мальчишка недовольно помотал головой. Вот ведь заразы!.. Девчонки, наверное, — это совсем другой вид. Он вот, например, до сих пор не может решить, друг ему Ляты или нет, — а Машка с Иннкой всю треплются, глядя на них и хихикают. Да и остальные девчонки... собираются вокруг очага — якобы еду готовить — и начинается... Туда лучше даже не ходить — а то такое про себя услышишь, что уши вянут... Он же с друзьями о Машке не треплется — а ей решительно каждую мелочь надо обсудить с подругами. И даже не с подругами, — в чем другом, но в любопытстве здешним девчонкам не откажешь. Правда, свое дело они знают, — готовят так, что пальчики оближешь. И с очагом у них на самом деле серьёзно — огонь в нем горит с самого основания селения, не потому даже, что Виксены не умеют добывать огонь, — как раз умеют, — а потому, что так положено. Вообще-то понятно, почему, — Виксены ведь и охотой промышляют, а добычу после удачной охоты нужно немедленно зажарить, холодильников-то тут нет. Ляты говорил, что остывший пепел в очаге означает неуважение к охотнику и к животному, отдавшему ему свою жизнь. Димке это показалось смешным, но смеяться он всё же не стал — нехорошо смеяться над чужими обычаями, даже если они и глупые на твой взгляд. Ведь вообще-то Виксены ребята хорошие, трудолюбивые и честные, — а это по здешним меркам уже дорогого стоит. Конечно, не сами по себе они хорошие — тут Иван постарался немало, — но всё равно...

Димка осмотрелся. Селение Виксенов уже совсем проснулось, и жизнь в нем была ключом. Несколько парней на окраине строили дом — пока что глинобитный, с деревянным или каменным вышло бы слишком много возни, — но после пламенного выступления Аглаи всё племя загорелось идеей построить настоящий поселок, даже с крепостной стеной и сторожевой башней, — по мнению Димки, на это уйдет несколько лет, но времени тут как раз хватает... Борька ходил вокруг и покрикивал на строителей, — осуществлял общее руководство. Как ни странно, его слушались, — хотя в другой ситуации сразу послали бы или без затей дали в ухо — здесь с этим просто. Похоже, что пламенная речь Аглаи поразила Виксенов в самое сердце, — бедняги прониклись собственной неполноценностью, и из кожи

вон лезли, стремясь в цивилизацию. Пока что получалось не очень — водопровод-то, например, здесь не проведешь, хоть ты пополам тресни, да и жрать тоже надо, хотя бы иногда, — а здесь как потопаешь, так и полопаешь...

Четверо местных парней гнали на выпас стадо бычков-стага — пастух тут вполне себе боевая должность, соседи запросто могут угнать скот, а тогда племени придется кисло... Кто-то возился с оружием, кто-то уже ушел на охоту... Этим у Виксенов занимались лишь мальчишки, — девчонок вообще старались не выпускать из поселка, и им не слишком это нравилось... на словах, по крайней мере.

Между вигвамов там и сям сновали кендеры — забавные зверьки, похожие на большого бурундука или на белку. Девчонки всячески привечали эту забавную живность, — а вот мальчишки могли и пнуть под настроение, — очень уж кендеры вороваты, утащат какую-то мелочь, — потом фиг найдешь. Да и пользы с них никакой — разве что поржать над их ужимками, особенно когда несколько кендеров делят лакомый кусок — никакого телевизора не надо...

Радио здесь тоже нет, — но замену ему Виксены отчасти нашли: на главной площади селения стоял большущий барабан. Вернее, даже не барабан, а сложная конструкция из полудюжины наклоненных друг к другу шестов, к которым красными плетеными шнурами было прикреплено сразу три барабана — один очень большой и два поменьше. Барабаны сплетены из веток, с двух сторон обтянуты дублеными шкурами и наполнены водой. Били по ним здоровенными палками, больше похожими на дубины — и звук был слышен километров за десять. Виксены придумали даже что-то вроде азбуки Морзе, — по крайней мере, могли с её помощью указать, откуда какая опасность приближается, — и Иван заставил землян это учить. Димка не возражал, — в конце концов, дело нужное, да и не сложное особо...

— Проснулся? — Сергей был голый до пояса, с копьем в руке. За ним стояли Макс и Антон. — Хорошо. Пошли. Только оружие не забудь.

Шагая вслед за друзьями, Димка невольно хихикал про себя, — вот уж о ТАКИХ мелочах дикой жизни он никогда не думал. Хорошо ещё, что клозет здесь вполне похож на деревенский — с оградкой из пёстрой плетеной ширмы и вполне удобным сидением, — но вот до бани Виксены так и не додумались. В итоге, умываться, стирать и прочее приходилось у протекающего за полкилометра ручья, — нужда постоянно наблюдать за полями не позволила племени поставить селение прямо на берегу. А это значило, что ходить по воду в одиночку не стоило, — как минимум двое должны следить за купавшимися. Случаев, когда Нурны уводили там девчонок, в прошлом хватало. Вернуть удавалось не всех, — так что в любое время половина парней должна оставаться в селении или рядом. И дозор на «водопое» тоже приходилось выставлять. Вот это как раз Димке очень не нравилось — раз уж соседи такие зловерные, так почему не объединится с другими, хорошими, и не прогнать?..

Миновав поле, мальчишки нырнули в узенький проход в зарослях окружавшей его синеголубой «крапивы». Димка уже знал, что это растение, именуемое здесь солнцеметом, обладало одной забавной способностью, — оно начинало светиться, когда к нему кто-нибудь подходил, и чем ближе, — тем ярче. Так что, даже самой темной ночью (а скорее — именно самой темной ночью) никто не мог незаметно подобраться к полям Виксенов. Льяти рассказывал даже, что с помощью солнцемета можно точно узнать, говорит кто-то правду или лжет, — если говоривший встанет ночью в его зарослях. Мол, чем больше кто-то врет, — тем ярче солнцемет вокруг светится. Ирка тут начала рассуждать о каких-то

феромонах страха, которые лгун при этом выделяет, но Димка не очень её слушал. Уж он-то лгуна и без всяких цветочков распознать сможет — не то, чтобы много приходилось, но всё же...

Иван давно носился с идеей заменить бесполезный, в общем-то, солнцезвезд скорпионовым чертополохом — или даже аватеи, жутковатым здешним растением, которое стреляло во всех, кто подходил слишком близко, отравленными семенами, но слишком уж дорого встало бы присматривать за такой изгородью — попробуй-ка, прополи её, если она начнет наступать на поля!.. Нет уж, о себе лучше заботиться самим, даже если это и утомительно...

Миновав заросли солнцезвезд, мальчишки выбрались, наконец, на берег ручья. Сбросив одежду, Димка с наслаждением плюхнулся в небольшой прудик — за долгие годы Вискены выкопали в русле что-то вроде котлована, где можно поплюхаться всласть, — что приходилось очень кстати, так как ни до ванн, ни даже до бань Вискены не додумались, равно как и до мыла, — грязь счищали деревянными скребками или просто руками. Не очень-то удобно, — но выбирать не из чего, прихваченное в поход мыло приходилось беречь для волос — нового-то тут взять неоткуда, о мыловарении земляне имели, увы, самые смутные представления, а Вискены и вовсе о нем позабыли, даже если и знали когда-то...

Плюхаться долго, правда, не получилось, — пока они с Максом бултыхались, оттирая грязь песком, Сережка и Антон их караулили, — а от этого Димке становилось неловко. Он быстро выбрался на берег — и не сводил глаз с другого берега, пока Сережка и Антон купались. Много времени это не заняло. Наконец, все четверо уютно уселись на берегу, обсыхая — одеваться пока что совершенно не хотелось, жарко тут, хоть уже и не джунгли...

— И что дальше? — спросил, наконец, Антон. — Чем сегодня займемся?

Сергей встал, потянулся. Подпрыгнув, ловко перевернулся в воздухе, встав на руки. Помахал в воздухе босыми пятками.

— Сейчас лагерь свернем — и пойдем к Волкам, пожалуй.

— ЧТО? — Димке показалось, что он ослышался. — Почему сегодня? Зачем?

— А затем, — Сергей вновь ловко крутанулся в воздухе, встав на ноги, — что иначе мы отсюда не уйдем. Вообще не уйдем. Никогда.

— Почему это? — недовольно спросил Антон. — Нам только с оружием местным обучиться — и всё.

— А ты хоть представляешь, сколько на это времени уйдет, чудо ты моё? — обманчиво ласково спросил Сергей. — Год, три, пять, — когда мы решим, что готовы с местной шпаной глаз к глазу сойтись? Борька вон крепость строить тут наладился — хорошо, если за десять лет управится... Мы с Вискенами передружимся все, к местам их привыкнем... Не-ет, если мы сейчас прямо не уйдем, — то навсегда тут и останемся.

— Ну и что? — вдруг спросил Антон. — Тут-то не так плохо совсем, — а у Волков этих кто ещё знает, что будет. Да и дойдем ли ещё...

— А ты что — домой не хочешь? — в упор спросил Сергей, и Антон вдруг опустил взгляд. — Хочешь до конца веков в шалаше жить и груши хером околачивать? В том-то и беда, что Вискены милые — а так-то пустые людишки, я теперь хорошо представляю, почему у них на родине всё к концу пришло... Хотят, чтобы всегда было хорошо и думать ни о чем не надо, — Иван о них заботится, они и рады. А без него — пропали бы на раз, даром, что здоровые все, и в драке не дураки... Не-ет, ребята — гиблое тут место, как болото... В дикость-то войти легко — а вот обратно хрен вырвешься. Тебе вот нравится, как Машка

ходит? — вдруг повернулся он к Димке.

— Ну... — мальчишка вдруг отчаянно смутился. — А что? — с неожиданным вызовом сказал он. — Красиво же!

— Во-от! — Сергей поднял палец, как учитель, доказавший нерадивому ученику сложную теорему. — Тебе красиво, ей легко, — а смотрится-то непотребно, друг мой ситный. Думаешь, ей легко потом будет в школьную форму влезать, когда вернемся? Или она так и захочет везде так ходить? Красота и удобство, кругом пляж — так, что ли, получается? А сегодня она — завтра все девчонки так нарядятся, и фиг мы тогда с ними что-то сделаем, разве что сами с ними все одичаем, на пару. Не-ет, милые мои, как только мы собой быть перестанем — тут нам и конец. Превратимся в каких-нибудь здешних леших и будем по ночам ухать, пугать народ. Мы ж пионеры, как-никак, — а пионеру попой кверху лежать не просто вредно, а прямо-таки смертельно. Так что — час на сборы и вперед. С теми, кто не захочет идти, я поговорю лично.

* * *

Шагая вслед за друзьями к поселку, Димка ощутил, как в каждой клеточке тела нарастает нетерпеливое волнение, то самое волнение, какое он ощущал перед каждым важным делом. А что дело им предстоит важное, сомневаться не приходилось — пока что они лишь бродили по окраинам этого странного мира, а вот теперь им предстояло окунуться в самую гущу...

Сергей мешкать не стал и сразу направился к Аглае. Сейчас вожатая их пионерского отряда — вместе с Танькой Ковалевой, Машкой и ещё двумя местными девчонками внимательно изучала замшевое платье, расшитое бусами из мелкой темно-синей и оранжевой гальки.

— ...слишком облегающее, — профессорским тоном говорила она, и Димка понял, что это самое платье девчонки сшили для неё. — И подол коротковат. Но, в то же время...

Мальчишка хихикнул про себя. Из бус получилось что-то вроде аксельбанта, да и покрой — грубоватый, конечно, так как ножниц тут не водилось, а роль ниток играли сухожилия, — отдавал чем-то военным. Аглае это платье определено бы пошло, да и она сама явно это понимала...

Сергей кашлянул, и Аглая наконец-то изволила обратить на них внимание. Особого счастья вид ребят ей явно не доставил.

— В чем дело? — грубовато спросила она.

Димка вздохнул, собираясь с силами, — но Сергей его опередил.

— Аглая, собирай ребят. Мы уходим. Сейчас же.

— Что? — на миг на лице девчонки появилось забавное недоумение.

— Уходим к Куницам, — а потом на берег Моря, к Волкам.

— А чем тебе здесь не нравится? — Аглая привычно уперла руки в бока.

— А тебе нравится? — спокойно спросил Сергей. — Или ты домой не хочешь? Если мы тут будем сидеть, — то ничего и не узнаем, и не сдаем даже.

Аглая приоткрыла рот, зачем-то оглянулась на других девчонок — и вдруг гневно топнула ногой.

— Да, что-то мы тут засиделись, — решила она. — Что-то я тут в мелочах

завертелась... — она поднесла руку ко лбу, потом посмотрела на Таньку. — Собирай ребят. Выходим... да как соберемся, так и выйдем.

* * *

Естественно, что уйти прямо вот сейчас не удалось. Борька громко возмутился, когда его оторвали от строительства дома, — но против совместной атаки Аглаи и Сергея не устоял даже он. В минуту поселок превратился в разворошенный муравейник, — ребята собирали вещи (которые, к их удивлению, как-то расплзлись буквально по всему поселку) и складывали палатки, а ошалевшие от такой новости Виксены растерянно бродили вокруг. Льяти вздыхал, — похоже, что ему хотелось уже пойти с ребятами, но Иннка тоже это понимала, и крепко держала приятеля под руку, — наверное, на всякий случай. Наконец, не спеша, как и подобало вождю, появился Иван. Он смотрел на сборы с явным неодобрением, но возражать всё же не стал, — понимал, что гости в своем праве. Улучив свободную минуту, Сергей отвел его в сторону, — ну а Димка тут же увязался за другом.

— К Куницам уходите? — сразу же спросил Иван. Понятно, он уже всё знал...

— К Куницам, а потом к Волкам, к Морю, — спокойно подтвердил Сергей.

— Жалко, — вздохнул Иван. — Я думал, что останетесь, поселок поставите, ну да что уж теперь...

— Слушай... — Димка на миг замер от собственной дерзости, но потом всё же решился. — А иди с нами. Парень ты бывалый, — да и не век же тут тебе сидеть...

— А Виксены как? — набычившись, спросил Иван. — Пропадут же без меня.

— Они тебе, что — дети малые? — спросил Сергей. — Привыкли они на твоей шее ехать, вот что я тебе скажу...

— Правда то, — хмуро ответил Иван, — а что делать? Если с ними что случится, — не прощу себе. Не хочу грех на душу брать...

Димка хотел сказать кое-что на тему религиозных предрассудков, — но тут же прикусил язык. Очень уж серьезно говорил вождь. И, хотя он не верил, что с Виксенами может что-то тут случится (ну, ограбят их — так на пользу им пойдет, в другой раз бдительнее будут), но и Ивана вполне мог понять — мы в ответе за тех, кого приручили, как говорится в одной хорошей книжке... Правда, тут уж Виксены скорее ЕГО приручили, — но ведь и он это понимал, наверное? А раз понимал, то и согласен...

Мальчишка недовольно мотнул головой. На самом-то деле ему страшно не хотелось идти без проводника — чего греха таить, без Льяти они бы здесь влипли в очень большие неприятности, — но тут не дикие же джунгли, тут наверняка проще будет... Ну, подумаешь, налетят эти Квинсы, хулиганы местные — ну так и что, он хулиганов не видел, что ли? Им и в морду можно дать — поди не рассыплются, может, и ума ещё наберутся, перестанут к кому попало лезть...

— Ладно, как хочешь, — ответил Ивану Сергей. — Неправ ты, вождь, — но в своем праве, что ж тут поделаешь...

* * *

Сборы заняли почти полдня — в самом деле, в местный быт они вросли крепко, и не заметили уже... Но, как-то вдруг, оказалось, что всё уже готово, и две группки подростков — местные и земляне — стоят друг против друга, и надо бы что-то сказать, да только в голову ничего почему-то не приходит...

Иван смотрел насуплено, да и остальное племя отнюдь счастливым не казалось, — не дать, ни взять, малые дети, которых родители в первый раз оставили в садике... Смешно — вроде бы, должно быть наоборот, но именно земляне ощущали себя тут старшими. Льяти смотрел особенно недовольно — понятно, ему-то похоже, хотелось пойти с ними, да только вот Иннка крепко держала его под локоть — видать, считала, что её парень будет полезнее в хозяйстве, да и вообще, так ведь и забыть можно, как он выглядит... Жаль, проводник им не помешал бы — пошла бы Иннка вместе с ним, все проблемы бы решились, ну да что теперь...

Борька тоже смотрел недовольно, — ему не давал покоя недостроенный дом. Иван клялся и божился, что дом Виксены закончат, — да только сделают ли всё правильно? Ну да им там и жить — пусть постараются...

— Товарищи Виксены! — начала Аглая. — Мы благодарны вам за приют и за помощь, которую вы нам оказали. Однако, мы должны идти дальше. Нас ждут другие племена, которые мы должны объединить ради общего дела возвращения домой... — она говорила и дальше, но Димка уже не слушал.

Он думал о том, многие ли здесь захотят вернуться — и найдутся ли такие вообще...

Глава 8: Жестокий урок

*Песня, что хором поётся,
Не подведёт никого.
Солнце сквозь тучи пробьётся,
Если мы верим в него!*

*Верность, отвага и честь
В сердце у каждого есть!
Значит, никто и нигде
Друга не бросит в беде.*

*Надо и словом, и делом
Спорить с преградой любой!
Быть справедливым и смелым,
Чтобы гордились тобой!*

*Тот, кто мечту повстречает,
Счастлив на все времена!
В жизни всегда выручает
Дружба, и только она!*

День, как обычно, выдался жаркий, вернее, пёстрый. На редких полянках пекло солнце, а вот под тенистым пологом леса царила приятная, почти неощутимая прохлада. Димка шагал по берегу ручья, не забывая посматривать по сторонам. Как-никак, тут земли зловредных Квинсов. Хотя «земли» — это, конечно, звучит здесь смешно, никаких пограничников с собаками тут нет, даже сами племена толком не знают, где кончается их земля и начинается соседняя. На самом-то деле, докуда ты за час-другой от селения дошел — то и твоё, а остальное — ничейное. Местные, правда, так не думали, и стычки при встрече разных отрядов слыли делом совершенно обычным — ради решения важнейшего вопроса «кто тут чужак». Теперь это казалось мальчишке немного смешным — земли ж тут немеряно, на всех хватит... Нет, и дома бывало, что гостей в чужом дворе встречали неприветливо, и это возмущало гостей до глубины души — но то ж соседний двор, а тут лес, поди пойми, где тут кончается твоё и начинается чужое!..

— Ну вот скажи, зачем мы сорвались? — в тысячный, уже, наверное, раз спросила Машка. — Так хорошо устроились, я вот с Иннкой подружилась уже. А теперь снова непонятно куда топать...

Димка вздохнул и поправил рюкзак. Идти было, в общем, легко, лес тут напоминал ботанический сад в Сочи — не такой ухоженный, конечно, но и не те дикие джунгли, в которые их выбросило. Да и заблудится тут трудно: топай себе вдоль ручья, и всё. Уже сегодня к вечеру они должны быть у этих самых Куниц, а ещё дней через пять, — если повезет — на берегу Моря Птиц. К Волкам, правда, они сразу не попадут. В устье этой речки, — которую Иван без особых изысков назвал Быстрой, — жили Горгульи. Назвали их

так, правда, не за страховидный внешний вид, и даже не за вредность характера, а всего лишь за то, что они поклонялись местной рыбе-горгулье — свирепой метровой тварюге с преострыми зубами и мордой, пугающе похожей на человеческое лицо. Её рисунки Димка видел, — по правде говоря, куда больше она походила на морскую черепаху, а разве бывают свирепые черепахи? Сама мысль об этом казалась смешной, — сразу вспоминалась Тортилла из детской сказки «Буратино». Однако ж, Горгульи поклонялись этой черепахорыбе, считая её своим покровителем, — и даже прародителем — из-за чего Иван говорил, что они «люди зело дикие». Это тоже звучало смешно, — но над вождем смеяться не хотелось. Хотя Аглая и называла его «живым ископаемым», но за глаза. Парень он серьёзный, да и взгляды его Димке особо дремучими не казались...

— Нет, ты мне ответь, — потребовала Машка, не ради ответа, конечно, а просто так, чтобы не молчать — на неё это находило иногда. — Виксены-то хоть приличные люди, — а Куницы эти вовсе дикие, как Иван говорит. А уж Горгульи — и подавно. Вот придумали же — рыбе поклоняться!..

— Не нравится, — топай назад, — буркнул Димка. Болтовня девчонки уже начала его раздражать.

Машка гневно вскинула голову.

— Ещё чего! Я одна по этому лесу не пойду, я не дура!

Димка вновь вздохнул, поглядывая по сторонам. Увы, каждый взгляд говорил, что тут — не Земля. В породах растений он разбирался не очень, но здешние мухоловки, например, совсем не походили на земные — толстенный, в человеческий рост, стебель с единственным огромным, переливающимся красно-синим сердцевидным листом, покрытым одуряюще пахнущим сиропом. Местные насекомые прилипали к нему... и растворялись, так вот мухоловка питалась. Смотрелось это гадко, к тому же, изнанка листа и сам стебель поросли чем-то вроде длинных сине-зеленых волос. Бр-р-р, мерзость! Всё же, в тропических растениях есть что-то жутковатое, и мальчишка тосковал по родным сосновым лесам, где хуже медведя точно ничего не встретишь...

— А если я ногу подверну, — кто мне поможет? — спросила Машка. — А если...

Димка ещё раз мотнул головой. Лес здесь был густой, с пышным подлеском, так что расслабляться не стоило. Змееволков тут, вроде бы, и нет, но вот скорпионовы мыши — или, как их тут называют, рити — всё же встречаются. Хотя эти зловредные крылатые ящерицы едят, в основном, простых мышей и ящериц поменьше, на хвостах у них натуральные жала, и если стаей налетят — то так зажалят, что вдвое распухнешь...

Что-то промелькнуло в зарослях, и мальчишка резко повернул голову. Нет, ничего, только ветки качаются... Птица какая-то, наверное. Тут их полно, весь лес кишит просто... большая такая птица, с тетерева, не меньше...

Димка поёжился. У него вдруг появилось четкое и неприятное ощущение, что за ними следят. И уж точно не птицы или какие-то другие местные твари. Следят люди — а это ничего хорошего определенно не сулило.

Он осмотрелся ещё раз. Отряд шел кучно, не растягиваясь — неясно, ощущали ли остальные чужой взгляд, но отставать никто не желал. Аглая, как обычно, шла впереди отряда, вместе с Сережкой — в новом платье, поверх которого повязала галстук. За спиной у неё висел лук, в руке она держала вырезанный из крепкого дерева посох длиной ей по грудь — любой, кто взглянул бы на её решительное лицо, не усомнился бы, что любого, кто выскочит на неё из зарослей, она тут же треснет по хребтине. За ней неровной цепочкой

тянулись остальные. Замыкал отряд Максим, — у него тоже был лук и здоровенная — метра в два — палка. Последнее место в цепочке — всегда самое опасное. Борька рассказывал, что зверье всегда нападает сзади, так что вечно отстающих девчонок пришлось загнать в середину, — а уж Максим точно был самой неудобной добычей, какую только можно представить...

— Димк, мне кажется, что за нами кто-то... — начала Машка.

А-ай! Что-то пребольно ужалило его в ногу. Димка выдернул из бедра короткую, похожую на карандаш стрелу. Тут же взвизгнула Машка, — такая же стрела попала ей в... э-э-э, в круп. Стрелы летели со всех сторон, мальчишки и девчонки вопили и крутились, пытаясь заметить невидимых стрелков. Стреляли те точно, целясь в... э-э-э... задницы. Хулиганство какое-то...

Ногу вдруг свело, по ней волной побежали мурашки, — и Димка понял, что стрела отравлена.

* * *

Испугаться он не успел, — ноги вдруг подкосились, и он грохнулся на землю. Попытался подняться — и не смог. Тело отказалось подчиняться.

Вот теперь стало очень страшно. Мальчишка, сколько себя помнил, никогда не разделял себя и своё тело — оно и было им, Димкой Светловым. А теперь он вдруг оказался заперт в... чем-то, чужом и неподатливом. Словно тело у него просто украли и заменили неуклюжей куклой...

В ушах жутко шумело, голова кружилась, — Димка едва замечал, как вокруг падают ребята. Из зарослей вокруг понеслось улюлюканье и свист — а потом из них посыпались...

Вначале Димка решил, что ожили сами кусты, потом, — что на них напали самые натуральные пришельцы — из зарослей выскочили пятнисто-зеленые, словно какие-то громадные лягухи, существа, и в какой-то дикий миг мальчишка решил, что это и есть те самые Хозяева.

— Ага, попались!.. — радостно завопил один из них, и Димка недоуменно моргнул. Морок рассеялся. Их окружало десятка полтора ребят с маленькими, словно игрушечными луками — совсем голых, с бритыми головами, от макушки до пят покрашенных во все оттенки зеленого цвета. Димка понял, что это и есть те самые зловерные Квинсы — смотрелись они как беглецы из психушки, но здесь эта окраска была очень даже уместной: как только Квинсы переставали двигаться, они просто исчезали, сливаясь с зарослями. Сейчас они, впрочем, очень даже двигались, — нацепив на лысые головы украшения из перьев, они едва ли не хороводом пустились в пляс вокруг поверженных пришельцев, вопя изо всех сил.

— Жирная добыча!..

— Дураки-чужаки!..

— Было ваше, — станет наше!..

Димка сжал зубы. Квинсы все как на подбор были невысокие и худенькие, — он бы запросто навалил любому из них, а то и всем разом — вот только двигаться не мог. Не то, чтобы совсем не мог, просто чувствовал себя так, словно отсидел не ногу, а всё тело. Смотреть на кривляющихся Квинсов оказалось противно — и ещё противней из-за своей

беспомощности. Времени налетчики не теряли — как воробьи на зерно, налетели на рюкзаки ребят. Наружу полетели вещи, Квинсы вопили и вырывали друг у друга добычу — просто бандер-логи какие-то из книжки!..

Димка скрипел зубами от ярости: будь он в порядке, эти мерзкие воришки у него и двух минут не прожили бы! Ну, спокойно бы не прожили, — убивать их мальчишка бы не стал, но уж бамбулей надавал бы точно...

Вдруг из кустов раздался дикий улюлюкающий свист. Квинсы — ну точно вспугнутые воробьи! — толпой шарахнулись в заросли и тут же исчезли, словно нечистая сила. Всего через несколько секунд с другой стороны выскочило несколько парней — в отличии от зловредных Квинсов, одетых с ног до головы: кожаные куртки, кожаные штаны, сапоги и даже кожаные капюшоны с прорезями для глаз! Смотрелось это жутковато — словно ку-клукс-клан какой-то, подумал Димка. В руках парни держали короткие тяжелые копья и длинные луки, из колчанов за спиной торчали оперения стрел. В прорезях капюшонов блестели голубые глаза, — победители Квинсов смотрели на них с неким нехорошим интересом.

— Ну что, — сказал один из парней. — Знатная добыча. А ведь чуть Квинсам не досталась...

Димка вздохнул. Вот уж точно повезло, как утопленникам: из лап Квинсов они попали прямо в руки Нурнов...

* * *

Двое-трое Нурнов снова нырнули в кусты, — должно быть, проследить, что Квинсы не вернуться, — остальные собрались вокруг землян. Когда они сняли с голов кожаные колпаки, Димка увидел, что Нурны похожи на французов: смуглые, темноволосые, но с голубыми глазами. Лица у них были хмурые и вообще не слишком приятные. Сразу видно, что они не прочь напасть на кого угодно и отнять что угодно.

— Эк их развезло, — сказал один из них, должно быть, вожак. — Давайте лхором их поить, — а то ведь до заката проваляются...

Нурны сняли с поясов кожаные фляжки, и пошли среди ребят, что-то вливая им в рот. Когда очередь дошла до Димки, он едва не захлебнулся — черная густая жидкость походила на чайную заварку, но, в отличии от неё, оказалась отборнейшей гадостью — такая горькая, что у мальчишки брызнули слезы из глаз, а язык, казалось, вообще свернулся в трубочку. Отчаянно зажмурившись, Димка с трудом проглотил зелье: рот обожгло, но валяться беспомощной куклой и подавно никуда не годилось...

Жжение стекло в желудок, живот свело, по всему телу волной разлился жар — но всего через минуту Димка почувствовал, что оцепенение отпускает. Он с трудом сел и осторожно потрогал рану на бедре — вроде бы маленькая, но стрела вошла в мясо сантиметра на два. Больно...

Он потянулся за оружием, — но Нурны, конечно, уже собрали всё в кучу. Не пощадили даже посох Аглаи.

— Да к-как вы с... смеете, — заплетающимся языком возмутилась она. — Мы — перед... представители С... Советского Союза!

— Вы — наша добыча, — сказал вожак. — Ясно?

— А если нет? — хмуро спросил Сергей.

— Тому объясним, — вожак с резким звуком крутанул в воздухе тяжелое копьё. — Нам чужих синяков не жалко.

— И что с нами будет? — спросила Аглая. С явным усилием, но она говорила сейчас совершенно нормально.

Вожак склонил голову, глядя на неё с неким неожиданным интересом.

— Что, что... К себе вас отведем, понятно? А там Йэрра — ну, вождь наш — решит, что с вами делать. Да ты не бойся, — успокоил он девочку. — Мы тебе не поганые Хоруны, рабов не берем. Барахло ваше разберем — и свободны. Глядишь, ещё и вам чего-нибудь оставим, на развод, — он хохотнул, коротко и неприятно.

* * *

Влипли, влипли, влипли, влипли... — без конца крутилось в голове мальчишки во время пути к селению Нурнов. Как глупо... Нет, что за мир — спаслись от воров, попали к разбойникам... И не к благородным робингодам, которые в сказках разных маркизов там грабят и раздают их добро бедным, а к самым настоящим, которым кроме поживы всё пофиг. Эх, вломить бы им...

Увы, — как раз вломить-то и не получалось. Даже несмотря на мерзкое зелье Нурнов, тело ещё не отошло от квинсовской отравы. Димку «вело», и идти по лесу оказалось трудновато. Нести их рюкзаки разбойники, конечно же, и не подумали, навьючили на прежних владельцев, — забрали и несли сами только оружие. Земляне тащились короткой цепочкой, то и дело спотыкаясь и ругаясь сквозь зубы. Максим, было, попробовал огрызнуться — и тут же получил древком копьё по хребту. Шутки Нурны явно не любили.

— Димк, я боюсь, — шепнула Машка, спотыкаясь.

— Ничего, прорвемся, — буркнул мальчишка.

— Разговорчики! — шагавший рядом Нурн взмахнул копьём.

Димка зло зыркнул на него, но возникать всё же не стал: не место и явно не время. Нурны ничуть не походили на веселых Виксенов — их прочная кожаная одежда больше напоминала доспехи. Стрела Квинсов такой явно не пробьет. Но жарко в нем, вон как вспотели... Ладно, пусть помучаются, фашисты недоделанные, будет и на нашей улице праздник...

Смешно, — но волосы у Нурнов были связаны в пышные «хвосты» на затылках, как у девочек, они мотались в такт шагам, и каждый из них сзади походил на какающую лошадь. Димка чуть не захихикал, но всё же взял себя в руки. Настроение понемногу улучшалось: на настоящих разбойников-душегубов Нурны всё же не очень походили...

* * *

Переход оказался долгим: Димке показалось, что прошло несколько часов. Шли они через самый, что ни на есть дремучий лес, и он окончательно сбился с дороги: даже если и сбежишь, то как назад вернешься?..

Потом среди деревьев замаячил просвет — и, как-то вдруг, они вышли на берег

небольшой речки. Речку перекрывала плотина, вроде бобровой, — а за ней, на небольшом холме, стояла самая настоящая крепость — тын из здоровенных бревен высотой метра в три. Над массивными воротами из толстенных плах поднималась дозорная башня — ну, пусть не башня, просто помост на столбах с крышей, — но после виксеновских «фигвамов» смотрелось всё это внушительно. Димка даже несколько оторопел: он-то ожидал увидеть жалкие шалаши, максимум — пещеру с награбленным добром, а тут такое!..

На башне, как положено, дежурила пара дозорных — тоже в коже, с копьями и луками. Увидев отряд, они засвистели.

— Эгей!..

— Вот это добыча!..

— Йэрра будет доволен!..

— Эй, открывайте! — крикнул предводитель отряда. — Не бойтесь Квинсов, — они драпали от нас как зайцы!..

По плотине они перешли речку и по извилистой на склоне тропинке поднялись к уже распахнутым воротам. Миновав их, Димка удивленно приоткрыл рот. Он увидел... ну, не город, конечно, — но самый настоящий поселок с небольшими круглыми домами, крытыми дерном и сложенными — офигеть! — из каменных плиток, проконопаченных мхом. Между них бродила такая же, как у Виксенов, живность — и девчонки. Босые, в коротких замшевых платьях, расшитых разноцветными бусами, с длиннющими темными волосами. Вовсе не забитые, чего Димка невольно ожидал. Напротив — они держались тут очень по-хозяйски, а вот парни сразу как-то застеснялись...

Земляне сразу оказались в тесном кольце. Никто ничего не говорил, — казалось, все чего-то ждали. Димка уже знал местные обычаи, и сразу понял, что вышедший к ним парень и есть Йэрра. Высокий, голый по пояс, — наверное, чтобы все вокруг могли видеть атлетическую мускулатуру, — в кожаных штанах и сапогах со смешными всё же цветными кисточками. Выглядел он, как дар свыше всему женскому роду, и Машка вздохнула. Димка зло зыркнул на неё — вот уж чего не хватало! Он пошарил глазами, но девчонки рядом с Йэррой не было. Странно...

— Что это? — спросил вождь таким тоном, словно к его порогу кто-то навалил кучу мусора.

— Добыча, вождь, — ответил предводитель отряда. — Мы их у Квинсов отбили, когда те их уже потрошить начали.

— Ясно, — Йэрра обошел пленных, внимательно глядя на каждого. Димка не дрогнув встретил его взгляд. Лицо у Йэрры было широкое, нагловатое такое лицо, а взгляд... не злой, нет — просто полный безграничного презрения к жалким червякам, попавшим ему под ноги. Он отошел к своему, наверное, дому и спросил:

— Откуда будете-то?

— Мы — представители Советского Союза! — немедленно заявила Аглая. — И мы требуем немедленно нас отпустить!

— Или что? — спросил Йэрра скучным тоном.

— Пожалеешь, — коротко ответил Сергей.

Йэрра хмыкнул. Такое он, верно, слышал далеко не в первый раз...

— Значит так, птенчики, — сказал он. — Сейчас каждый из вас подходит ко мне и вываливает барахло. Я решаю, что оставить вам, что мне. И без фокусов, — если кто дернется, будем бить.

— А потом что? — спросила Ирка.

Йэрра с презрением посмотрел на неё. Хмыкнул.

— А потом — гуляйте. Нужны вы нам... Мы вас, — он даже улыбнулся, — проводим, чтобы злые люди не обидели. А то эти Квинсы ведь гады — последнее отберут...

Нурны заржали. Димка сжал кулаки. Мало того, что ограбить хотят — так ещё и издеваются!..

— А если мы против? — спросил Сергей.

Йэрра посмотрел на него с каким-то новым интересом. Улыбнулся.

— А всё просто. Один из вас выходит драться со мной. До лежака. Победит он — мы вас отпустим со всем барахлом, слово вождя. Побежу... победу... верх возьму я, — не обессудьте. Заберем всё, что хотим. Вещи у вас в самом деле диковинные, такие из рук упускать грех...

— А давай, — Сергей вывернулся из лямок рюкзака, стащил рубаху. Рядом с Йэррой он вовсе не смотрелся атлетом, — и вождь хмыкнул.

— Что, лучше тебя никого нет? Ну, тогда не бойся, я не больно тебя побью.

Нурны снова заржали, и Димка вздохнул. Вождь их, верно, никогда не проигрывал поединков — да оно и не удивительно. Торс у него был как у статуй греческих богов, — пусть здесь и не растут, но мускулы накачать, выходит, можно. Да и двигался Йэрра жутковато, с некой небрежной плавностью — ни дать, ни взять, тигр, обходящий молодого глупого волка...

— Сергей... не подведи, — каким-то новым, обычным девчоночьим голосом сказала вдруг Аглая, и Сергей усмехнулся.

— Не подведу.

Он повернулся к Йэрре.

— Нападай. Ну?

Дураком вождь точно не был: он не побежал на врага, заноса кулак, как делают обычно школьные драчуны, а — бросился ему под ноги. Димка ахнул, — такого он никак не ждал! — но Сергей каким-то чудом увернулся и даже пнул вождя в зад. Йэрра зарычал, мгновенно вскочил на ноги, крутанулся на пятке, стараясь достать мальчишку сапогом. И...

Сергей поймал его за ногу, дернул, отступая назад — так быстро, что Димка понял это, лишь когда вождь всей спиной грохнулся на землю. Из кого послабей такое падение вышибло бы дух, — но Йэрра оказался крепок, тут же перевернулся на живот, и...

Сергей встал ему на поясницу, безжалостно отгибая захваченную ногу назад. Йэрра глухо зарычал, яростно дернулся, — но вырваться из хватки землянина не смог.

— Сдаешься? — спросил Сергей.

Йэрра зарычал, словно зверь, снова рванулся...

Сергей безжалостно повел его ногу вверх. Что-то отчетливо хрустнуло, лицо у Йэрры стало вдруг серым и каким-то неживым.

— Сдаешься? — повторил Сергей.

— С-с-с... сдаюсь, — прохрипел вождь.

— Ну, мы пошли тогда, — Сергей отпустил его ногу, и Йэрра сразу обмяк, — словно надувной матрац, из которого вдруг выпустили воздух. — Оружие верните, — повернулся он к Нурнам. Те хмуро смотрели на них, и Димка подумал, что победы просты только в сказках: вот велит сейчас вождь их заколоть — и что тогда?..

— Верните, — прохрипел Йэрра. — Я... слово дал, — он пытался встать, но

пострадавшая нога пока не слушалась.

— Благодарю, вождь, — невероятно, но Сергей даже коротко поклонился!..

— Не благодарят. За ЭТО — не благодарят, — Димка видел, что Йэрре мучительно стыдно говорить вот так, униженным, на глазах у всех. — Взял своё — иди.

Сергей кивнул. Димка обвел Нурнов взглядом. Все они хмуро смотрели на него — и лишь после короткого жеста вождя побросали оружие ребят на землю. К Йэрре подбежало сразу несколько девчонок, но он грубо оттолкнул их и кое-как сел, неловко подтянув поврежденную ногу. Сергей ему как минимум связки растянул, подумал Димка. Больно... А вот сам виноват, нечего было!..

Ребята молча и быстро разобрали оружие. Нурны расступились, открывая им путь к воротам. Черт побери, повезло так, как не бывает, подумал Димка. Если бы не Сергей...

— Как ты меня побил? — вдруг спросил Йэрра. Совсем другим тоном, чем раньше. С искренним таким интересом.

— Он побил тебя потому, что он пионер, а ты разбойник, — выпалила Аглая раньше, чем Сергей успел открыть рот.

— Кто? — спросил Йэрра удивленно.

— Пионеры — это смена, это — резерв, это — законнейшие наследники всего, что сделано и делается, — ввернула Аглая цитату из Горького. Йэрра ошалело заморгал. Похоже, для него это оказалось уже слишком.

— Это колдовство? — спросил он.

— Никакого колдовства не существует! — заявила Аглая. — Это предрассудки! Ты проиграл потому, что ты бандит и вор. Они всегда проигрывают.

— Почему? — спросил Йэрра.

— Потому что если бы ты не стал нас трогать, — Сергей не стал бы тебя бить, — снисходительно пояснила Аглая.

— Меня никто не мог побить! — с какой-то совсем детской уже обидой крикнул Йэрра.

— Это потому, что тут до сих пор не было пионеров, — ответила Аглая. — И потому, что ты сам понимаешь, что поступаешь неправильно, и потому всё время боишься, что найдется кто-то более сильный и надаёт тебе по шее. А Сергей не боится, потому что никогда не делал гадостей. Вот!

Димка хихикнул про себя. Положим, стекло в школьной столовой разбил тогда именно Сережка — не нарочно, конечно, хотел на спор попасть футбольным мячом в переплет и промахнулся. И сам сознался же, — но уж это Аглая за гадость не считала. Даже в пример ставила — мол, ошибиться каждый может, но если сам всё расскажет и извинения попросит, то не страшно...

Йэрра ошалело заморгал. Аглая собиралась ещё что-то сказать — скорее уж, целую речь о задачах и истории славной пионерской организации, — но тут Сергей перебил её.

— Всё, всё, ребята, пошли отсюда, не будем смущать местных товарищей, — быстро сказал он. Аглая попыталась что-то возразить, — но Сережка потянул её за руку и вредничая девчонка — удивительно! — не вырывалась...

* * *

У подножия холма Димка оглянулся. В городке Нурнов царила странная тишина,

часовых на вышке не видно, ворота так и остались открытыми — да уж, визит пионеров тут запомнят надолго...

— Не тормози, пошли отсюда, быстрее! — Сергей хлопнул его по плечу. — Погоня вряд ли будет, — но кто их знает...

— Но... — попыталась возразить Ирка, но на сей раз, уже сам Антон потянул её в лес.

— И куда нам идти? — проворчал Борька, когда зеленые своды сомкнулись над ними. — В какой стороне эта река?

— На западе, — Сергей посмотрел на косо падающие сквозь щели в листьях солнечные лучи. — Идем туда.

— Ничего себе поход начинается, — проворчал Эдик. — Сначала чуть не перестреляли всех, как кур, потом захотели ограбить, потом вообще чуть ли в рабство не взяли. Каждый день такое вот терпеть — сдохнуть можно от этого!..

— Каждый день такого не будет, — возразила Аглая. — Сейчас мы идем к Куницам, а они хорошие. Ну, за них Иван ручался, по крайней мере. А Волки так и вовсе самое приличное племя из всех, насколько я знаю.

— А эти, как их там — Горгульи? — спросил Эдик. — Это ж придумать надо ещё, — рыбе поклоняться! А вдруг это акула какая-то и они ей жертвы приносят? Человеческие?

— Не пори чушь! — Аглая взмахнула своим посохом так энергично, что Эдик отскочил. — Нет тут никаких акул! И жертв никто никаких не приносит.

— Ну да, ну да, — проворчал Эдик. — Просто налетают из кустов и грабят. Тут вот на одно приличное племя — два разбойничьих, а дальше что будет?..

— А неизвестно, — весело откликнулся Антон. — Иван говорил, что на островах живут ещё эти Морские Воришки — так то ж не на берегу. Таких вот разбойников, чтобы налетали и грабили, тут больше и нет вроде. Буревестники, говорят, тоже с гнильцой, — но они вроде мошенники просто...

— А Хоруны? — настойчиво спросил Эдик. — Мне Иван рассказывал, что они рабов берут! А бывает, что и убивают!

— Это чушь, — сказал Антон. — Нам ещё Льяти рассказывал же, что тут не умирают.

— Прямо вот так и не умирают? — вклинился Борька. — Даже если дубиной по башке дать?

— Ну, тогда, конечно, умирают, — ответил Антон. — Только потом снова оживают как-то. Никто толком не знает, правда, как и почему... Говорят, что это тоже Хозяева — вот поэтому ещё многие не хотят с ними бороться. Тут-то хоть вечно жить можно, — а как домой вернешься, так сразу состаришься и помрешь. Ну, так тут говорят.

— Я бы особенно в это не верил, — сказал Сергей. — Мало ли что бывает... Сволочи тут есть — это факт. И не такие, как вот эти, — он лениво указал назад, — которые в благородных пиратов играют, а настоящие. Которые и девчонок могут взять в рабство, и даже убить. Пусть мало их, но есть. И расслабляться не стоит.

— Да ну вас! — возмутилась Ирка. — Никто ж толком не знает даже, где эти Хоруны живут, только страшилки рассказывают. А вы как дети малые: налетят, украдут, кровь выпьют... Тьфу! А я, между прочим, есть хочу!..

Услышав этот шедевр женской логики, Димка рассмеялся.

— Ладно, — Сергей махнул рукой. — Привал!

Лагерь на укромной, окруженной со всех сторон высоченными кустами поляне разбили быстро. Девчонки начали было сомневаться, стоит ли разводить костер — но Сережка смог развести его почти без дыма, так что через полчаса все уплетали горячую кашу — пшенной крупы в дорогу Виксены им дали в избытке. Вкус, правда, был какой-то другой — вкус другого мира — и наверное поэтому всё вокруг казалось Димке немного нереальным...

— Слушай, тебе не страшно было на бугая этого идти? — спросил он у сидевшего рядом Сергея. — Йэрра же тяжелее тебя раза в полтора и вообще вождь и воин...

— А если страшно? — прищурился Сергей.

— Страшно? — удивился Димка. — Но ты же...

— Ага. Пришел, увидел, победил! Не успел испугаться.

— Я бы так не смог, — вздохнул Димка.

Сергей вдруг внимательно посмотрел на него.

— Так — не смог бы. Но я вот в гадах разных вымерших не разбираюсь, — а ты разбираешься.

— А толку? Динозавров-то тут нет.

— А драконы? Они разве не динозавры?

— Драко... — Димка замолчал.

Ночью в лесу было страшновато, — за тонкой тканью палатки что-то всё время шуршало, стонало, вздыхало — ни дать, ни взять, толпа привидений, да и только. Самое обидное, что Машка дрыхла, как младенец, — а вот Димке всё время казалось, что к палатке кто-то подбирается. Зря, конечно — на брезенте трепетали слабые отблески костра, у которого сейчас сидели Сергей и Макс. Всего через два часа моя очередь, подумал Димка — а сна ни в одном глазу. Вот же гадство! Но стоит лишь закрыть глаза — и в них начинается какой-то сумасшедший калейдоскоп: летящие из кустов стрелы, Нурны, Квинсы, перекошенное от боли лицо Йэрры...

Мечтал, идиот, о приключениях, подумал Димка, перевернувшись на другой бок. Ирка и Антон тоже непобедимо спали. Ну, вот они тебе — и что? Хочется домой, где злобные идиоты не стреляют ядовитой дрянью из кустов, где воры и разбойники не живут лучше честных людей — эти домищи Нурнам не иначе как рабы построили! — где чокнутые пришельцы не похищают детей непонятно для чего... А поход сейчас уже закончился бы, и я спал бы дома...

На глаза невольно навернулись слезы, и Димка сжал зубы. Нет уж, раскисать он не будет! Он знает, что домой МОЖНО вернуться, — и он вернется. Сколько бы времени это не заняло. А завтра он увидит новое племя и, быть может, новых друзей, — что ещё надо для счастья?

Мальчишка с вздохом перевернулся на другой бок — и, наконец, заснул.

*Уходит в звенящее лето
Весёлых туристов отряд.
Рюкзак и походные кеды —
Таков наш нехитрый наряд.*

*Звучит наша песня простая,
Дорога всё дальше бежит.
И если немного устанем,
Нас речка в момент освежит.*

*В лесу где-то прячется чудо,
Его отыскать мы должны.
За ним мы шагаем повсюду,
По дальним дорогам страны...*

— Ни фига ж себе... — выдохнул Антон.

Димка кивнул, глядя на вышедших навстречу Куниц, — трех невысоких загорелых мальчишек, босых и одетых в самые настоящие шкуры. В руках они держали копыя с кремневыми наконечниками, — ну, в общем, натуральные дикари. И ладно бы, — дикарей на картинках и в кино Димка видел предостаточно. Но волосы у мальчишек оказались заплетены в смешные косички, — на висках, по две, как не заплетают даже самые сумасшедшие девчонки, и на вплетенных в них кожаных шнурках висели какие-то костяные фигурки, похожие на изделия народов Севера. И это не считая резных костяных браслетов на руках-ногах, ожерелий из чьих-то здоровенных клыков и таких же фигурок. Просто музей ходячий какой-то!..

Но в дрожь мальчишку вогнало не это. Справа и слева от Куниц стояли два... волка, наверное? — могучие, по пояс мальчишкам, звери в дымчато-серой, текучей, словно бы жидкой шерсти, — ни дать, ни взять, Серые Волки из сказки. Только вот взгляд у каждого был почти по-человечески осмысленный, но пристальный и жестокий. Наверное, это и есть оборотни, подумал мальчишка, — те, кто утратил человеческую речь и память. Брр!..

— Благо вам, — сказал средний из мальчишек. Он был чуть старше остальных.

— И вам благо, — ответил Сергей. Аглая, должно быть, онемела от изумления, так что роль посла пришлось играть ему. — Можем ли мы вступить на земли вашего рода?

— Можете, — ответил мальчишка.

Димка ожидал ещё каких-то церемоний, — но парень просто повернулся и пошел, вместе с двумя остальными, показывая дорогу. Мальчишка оглянулся на странных волков, — но те уже исчезли в зарослях, словно их и не было...

— Нет, ну ни фига же себе... — в сотый уже, наверное, раз повторил Борька. — Неужели и впрямь...

— И впрямь, — жестко отрезал Сергей. — Засидишься вот тут, — сам шерстью обрастешь и на четыре лапы встанешь. Как эти вот бедняги.

— Ничего себе бедняги... — проворчал Борька. — Да любой из них меня...

— Помолчи, а? — буркнул Димка. На душе и так было... ну, не противно, конечно, но как-то тревожно: как любой нормальный пионер, он привык твердо верить, что люди в зверей не превращаются — ну, разве что в сказках. Но сказки же, — это для маленьких! И он — не в сказке. Или нет?..

Мальчишка недовольно помотал головой. Сказка там или нет, — но он прямо-таки ненавидел что-то не понимать.

— А может, это и не оборотни никакие вовсе, — продолжал гнуть своё Борька, — а просто такие волки дрессированные...

— Тш! — шикнул Сергей.

Мальчишки замерли, прислушиваясь. Звук в лесу, конечно, идет так, что часто ничего и не поймешь, — но явно не в этот раз: до них доносились чьи-то истошные вопли, смех и неразборчивый гомон множества голосов.

— Никак поймали кого, — предположил Борька, деловито перехватывая копьё.

— Кажется, я знаю, кого, — ответил Димка прислушиваясь. Среди глуховатых голосов Куниц ему вдруг почудился один, очень хорошо знакомый...

— Кажется, я тоже, — проворчал Сергей, темнея лицом. — Вот оно, выходит, как... А ну — вперед!..

Правду говоря, Димка сомневался, что узнал голос, — но он не сомневался, что это вопли пытаемого, — а может, и убиваемого, — и потому рванулся вперед, словно лось. За ним с топотом неслись остальные, — повезло ещё, что никого из хозяев впереди не было, их бы просто стоптали...

Бежать, к счастью, пришлось недалеко, — селение Куниц открылось за ближайшим поворотом. Вот только его Димка сначала не узнал, — просто не понял, что это селение. Не до того ему сейчас было...

Пулей пролетев распахнутые, к счастью, ворота, мальчишка понял, что не ошибся: у большого дерева дергался подвешенный за руки Льяти. Ноги страдальца были привязаны к толстому корню, — а несколько растрепанных девиц, одетых в шкуры, щекотали ему бока пушистыми метелками своих громадных кос. Льяти возмущенно орал и вырывался, но веревки держали его крепко. Димка ошалело моргнул: он ждал чего угодно, но этого!..

— Отпустите его! — крикнула Аглая. Крикнула громко, — у Димки даже зазвенело в ушах, — и Куницы ошалело замерли.

Торопливо переводя дух, Димка осмотрелся. Большая поляна в лесу, окруженная почему-то тыном, — а на ней какие-то поросшие травой холмушки. Лишь когда из нор в основании этих холмушек полезли хозяева, мальчишка понял, что это просто большие землянки.

Всего через минуту перед ними собралось, наверное, всё племя, — в самом деле, большое, человек сорок. У всех в руках копьё, грубые луки. Одеты все одинаково, разве что шкуры от разных зверей, с косичками — не сразу и поймешь, кто тут парень, кто девчонка. Смотрят все неприветливо, подозрительно и хмуро, — словно к ним из леса вышла толпа нечисти. Домашних животных никаких — ну да, зачем они тут, с такими-то друзьями в

лесу...

— Отпустите Льяти! — вновь крикнула Аглая. — Он наш друг!

— А что ж это ваш друг на наших землях шарится? — спросил тот самый, встретивший их мальчишка. Наверное, это и есть их вождь, подумал Димка. Ну да — вождь на то и вождь, чтобы первым встречать всё, что пришло на его землю, — и плохое, и хорошее...

— Я не шарился! — тут же возмущенно заорал Льяти. Рот ему, к счастью, заткнуть не догадались. — Я о помощи вас пришел просить!

— Так вот же они, твои гости, — невозмутимо произнес вождь. — Пошто соврал?

— Он не врал, — хмуро сказал Сергей. — Мы в самом деле в плен к Нурнам попали... ненадолго.

— И хорошо ли вас приняли? — с непонятной интонацией спросил вождь.

— Не жалуемся, — в тон ответил Сергей. — А вот Йэрре не по нраву пришлось.

— Неужто побил? — с искренним интересом спросил вождь.

Сергей улыбнулся.

— А то!

— Врешь, — очень спокойно сказал вождь. — Сколько я тут живу, — не слышал о таком. Давно уже. Говорят, правда, что Вальфрид его побил, — но то ж говорят, я то не видел, и никто из наших не видел, а говорят всякое же...

— А Вальфрид — это кто? — спросил Сергей.

— Вальфрид — вождь тевтонов, — ответил вождь. — Он отважный человек. Нехороший, но отважный.

— Отвяжите меня! — вновь истошно заорал Льяти, извиваясь всем телом.

— Обойдесси, — ухмыльнулся вождь. — Честные гости у хозяев не крадут.

— Да я только посмотреть взял! — возмущенно завопил Льяти. — И я вернул бы вам, обязательно! Ну, в следующий раз когда-нибудь.

— Что он украл-то? — спросил Сергей.

Димка ухмыльнулся — знакомая история. Выходит, что не только у них любопытство доводило Льяти до греха...

— А вот, — вождь протянул то ли смуглую, то ли дочерна загорелую ладонь. На ней лежала искусно вырезанная из кости фигурка... собаки? Нет — скорее, того самого оборотня. — Тотем то священный и покусителя надлежит наказать!

— Никого тут наказывать не будут! — возмутилась Аглая. — Дикость какая! Прекратите над человеком издеваться!

— А мы не издеваемся, — спокойно сказал вождь. — Сутки провисит, — отпустим. Всё по закону то.

— Я писать хочу! — возмущенно заорал Льяти. — Отпустите-е-е!

— Что ж ты у хозяев-то воруюешь? — насмешливо спросил Сергей. — За помощью вроде пришел — и воруюешь. Нехорошо.

— Да я давно уже её взял! — заорал Льяти. — А она тут случайно из кармана выпала, честно-честно! Я думал, что про неё тут все забыли уже!

— Не забыли, не надейся, — хмуро сказал вождь. — С тотемами не шутят, в них — часть души Побратима. Сам он за ней бы пришел, — тебе бы небо с овчинку показалось. А мог бы и вовсе облика человеческого лишить. Бывает такое...

— Отпустите-е-е-е! — вновь завыл Льяти, извиваясь. Похоже, что ему совсем приспичило.

— Отпусти его, вождь, — хмуро сказал Сергей. — Хватит над парнем издеваться. Он ради нас же старался.

На минуту они встретились глазами, — и никто в этот раз не отвел взгляда...

— Ладно, быть по-твоему, — наконец сказал вождь. — Отпустите его! — он махнул рукой девчонкам. — Но теперь ты за него отвечаешь, — повернулся он к Сергею. — Слову твоему я верю... пока что. Но ежели Льяти что опять на землях наших сотворит, — будет тебе нехорошо. Да и не тебе одному. Побратимы — они, знаешь, не прощают...

— Не сотворит он больше ничего, — ответил Сергей. — Я уж с ним потолкую... по-дружески.

— Значит, быть по сему, — спокойно сказал вождь.

Девчонки быстро распутали узлы — и Льяти, подвывая, умчался в кустики.

— Не сбежал бы... — сказал кто-то из Куниц.

— Сбежит — ему же и хуже, вещи-то его у нас, — ответил равнодушно вождь. — Не похорошему мы с вами встретились, — повернулся он к землянам, — но пусть на том нехорошее и кончится. Располагайтесь с миром. Вот гостевой дом.

На этом вся церемония и кончилась.

* * *

Гостевой дом Куниц оказался просто ямой глубиной по пояс — сухой, к счастью, — с крышей из жердей, дерна и бересты, неожиданно просторной — вроде большой палатки, в которой, хоть и в тесноте, смогли разместиться они все.

— Это нам тут жить?! — сразу возмутилась Ирка. — В этой норе?

Димка вздохнул. Ну, не нора, конечно — стены и пол обмазаны гладкой сухой глиной, вдоль стен что-то вроде полок с постелями из травы и шкур, в центре — обложенный камнями очаг, но окон, само собой, никаких, если не считать дырки-дымохода в крыше, вместо двери — полог из шкуры. Вещей никаких нет — ладно, и не нужно...

— Тут мы переночуем только, — сказал Сергей. — А утром пойдем дальше.

— Может быть, лагерь за тыном разбить? — предложила Аглая. — А то тут и мыши могут ведь быть!

— Лагерь не надо, — сказал Сергей. — Лишняя возня, да и хозяева могут обидеться. Ничего, одну ночь потерпим.

— Но тут же дикость натуральная! — возмутилась Аглая. — Тут тараканы могут быть! Клопы! Вши, наконец!

— Нету тут никого, — буркнул Борька. — Постели-то с полынью набиты, а нечисть разная её на дух не переносит.

— И я тоже! — возмутилась Ирка. — У меня от полыни голова болит!

— За одну ночь не помрешь, — сказал Антон. — Давайте обедать, наконец...

* * *

Но пообедать толком им не дали. Едва ребята расположились вокруг очага с мисками каши (выставлять часового всё же не стали, — пусть Куницы и дикие, но тронуть гостей для

них было немислимо, это им объяснил Иван) — как снаружи донесся непонятный шум. Димка, было, сунулся в дверь, — и навстречу ему влетел Льяти, сжимая в охапке всё своё барахло — лук и прочее.

— Вот звери! — с чувством заявил он, свалив всё на пол. — Я... ик! — чуть не лопнул от смеха. Девчонки эти... ик!

— Иди-ка сюда, заяц, — нехорошим очень тоном предложил Сергей, но кипящий от возмущения Льяти не заметил подвоха.

— Чего тебе? — он повернулся к землянину.

— А вот! — Сергей отвесил Льяти оглушительную оплеуху. Все замерли — как актеры в последней сцене «Ревизора».

— За что?! — возмущенно завопил Льяти, хватаясь за багровую от удара щеку.

— За воровство, — спокойно ответил Сергей, потирая руку. — В первый раз я тебя простил — но, видать, зря. Не в коня пошел корм. В этот раз — тоже прощу. В третий — имя твоё забуду. Понятно?

Льяти хмуро кивнул. Лицо у него сейчас было... интересное. Ошалело-задумчивое такое.

— Вот и хорошо. А теперь есть садись. Голодный же, наверное?

Льяти ошалело взглянул на него, — но отказываться не стал.

Ели все молча.

* * *

Димка легко и быстро шел по широкой, совершенно пустой улице. Справа, далеко, между редких кустов тянулись новенькие панельные пятиэтажки. Слева, за тускло блестящей рекой, к хмурому горизонту убегали низкие, дикие заросли, а на этом её берегу стояли древние деревянные дома, иногда темные и наполовину ушедшие в землю, иногда, напротив, приподнятые на белых кирпичных полуподвалах, с ярко-белыми резными наличниками и обшивкой из зеленовато-коричневых досок. Все они казались сейчас одинаково безжизненными. Время было самое что ни на есть глухое — два часа ночи — и потому вокруг не осталось ни души. Где-то очень далеко впереди смутно мерцали зеленоватые огни уличных фонарей. Над северным горизонтом стояла холодная июньская заря, — и в её призрачном свете всё вокруг казалось нереальным и таинственным. Прохладный воздух невесомо щекотал едва прикрытое тело, — сейчас на нем были лишь легкие летние штаны, такая же легкая футболка и сандалии на босу ногу. От избытка силы и от окружающего простора хотелось взлететь...

Димка сошел, почти сбежал с дороги к приметному высокому забору из посеревших от старости массивных досок. Той же природы калитка была заперта, и он неторопливо постучал большим, тяжелым кольцом. Машка открыла почти сразу, через каких-то полминуты — ждала, ждала!.. — и он даже не успел как следует разволноваться. Она была босиком, в каком-то совсем простом, домашнем платье, с весело блестящими глазами. Димка, не говоря ни слова, сгреб её в объятия, и они тут же начали целоваться, — пока Машка, задохнувшись, не вывернулась из кольца его рук. Глаза у неё в этот миг были уже совершенно сумасшедшие.

Она торопливо задвинула засов и молча потянула его за собой, в совсем небогато

выглядевший дом, обшитый коричневыми от старости досками.

Они нырнули сначала в совсем темные, с крохотным оконцем, сени, потом, — в почти такую же темную горницу, — тоже с единственным маленьким окном, — и, наконец, попали в небольшую спальню, похожую на внутренность ящика: все её плоскости состояли из грубых, необделанных досок. Здесь стояла лишь большущая кровать, — с пышной, ослепительно белой периной, — и что-то вроде комода, на котором ровно горела единственная толстая свеча. Окон в комнатке не было, все двери за собой Машка тщательно заперла. На какую-то минуту они замерли, нетерпеливо и с испугом глядя друг на друга в предвкушении чего-то невероятного... и тут Димка проснулся.

Ничего себе сон, подумал он, отбросив одеяло. Что-то же должно было там быть, что-то такое... ну очень интересное...

Недовольно помотав головой, он выбрался из палатки. Машка непобедимо спала, — как и Сергей, и Борька, и мальчишка не стал их будить.

Снаружи он словно нырнул во влажный, лишь слегка прохладный воздух, одуряюще пахнувший мокрой травой, вдохнул его так, что грудь, казалось, сейчас треснет, потянулся, поднявшись на пальцы босых ног, помотал головой, засмеялся...

Вокруг ещё только занималось утро, — солнце уже взошло, но еле пробивалось через щели в слое высоко висящих синеватых туч. Легкий ветер шуршал и шелестел высоченной травой. Вчера они вышли из леса и оказались на громадной холмистой равнине, спускавшейся к самому Морю Птиц, — оно уже смутно синело впереди. За ним, на юге, лежала мгла, скрывая невидимую отсюда цитадель Хозяев.

Ничего, мы до вас ещё доберемся, подумал мальчишка, продолжая осматриваться. Между палаток весело потрескивал костер, Ирка и Аглая хлопотали у него, — варили кашу на завтрак, конечно... Рядом с ними сидел Макс, положив на колени копье, — караулил, хотя от кого?.. Зверья в этих степях кроме смешных, по колено ростом, оленьков, на которых и охотится-то стыдно, не водилось, люди тоже почему-то не жили, — простор и раздолье, одним словом. Холмы, словно застывшие огромные волны, между ними — ручьи и рощицы, всё такие красивое, словно это и не мир, а какой-то огромный парк. И при этом, — всё дикое, словно здесь никогда не ступала нога человека. Травища по колено, идущая от ветра волнами, — вот и всё, что они тут видели, собственно...

Разобравшись с неизбежными утром делами, Димка подошел к костру. Одеваться совершенно не хотелось, — сейчас он словно плыл в этом воздухе, как рыба, — и Аглая покосилась на него, но ничего не сказала, почему-то...

— А что там за истуканы стоят? — спросил Димка Максима, показав на три фигурки, торчавшие на гребне холма. — Вчера ж вроде не было...

— Где? — Максим оглянулся, но странные фигурки уже исчезли, — то ли легли, то ли нырнули за гребень. — Да померещилось тебе.

— Да я точно видел! — возмущился Димка, — столбы столбами, и без лиц — как они ходить-то могут?

— А, так это Астеры, наверное, — отмахнулся Максим. — Не бойся, они безобидные.

— Кто? — ошалело спросил Димка.

— А, так ты не знаешь же, — ответил Максим. — Мне тут Льяти ночью рассказал... под утро уже. Это племя такое. Живут тут в рощицах, в шалашах, промышляют рыболовством, и не общаются ни с кем. Даже личины из коры носят, чтобы никто их лиц не видел. Вот. А по ночам жгут они на верхушках холмов костры и поклоняются звездам — ну, так говорят. А

днем на холмы они не поднимаются, — табу такое у них... И ни к морю, ни к лесу не подходят...

— Ничего себе... — Димка почесал в затылке. Мысли и так были взбудоражены сном, а тут ещё такая загадка... — Может, они и не люди вовсе?

— Да не, Льяти их видел же, — отмахнулся Максим. — Люди как люди, даже красивые... очень. Только стеснительные. А может, просто языка здешнего не знают, хотя так и не бывает вроде...

— Льяти где? — спросил Димка. Ему не терпелось уже повстречаться с этими таинственными незнакомцами.

— Да вон он, дрыхнет, — Максим показал на торчавшие из-под шкур босые ноги, — да не буди его, он полночи нас караулил и про звезды трындел, спасу нет. Вот же язык без костей!..

— А, пусть спит тогда, — Димка вздохнул. — Слушай, а он не рассказывал, кто тут ещё бродит?

— Почему, рассказывал, — Максим пожал широкими плечами. — Туа-ти, говорят, вообще самое старое здешнее племя, — они здесь чуть ли не пять тысяч лет, и всё это время кочуют, весь здешний мир из края в край обошли, только к Морю никогда не подходят, — боятся Хозяев. Но они от древности вроде как тронулись, — тоже ни с кем не говорят и никому не доверяют. А может, они и говорить-то не могут, потому что не люди, — у них щеки и плечи все синие, но не сплошь, а узорами, словно у змей. Бр-р-р! Зато тут другие ещё есть — арии, вот. Виксены их ещё Воронами зовут, за татуировки.

— Арии — это фашисты, что ли? — спросил Димка. Вчера он с мальчишками порасспросил Льяти об этом Вальфриде, — и вышло, что он самый, что ни на есть недобитый фашист: рыжий и с древним пистолетом, в котором по описанию каждый из мальчишек узнал немецкий «вальтер». Хорошо ещё, что патронов к этому самому «вальтеру» не осталось уже давным-давным давно, — а ведь, говорят, немцы попали сюда с автоматами и чуть ли не с фаустпатронами, — только вот справится с Хозяевами эти им не помогло... Неудивительно, конечно, — чего ещё ждать-то от фашистов недобитых? — но обидно: стрельнуть из фаустпатрона в Хозяев Димка сам не отказался бы...

— Да не, они тоже совсем древние, с каменными мечами бегают... Вождь их всех тут достал, — ездит без конца по селениям, поднимает всех на борьбу с Хозяевами, — только вот сам не знает, как с ними справится, и давно никто не слушает его...

— Эх, нам бы его найти... — вздохнул Димка. — А то народ тут мхом оброс совсем...

— Льяти не знает, где сейчас он, — вздохнул Максим. — Мир-то тут большой, границ нет, — иди, куда хочешь. А я и сам потолковать с ним не отказался бы... Ого, смотри!

Димка запрокинул голову. Высоко-высоко, под самыми тучами, парил хрустальный дракон...

* * *

— Ну, вот и море, — хмуро сказал Борька, глядя на кучку встречающих отряд Горгулий. В самом деле, самые, что ни на есть натуральные дикари: бритые с боков головы, длинные черные волосы, заплетенные в косицу, всей одежды — юбка из водорослей. И на левом бицепсе у каждого алой и зеленой краской татуирована эта самая рыба-горгуля, то ли

прародитель, то ли покровитель племени — неотлично похожая в таком вот исполнении на крашеную охрой черепаху. Тьфу!..

— Мир вам, добрые люди, — сказал Сергей. — Мы ищем, как пройти к Волкам и в ваших землях не задержимся.

Горгульи, однако, молчали, — в точности как их прародитель. Скулы у них были высокие, глаза узкие, черные и непроницаемые, — они чем-то походили не то на японцев, не то на вьетнамцев, а может, и происходили откуда-то из тех краев — кто знает?..

— Волки живут в море, — один из мальчишек показал на группку синюющих в море островов. Голос у него был такой же непроницаемый, как и лицо, — совершенно без эмоций. — Сюда приплывают редко. Менять еду на редких рыб и морских тварей. У нас нет с ними других дел. Вам лучше уйти с нашей земли.

— Да что же это такое! — возмутился Борька. — Нам надо к Волкам попасть!..

— Зажгите на берегу костер, — бесстрастно сказал... кто? Вождь? Посол? — Волки приплывут, рано или поздно. Они очень любопытны.

— Ладно, спасибо и на этом, — проворчал Сергей. — Пошли, ребята...

* * *

— Ну и удружили нам эти Горгульи! — возмутился Димка. Разжечь костер на берегу было, понятно, не из чего, — а до ближайшей рощи пришлось топтать и топтать. — «Наша земля», — словно они её купили!..

— Ну, так их же земля, — удивился Льяти. — Они ж на ней не первый век уже живут. Имеют, как говорится, право.

— Жлобы они! — возмутился Димка. По прихоти Горгулий им пришлось переться назад, к ближайшей роще, разбивать там лагерь, — а потом таскать хворост к берегу, километра этак за три. На приличный костер наберется только к вечеру, — оно и лучше, конечно, но потом ещё ведь ночь не спать! — Нет, ну почему бы им самим этим не заняться!..

— Жлобы, не жлобы, — а им жить здесь, — проворчал Льяти. Получив по морде от Сергея, он сильно изменился, — по крайней мере, не увилывал, как раньше, от общих работ. Сейчас вот тащил, как ишак, громадную, вдвое больше Димкиной, вязанку хвороста, не ныл и не стонал. Вот что порой простая оплеуха с людьми делает... — А Волков тут, знаешь, никто особо не любит, — слишком хорошо живут, и слишком правильно, — а такое как стерпеть?.. Морские Воришки — их первые враги. Волков-то они, понятно, боятся, — а вот Горгульям могут устроить веселую жизнь. А куда тем податься? Они только рыбу ловить и умеют, её и едят, да и то, не всякую, а только такую, которая не табу. Прогони их от Моря, — пропадут, одичают вконец, потеряют человеческий облик. Тут такое, знаешь, бывало не раз... Буревестники — те сами не нападут, конечно, но Воришкам наябедничают обязательно...

— А Буревестники — это кто? — спросил Димка. Льяти вроде ничего и не скрывал, — но о многом молчал, пока не спросишь, — то ли от забывчивости, то ли набивал себе цену, придерживая знания про запас...

— А это соседи Горгулий, — пояснил Льяти, утирая пот. Солнце стояло высоко, — перевалило за полдень, небо прояснилось и стало уже жарко. — Лучшие рыбаки в этом

мире, право слово. Но жулики при этом редкие, для них при обмене надуть — это обязательно, у них даже обычай такой. А вождь их Терри — главный в этой шайке жулик. Но красивы-ый... девчонки по нему прямо гроздьями сохнут, хотя он ж мизинца их не стоит...

Льяти пустился в привычные, как видно, рассуждения, — но Димка не слушал его. Дс берега ещё далеко, солнце палит, — ну вот нафига они это затеяли? Куда коней гнать-то?..

Да есть куда, хмуρο подумал Димка. Дома-то нас ждут, и не делать всё, чтобы вернуться — предательство, вот ведь какие дела...

— А кто тут ещё у Моря живет-то? — спросил он. Болтовню Льяти слушать всё равно придется — так хоть по делу...

— Да собственно и всё, — сказал он. — Буревестники, Горгульи и Морские Воришки. Это если не считать Волков, конечно. Ну, и ещё Певцы, но их мало кто видел...

— Любите вы тут прятаться... — проворчал Димка. — Кто в лес дикий забился, кто на острова, кто вообще с глаз пропал, как эти вот Певцы...

— Так что ж им ещё делать? — хмыкнул Льяти. — Племя-то у них маленькое, а кораллы, жемчуг и перламутр всем нужны. А добывать их никто, кроме Певцов, не умеет, они лучшие в мире ныряльщики. Говорят, что и живут они на морском дне...

— Чушь это, — проворчал Димка, останавливаясь и в очередной раз вытирая пот. Хорошо хоть, что с грузом под гору, — а назад налегке...

— Чушь, не чушь, — а дома Певцов никто не видел, — ответил Льяти. — Где они живут — неведомо, только все, кто с ними общался, говорили, что выходили они из-под воды.

— А почему Певцы тогда? Ещё и поют лучше всех?

— Вроде того, — Льяти поправил за спиной тяжеленную связку. — Но это не от таланта, а от усердия: они, знаешь, верят, что мир умеет слушать и, если спеть ему правильную Песню — отзовется.

— А отзывался? — Димка поскользнулся на кочке и едва не упал. Вот же гадство-то...

— То никому не ведомо, — вздохнул Льяти.

* * *

— Когда эти Волки приплывут-то? — проворчал Борька, бросая в огонь очередную связку хвороста.

— Раньше середины завтрашнего дня их ждать нечего, — ответил Льяти. — Ночью же никто не плавает, ночью спят.

Димка вздохнул. С некоторых пор любые задержки в исполнении плана злили его безмерно. Смешно, — у них и плана-то, можно сказать, нет, — но всё равно злили. Очень уж захотелось спросить у Волков, почему это они, самое сильное здесь племя, спрятались на островах и свысока на всех поплевают...

Он глубоко вздохнул и осмотрелся. Уже почти совсем стемнело, в бездонно-синем небе мерцали незнакомые звезды, на западе, над горами, стоял желто-рыжий смутный купол Таллаара, словно верхушка невероятно огромной луны...

Димка вздохнул. Всё вместе — глубокая, хмурая синева озера, прозрачный сумрак неба, в котором колыхались звезды, серебристые волны последних отблесков заката, бегущие по травяному морю, далекие искры костров неведомых Астеров, мерцавшие, как звезды, на верхушках холмов, — вся эта красота хватала его за душу. И, в то же время, говорила, что

мир вокруг — чужой... Прекрасная далекая сказка, ставшая для них тюрьмой...

Глава 10: Остров Добрых Существ

*Когда над нами день встаёт,
Плечом раздвинув дали,
Мы солнце доброе своё
Друзьям по-братски дарим.*

*Гори, гори, весёлая заря,
Пой песню, свежий ветер!
Быстрее, быстрее кружись, Земля,
Цвети на радость детям.*

*Когда мы с песней — мир светлей,
И звонче наше счастье.
Сердца и двери для друзей —
У нас открыты настежь.*

*Гори, гори, весёлая заря,
Пой песню, свежий ветер!
Быстрее, быстрее кружись, Земля,
Цвети на радость детям.*

— Ну вот, не прошло и двух дней... — пробормотал Борька, глядя на приближавшийся плот Волков. В самом деле, те не особенно спешили, — было уже далеко за полдень.

Плот Волков напомнил Димке знаменитый «Кон-Тики», — с такой же треногой мачтой и парусом, сплетенным из каких-то местных тростников. Правда, хижины на плоту не имелось, — размер не тот всё-таки, и плавать тут недалеко...

На плоту стояло с полдюжины загорелых мальчишек, с крайним интересом смотревших на гостей. У одного был даже самый настоящий бинокль!..

К счастью, бинокль нашелся и у землян, и сейчас его жадно, едва ли не с дракой, рвали друг у друга из рук. Когда очередь дошла до Димки, страсти уже почти улеглись: ничего необычного в Волках не нашлось. Мальчишки как мальчишки, разные, — привычно в Союзе, но совсем необычно здесь, где свои так и жались к своим, прозябая племенами...

Спустя, казалось, целую вечность плот мощно ткнулся в берег. Он был всё же большим, из толстых бревен, с высоко поднятым дощатым настилом, даже с перилами, — сделанный добротнo и на совесть. Команда его тоже смотрелась серьёзно: все дочерна загорелые, ловкие, крепкие, коротко стриженные, — что после обычных здесь длиннющих лохм казалось уже удивительно. Одеты все тоже одинаково, — в шорты из какой-то подозрительно домотканой ткани, но всё же, это были именно шорты, а не набедренные повязки.

Вооружены Волки были крепкими, высотой до плеча, палками — вроде бы и безобидно, но шутить с ними совсем не хотелось, сразу чувствовалось, что со своим немудрящим оружием мальчишки обращаются «на ять», как говорил в своё время дед Димки. У двух,

оставшихся на палубе, были в руках длинные луки, — вроде как они праздно на них опирались, но Димка не сомневался, что случись вдруг что, — и страшноватые трезубые стрелы полетят в цель уже через секунду. Убить, конечно, не убьют, — но выдирать из тела зазубренные острия, лучше уж заранее сдохнуть... Нет, ссориться с местными «владыками морей» ну совсем не хотелось...

— Капитан плота «Смелый» Денисов Игорь Леонидович! — бодро представился мальчишка с биноклем, смешно вскинув ладонь к непокрытой голове.

— Ребята, вы что, из Союза? — выдохнула Аглая.

— Ну да, — недоуменно сказал Игорь. — Из Союза Народных Социалистических Республик...

* * *

Димка сидел пришибленный, почти не глядя по сторонам. Он привык к тому, что Советский Союз — великий и могучий — один. А оказалось, что есть ещё и какой-то Народный Союз, с другой совершенно географией и столицей в каком-то Марграде, — и ещё более великий и могучий. Ну ладно, это ещё можно было отнести на счет даты, — когда пионерский отряд Алки Семеновой провалился в этот странный мир, там шел уже восемьдесят девятый год! Семнадцать лет в будущее! Ему, Димке, был бы уже тридцать один год, — он стал бы уже не то, что совершенно, а солидно взрослым, сам женился бы и обзавелся детьми, как ни трудно такое представить...

Игорь заливался соловьём про цветные телевизоры, про орбитальную станцию, про трансконтинентальные лайнеры — можно подумать, что в его, Димки, мире, их не было! — про зачем-то спущенный на воду авианосец... Зачем советской стране авианосец, как всем известно, оружие агрессии и разбоя? Ну, пусть не советской, а народной, всё равно...

На самом деле, Димка был глубоко обижен, — но отнюдь не размахом достижений этого странного СНСР, а совсем наоборот. Он был твердо уверен, — когда ему исполнится тридцать, люди полетят к звездам... ладно, хотя бы на Марс! — а капитализм отойдет в область преданий. Но... ничего этого не случилось. Флаг победившего социализма не взвился ни на Марсе, ни даже на Луне, — зато капитализм вовсе не спешил загнивать и привычно грозил миру войной...

Речь Игоря вообще звучала как-то странно, — словно он старался убедить себя, что у него дома всё хорошо и замечательно. Неужели и мы говорим так же? — с тоской вздохнул Димка и перевел взгляд на берег.

И все его мысли, печальные и не очень, в один миг вылетели из головы.

* * *

Столица, как высокопарно назвал это место Игорь, действительно поражала воображение. В удобной естественной бухте, окруженной каменистыми грядами, стоял добрый десяток плотов — и «Смелый» среди них был вовсе не самым большим. На широком мысу между бухтой и морем возвышался могучий частокол из толстенных, высотой метра в четыре, бревен. А над ним поднималась пирамида из четырех сужавшихся кверху платформ,

соединенных многочисленными лесенками, — на них стояли всевозможные домики, и даже вроде как росла какая-то зелень. Венчала всё это сторожевая вышка, — а над ней гордо трепетал красный флаг...

* * *

Ошалевший Димка уже почти всерьёз ожидал, что их встретят тут почетным караулом или чем-то вроде этого, — но ничего подобного всё же не случилось. На причал высыпала вполне обычная толпа мальчишек и девчонок, одетых совершенно по пляжному. Никаких тебе бус и набедренных повязок, — всё более-менее прилично. Ну, если считать приличным голые бока и ноги, разумеется. Галдела эта толпа тоже совершенно привычно, и было их много, — никак не меньше сотни, наверное. Димка успел уже отвыкнуть от многолюдства, и даже растерялся немного, — он и представить не мог, что в этом пустоватом мире найдется вот такое...

Экипаж ловко и сноровисто закрепил плот у причала. Капитан первым спрыгнул на берег, за ним запрыгали и остальные. Гостей сразу же окружила гудящая толпа, вместе с ней они и прошли в могучие ворота.

Димка непрерывно крутил головой. Казалось, что он попал на съемочную площадку какого-то исторического фильма: везде какие-то сарайки, клетки с какими-то... кроликами, что ли, какая-то мелкая живность, вроде морских свинок-переростков, горшки, ткацкие станки и прочее, — ни дать, ни взять, музей, только вот ничего больше от музея тут не было. По крайней мере, табличек «Руками не трогать!» не встречалось, вещи стояли не для любования, а для дела.

По широкой, но крутой лестнице, больше похожей на громадную стремянку, они поднялись на второй этаж. Тут, очевидно, было что-то вроде зала для собраний: масса лежавших на полу пёстрых подушек и колонны вокруг, на которые опирался третий этаж. За ними стояли какие-то домики, в которых Волки, наверное, и жили. Смотрелось это как-то странно, — ну нафига так тесниться, когда места вокруг завались? — но потом Димка понял: даже столь большое племя не могло обнести частоколом приличную территорию, — а жить без частокола здесь, похоже, не стоило даже «владыкам морей»...

* * *

Как-то вдруг наступила тишина. Все местные смотрели куда-то в одну сторону, — и Димка повернулся тоже.

По ступенькам, ведущим на верхний этаж, спускалась девчонка. Нет, не так, — Девчонка, с большой буквы. Белокурая красавица, сильная и гибкая, очень... выпуклая в определенных местах. Одета она была в короткую клетчатую юбку и что-то вроде смешной матросской блузки, с красным — офигеть! — галстуком, но какой-то непривычной формы: со слишком короткими и широкими «ушами», перечеркнутыми, к тому же, косыми синими полосками, по одной на каждом. На ногах — кожаные туфли, явно местной работы, но на общем босом фоне это тоже смотрелось удивительно. В руках девчонка держала длинный лук, — без стрел, явно просто для важности, — а с широкого, мальчишеского ремня свисал

тонкий длинный кинжал с витой рукояткой, — явно стальной и вполне настоящий. Просто амазонка какая-то, разве что без коня...

Удивительно пышные волосы девчонки оказались заколоты так, что получалось что-то вроде короны, а лицо... офигенно красивое, конечно, но вот выражение такое, что впору Снежную Королеву играть в школьном театре... Димка невольно почувствовал озноб. Характер у красавицы явно был решительный, и своё племя она крепко держала в кулаке: как скажет, — так оно и будет, хоть ты тресни...

Спустившись с лестницы, девчонка замерла, окидывая гостей бесстрастным взглядом. Ни улыбки, ни даже удивления, — ничего. Точно Снежная Королева, подумал Димка.

— Кто это, Денисов? — наконец, обратилась она к капитану. Голос у неё был красивый, глубокий, — если бы не холодный... нет, скорее — подчеркнуто бесстрастный тон.

— Гости, Алла Сергеевна! — бодро ответил мальчишка.

Димка тихо икнул. Ничего себе порядки... Алла Сергеевна, надо же... Хотя, — чему тут удивляться? Она ж провалилась сюда лет тридцать назад, сейчас ей уже пятый десяток идет, на самом-то деле, — имеет право, как говорить...

— Гости, — «Алла Сергеевна» со стуком опустила лук пяткой на пол, и Димка вздрогнул. На вид ей было лет пятнадцать, самое большее, — но истинный возраст лез из всех щелей, и мальчишка невольно ощутил робость: перед ним стоял взрослый и осознающий это человек. Странно, — ни с Лятой, ни с Иваном, впятеро более старшими, это совершенно не чувствовалось... — Представьтесь.

— Пионерский отряд седьмого «Г» класса школы номер четыре города Красноярска! — бодро отрапортовала Аглая. Ну да, — ей-то не привыкать отчитываться перед строгими Марьиваннами...

— Красноярск... не знаю такого города, — красавица нахмурилась, между безупречными бровями пролегла едва заметная морщинка. — Какая это республика?

— Российская Федеративная, — ответила Аглая уже менее уверенно.

— А, — девчонка мотнула головой, как будто это всё объясняло. — А год у вас какой?

— Семьдесят второй.

— От Октябрьской Революции?

— Нет, — Аглая смутилась. — От этого, как его там... рождества Христова, — казалось, ей стыдно признавать, что она до сих пор использует такое отсталое летоисчисление.

— А революция в каком году была? — спросила Алла.

— В семнадцатом! — бодро отрапортовала Аглая.

— У нас тоже, — вздохнула Алла. — Выходит, вы из прошлого? — звучало это так, словно гостей в её глазах только что сильно уценили.

— Из *другого* прошлого, — добавил Сергей. — У нас другой мир, всё-таки.

— Подумаешь, — Алла повела плечом. Димка вдруг понял, что смотрит на её гладкую, загорелую кожу и смутился. — А ты кто? — обратилась она к Аглае.

— Аглая Марецкая, вожатая пионерского отряда седьмого «Г» класса! — привычно отрапортовала та.

— А, — вновь совершенно непонятно произнесла Алла. — Ну, пошли тогда. Расскажешь мне всё толком... — девчонки поднялись наверх, оставив Димку стоять с открытым в удивлении ртом...

— Ну, вот и допрыгались, — уныло сказал Антон. — Дошли до самой середины — и влипли, словно кур в смолу.

Димка только кивнул. Был уже вечер этого самого дня. Праздничное пиршество в честь новых членов племени, наконец, закончилось, и сейчас вся «Банда Четырёх» печально сидела на берегу озера, созерцая мерцавшие на далеком западном острове костры, — там, в далекой цитадели Морских Воришек, народ тоже веселился и ужинал. На фоне заката торчал крохотный силуэт сторожевой вышки, и странно было думать, что кто-то оттуда смотрит сейчас на них, — словно из совсем другого мира. Хотя нет, это чушь, конечно, — слишком уж далеко, тут и не всякий бинокль поможет...

— Кто ж знал, что «Алла Сергеевна» у нас такой... сторонник мира, — добавил Максим. — Вон, каким хозяйством обросла, боится, что Хозяева всё тут разнесут, если что...

— Так разносили же, — удивился Димка. — Не раз уже и разносили, стоило лишь кому-то к Цитадели попробовать поплыть или корабль нормальный построить. Что ж Волкам теперь делать?

— Им-то — уже ничего, — ответил Сергей. — А вот нам — думать надо. Иначе мы так тут и застрянем, на веки вечные.

— А что думать-то? — ответил Антон. — Сделать-то всё равно ничего нельзя. Озеро не переплыть, самолет нам не построить, да даже если мы туда и попадем, — ну, и что с того? С палками на роботов идти? Немцы, вон, говорят, в них чуть ли не из пулемета стреляли, — а им пофиг. Броня же...

— Вальфрид, говорят, одного из фаустпатрона завалил, — заметил Димка. — А другие немцы, — ещё нескольких.

— Да врут они, эти фашисты недобитые, — отмахнулся Антон. — Да даже если и не врут, — где мы тут фаустпатроны возьмем? Сами не сделаем же.

— Порох, между прочим, сделать можно, — сказал Сергей. — Уголь здесь есть, сера в горах, говорят, тоже, селитру можно из этого... из гуано добыть. Рецепт-то я знаю. Если тут медь с оловом есть — можно и пушки отлить.

— Ага, так тебе Хозяева и дадут, — буркнул Антон. — Им же тут всё видно. Как только кто затевает запретное — роботы тут как тут. И привет.

— Нет, ребята, что нам делать-то? — спросил Димка. Всё это время ему казалось, что стоит им лишь добраться сюда, поднять здешних ребят, как они всей оравой навалятся на Хозяев — и... и всё. А оказалось, что «наваливаться» и до них уже пробовали, — и ни к чему хорошему это не привело...

— Однажды в студёную зимнюю пору лошадка примёрзла пиписькой к забору... — грустно процитировал Антон. — Похоже, что нам остается лишь пополнить собой популярную здесь буддийскую секту нихиренитов...

— Может, всё же попробовать здешних ребят поднять? — предложил Димка. — Не все же с «Аллой Сергеевной» этой тут согласны.

— Не все, — подтвердил Антон. — А толку? Большинство-то всё равно «за».

— Да нам и не нужно большинство это! — воскликнул Димка. — Нам хотя бы меньшинство увлечь!

— А не выйдет, — ответил Антон. — У «Аллы Сергеевны» с демократией плохо. За

критику руководства — изгнание сроком до четырех лет...

Сергей хмыкнул.

— До четырёх лет? Это что! Вот смертную казнь я плохо тут переношу....

— А ты на эту тему лучше не шути, — посоветовал Антон. — В лесу с голым задом как-то не совсем весело жить. Сидишь себе на дереве, сверху дождь, снизу леопарды. Неуютно...

— Леопардов тут нет, — сказал Максим. — Демократии, правда, тоже.

— При хорошем монархе демократия не нужна, — Сергей потянулся. — Зачем? Если есть своё собственное государство, привычное и секретно неудобное...

— Выходит, свобода мысли у нас есть, а вот вслух всё же не надо? — сказал Димка.

— Вроде того, — кивнул Сергей.

— И что же нам делать? — спросил Антон.

Сергей вдруг, резко толкнувшись, встал на руки — и так замер, балансируя для равновесия босыми ногами.

— Не сдаваться, вот что, — он поджал пятки, потом резко выбросил их вверх и, крутанувшись в воздухе, ловко встал на ноги. — «Алла Сергеевна» наша страсть как любит путешествия, так что под замком нас тут держать никто не будет. Захотим экспедицию какую устроить, — пожалуйста, только отчет напишите потом и диковины, какие найдете, в музей...

Димка вздохнул. Как бы он там ни относился к «Алле Сергеевне», она поддерживала в своем племени справедливый, вполне советский строй. И новые знания она прямо-таки обожала, неустанно рассылая исследовательские экспедиции и даже меняя разные морские редкости, добытые соседними племенами, на еду, благо, её у Волков хватало. Их и в самом деле набралось на настоящий музей, набитый чучелами местных рыб и даже сушеными водорослями в чем-то типа гербария — Ирка как туда вошла, так там и осталась. Наверное, до сих пор там сидит, на морских гадов любитесь...

— Не сдаваться, — это-то понятно, — сказал Антон. — Но вот делать-то что?

— Во-первых, Верасену найти, который вождь этих Воронов-ариев, — сказал Сергей. — Уж он-то с Хозяевами не смирился. Во-вторых, найти этих Певцов. Говорят же, что они своими песнями могут менять мир? Брежут, скорее всего, наверное, — а ну как нет? Больше же нам и зацепиться не за что... Да пожалуй, завтра поутру и пойдём...

— Так и поутру? — удивился Антон.

Сергей усмехнулся.

— А чего тянуть-то? Дома нас ждут, между прочим... Девчонок, конечно, придется здесь оставить...

— Я Машку не оставлю! — сразу же вскинулся Димка.

— Не бузи, — миролюбиво посоветовал Сергей. — Дело нам, чего греха таить, предстоит опасное, — а девчонками нам рисковать никак нельзя. Да они в походе и обуза, если совсем уж честно...

— Мне Ирка за такое сразу все волосы выдерет, — хмуро сказал Антон.

— Ничего, обрастешь, — усмехнулся Сергей.

— Я Машку оставлю, — а местные её того... охмурят, — не унимался Димка.

Сергей пожал плечами.

— Если охмурят — то нафиг она тебе вообще нужна?..

Димка не нашелся, что ответить, и прикусил язык. Обидно, конечно, — но ведь и правда!..

— И ещё... — сказал Сергей. — Мир тут большой, а времени у нас совсем уже мало. Если мы будем по-прежнему всей толпой из одного места в другое таскаться, — то черт знает, насколько всё это затянется...

— Ты что — нам ещё и разделиться предлагаешь? — вскинулся Димка. — Да нас же, парней, тут всего девять!

— Вот-вот, как раз три тройки, — усмехнулся Сергей. — Я, Андрей и Антон пойдём искать Верасену — да заодно и немцев этих за вымя пощупаем, слишком уж много разного про них тут говорят, а про места, в которых они там живут, и того больше даже...

— Они ж на западе в горах живут, где самая тут дичь, — не унимался Димка. — А в лесах у тех гор — Хоруны. Туда и не пройти, мигом угодишь в рабство или того хуже даже...

— В тех лесах ещё, говорят, живут какие-то Бродяги, — сказал Антон. — О которых никто ничего толком не знает, — они ото всех прячутся. Их тоже неплохо бы найти...

— А пользы от них? — не унимался Димка. — Трусы же отборные, даже не охотятся, говорят...

Сергей пожал плечами.

— Того никто не знает. Может, им просто в лесу одним жить нравится, как вот Астерам в степи... Ты, Димка, Борька и Юрка поплывут к Певцам — вместе с Игорем, конечно. Найдете их, расспросите, что там у них за песни...

— Это мы с тобой не вместе будем? — подозрительно спросил Димка.

Сергей усмехнулся.

— А пора к самостоятельности привыкать, дорогой. Нас тут слишком мало, чтобы всем кагалом по адресам ходить, — а Борька с Юркой парни, конечно, неплохие, но... слишком уж легко всем увлекаются. И отвлекаются. А ты за ними... ну, присмотришь как бы, чтобы не убрили от интереса невесть куда и сюда вернулись вовремя...

— Это я вроде как начальника над ними буду? — хмыкнул Димка.

Сергей с усмешкой взглянул на него.

— А хотя бы и типа того. Неужели боишься?

Димка повел плечами.

— Да не, чего? Просто... неудобно как-то... Они же мне... ну, друзья, — а я вдруг ими командовать начну...

— А ты привыкай, — посоветовал Сергей. — Если домой хочешь вернуться, конечно...

— А Сашка? — спросил Димка. — Тут останется, девчонок стеречь?

Сергей усмехнулся.

— Нет. Он, Максим и Эдик Туа-ти искать отправятся, — уж они-то точно должны всё об этом мире знать.

— А девчонки? — сразу же вскинулся Димка.

— А девчонки здесь нас подождут, — Сергей вновь прямо посмотрел на него. — Ничего тут с ними не случится. А будешь за Машку дрожать — так с ней тут и просидишь до скончания веков. Или ты домой не хочешь?

— Да хочу, конечно, — Димка отвернулся. — Просто... ну, не нравится мне это...

— А ты привыкай, — повторил Сергей. — В армию ж ты тоже не с Машкой пойдешь, — и не на пару недель, а на два года, между прочим. А если на флот — то и на все три.

Димка вздохнул. Об этом он как-то пока даже не думал, — в армию, это через четыре года же! Целая вечность!..

— Сашка, выходит, тоже типа как начальником будет? — спросил, между тем, Максим.

Сергей усмехнулся.

— А ты разве против?

— Ну... нет. Только он такой... задумчивый какой-то. И с силой воли у него...

Сергей усмехнулся.

— Это так. Начальником будешь ты. Возражений у тебя нет, надеюсь?

Макс удивленно взглянул на него.

— Нет, конечно. Но, всё равно... Эдика с собой тащить... он же как гусеница ползти будет!..

— Он, между прочим, ненамного слабее тебя будет, — меланхолично заметил Сергей. — И груза не меньше тебя утащит. И, если до драки дойдет — то тоже не лишним окажется...

— А я тогда зачем? — сразу обиделся Максим.

— Ты... — Сергей задумчиво посмотрел на него. — Ты дерешься очень крепко же, — а Туа-ти отличные воины. Кроме тебя, с ними говорить некому.

— А! — Макс расплылся в улыбке. — Так бы сразу и сказал! А то, сё... Только вот я не знаю даже, с чего тут и начать, — самокритично признался он.

— А ты сперва Астеров найди, — посоветовал Антон. — Туа-ти же в их землях сейчас где-то кочуют, они наверняка должны знать — где.

— Угу, они-то, может, и знают, — снова нахмурился Максим. — Только толку-то с того? Они же ни с кем не общаются, даже личины из коры вон носят, чтобы никто тут даже и лиц их не видел...

— А ты домой хочешь? — вдруг спросил Сергей.

Макс удивленно взглянул на него.

— Хочу, конечно.

— А раз хочешь, то найдешь этих Астеров, — жестко сказал Сергей. — И разговоришь заодно.

— Как? — удивился Максим. — Пятки на костре им жарить? Так я же не фашист какой...

— У Сашки же голова на плечах есть, — усмехнулся Сергей. — Пусть придумает что-нибудь, без пяток и костра. Они же не враги совсем, просто всех тут боятся, наверное...

— Угу, — тогда я за ними до Нового Года тут бегать буду, — проворчал Максим.

— Зачем до Нового? — удивился Сергей. — Волки говорят, что живут они в шалашах из жердей и шкур, построенных вокруг живых деревьев — на опушках роц рядом с ручьями. Там их и найдешь. Уж из дома-то они никуда от тебя не денутся.

— Угу, — и я от них тоже, — вздохнул Максим. — И кости так пересчитают, что я и дорогу к ним забуду...

— А вот как раз на этот случай я с тобой Эдика с Сашкой и посылаю, — усмехнулся Сергей. — Вам-то двоим не больно по шеям навалеешь, да и мало кто захочет, если по правде. Да Астеры и тихие же, на самом-то деле — сами ни на кого не нападают, ни с кем ни ссорятся, не спорят...

— А, тогда понятно, — хмыкнул Максим. — Просто трусы они.

— А вот этого никто не знает, — хмыкнул Сергей. — Они никого не обижают, — но ведь и их никто тоже. Не просто так, наверное?..

— Просто они живут там, где нафиг никому не нужны, — отмахнулся Максим. — Там, в степи, и жрать же нечего — разве что рыбу в ручьях и речушках ловить, а ей не разожрешь

же...

— А я тебе сушеной рыбы дам, тут, у Волков, её полно, — усмехнулся Сергей. — Так что с голоду ты не помрешь там.

— А я, может, вообще никуда идти не хочу, — буркнул Максим. — Или с Димкой вон к Певцам плыть, — всё лучше, чем с Эдиком по холмам таскаться. Он на каждый по полдня подниматься будет, — а потом по полдня и спускаться.

— В самом деле, Серый, — сказал Димка. — Я, может, как раз сам Астеров увидети хочу. А Макс не хочет. Может, поменяемся?

Сергей усмехнулся.

— Не-а. Ни за что.

Димка нахмурился.

— Это почему? Что я, что Макс — никакой разницы же. И Эдик, в самом деле, ходок не из лучших же. Ему бы на плоту сидеть, веслом работать...

— А разница есть, между прочим, — ответил Сергей. — Макс, в самом деле, воин хоть куда...

— А я — слабак, выходит? — обиделся Димка.

Сергей усмехнулся.

— Почему, нет. Просто одного тебя с Максом менять смысла нет, — ты же с Борькой и Юркой дружишь, а Макс — нет. И командиром его к ним... не того, чего уж там...

— А целиком группы поменять? — удивился Димка.

— А нельзя, — Сергей вздохнул. — С Певцами-то драться не придется, — а вот с Астерами и Верасеной — бог весть. А бойцы из вас троих... ну, не три богатыря вы...

— Тогда почему ты Эдика и Макса с собой не возьмешь? — удивился Димка. — Немцы и Хоруны — тут самые опасные же, из всех племен.

— А их на нас троих — два племени, — очень спокойно ответил Сергей. — Тут если до драки дойдет, — всё равно уже будет, кто... А вот Астеры, как раз, не вояки, против них и двое здоровых парней — уже сила, если вдруг что...

— А, — Димка почесал в затылке. — Я об этом не подумал даже...

— Вот то-то, — Сергей хмыкнул и поднялся. — Ну что, парни, пора и спать. Нам завтра всем очень рано подниматься... — он повернулся и пошел вверх по берегу. Антон задумчиво смотрел ему вслед.

— Ничего у тебя друг, — наконец сказал он. — Всех нас тут построил — и даже не возразишь же ему!..

— Да уж, друг, — буркнул Димка. — Вот, представь себе: воскресенье, пять часов утра. Звонок в дверь: вставай, поехали в лес, на озеро купаться! Что, за окном дождь и плюс пять? Так вчера договорились же! Всё, живо, нытьё отставить, марш-марш-марш! Что, штаны забыл одеть? А, нафиг — не в штанах купаться же! Вода холодная, говоришь? Зуб на зуб не попадает? Но зато как бодрит! И ваще — пятьдесят отжиманий, и тебе жарко станет! А того лучше — десять кругов вокруг озера бегом! — с такой вот личностью точно не заскучаешь, и жиром не покроешься уже. Сидишь себе в чем мать родила на берегу озера в глухом лесу, бодро щелкаешь зубами, и с радостью душевной думаешь, что ещё в башку этой чокнутой личности придет...

Глава 11: Певцы и Драконы

*Туман над рекою клубится,
Гремят в барабаны ветра.
Войска собирает «Зарница» —
Военная наша игра.*

*Деревья угрюмо и строго
В немом карауле стоят.
Всё круче уходит дорога,
В пути проверяет ребят.*

*Пока о себе мы и сами
Не знаем почти ничего,
Сегодня — серьёзный экзамен,
Проверки себя самого.*

*Пускай командиры ни разу
В сражение не видели нас —
Уходим, согласно приказу,
И выполним этот приказ!*

Солнце стояло так высоко, что Димка его даже не видел, лишь его свет лежал на плечах ощутимо тяжелым горячим плащом. Шершавые доски под босыми ногами тоже были горячими, — а шляпки гвоздей обжигали. Сырой, пахнувший землей и зеленью воздух стал невероятно густым, он словно плыл в нем, как в воде. Голая спина Сергея, шагавшего впереди, тоже блестела, словно коричневая сталь, на ходу он повернулся к нему и улыбнулся.

Они шли по узкому дощатому мостику, вдоль края глубокого оврага. Слева были невысокие заборы и небольшие деревянные домики, — а справа вниз уступами падали узкие террасы, вдоль них в несколько ярусов протянулись такие же мостики. В самой середине склоны становились круче, и овраг превращался в забитое зеленью ущелье, по дну которого журчала невидимая отсюда речка. Через неё там и сям перекинулись хлипкие на вид мосты. Паутина самодельных лесенок и галереек опутывала весь овраг. Странно, подумал Димка. Где-то я уже всё это видел, — хотя никогда здесь не был. Интересно, что тут дальше?..

Как-то совершенно незаметно они попали из оврага в центр города. Тротуар здесь протянулся на уровне третьего этажа над запруженной машинами проезжей частью, — он венчал гладкую бетонную стену, похожую на крепостную. За ней, за высокой чугунной оградой, сквозь узкую полосу густых деревьев просвечивала бездонная небесная синева. Там колыхались красные флаги и доносился слитный гул праздника. Сквозь прогалы в листве Димка видел открытые павильоны закусочных с красной, почему-то, мебелью из стальных трубок, гранитные тротуары, фонтаны — и множество ярко одетых людей. Первое Мая, наверное, подумал он. Или Девятое?.. Интересно, какой это год? И зачем Сергей трясет меня за плечо?..

Димка рывком поднял голову. В первые мгновения ему показалось, что он видит продолжение сна: высоко над головой парила могучая бревенчатая платформа, а вместо остального мира клубился бесформенный розоватый туман.

— Проснулся? — Сергей был голый до пояса, с копьём в руке. За ним стояли Максим и Антон. — Хорошо. Одевайся — и пошли. Только оружие не забудь.

Димка выбрался из-под одеяла, — и сразу поёжился, мгновенно покрываясь «гусиной кожей». Надо же, холодно... но оно и хорошо: сон слетел сразу, без всякого чая, хотя интересно, конечно, что это был за город, с террасами и странными огородами в овраге — земли им там, что ли, не хватает? Да нет, непохоже. Тогда почему?..

Димка мотнул головой, выбрасывая из неё глупые мысли. Он нарочно лег спать здесь, на неудобном, вдали от Машки, — чтобы случайно её не разбудить. Всё же, Сергей на самом деле страшно умный: он решил не обсуждать свои планы с девчонками, а тихо смыться поутру, пока они все ещё спят. Оставив записку, конечно...

Димку, правда, отчасти грызла совесть, — нехорошо же уходить, не попрощавшись, да и страшно же представить, ЧТО выдаст Машка, когда он вернется, — но лучше уж так, чем выслушивать бесконечные причитания. В конце-то концов, ему, с Борькой и Юркой, досталось самое простое: отыскать этих самых Певцов, — а дело же нехитрое, пару дней, максимум, побродить по пляжу, — расспросить их, и назад. Неделя уйдет, самое большее. И риска, можно сказать, что и нет, — разве что Морские Воришки налетят по дороге... А вот у Сашки, Эдика и Макса поиски таинственных Астеров и ещё более таинственных «ариев» могут растянуться не на один месяц, — это если им вообще повезет, и непонятно даже, в какие дебри им придется при этом забраться... А Серый с Антоном и Андреем отправляются, по сути, в тыл врага, и неясно, вернутся ли они вообще...

Всё это Димка подумал, быстро одеваясь. Вещи он собрал ещё вчера, — да, собственно, и не разбирая, так, сложил обратно всякую мелочь, стараясь действовать бесшумно, — вокруг царила мертвая тишина, лишь внизу негромко возились животные, а где-то за частоколом глуховато плескали волны. Местные непобедимо дрыхли, забившись от сырости в домики, девчонки тоже — вчера они допоздна засиделись с местными, с обычной девчоночьей болтовней и дегустацией различных вкусовостей, повезло...

Так же, — быстро и бесшумно, — они спустились вниз. Здесь оказалось почти совсем темно, пахло прелью, сыростью, навозом. Димке казалось, что он по-прежнему где-то во сне, что всё это уже было... хотя и было же, — почти в таком же настроении он отправлялся в этот злосчастный поход. Но кое-что всё-таки изменилось: теперь они не метались по этому миру в поисках укрытия понадежней, а сами шли в бой, чтобы вырвать его тайны. Есть же разница!..

Впереди выросла темная стена частоккола. Мальчишка на миг замер, подумав, как они будут выбираться отсюда, — но оказалось, что выбираться и не надо: могучие ворота были приоткрыты, в щели стоял Игорь, напряженно вглядываясь в сумрак. Ну да, всё правильно, — с ним ещё вчера договорился Сергей, и бравый капитан обещал без лишнего шума доставить их, куда надо. А потом и забрать, но уже не сразу: они и сами не знали, когда вернутся, снова придется костер жечь...

Из густо пахнущего сумрака они вынырнули в прохладный, невесомый туман, невероятно густой — земля пропадала из вида уже шагов за десять. Не заблудиться бы, подумал Димка. Впрочем, Игорю видней, он, наверное, тут каждый камешек на ощупь знает...

Ворота за ними мягко скрипнули, закрываясь, — часовые, понятно, тоже состояли в «заговоре». Похоже, что власть «Аллы Сергеевны» тут была вовсе не такой большой, как ей казалось...

Стараясь всё же не шуметь, они спустились к воде. «Смелый» стоял у самого берега, так что они поднялись на него по мосткам, даже не замочив ног. Вокруг молча сновала хмурая спросонья команда. Безо всяких напоминаний капитана, они отвязали швартовы и шестами оттолкнули плот от берега. Ещё минута совместных усилий — и низкий каменистый берег пропал в туманной мгле...

Димка тоже взялся за тяжелый и, как оказалось, страшно неудобный шест, толкая плот, — сидеть без дела тут совсем не годилось. Впрочем, ещё несколько минут — и заметно потянуло ветерком: они вышли из бухты в само озеро. Команда с явным облегчением побросала шесты, несколько мальчишек быстро залезли на мачту и распустили громадный тростниковый парус. Другие бодро тянули за веревки, поворачивая рею под каким-то необходимым углом. Игорь, как и положено капитану, стоял у большущего рулевого весла. В общем, они, хоть и не быстро, плыли в явно нужном направлении.

— Ну, с почином, — сказал Сергей, садясь на палубу. — Берег тут недалеко, ещё до восхода будем...

— А потом? — спросил Сашка. Ему идея этого похода явно не нравилась.

— Потом... — Сергей зевнул и потянулся. — А потом расходимся, товарищи. Хватит друг за другом толпой ходить.

— А... — начал Сашка, но тут же закрыл рот: продолжать спор по второму кругу не хотелось и ему...

* * *

— А интересно, всё-таки, что тут ещё есть, на этой планете? — спросил Антон. Они все сидели тесным кружком на дощатой платформе плота, чтобы не мешать команде. Димке казалось, что они плыли уже целый час, но светлее не становилось, — вокруг по-прежнему висел густой туман. — Говорят, что тут, в западных горах, целые города заброшенные есть, а у восточного моря, за пустыней, — и вовсе настоящий город, куда почти весь здешний народ и собрался...

— Может, это и не планета никакая, — ответил Сашка.

Борька ошалело взглянул на него.

— Не планета? А что тогда?

Сашка пожал плечами.

— Ну, не знаю. Какая-нибудь станция космическая...

— Не гони, — буркнул Сергей, — мы по здешним местам километров пятьсот, как минимум, протопали. Что за, нафиг, «станция»?

Сашка лишь пожал плечами.

— Нечисто тут дело, я чувствую. Сколько лет они тут уже живут? Туа-ти эти? Тысяч пять, как говорят? За это время всю планету можно было на тысячу раз обойти. А они всё вокруг Моря Птиц болтаются. И Льяти вон... мог на сорок раз эту планету обойти, за двести лет-то. А на деле...

— А на деле Ойкумену покидать опасно, — хмуро сказал Льяти. Он сидел на крак

помоста, свесив ноги к бревнам. Не в воду — рыба в Море Птиц была крупная, могла запросто цапнуть за палец, да так, что потом света не взвидишь. — Там вокруг звери живут — ну, вы сами видели. И ещё...

— Р-рандбр-Рахаггар-рА... — могучий голос сотряс весь мир вокруг, — от него задрожали и доски помоста, и внутренности в животе самого Димки. Задрожал он и сам. Казалось, что заговорил кит. Именно заговорил. Это было не рычание зверя, нет. Это была — да, это была РЕЧЬ.

— Ч-что э-т-то? — выдавил Юрка Головин.

— Дракон, — пробормотал Игорь. — Мы у самого берега, ч-черт... Как раз тут, рядом, Драконий Пляж — сюда иногда драконы прилетают, ну — купаться...

— МЕНХЕНБАР-РА... — неожиданно налетевший порыв ветра разогнал туман — и Димка увидел такое, во что не смог поверить.

* * *

До берега тут было всего метров сто, — и туман обрывался, как обрезанный ножом. Мальчишка увидел хмурое, затянутое тучами небо, травянистый склон увала, роскошный, в самом деле, пляж, — а на пляже... на пляже...

На пляже стоял хрустальный дракон. Он был чудовищно огромный — как Ил-62, который мальчишка видел на аэродроме. Сложенные крылья поднимались над спиной, словно причудливая крыша здорового дома. Увенчанная двенадцатью парами разнокалиберных рогов башка величиной с «пазик» была чуть повернута, и на мальчишку равнодушно смотрел метровый, наверное, пронзительно-синий глаз, с вертикальным, как у кошки, зрачком.

Теперь, вблизи, стало ясно, что дракон ни фигу не хрустальный — его чешуя сверкала, словно облитая ртутью. Да какая там «чешуя»! Спина гиганта была покрыта настоящими броневыми плитами, плиты поменьше покрывали его лапы и голову. Даже громадный безвекый глаз сверкал, словно алмазный. Впрочем, почему это «словно»? Это и есть самый настоящий алмаз, как-то отстранено подумал Димка. И такого, конечно же, не может быть. Просто... не может.

Дракон приоткрыл громадную пасть, усаженную, как у динозавра, здоровенными острыми зубами — только не белыми, а черными и блестящими, словно точеными из обсидиана. Между ними метнулся увенчанный неяркими синеватыми огоньками змеиный семиконечный язык, как бы из гибкого вороненого железа, стремительно попробовал воздух, втянулся... Наверное, он не живой, подумал Димка. Это просто какая-то машина... — но тут дракон вздохнул, подняв на берегу небольшую бурю, поднял переднюю лапу... (какую лапу? Это же рука!..) — и очень человеческим жестом почесал морду над глазом. Казалось, что колоссальная рептилия улыбается, — хотя уж такого вот точно не могло быть. Потому что драконы улыбаться не умеют...

* * *

Димка не смог бы сказать, сколько потом прошло времени. Он так оцепенел, что даже

не испугался, — и не сразу осознал, что дракон уже давно скрылся в тумане, в котором неведомо куда плыл потерявший управление плот...

— Что это было-то? — наконец, спросил Борька. — Мираж?

— Какой мираж? — Игорь взглянул на него, как на сумасшедшего. — Ещё чуть-чуть — и мы бы просто на него наткнулись.

— Чушь какая-то, — сказал Антон. — Как они летают-то? Он же тонн тысячу весит, не меньше...

Льяти пожал плечами.

— Как-то летают. Если правду сказать, — то они летают очень хорошо... Я их на такой высоте видел, где даже облаков не бывает, вот...

— А они вообще живые? — спросил Димка. — Или кто?

— А того никто не знает, — важно ответил Льяти. Похоже, что для него зрелище вовсе не стало в новинку. — Но мертвых драконов никто и никогда не видел. Или их детенышей. То есть, детеныши у них, может, и есть, но никто их не видел.

— А они на людей нападают? — спросил Сашка.

— Ты что, с ума сошел? — ответил Игорь. — Если бы нападали, — нас тут не было бы уже. Да и во всем мире людей давно не осталось бы. Кто им мы? Так, козявки...

— А что они едят-то? — спросил Борька. — Зубы вон какие... как у тираннозавра в музее, больше даже...

— Так тайлоангов же, ну, быков местных, — ответил Льяти. — Я сам это видел. Но точно не людей.

— А живут они где? — спросил Сашка. Ему рассказов Льяти досталось маловато...

— В северных горах же, там у них гнезда. Летают над миром, где хотят. В море иногда купаются. Вот, пожалуй, и всё.

— А огнем они дышат? — спросил Борька.

Льяти усмехнулся.

— Кто тебе эту чушь сказал? Нет, зачем? У драконов есть Голос. В смысле, рев такой, что может скалу в щебень превратить. Зачем им какой-то огонь?

Димка вспомнил дрожь в животе. Да. Уж! Скала, не скала, — но если бы дракон заревел, он бы точно описался. Но не бывает же так! Он же не в сказке!.. Или нет?..

— Ребята... — вдруг сказал Сергей, и Димка заметил, что даже его голос непривычно подрагивал. — А может, это Хозяева и есть?..

— Да ну, чушь, — сразу ответил Игорь. — Хозяев наяву никто и не видел, только их роботов. А драконам зачем роботы? Ему раз крыльями махнуть — и вся наша Столица завалится. И плохого они нам никогда не делали. Да и никто не слышал о таком.

— Так они разумные или нет? — спросил Борька. — Неужели ты вот, — он повернулся к Льяти, — ни разу не пытался выяснить?

— Да пытался, — досадливо отмахнулся тот. — Только же не вышло ни фиги.

— А почему это?

— Ну, понимаешь... — Льяти смутился. — На самом деле, к гнездам драконов близко подходить нельзя. И не потому, что опасно, а просто... ну, просто забываешь, зачем шел. И, понятно, возвращаешься.

— Вот так вот просто и забываешь? — усмехнулся Сергей.

Льяти хмуро взглянул на него.

— Да. Ты не думай, я много раз пробовал... И всё равно забывал. Ну, не выходит никак,

как ни старайся. И не только у меня. Кроме меня много кто старался же. Только напрасно.

— Дела-а... — вздохнул Сергей, нахмурившись.

Димка тоже нахмурился. В этом новом безобразии явно были виноваты драконы, — а такое их могущество уже просто пугало. Хозяева — фиг с ними, с их роботами они наверняка как-то справятся. А вот если им просто *прикажут забыть*, кто они такие... и ничего тут не сделаешь же...

Мальчишка яростно помотал головой. Он сердцем уже чувствовал, что таким вот мыслям давать воли нельзя — иначе сам забьешься в щель, и каждый день будешь хвалить драконов, уже просто за то, что имя своё помнишь...

— А к Цитадели тоже так не пройти? — спросил Сашка.

— Нет, почему? — Игорь пожал плечами. — К ней-то как раз пройти можно. Ну, т.е. есть, проплыть. Только там роботы под водой караулят, — только сунься, и привет, назад будешь сам плыть. Или вообще на берег выкинут.

— Но не убьют? — спросил Сергей.

Игорь удивленно посмотрел на него.

— Нет, зачем? Хозяевам это не надо.

— А ЧТО тогда надо?

Игорь почесал в затылке.

— Да не знаю я! И никто, наверное, не знает. Может, тут и Хозяев-то никаких давно нет, — просто машины их работают. В смысле, хватают ребят из различных миров — и сюда. А зачем — они и сами не знают. Приказали им, и всё.

— А, — вздохнул Сергей. — Тогда-то проще всё. Только надо как-то в Цитадель эту попасть...

Димка вздохнул. В голову ему пришла идея... но настолько сумасшедшая, что он промолчал, — скажи он подобное вслух, его точно окунули бы в озеро, чтобы остыл...

* * *

Какое-то время все молчали. Туман клубился. О бревна негромко плескала вода. С берега больше не доносилось ни звука. Лишь однажды Димке послышался звук, похожий на шум огромных крыльев...

— А вот интересно, — спросил Сашка спустя несколько минут, — как они всё же летают? Мне отец рассказывал, что драконы летать просто не могут — удельная нагрузка на крыло слишком большая.

— И что? — спросил Димка.

— А то, что им сил не хватит крыльями махать. Не бабочки, чай.

— Ты это дракону скажи, — буркнул Сергей. — Самолеты-то ещё больше, — а летают.

— Самолеты крыльями не машут, — сказал Антон. — У них двигатели есть. И они по полосе ещё долго разбегаются. А драконы?

— А драконы с места взлетают, как птицы, — сказал Льяти. — И рядом там лучше не стоять, такой ветрище. Меня один раз чуть не унесло. И шум такой, жуть!..

— И ты не побоялся к такой зверюге подходить? — спросил Борька. — Ведь пришибет же и не заметит.

— Да я дракона даже трогал! — важно сообщил Льяти.

— Врешь!..

— Нет! Дракон на солнышке задрых, а я подошел и хвост потрогал. Там чешуя — ну, как стекло. Только горячая. Я глаза поднимаю, — а он на меня смотрит...

— И что?

— А ничего. Он, гад, на меня дунул — меня в кусты и унесло. Обидно так!.. Словно я не человек, а так, комар какой-то... А я что? Я только попробовал, прочно ли чешуя держится. Красивая же! И смотреться в неё можно, как в зеркало.

— И крепко держится? — насмешливо спросил Сергей.

Льяти надулся.

— Я бы на тебя там посмотрел. Я сам-то целый час с духом собирался. Страшно же!.. Пусть драконы людей и не едят, — но мало ли что? Вдруг в гнездо утащит или ещё что...

— Утащит, — хоть посмотришь, как они живут, — сказал Сергей. — У самого-то ведь не вышло.

— Я бы посмотрел, что у тебя выйдет, — обиженно сказал Льяти. — Да ты сперва просто до гор дойди, и на зуб никому не попади. Не сможешь же! Или тоже всё нафиг забудешь.

— Вот интересно, что будет, если цель похода на бумажку записать и всё время держать её перед носом? — спросил Антон. — Также всё забудешь? Или как?

Льяти лишь пожал плечами.

— Не знаю, я не пробовал.

— Это потому, что ты ни писать, ни читать не умеешь, — сразу же сказал Борька.

— Умею, — обиженно сказал Льяти. — Только забыл.

— Вот-вот, — сказал Сергей. — Ты читать как забыл, Волки забыли, что они сюда не на отдых приехали, остальные тоже чего-то забыли, по мелочи... Ребята, надо всё записывать. Ну, то есть не всё, а главное — кто мы, кто нас дома ждет... А то ведь всякое может быть.

— У меня блокнота нет и ручки, — хмуро сообщил Димка. — Я Машке их оставил думал, — не понадобится.

— У меня есть, — сказал Антон. — Я запишу. И по листочку всем раздам. А то, мало ли что, в самом деле... Зайдем куда-то не туда — и всё забудем.

Сергей потянулся.

— Нам «куда-то не туда» не надо, нам в Цитадель надо. Вот интересно, почему Хозяева её на виду у нас поставили? Не по забывчивости же. В роботов своих так верят?

— Может, у них выбора особого не было, — вдруг сказал Льяти. — А кто-то запретил им соваться за пределы Ойкумены. Просто потому, что это, всё-таки, НЕ ИХ мир.

— А чей? — удивленно спросил Димка. — Драконов, что ли?

Льяти лишь пожал плечами.

— Димка, я не знаю. Но хозяин в этом мире есть, и всё тут по его воле устроено, а не само по себе... ну, говорят так.

— Странно всё это, — буркнул Сашка.

— Тут вообще одни странности, — сказал Антон. — Драконы — странность. То, что все на одном языке говорят — странность. То, что здесь не умирают — странность. Да просто, что мы сюда попали. Разве ж оно так бывает, чтобы раз — и в другой мир? Ну, не сказка же это...

— Может, и сказка, — вздохнул Сергей. — Но тут надо не на кофейной гуще гадать, а разбираться. Что мы, кстати, и делаем.

Димка вздохнул. Где-то за туманом взошло солнце, — сразу стало светлее, туман начал рассеиваться. Вдали показался тот самый пляж, — но на нем, конечно, не осталось никаких следов...

* * *

— Ну, вот тут, обычно, мы и встречаем Певцов, — сказал Игорь.

Димка вздохнул, глядя на очередной пляж. Совершенно пустынный, разумеется. Над ним неровной стеной тянулись известняковые скалы, кое-где выдаваясь прямо в озеро, — а над ними колыхалась степная трава. Никаких следов людей не наблюдалось. Ни хижин, ни сетей, ни лодок, — в общем, совершенно ничего. Впору поверить, что Певцы и впрямь живут на морском дне...

— И что мне делать-то? — угрюмо спросил он. Так или иначе, — но расставаться с друзьями совершенно не хотелось.

Капитан вздохнул.

— Что, что... ждать, конечно. Они и выйдут... рано или поздно. Только вы это... осторожнее. Тут Морские Воришки шалят, — а вас-то всего трое останется. Вы лучше на берегу не светитесь, со скал смотрите. А то, мало ли что...

— Ладно, — Димка закинул на плечи тощий уже рюкзак и подхватил копьё. — Ну что, пошли, что ли...

Ребята попрыгали в воду и молча побрели к берегу. Говорить не хотелось, на сердце у всех наверняка было тяжело: каждый думал о том, встретятся ли они снова, и если и встретятся — то когда. Да и недавняя встреча с драконом тоже упорно не шла из памяти...

Дно оказалось усыпано острыми обломками скал, ступать приходилось медленно и осторожно. Но, когда он выбрался-таки на берег, плот всё ещё стоял. Димка помахал Волкам рукой, потом вздохнул и отвернулся, вспомнив Машку и представив, как она в этот момент бесится. Ладно, пусть её — только бы не побежала искать...

Взобраться на обрыв оказалось несложно, — кое-где обвалившиеся скалы напоминали ступеньки исполинской лестницы. Мальчишки передавали друг другу копьё и рюкзаки, так что много времени это не заняло.

Выпрямившись на гребне обрыва, Димка оглянулся. Плот всё ещё стоял у берега, — но Игорь помахал им рукой, а потом начал отдавать приказы. Двое Волков вытащили на палубу якорь, — обвязанный веревкой камень, остальные полезли на мачту, разворачивая парус. «Смелый» медленно и величаво отправился в обратный путь...

Димка представил, какой грандиозный разнос ждет их по возвращении, и вздохнул. Огромная травяная равнина лежала перед ним, мягкими волнами увалов поднимаясь к далеким холмам. Высоко в небе, — хотя было ещё утро, — висело зеленоватое местное солнце, большое и туманное. В небе неторопливо плыли облака — и так же неторопливо по холмам ползли их расплывчатые тени. Как жаль, что как раз туда, в неизвестность, ему не придется идти...

— С кем ты? — спросил он у Льяти.

В самом деле, как раз об этом никто и не подумал. Никто и не рассчитывал особо на своевольного аборигена. Льяти увязался за ними сам, просто интереса ради...

Димка вздохнул. Ждать, что Льяти решит остаться здесь, скучать на пляже, конечно же,

не стоило...

Льяти посмотрел направо, налево, почесал в затылке, потом снова вздохнул.

— Я, наверное, с ними пойду, — он показал на Сашку и Максима.

— Не с нами? — хмуро спросил Сергей. Его вполне можно было понять: ловкий и здоровый парень, да ещё и знающий в этом мире каждый куст, в таком вот походе точно не помешал бы.

— Мне степь нравится, — обиженно сказал Льяти. — Тут тихо и просторно, а я такое люблю... И Астеры мне нравятся. Они, знаешь, спокойные... А Хоруны меня по лесу гоняли, как зайца, я от них еле ноги унес. От немцев вот и не унес, — выследили, загнали... Взяли в плен, обзывали этим... как там его... унтерменшем, потому что у меня волосы черные. А я что, в этом виноват?..

— И что? — спросил Сергей.

— А ничего. По шее дали и выгнали, нужен я им... Они ж рабов не держат. Сказали только, чтобы я больше на их земли не лез, а то хуже будет. Вот я и не хочу.

— Боишься? — насмешливо сказал Сергей.

— Да не боюсь я! — возмутился Льяти. — Вот ещё! Было бы, кого бояться! Я этого Вальфрида вверх тормашками переверну и скажу, что так и было!..

— Ну так и переверни, — Сергей улыбнулся.

Льяти вздохнул.

— Его-то я переверну, — но их же много! Не дадут.

— В тот раз ты один был, — сказал Сергей. — А с тобой нас будет уже четверо. Есть разница?

Льяти снова вздохнул и задумался. Было прямо-таки видно, как старая обида борется в нем с осторожностью.

— Ладно, — наконец, сказал он. — Только, давайте все туда пойдём! Уж вместе-то мы точно этим гадам наваляем.

— Вместе нельзя, — сказал Сергей.

— А почему? — на обсуждении плана Льяти не присутствовал, умчался куда-то по своим делам. То ли трепаться со старыми друзьями, то ли налопаться у знакомых девчонок — не докладывал.

— А потому, что нет у нас времени туда-сюда толпой ходить. Нам домой срочно надо.

— А тут чем плохо? — удивился Льяти. — Еды полно, иди, куда хочешь, делай, что хочешь, — только скучно иногда.

— Нас дома ждут, — хмуро сказал Сергей. — Так ты идешь?

Льяти посмотрел на Димку, на холмы, на море. Снова вздохнул.

— Иду, иду. Вы ж там пропадете без меня, ничего же не знаете совсем... да и вообще, парни, есть там одна вещь...

Димка улыбнулся про себя: что другое, но вот увлечь людей Сергей умел отлично. Сашка, правда, насупился — понятно, что от Льяти он и сам не отказался бы — но возражать всё же не стал...

— Ну что ж, ребята... — Сергей повернулся к остальным. — Вот всё и начинается... по-настоящему. Вернемся ли мы домой, — теперь зависит от каждого из нас. Ну, всё, пошли, пожалуй...

Он повернулся и пошел на запад — туда, где далеко-далеко за холмами призрачно синели горы. Андрей и Антон, не оглядываясь, пошли за ним. Льяти, конечно, указывал

дорогу. Сашка, Максим и Эдик повернули на север, к таинственным до сих пор Астерам. Сам Димка, Борька и Юрка так и остались стоять на берегу, печально глядя им вслед...

*Готовы уже рюкзаки,
На карте блуждают маршруты.
Всегда на подъём мы легки,
И в лёгкие кеды обуты.*

*К ещё не знакомым местам
Уходим в тревожные дали.
Всего интереснее там,
Где мы никогда не бывали.*

*Дорога, дорога, дорога, дорога,
Подъём и крутой поворот.
Дорога, дорога проверит нас строго,
Дорога нас в завтра ведёт.*

*Припомним, что было вчера,
Где наша тропинка скиталась —
У чёрного круга костра
Усталость, как угли, осталась.*

*Давайте, друзья, помолчим,
Все песни давно перепеты.
И музыкой, слышной почти,
На землю прольются рассветы.*

*Дорога, дорога, дорога, дорога,
Подъём и крутой поворот.
Дорога, дорога проверит нас строго,
Дорога нас в завтра ведёт.*

*Реки говорливую нить,
Лесов необъятные планы,
Мы в памяти будем хранить,
Как строки прекрасной баллады.*

*Цепочка мелькающих дней,
Без страхов, счастливая осень —
Их радостно песней своей
Домой из похода приносим...*

вот нафига?.. Нельзя было, что ли, обойти?..

— Нельзя, — сказал Максим. — Не видно ж ничего за этими холмами, — если мы вокруг них начнем петлять, то вообще никого не найдем.

— Вот сам на каждый и лезь! — проворчал Эдик. — А мы внизу лучше подождем. Три пары глаз, — что одна же.

— Ага, только мы разбредемся, — тут Астеры нас и утащут, — возразил Сашка.

— Астеры никого не утаскивают, они мирные, — возразил Эдик.

— Ну, ещё кто-нибудь, — Сашка пожал плечами. — Лучше уж вместе держаться.

— Боишься? — усмехнулся Максим. Он достал из футляра бинокль и сейчас осматривался вокруг. Бинокль им отдал Сергей, — всё равно, у двух других групп толку от него не было бы...

— Боюсь, — упрямо подтвердил Сашка. — Нас тут всего трое, а мало ли что...

— Тогда нафига ты с нами потащился? — фыркнул Максим. — Сидел бы себе в Столице, с девчонками, пока все мозги в косичку б не ушли.

— Да ну тебя!.. — огрызнулся Сашка. — Я не особо рвался, если помнишь.

— Тогда что же не остался? — спросил Максим, не отрывая от глаз бинокля.

— С девчонками? Да ну тебя!.. — повторил Сашка. — Я ж тебе не маленький какой.

— Угу, — усмехнулся Максим. — То есть, ага! — он замер, глядя куда-то в одну точку.

— Что? — спросил Сашка.

— На гребень во-он того холма смотри, — Максим протянул ему бинокль. — Только тихо, не спугни его...

Сашка, вздохнув, поднес к глазам тяжелый, нагретый на солнце бинокль. Гребень далекого, между прочим, холма словно прыгнул к лицу. Ничего, — лишь высокая густая трава, мягко плывущая в жарком солнечном мареве. Он повел биноклем вправо, влево...

И замер, заметив торчащий из травы... столбик? Нет, больше похоже на какого-то деревянного божка...

В этот миг «божок» вдруг отчетливо шевельнулся. Сашка вздрогнул... и вдруг понял, что это самый настоящий Астер в маске из коры, — сквозь качавшиеся травяные метелки отчетливо виднелось золотое от загара плечо...

— Что там? — спросил Эдик, сбрасывая с плеч тяжелый, отчетливо пахнувший вяленой рыбой рюкзак.

— Астер. Один. Наблюдает за нами, — взволнованно сказал Сашка. Сердце у него вдруг часто забилось. Правду говоря, им здорово повезло, — и двух дней с начала похода не прошло, а Астеры уже — вот они. Ну, хотя бы один... Бери в охапку и общайся... только вот, до него никак не меньше пары километров. Не догонишь...

— Ну вот, выследили уже, — Эдик нервно подкинул в ладони короткое, больше похожее на дубинку копьё. — А ночью все подберутся — и...

— Ага, и съедят, — усмехнулся Максим, забирая у Сашки бинокль. — Сергей говорил, что Астеры тихие же. И Льяти, а он всё о них знает.

— Всё, не всё, — а дежурить по ночам придется, — проворчал Эдик. — А я, между прочим, ночью спать хочу.

— Ну, так и спи, — усмехнулся Максим. — Никто тут тебя не утащит, нужен ты им...

— Может, и нужен, — проворчал Эдик. — Кто их там знает, этих Астеров...

— Делать-то что будем? — спросил Сашка. От ходьбы по высоченной траве он устал, ему напекло голову, да и пить хотелось уже сильно...

— Туда пойдём, — Максим показал на холм.

— Ага, Астер нас там так и ждёт, — съязвил Сашка. — С барабаном и корзиной пирогов.

Максим пожал плечами.

— Может, и ждёт. Он же с той стороны пришёл откуда-то — рано или поздно, мы если не на него, то на их селение наткнёмся.

— Угу, угу, — проворчал Эдик. — Может, оно вовсе в другой стороне.

Максим вновь пожал плечами.

— Может. А может, и нет. Всё равно, нужно направление какое-то...

— Ты азимут-то хоть отметил? — спросил Сашка. Туристом он был не бог весть каким, но уже твердо запомнил, что заблудиться в незнакомом месте всегда легче легкого. Даже при солнце: возьмешь по нему направление, — а оно ведь движется!.. И сам не заметишь, как пойдешь совсем в другую сторону. А когда заметишь, — поздно будет уже...

— А то! — усмехнулся Максим, показывая компас. — Девяносто пять. Не заблудимся.

— Надо было Льяти взять, он бы сразу этих Астеров нашёл, — проворчал Эдик. — А мы тут целый месяц бродить будем.

— Льяти с Сергеем пошел, — ответил Максим. — Так надо было. Да он уже рассказал же, где тут Астеры живут. В рощах у ручьев, там их и искать надо. Только кочуют же они, — месяц живут тут, месяц там. Где прямо вот сейчас, — никто не знает.

— Вот-вот, — сказал Сашка. — Смекнут они, что мы как раз к их стойбищу идем, — и смоются. Ищи их потом...

— Точно смоются, — тут же подтвердил Эдик. — И что делать? Давайте уж назад пойдём, — не поймаем мы их...

— Можно ночью идти, — сказал Сашка. — Компас-то у нас есть же. Не заблудимся.

— А что, это идея, — усмехнулся Максим. — Идти только ночью, днем спать, в тихом месте каком-то, костра не разводить... да мы же просто невидимками тут станем!..

— Ночью?! — возмутился Эдик. — Да тут и днем пройти трудно! А ночью мы все ноги себе переломаем!

Сашка вздохнул. Отчасти Эдик был прав: земля, на вид ровная, как стол, скрывала под травой предательские кочки: раз плюнуть поскользнуться. Да и бегать по густой траве нельзя. Тут бы коня, — да где ж его тут взять-то...

— Что днем, что ночью — кочек не видать, — усмехнулся Максим. — А Астеры как раз по ночам костры жгут. Тут-то мы их и вычислим...

* * *

— А здорово ты это придумал, — по ночам идти, — пробурчал Эдик и вгрызся в рыбу, удивительно похожую на земную воблу.

— Ага, — лениво согласился Сашка.

Теперь им предстояло дождаться наступления темноты, — то есть, до самой ночи ничего не делать. Прошагав ещё пару километров, мальчишки спустились к извивавшемуся между холмов ручью. Несколько растущих у него невысоких деревьев давали густую тень. Ребята, как могли, искупались в мелкой и теплой воде, а теперь, по-прежнему раздетые, валялись в этой самой тени. По плану Сашки им полагалось уже спать, но заснуть пока

никак не получалось.

Мальчишки лежали на прохладной траве, глядя в чужое зеленоватое небо, где медленно плыли пушистые облака. Странное зрелище, — словно смотришь на мир через прозрачное зеленоватое стекло. Сашка, казалось, уже давно привык к нему, но иногда, как вот сейчас, удивление прорывалось с неожиданной силой. Нет, если закрыть глаза, то всё казалось совершенно обычным, словно он и впрямь лежал где-то в деревне у реки. Но вот если открыть...

Смешная, светло-зеленая, с мелкими зубчиками, округлая листва деревьев, беззвучно трепетавшая на длинных черешках, светло-коричневый оттенок тонкой коры, лопнувшей почему-то правильными ромбическим трещинами, сероватые, «тигровые» полосы на траве, отчего она казалась подернутой дымом, смутные, расплывчатые тени, само это зеленоватое небо, наконец...

Правду говоря, в этом чужом мире Сашке было страшновато, — не по-настоящему, но всё равно... Очень хотелось домой, — но не верилось, всё же, что они смогут вернуться, а оставаться в этом мире не хотелось. Не то, чтобы Сашка как-то особо привык к комфорту, просто ему не нравилась такая вот первобытная дикость. И, в то же время...

Он и сам не заметил, как заснул.

* * *

— Ух ты!.. — воскликнул Эдик, когда они поднялись на вершину холма.

Сашка молча кивнул. На западе ещё догорала зеленовато-серебристая заря, но небо уже почернело и его густо усыпали звезды. Земля таяла во мраке, в лощинах меж холмов поднимался туман, едва заметно отблескивая в гаснущем свете зари, — казалось, что они где-то высоко в горах, над облаками...

— Ага! — так же тихо сказал Максим, заметив на севере едва заметно мерцающую искру костра и поднося к глазам бинокль. — Плохо видно, — пожаловался он через минуту. — Далеко. Километров двадцать, не меньше. Но они там, ребята. Десяток, может, и два. Что делают, — неясно.

— Дай сюда, — Сашка забрал у Максима бинокль.

Костер из мерцающей точки разгорелся в едва заметное трепещущее пятнышко. Вокруг него прыгали такие же едва заметные фигурки, — разглядеть ещё хоть что-то не удавалось из-за расстояния.

— Недолго они будут там плясать, — хмуро сказал Эдик, опустив, в свою очередь, бинокль. — Если Льяти не врет, едва костер прогорит, они смоются.

— Не смоются, а болтать сядут в кружок, — поправил Сашка. — Ну, может быть. И Льяти говорил, что Астеры жгут костры на тех самых холмах, у подножия которых живут, вот!

— Азимут засек? — спросил Эдик.

— А то! — Максим показал тускло светящийся циферблат компаса. — Пятерка, как в аптеке. Не заблудимся.

— Ну, пошли тогда, — Сашка поправил лямки рюкзака. — Если повезет, мы уже к утру до них доберемся, — он хмуро покосился на Эдика. Правду говоря, ходок тот был никудышный. Ну, ещё бы, — в придачу к рюкзаку ещё столько килограммов жира на себе

таскать!..

— А я что? — возмутился Эдик. — Я в два раза больше тебя тащу!

Сашка прикусил язык. В самом деле, Эдик тащил груз, словно мул, — в отличии от него, далеко не атлета...

— Ладно, ребята, пошли, — сказал Максим, убирая бинокль в футляр. — И пусть нам в этот раз повезет...

* * *

И всё же, это здорово, упрямо подумал Сашка, поскользываясь на очередной из бесконечных кочек в кромешном мраке. Они спустились в очередную ложбину между холмами, и слабый свет звезд угас в тумане. Не было видно ни зги, пришлось идти рядком, держась за рюкзаки друг друга, и лишь слабо светящийся циферблат компаса в руке Максима позволял им выдерживать направление. И всё равно, это здорово, — идти к четкой, ясно определенной цели, да и просто — идти по ночной степи, когда вокруг — простор, под ногами, — трава, а над головой, — звезды. Особенно, — незнакомые звезды. Они тоже казались отчетливо зеленоватыми, и Сашка вдруг подумал, что солнце тут вовсе не зеленое. Просто тут воздух такой, с какой-нибудь примесью, — с хлором там или с аргоном. Хотя нет, конечно же не с хлором, он же ядовитый... Жаль, что под рукой нет даже простенькой лаборатории, чтобы сделать анализ...

Под ногами отчетливо захлюпало, кеды сразу промокли. Они спустились на самое дно лощины, к очередному ручью, — кстати, зверски холодному, даром, что климат тут теплый...

— Ну, вот опять вляпались, — проворчал идущий впереди Эдик. — Не степь, а болото какое-то...

— Не нуди, ручьи здесь неширокие, — усмехнулся Максим. — Сейчас на берег выйдем.

Словно в насмешку, под ногами стало глубже. Ещё пара шагов — и вода поднялась до колен.

— В озеро вляпались, — прокомментировал Эдик. — Может, обойдем, а?

— Попробуем вброд, — сказал Максим. — А то собьемся с пути нафиг.

Сашка вздохнул. Хуже нет идти по азимуту: гора на пути, — лезь на гору, река на пути, — переплывай реку. Если под рукой нет карты, — отмечать путь, — то запросто уйдешь в сторону, а там и вовсе пройдешь мимо. Компас же отмечает лишь направление, — а насколько ты ушел вбок, он не покажет. Тем более, что Сашка уже видел здешние степные озера — длинные и прихотливо изогнутые. И неясно, насколько глубокие, — на пути у них не было возможности проверить. Зато уж теперь...

После ещё полусотни шагов вода поднялась до пояса. Сашка остановился, чувствуя, что начинает понемногу околевать.

— Давайте назад, — предложил Эдик. — Видно же, что тут нет дороги.

— Не видно, что нет, — парировал Максим. — Рюкзаки на голову и вперед. Без разговорчиков!

Теперь точно околеем, подумал Сашка, стаскивая рюкзак и пристраивая его на макушке, словно какой-то негр-носильщик. И за каким фигом я всё это делаю?..

Ещё через сотню шагов вода поднялась по грудь. Сашка замерз уже так, что начал

дрожать. Идти стало трудно, и мальчишка начал опасаться, что его схватит судорога, а ничем хорошим, даже на таком мелком месте, это точно не кончилось бы.

— Давайте назад, — стараясь, чтобы зубы не выбивали предательскую дробь, предложил он. — А то точно... того.

— Вперед давай, — потребовал Максим. — Тот берег уже слишком далеко.

Да пошел ты, — хотел сказать Сашка... но не сказал. Как ни странно, именно потому, что ему сейчас очень хотелось домой. Как-то вдруг до него дошло, что зависит это только от них... и хотя в то, что поход этот поможет, он не верил, других вариантов, к сожалению, не было. Или так — или сиди и вой на луну...

Сашка сделал ещё несколько шагов... и почувствовал, что дно поднимается.

* * *

Почувствовав подъем, мальчишки удвоили усилия, так что на берег они выбрались как-то даже слишком быстро, как показалось Сашке. Все были мокрые, как мыши, и стучали зубами, но останавливаться Максим не дал: повел их дальше наверх, пока слой тумана не остался внизу, и на небе не проступили звезды.

— Дальше что? — спросил Сашка, стаскивая и выжимая одежду. — Тут даже костер развести не из чего, одна трава кругом, и та сырая...

— Дальше — физкульт-разминка, — ответил Максим. — Иначе простынем. Начали!..

Совет показался Сашка дурацким — меньше всего он мечтал заниматься физкультурой нагишом, на склоне холма, — но других способов согреться не было, и всего через пару минут мальчишка почувствовал, как кровь побежала быстрее. Ещё минут пять, — и он вполне обсох и смог одеться. Запасная одежда, к счастью, нашлась у всех.

— Пошли, — сказал Максим, надевая рюкзак.

Они вновь двинулись вверх по склону холма — и ещё минут через пятнадцать добрались до вершины. Сашка замер, осматриваясь. Земля лежала вокруг смутным призраком — ни огонька, лишь в небе мерцали бесчисленные звезды. Видно в их свете было неожиданно хорошо, — по крайней мере, Сашка смог различить, что впереди, в распадке между холмами, лежит роща.

— Пойдем туда? — спросил он.

— Нет, подождите... — Эдик принялся. — Дымом пахнет — чувствуете?

— Нет, — ответил Максим.

— Ну, не дымом... гарью. Тут где-то костер жгли...

— Всё равно не чувствую, — сказал Максим.

— Отсюда пахнет, — Эдик пошел куда-то вбок.

Мальчишки пошли вслед за ним — и всего шагов через двадцать наткнулись на кострище. Свежее — зола была ещё теплой. Трава вокруг — вытоптана.

— Ага! — сказал Максим. — Этот костер мы и видели. Хорошо, что не свернули — иначе точно мимо бы прошли.

— Да, — Сашка вдруг почувствовал, как в душе поднимается свирепая такая гордость — да, было трудно, но он здесь. Вот так-то!..

— Дальше что? — спросил Эдик. — Если Ляты не врет — Астеры сейчас в той роще должны дрыхнуть. Пойдем искать?

— Пойдем, — согласился Максим. — Но искать не будем: вламываться к людям среди ночи — не лучший способ подружиться. Ляжем спать, — а поутру и познакомимся.

— А если Астеры с утра пораньше смоются? — спросил Сашка.

— Не смоются, — Максим широко зевнул. — Они ж не кочевники какие... Ладно, хватит болтать. Пошли.

* * *

Сашка стоял на берегу замерзшего озера, лениво посматривая вокруг. Тут был, очевидно, дачный поселок — низкие домики, прозрачные ограды и редкие кусты резко выделялись на фоне гладкого, нетронутого снега. Вокруг не горело ни одного огня — лишь на западе стояло беловато-фиолетовое, туманное зарево городских огней, сплавляя снег и ровный покров облаков в призрачном, розоватом свечении. К востоку небо постепенно темнело, но вокруг было довольно светло — он смог бы заметить человека метров за двести. Вот только никаких людей тут не было — никаких их следов, и он был уверен, что на километры вокруг нет никого... Царила мягкая, удивительная тишина. Ветра тоже не было, — то есть, совершенно, — а мороз всего на градус или два ниже нуля, так что воздух казался почти теплым.

Сашке было сразу и страшновато и уютно в этом призрачно светящемся мире, — он был рад, что вокруг нет людей, и в то же время, боялся этого. Ощущение одиночества подталкивало его сделать нечто запретное, — но он никак не мог представить, что именно... Слева от него поднимался высокий, пологий, густо застроенный склон — и взгляд множества темных окон смущал его: казалось, что оттуда за ним наблюдают. Там проходило шоссе, и далеко на юго-востоке Сашка видел скользящие по облаками призрачные пятна света — отблески фар поднимавшихся на косогор машин. Каждый раз он старался представить, что думают эти люди, отдаленные от него на несколько километров, и даже не подозревающие о том, что их присутствие заметно так далеко, — но каждый раз у него ничего не получалось. Наверное, надо подняться повыше, — подумал он... и проснулся.

* * *

Сашка зевнул и потянулся, пытаясь понять, что бы это значило. Какого черта он поперся на дачи зимой, да ещё и ночью?.. Наверное...

Он сел, — и все раздумья вылетели у него из головы: впереди, у берега ручья, стоял мальчишка лет пятнадцати, одетый лишь в легкомысленную юбочку из каких-то длинных листьев. Первое, что бросилось в глаза — удивительно чистый золотой цвет его кожи, одновременно яркий и насыщенный, очень резко выделявшийся на фоне темной зелени. В следующий миг Сашка заметил остальные цвета, и впечатление стало более глубоким: черные и блестящие волосы гостя, спутанные крупными кольцами, лохматой шапкой венчали голову и касались плеч. Из-под них внимательно смотрели большие, широко расставленные темно-синие глаза — их цвет, такой же одновременно яркий и насыщенный, был удивительно похож на цвет сияющего синего неба. Мальчишка был рослый для своих лет, широкогрудый, с узкой талией, очень стройный, — словно отлитый из гибкого живого

золота.

Сашка отметил любовно зазубренный гарпун, который гость держал в руке, — и, наконец, начал замечать черты лица: широкий лоб, четкие черные брови, густоту длинных ресниц, короткий нос, высокие скулы, пухлые губы, очень красиво очерченные, — словно дважды изогнутый лук. Лицо у мальчишки было хмурым и серьезным, но, поймав Сашкин ошарашенный взгляд, он улыбнулся — открытой, дружелюбной улыбкой. Сашка так же дружелюбно улыбнулся в ответ, и парень даже поклонился, прижав ладони скрещенных рук к груди в обычном местном приветствии.

— Эй, вставайте, у нас гости! — Сашка не очень вежливо толкнул друзей.

— Что? — Максим отбросил одеяло и рывком сел. Сашка отметил, что они с гостем вообще очень похожи — разве что волосы у Максима золотые, глаза голубые, а кожа просто загорелая...

— Ты кто? — зевая, спросил Эдик.

— Вайми. Вайми Анхиз.

Вайми снова повторил приветствие — торопливо и неловко, и в итоге получилось смешно. Мальчишки чуть не рассмеялись, — все трое, — но в последнее мгновение приняли невозмутимый вид и тоже представились.

— Откуда вы? — спросил Вайми, опираясь на гарпун, и Сашка подумал, что рассказы Льяти о нелюдимости Астеров явно несколько преувеличены.

— С Земли, — ответил Максим.

— Что это?

— Планета. Другой мир. Мы здесь недавно.

— А! — Вайми мотнул головой. — И ничего не знаете, да?

— Почему? Мы и у Виксенов уже были, и у Куниц, и у Волков даже. Теперь вот вас нашли.

— А нас зачем? — Вайми посмотрел на них подозрительно, и Сашка почувствовал себя неловко. В самом деле, принимать гостей лежа в трусах — как-то не того... Впрочем, сам Вайми был одет ещё легче их. — Нам никого не надо.

— Почему? — спросил Сашка. — Скучно одним же.

— Другие все злые, — спокойно пояснил Вайми. — Или хотят от нас чего-то непонятного. С ними плохо.

— А с нами? — обиженно спросил Максим.

— А с вами интересно, — сознался Вайми. — Потому что вы новые. Старых-то я всех давно знаю — что подумают, что скажут... Всегда одно и то же. Скучно.

— А вы здесь давно? — спросил Эдик.

Вайми от задумчивости смешно прикусил губу.

— Точно не знаю. Давно. Лет... лет, да? — где-то с тысячу.

— Ничего себе... — Максим ошалело почесал в затылке. Да и на взгляд Сашки Вайми ничуть не тянул на тысячелетнего старца. — Спятить же можно от этого!..

— Почему? — решив, что разговор будет долгим, Вайми сел в траву, ловко скрестив босые ноги. Гарпун он, как бы между прочим, положил на колени. — Тут очень хорошо. Просторно. Не так, где мы жили раньше.

— А где вы жили? — спросил Сашка. Он всё ещё чувствовал себя неловко. Хотелось встать и одеться, — но не натягивать же штаны на виду у гостя?..

— В лесу, — ответил Вайми. — Как тут, на севере. Мы там и оказались сначала.

— А почему сюда ушли тогда? — спросил Максим.

Вайми снова мотнул головой.

— Там зверей слишком много. Плохих. В нашем лесу таких не было. А тут, в степи, никого нет. Только мы. Ну, и ещё Туа-ти и Вороны, но им пофиг на нас. А больше никого, разве что к Виксенам торговать пройдет кто...

— Вот Туа-ти нам и нужны, — опомнился Максим.

— А зачем? — удивился Вайми. — Они же вообще ни с кем тут не общаются. Даже с нами.

— Они тут самые старые, — пояснил Максим. — И всё должны об этом мире знать.

— Они-то, может, и знают, — сказал Вайми. — Только вам не скажут, наверное. А зачем вам?

— Мы способ ищем, как Хозяев победить, и домой вернуться, — ответил Максим.

— А зачем вам? — удивился Вайми. — Тут хорошо. Рыбы в речках полно, орехов в рощах полно, тихо, просторно... И войны нет.

— А у вас что, была?

— Была, — Вайми вздохнул. — С найрами. Они нас знаешь, как гоняли? Совсем бы извели, наверное. А потом мы раз — и тут. И всё.

— И возвращаться не хотите?

— Не-а, — Вайми широко зевнул. — Зачем?

— Да ну вас, — Максим всё же отбросил одеяло и поднялся. — Знаешь, где Туа-ти сейчас?

— Там, — Вайми махнул рукой куда-то на запад. — В ту сторону ушли. Мы их не видели уже давно.

— Как давно? — спросил Сашка, натягивая штаны. Непосредственность гостя уже начала его злить. Хоть бы отвернулся, что ли!..

— Месяца два, три, — Вайми тоже поднялся. — Это не так много ещё. Иногда мы их год не видим, или больше.

— А где они ходят-то? — спросил Эдик. — Ну, тропы там, стоянки?

— Стоянка тут есть одна, — ответил Вайми. — Но там ничего интересного нет — так, кострище... Туа-ти же ничего не строят, спят прямо под небом, так у них положено... А тропы... так много же троп в степи. Тут никто по одной дороге не ходит, зачем? Скучно же.

— Спасибочки, — буркнул Эдик, застегивая рубаху. — Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...

— Что? — переспросил Вайми.

— Нам Туа-ти нужны, балда! — разозлился, наконец, Сашка. — Может, они знают, как Хозяев победить!

— Они не знают, — обиженно ответил Вайми. — У их жреца... ну, который у них главный, Хозяева забрали сестру и лучшего друга, давным-давно уже. И в Цитадель увезли. И с тех пор никто их не видел. И с тех пор Терне... ну, жрец их, то есть, к Морю Птиц не подходит, и своим не дает. Говорит, что там живут злые духи, с которыми не человеку воевать. Какая от него помощь?..

— Так ты с ним говорил? — спросил Сашка.

Вайми удивленно взглянул на него.

— Говорил, конечно. Только давно.

— Когда?

Вайми задумался.

— Ну... не помню я! Очень давно это было.

— Понятно, — Максим свернул одеяло и сунул его в рюкзак. — Только время на вас зря потратили, бездельники...

— Почему бездельники? — обиделся Вайми. — Мы рыбу ловим, орехи собираем, охотимся даже иногда, когда шкуры на шалаши нужны.

— А ещё что? — спросил Максим. — Рыбы наловили, орехов погрызли, шалаши построили — а потом что? Не целый же день вы у ручья с удочкой сидите.

— С удочкой пусть дураки сидят, — обиделся Вайми. — Мы, Астеры, вот!.. — он сделал молниеносный выпад гарпуном. — И завтрак готов!

— Ну вот, тем более... Налопались, — а дальше что? Попой кверху на солнышке лежать весь день?

— Зачем? — возмутился Вайми. — Мы для звезд каждую ночь танцуем и поем, они только поэтому и светят.

— Чего? — спросил Сашка. Такое вот в его картину мира не укладывалось уже никак. — Звездам-то что до того, что вы под ними поете и прыгаете?

— Звезды — это наши предки, — сказал Вайми едва ли не снисходительно. — И те, кто жил раньше, и те, кто будет жить вновь. И они слушают нас, — он улыбнулся. — Иногда отвечают. А если мы не будем говорить с ними, помнить о них, — то они забудутся, погаснут. Как же иначе?

Сашка открыл было рот, чтобы возразить, но так ничего и не ответил. Сначала ему даже показалось, что Вайми заговорил вдруг на каком-то совершенно непонятном языке, потом ему захотелось рассмеяться, — но он всё же сдержался. Всё-таки, какая-то логика, пусть детская, в этом была. И было ещё что-то, очень важное...

Мальчишка задумчиво наморщил лоб. Да!

— Но ведь ваши звезды остались в другом мире, — сказал он. — Здесь чужие звезды. Разве вы не хотите вернуться к своим?

Он думал, что Вайми будет сражен наповал, — но взять его оказалось не так-то просто.

— Звезды здесь те же, просто расположены иначе, — ответил он.

— А откуда ты знаешь?

— Деревья видишь? — Вайми повел рукой вокруг. — Если ты отойдешь в сторону, тебе будет казаться, что они стоят иначе. Но это будут те же самые деревья. Так и звезды.

Сашка снова открыл рот, чтобы возразить — и снова ничего не сказал. Вайми, в общем, был прав, — он сам читал о том, что с Сириуса или с Веги все земные созвездия будут смотреться иначе, — но состоять будут, разумеется, из тех же самых звезд... Нет, не то... Вайми сказал что-то ещё, что-то очень важное, и, если он прямо вот сейчас не поймет это — то останется лишь возвращаться к Волкам, чтобы целую вечность греться на солнце... Что он там сказал? «Те, кто жил раньше»? Нет, ещё... Те, кто будет жить вновь!..

— У вас тут есть дети? — спросил он.

Вайми удивленно посмотрел на него.

— Нет. Откуда? Ни у кого тут нет.

— Тогда зачем же вам петь для тех, кто никогда не сможет родиться вновь?

Вайми тоже открыл рот... но так ничего и не сказал. Ошалело разлохматил волосы. Снова плюхнулся в траву, скрестив босые ноги. Лицо у него стало растерянное.

— Я не знаю... — наконец, сказал он. — Чтобы... ну, не знаю. А они хотят

родиться? — это прозвучало совсем детски.

— Хотят, — Сашку понесло. Ему не раз уже приходилось вдохновенно врать, — но сейчас это явно было не враньё, а что-то, совершенно другое... — Вы приходите на землю, и уходите с неё назад, к звездам. То есть, это раньше уходили, а сейчас не уходите. Неужели вы не хотите?..

— Хотим! — сказал Вайми. — Но отсюда никто не уходит же.

— Потому, что никто не рождается. И рождаться не будет, — продолжал напирать Сашка. — Потому что тут мир такой. Как... ну, как янтарь. Кто влип — тот так и будет миллионы лет в нем торчать.

— И что делать? — растерянно спросил Вайми.

— Домой возвращаться, что ещё, — сказал Максим.

— Там найры, — сказал Вайми печально. — И они все наши леса давно на дрова срубили, наверное...

— С тех пор тысяча лет прошла, — возразил Сашка. — Найры, наверное, давно вымерли. Или... ну, это... стали добрыми.

— А если нет?

— А если вам помогут? — сказал Максим. — Виксены, Куницы, Волки, а?

— А с чего? — спросил Вайми.

— А с того, что вы им тоже вернуться поможете.

— Как?

— Вот для этого нам и надо Туа-то найти, — сказал Сашка. — Они ж самые первые тут появились. Всё видели, всё знают. Может, и подскажут что...

— Они ни с кем не говорят теперь, — сказал Вайми уныло. — Даже с нами.

— Нам тоже говорили, что вы ни с кем не общаетесь, — ответил Максим. — Но ты-то вот общаешься!..

— Я на вас просто случайно наткнулся. Даже маски надеть не успел.

— А маска зачем? — спросил Сашка.

— Как зачем? Чтобы лица видно не было.

— А нафига? Вы ж не уроды какие.

— Вот-вот, поэтому и носим, — печально сказал Вайми. — А то ходят тут всякие, к девчонкам нашим пристают...

— Ты ж говорил, что тут никто не ходит, — сказал Максим.

— Вот как маски стали носить, так никто и не ходит, — согласился Вайми. — Боятся.

— Дикость какая-то... — сказал Сашка. — Почему вы просто помощи у соседей не попросите? У тех же Волков?

— Волки далеко, — ответил Вайми. — И что им до нас?

— А вы пробовали хоть договориться с кем-то? С Виксенами с теми же, с Куницами?

Вайми удивленно посмотрел на него.

— Нет. Зачем? Мы тут сами по себе. Сами со всем справляемся.

— Ага, в степь дикую забились, где вы нафиг никому не нужны, рыбок по ручьям бьете и гордитесь, какие вы свободные, — вступил в разговор Эдик. — Неуловимые Джо прямо.

— Кто?

— Один ковбой говорит другому, — пояснил Сашка. — «Смотри, Неуловимый Джо едет! — А почему неуловимый? — А потому, что нафиг никому не нужен!»

Вайми смешно нахмурил брови.

— А ковбой — это кто?

— Это мужик такой, который лошадей пасет, — пояснил Эдик.

— А кто такие лошади?

Сашка вздохнул.

— Животные такие. Домашние. На них ездить можно.

— Зачем?

— Чтобы ноги не уставали, балда!

— Так у меня и не устают, — удивился Вайми.

— А лошадь знаешь как быстро бегаёт?

— Я тоже быстро! — улыбнулся Вайми. — Спорю, не догоните!..

— Да нужен ты нам, по холмам за тобой бегать, — отмахнулся Максим. — Ты нам лучше скажи, где Туа-ти найти.

— А не знаю, — Вайми нахмурился. Было видно, что собственное незнание сильно его раздражает. — Это туда надо идти, — он указал на северо-запад. — На каждый холм подниматься и смотреть. А на холмы днем подниматься нельзя.

— Почему? — Сашка начал уже уставать от всех этих бесчисленных табу. Вроде бы и взрослый уже парень, — а такое говорит, что дошколенок застесняется...

— Мы народ звезд, а не солнца, — спокойно пояснил Вайми. — А если днем на холм подняться — то вроде как выйдет, что мы солнцу поклоняемся. Предки обидятся.

Сашке очень хотелось возразить, но он промолчал. Глупость, конечно, — но предки дело серьёзное. Если бы кто-то сказал гадость про его деда или даже прадеда — он бы без рассуждений дал такому в морду. А Вайми, при всех своих странностях, совсем не выглядел «ботаником». И гарпун из рук не выпускал. Казалось даже, что чушь несет и удивляется один человек, а оружие держит совсем другой. Ссориться с которым не хотелось...

— Ну, так и не поднимайся, — сказал Максим. — Смотреть мы сами будем.

— А он что — с нами пойдет? — спросил Эдик.

Вайми снова смешно прикусил губу.

— Я не знаю. А можно?

Максим рассмеялся.

— Можно, если ты не против.

Вайми задумался.

— Я-то нет, но что наши скажут?

— Вождь запретит? — предположил Сашка.

— Вожди бывают лишь у дикарей, — заявил Вайми.

— А вы кто? — спросил Эдик, показав на юбочку из листьев.

— Мы — цивилизованный народ, — обиделся Вайми. — У нас есть искусство. Мы поем, танцуем, сочиняем стихи и истории. Рисуем, наконец. Никто больше это не умеет.

— Почему? Я умею, — сказал Эдик. — Да и много ещё кто. Просто тут рисовать не на чем, вот.

— А кора? — возразил Вайми. — Есть очень удобная. Знаешь, сколько у меня рисунков?..

— Потом покажешь, — улыбнулся Максим. — Так ты идешь или нет?

Вайми нахмурился.

— А это как племя решит. Ждите тут. За мной не идите! Если разрешат, я сам к вам вернусь.

А если не разрешат? — хотел спросить Сашка, но Вайми повернулся и побежал. Судя по скорости, лошадь ему и впрямь была не нужна.

* * *

— И что нам делать? — спросил Эдик, когда Вайми скрылся. — Сколько его ждать-то? Максим подумал.

— До вечера. Если не вернется, — то и фиг с ним. Сами Туа-ти искать пойдем.

— С Вайми лучше, — вздохнул Эдик. — Он же тут тысячу лет уже бродит, наверняка знает каждый куст. Знает, где эти Туа-ти сейчас бродят.

— Не знает, — поправил Максим. — Но с ним лучше, конечно...

— А мы что будем делать? — спросил Сашка.

— Мы? Завтрак готовить.

— А может... — Сашка показал на заросли, в которых скрылся Вайми.

— Нет. Они у себя дома всё же. Не хотят нас видеть — ну и ладно. Кашу сварим, посидим... Спешить же всё равно некуда.

— Хорошо, что тут комаров нет, — сказал Эдик, почесывая шею.

— Да, комары на природе — это отдельная тема, — вздохнул Сашка. — Помнится, лет в десять я к речке за водой поперся, тоже поход был, да, — а там как раз в кустиках комарики отдыхали. Рыжие такие твари, по сантиметру каждая. Как они на меня налетели... В городе-то они тихие — летают, звенят, а если и сядут, — то долго ползают, место выбирают. А эти... Пикируют, как камикадзе, — стучают довольно ощутимо, кстати, — и тут же впиваются, а это БОЛЬНО. И много их... В общем, в конце концов, я сорвал рубашку и принялся хлестать себя по всем местам с воплем «Сдохните, гады!». Наверх я выбрался весь в кровище и с опухшим лицом. Так вот по воду сходил, — чуть не съели...

— Хорош трепаться, — сказал Максим. — Лучше дров сходи набери. А то на чем кашу варить?..

* * *

Ожидание затянулось до полудня. Сашка откровенно маялся от скуки. Они успели позавтракать, — и даже пообедать, — а Вайми по-прежнему не было ни слуху, ни духу. Из зарослей, в которых он скрылся, не доносилось ни звука. Сашка старался представить, как далеко это селение Астеров и какие там сейчас кипят споры, но у него плохо получалось. Льяти рассказывал, что Астеры живут в шалашах, построенных вокруг живых деревьев из жердей и шкур, но представить это у Сашки не получалось — выходило жутко неудобно. Нет, понятно, что если с места на место всё время таскаться, то нормального дома не построить. Но могли бы какие-то вигвамы придумать, что ли — как Виксены...

Вайми он заметил, лишь, когда тот остановился возле них, — двигался тот быстро и бесшумно, как охотник. Хотя, почему это «как»? Охотник и есть, пусть теперь и на рыбу...

Вайми, очевидно, отнесся к порученной ему миссии со всей серьёзностью. Легкомысленную юбочку он сменил на набедренную повязку из какой-то пёстрой шкуры, на крепком кожаном ремне висел кремневый нож. За плечами — объемистая, тоже кожаная

котомка, очевидно, с припасами. В руке — неразлучный гарпун.

— Ну вот, даже дня не прошло... — пробурчал Эдик.

— Ну как, тебя отпустили? — спросил Сашка.

— Нет. Меня отправили проследить, чтобы вы с нами больше не встречались.

— Это как? — Сашка ошалело почесал затылок.

— Ну, я буду следить, чтобы вы не заходили на наши стоянки и прочее такое всё.

— А Туа-ти помогать искать не будешь?

— Почему? Чем быстрее вы их найдете, — тем быстрее уйдете с наших земель. Так что

буду.

— А в чем тогда разница?

Вайми лишь пожал плечами.

* * *

Сашка осматривался, стоя на вершине холма. Вайми, как и говорил, подниматься на него не стал, и сейчас крохотной фигуркой маячил внизу, но на него мальчишка сейчас не смотрел. После полудня небо затянули облака, но сквозь них тут и там пробивались косые солнечные лучи. Пятна света вслед за облаками скользили по травянистой равнине, по которой ветер гнал волны. Этот же ветер упруго бил в грудь Сашки, трепал его волосы. Бесконечный простор лежал вокруг, и мальчишка вдруг засмеялся. Всё ещё только начиналось...

* * *

Сашка проснулся — и тут же замер, отчаянно пытаясь поймать ускользающий сон. Во сне он читал какую-то книгу, страшно интересную, — но вот о чем, он уже никак не мог вспомнить. А ведь ещё несколько секунд назад он был твердо уверен, что точно дочитает её, когда проснется!.. Да, очень, очень жаль, что нельзя выснить книги. Сколько Сашка их читал во сне, — даже в целых книжных магазинах бывал, какие в реальности просто не встречаются. Ему, по крайней мере, не попадались магазины с высоченными потолками и мебелью из черного дерева с золотом, в древнеегипетском стиле. И черными бронзовыми люстрами с матовыми плафонами в форме бананов. И с девами в древнеегипетских костюмах в качестве продавцов. И чтобы между стеллажами стояли столики с едой. Никакого, понимаешь, сервиса, куда ни зайди...

Мальчишка вздохнул — и, отбросив одеяло, поднялся. По телу тут же пробежал озноб — рассвет ещё только брезжил, а за долгую здешнюю ночь воздух успевал остыть довольно ощутимо. Вайми, впрочем, всё равно проснулся раньше и уже жарил рыбу, сидя у костра. Сашка втянул носом аппетитный запах и усмехнулся. Надо же — третий день идут по степи и питаются рыбой. Смешно...

— Привет, — сказал он, и тоже сел у костра. Завернулся в одеяло и поёжился: земля под босыми ногами тоже оказалась холодная. А Вайми в его набедренной повязке — хоть бы хны.

— Неужели ты сейчас не мерзнешь? — спросил он.

Вайми удивленно посмотрел на него.

— Почему? Нет. Я же у костра.

— А вообще?

— Холодно бывает. А что?..

Сашка хотел спросить его про одежду, — но тут же прикусил язык: и так ему ясно, что взять её тут негде. А в кое-как выделанных шкурах ходить, наверное, не очень-то приятно...

— А это зачем? — сказал он, показывая на бусы из разноцветных камешков, — они висели не только на шее Вайми, но и были намотаны на запястья и щиколотки босых ног и даже на пояс. — Так у нас даже девчонки не ходят.

— А это не для красоты, — ответил Вайми. — Это обереги от нечистой силы.

— От какой? — удивленно спросил Сашка. Когда он увидел Вайми в первый раз, — никаких бус на нем и в помине не было.

— От вас, конечно.

Сашка даже задохнулся от возмущения.

— От нас?! Мы кто, по-твоему? Черти?

Вайми непонятно посмотрел на него.

— А вот не знаю. Злые духи, бывает, так под людей маскируются, что не отличишь.

— А ты их что — видел?

Вайми спокойно кивнул.

— Видел, конечно. На вид-то как люди, — но такое творят, что люди никогда не могут.

— Что, например?

— Например, людей в плен берут и угрожают их убить, если остальные не сдадутся.

— Так это не злые духи, это террористы, — сказал Сашка. — А тут разве бывает такое?

— Тут — нет. Тут Страна Вечной Охоты же. Но мало ли что... Хоруны, например — самые настоящие бесы. Убить не убьют, а вот в плен взять и заставить вместо них работать — это запросто. И немцы эти... они, говорят, черной магией балуются и вообще порчу наводят. Плохое место запад...

— Тут... что? — спросил Сашка. Про Страну Вечной Охоты он слышал, — но это ж что-то, вроде рая!..

— Страна Вечной Охоты, — повторил Вайми. — А что ещё-то? Никто не умирает, дети не рождаются. И еды всегда полно. Всё, как шаман Грибб говорил.

— Так мы же не умерли! — возмутился Сашка. — И ты тоже не слишком-то мертвый.

— А ты помнишь, как сюда попал? — спросил Вайми.

— Как, как... — Сашка почесал в затылке. — Знаешь, а, пожалуй, нет. Там, дома, гроза страшная была. Ну, может, и не гроза, а то, из-за чего мы сюда вот попали... Залезли от дождя в палатки... и заснули. И проснулись здесь уже. А вы?

— А так же, — Вайми ловко выкатил из углей палочкой запеченную в глине рыбу. — Спрятались от грозы в пещере, — а когда проснулись, она уже здесь была. В лесу. С тамошними зверями мы немало лиха хлебнули — сюда, на равнину, лишь где-то через год выбрались...

— А другие как сюда попали? — раньше Сашка как-то не додумался обо всём этом спросить у кого-то из местных.

— А всё так же. Все в каком-то месте заснули, — и оно сюда вот попало. Как — никто не помнит. И всегда группами. Дружными. Одиночки сюда редко очень попадают.

Сашка вновь недовольно помотал головой. В ней мелькнула какая-то мысль, — но её

никак не удавалось ухватить.

— А отсюда пропадал кто-то?

Вайми пожал плечами.

— Да часто. Но потом находился. Ну, иногда через много лет, но всегда. Правда, не всегда в своем теле...

Сашка поёжился. Он уже слышал о ребятах, превратившихся в зверей, — но поверить в это до сих пор не мог...

— А в зверей их тоже Хозяева превратили?

— А они не помнят, — Вайми с сомнением посмотрел на рыбу. — Тоже заснули, — а проснулись уже не собой. И всё.

— А с концами кто-то пропадал?

— Ёрн и Йо. Это сестра и лучший друг Терне.

— А Терне кто?

— Жрец Туа-ти, кто ещё? Он говорил, что их забрали Хозяева, давным-давно уже. И с тех пор к морю и близко не подходит, чтобы его тоже не забрали. А за ним и всё его племя, соответственно.

— Так ты с ним говорил?

Вайми кивнул.

— Говорил. Только давно очень. Тау-ти никому не верят и ни с кем не общаются. Ну, почти. Они говорят, что тут — мир злых духов.

— Да ну тебя, — Сашка лишь махнул рукой. — Тысячу лет прожил, — а веришь в такую вот чушь.

— Это не чушь, — спокойно ответил Вайми. — Это правда. Разве люди живут по тысяче лет?

Сашка прикусил язык. Это он и в самом деле объяснить никак не мог.

— А как это — прожить тысячу лет? — спросил он.

Вайми вздохнул и задумался. Похоже, что никто раньше не задавал ему такой вопрос.

— А как прожить десять лет или двадцать или сто? У меня же нет ДРУГОЙ жизни для сравнения. Лишь последние несколько лет я помню отчетливо. А дальше, — всё словно в тумане. Нет, начало я помню очень хорошо, и многое из того, что было потом, — но оно всё так... сливается. Тут ничего не меняется же. Всегда одно и то же. Разве что новые племена появляются иногда. Но это очень редко.

— И никто не умирает?

Вайми пожал плечами.

— Сам по себе — никто. И не растёт, и не стареет. И детей не бывает ни у кого.

— А если дубиной по башке кому-то дать? — спросил Сашка.

— А он просто пропадет, как и не было. И в тот же миг очнется в каком-то другом месте, далеко. Целый. И всё.

— И ты?..

— И я, — Вайми спокойно кивнул. — Много раз.

— И как оно?

— А никак. Просто не помню ничего.

Сашка ошалело помотал головой. Услышанное никак в неё не лезло — он и представить не мог, как это человек мог пропадать в одном месте и тут же появляться в другом — но проверять как-то не хотелось. Не бить же Вайми в самом деле дубиной по башке?.. Или, тем

более, просить его треснуть по башке себя?.. Интересно, конечно, — а ну как не сработает? И в самом деле, попадешь в Страну Вечной Охоты или вообще в самый натуральный ад, о котором говорят попы?..

Мальчишка вновь помотал головой. Странно, — но с какой-то стороны этот вот мир казался ему намного более правильным — и он даже испугался этой мысли, испугался, что ему расхочется возвращаться домой. Чтобы окончательно прогнать её, он спросил:

— Как ты думаешь, — когда мы сможем отыскать Туа-ти?

Вайми в ответ лишь пожал плечами.

— Мы сейчас уже на их тропе. Если идти по ней, то рано или поздно мы их встретим. Ну, может быть.

— Почему?

— У Туа-ти много троп, и я не знаю, по какой они идут сейчас.

— Час от часу не легче... — Сашка вздохнул. — Тут не так много места же — где тут блуждать?

— Две недели от западных лесов до восточных пустынь, — пояснил Вайми. — И неделя от северных лесов до самого озера. Это, знаешь, совсем не так мало. Тем более, что Туа-ти совсем не мечтают о встрече с нами. Если они нас заметят, — то немедленно скроются.

— Но вы не скрылись же, — ответил Сашка.

— Скрылись бы, если бы заметили, — буркнул Вайми. — А кстати, как вы нас нашли?

— А по кострам, — ответил Сашка. — Что тут сложного?

— Мы бы заметили. Мы часовых выставляем всё же.

— А мы ночью шли.

— Ночью нельзя ходить — заблудитесь.

— А у нас компас есть.

— Что?

— Ну, штука такая. Она направление показывает. Только она у Максима сейчас. А он спит пока.

Вайми широко улыбнулся.

— Ну, так я его разбужу. Завтрак-то готов уже...

* * *

Поправив рюкзак, Сашка вздохнул. Новый день выдался довольно хмурым: небо забито тяжелыми серыми тучами, плывущими, казалось, над самыми вершинами холмов. Лишь восток пылал алым, словно там открывался какой-то совсем другой мир. Воздух влажный и свежий, довольно прохладно. Под порывами ветра шумела и шла волнами трава. Целый мир лежал, открытый, перед ним, и мальчишка вдруг тихо засмеялся...

* * *

— Ну вот, мы уже третий день с тобой тут ходим, — а толку никакого!.. — недовольно пробурчал Эдик, вытирая пот.

Сашка вздохнул. День, как назло, выдался ясный, и громадное здешнее солнце пекло

весьма ощутимо. Хорошо хоть, обгореть на нем нельзя, и за это спасибо...

— В самом деле, сколько можно кругами ходить? — спросил Максим. — Ты нам обещал же...

— Я не обещал, — обиженно сказал Вайми. — Я просто сказал, что, если повезет, мы найдем Туа-ти уже через неделю, — а пока лишь третий день пошел! И мы ходим не кругами. Пока что мы даже одну их тропу и наполовину не проверили, — а их у Туа-ти пять, и все длинные.

— Это же целый месяц уйдет! — возмутился Эдик. — Сколько нам ещё тут бродить?

Вайми почесал в затылке.

— Дней сорок, примерно. Туа-ти на месте не стоят же, и не всегда идут по одной и той же дороге. Это если они нас ещё не заметили.

— А если заметили?

— Тогда никогда, наверное. Они же не мы, на холмы и днем поднимаются, а видно с них далеко...

Сашка вздохнул. Вайми и в самом деле отказался подниматься на холмы и дисциплинированно ждал внизу, — но и им они не слишком-то помогали: другие холмы заслоняли обзор, и видно было лишь на несколько километров. А степь тут шириной километров в двести, — а в длину вдвое больше. Даже если Туа-ти от них не прячутся — за ними можно бегать год или больше. А у них еда уже кончается, — спасала только рыба, которую Вайми очень ловко бил гарпуном, — да странные плоды здешних деревьев, похожие на шишки, но на деле представлявшие собой что-то вроде маленьких мучнистых ананасов, съедобных лишь в печеном виде...

— Вертолет бы... — вздохнул Эдик. — Тогда бы мы этих Туа-ти в два счета отыскали...

Сашка вновь вздохнул. Ежу ясно, что вертолета тут взять негде, — а без него им и впрямь светит лишь бесконечное блуждание по этой проклятой степи, красивой, но угнетающе пустынной...

Он поднялся на невысокий увал — и замер, словно наткнувшись на стену. Внизу, всего метрах в пятистах, замерли три темных фигурки — с копьями и луками за спиной.

— Ага, вот они! — азартно крикнул Эдик.

— Черта с два, — буркнул Максим, поднимая бинокль. — Нурны это.

— Не повезло... — уныло протянул Сашка. Первую — и, как он надеялся, последнюю встречу с Нурнами он помнил даже слишком хорошо. Какого, ну какого черта их понесло сюда, в степь, где не убежать и не спрятаться?.. Хорошо хоть, что Нурнов трое, — а их всё-таки четверо, и Эдик с Максимом — точно не дураки подрались... Как же Сергей был прав...

На всякий случай он покосился на Вайми — но тот тоже превосходно знал, кто такие Нурны и бежать не собирался. Каков он в драке — Сашка не знал, но хлюпиком Астер всё же не выглядел, и на том спасибо...

Один из Нурнов замахал копьем, и что-то закричал, подзывая их к себе. Довольно радостно, кстати.

— Пойдем? — предложил Максим. — Их всего трое и они, похоже, с нами говорить хотят.

— А если там засада? — спросил Эдик. — Налетят всей толпой — и привет. Разуют-разденут, как белочек.

— Тут спрятаться негде, — усмехнулся Максим.

В самом деле, до ближайшей жидкой рощи был добрый километр. Далековато бежать,

если что...

— В траве можно, — меланхолично возразил Вайми. — Но они не ждали встречи с нами. Это не засада.

— Ладно, пошли тогда, — буркнул Максим, поправляя рюкзак. Сашка захотел было возмутиться — но вовремя прикусил язык. В самом деле, убежать, когда их заметили, было уже не только стыдно, но и глупо. Да и новости узнать хотелось...

* * *

Но метрах в двадцати земляне вновь замерли, — в середине тройки Нурнов стоял тот самый парень, что взял их в плен. У Сашки ощутимо зачесались кулаки, — так захотелось отплатить ему за всё хорошее. Но парень смотрел на них довольно дружелюбно — и двое других Нурнов тоже.

— Мир вам, — вежливо спросил Вайми. — Что привело вас сюда?

— Мы, вообще-то, к Волкам идем, — ответил вожак Нурнов. — На вас натолкнулись случайно.

— А к Волкам зачем? — удивленно спросил Эдик.

— Ну, так это... мир заключить, — ответил Нурн. Удивительно, но он, похоже, стеснялся!..

— Так вы ж не воевали вроде? — удивился Сашка.

— Почему, воевали, — спокойно ответил Нурн. — Мы на них набегами ходили, только совсем давно уже...

— А теперь чего?

— А теперь мы с Виксенами мир заключили. Мы им поселок построим, — а они нас хлеб научат выращивать. Всем от того будет хорошо. Квинсов зловредных мы с наших земель уже вместе прогнали, они неведомо куда подались. А нас Йэрра отправил мир с Волками заключать. Хоть и нет между нами войны, но всё равно нехорошо... Да и Столицу посмотреть интересно...

— Офигеть, — только и мог сказать Сашка. Голова у него закружилась. Но, в самом деле, разве могло быть иначе?..

— А вас что привело сюда? — спросил Нурн.

— Мы ищем Туа-ти, — ответил Максим. — Хотим расспросить их о мире, и о том, как Хозяев одолеть.

— А чего их искать? — удивился Нурн. — Они вон там, за соседним холмом стоят.

— Где? — спросил Эдик.

— Да вон там, — Нурн показал на холм, мимо которого уже прошли ребята. — Пара тысяч шагов всего.

— Офигеть, — только и смог сказать Эдик.

У Сашки вдруг словно что-то зачесалось внутри.

— А давайте пойдём с нами, — вырвалось у него прежде, чем он успел это подумать, но Нурн лишь ухмыльнулся и кивнул. Похоже, что посмотреть на легендарных Туа-ти хотелось и ему...

— Вон они, — шепнул Вайми, и Сашка осторожно выглянул из травы. До Туа-ти осталось каких-то шагов двести. Смотрелись они, надо сказать, престранно — русые, невысокие, в нелепых кожаных юбках до щиколоток и плетеных поясах, с которых густо свисали какие-то керамические, кажется, фигурки. Светлокожие, но плечи и щеки татуированы так густо, что Туа-ти напоминали самых настоящих пришельцев. Было их немного — чуть больше дюжины. Они, похоже, собирались уже двинуться в путь, — паковали вещи. Рядом с каждым Туа-ти стоял его тибис — забавное лохматое животное, похожее на толстоногий гибрид бычка и свиньи. Под седло они не годились — слишком уж мелкие, всего по пояс Сашке, — но на каждого навьючены три кожаных сумки, одна большая, на спине, и две по бокам, поменьше. В них Туа-ти и возили всё своё добро.

Вдруг один из Туа-ти замер и посмотрел, казалось, прямо на Сашку. Что-то сказал остальным, — и они мгновенно собрались в не слишком дружелюбную кучку. Оружия в руках у них не было, — но на поясе у каждого висел костяной нож, а на спинах тибисов были аккуратно приторочены копья и рыболовные гарпуны.

— Учуйал, гад, — вздохнул Вайми и поднялся во весь рост. — Пошли, чего уж там...

Подходя к Туа-ти, Сашка почувствовал вдруг непонятную робость. Не потому, правда, что им по пять тысяч лет, нет, — как раз ничего сверхмудрого в Туа-ти не наблюдалось. Просто половина их оказалась девчонками — и выше пояса на них ничего, кроме костяных бус, не было. Издали это не бросалось в глаза, — одевались все Туа-ти одинаково, а волосы связывали в длинные хвосты на затылке, — но вблизи стало видно... в общем, мальчишка густо покраснел. Остальные, похоже, чувствовали себя не лучше.

Когда они подошли шагов на тридцать, все тибисы вдруг молча, без какой-либо команды, выстроились между Туа-ти и гостями. Смотрелось это, честно сказать, страшновато. Вайми рассказывал, что Терне, жрец Туа-ти, может управлять зверями силой мысли, — но в эту чушь Сашка, разумеется, не верил. Только вот она оказалась совсем даже не чушью...

— Мир вам, — снова вежливо сказал Вайми, не подходя, впрочем, слишком близко — мощные, раздвоенные копыта тибисов оптимизма не внушали. Хорошо хоть, что у них нет рогов...

— Если вы хотите мира — уходите, — ответил один из Туа-ти. Наверное, он и был Терне, и Сашка с интересом посмотрел на него. Терне ничем, в общем, не отличался от других Туа-ти. Глаза, как и у всех, голубые, задумчивые и печальные. Справа и слева от него стояли две девчонки. Не просто так стояли, а... От пришедшей в голову мысли щеки Сашки вспыхнули. Вайми говорил, что у Терне две девчонки, — но это же вообще дикость какая-то!..

— Нам ничего от вас не надо, — ответил Максим. — Мы ищем только способ победить Хозяев.

— Человек не может победить Хозяев, — равнодушно ответил Терне. — Я знаю. Я

пробовал. Если вам больше нечего делать — ищите ариев, они до сих пор это не поняли...

— Угу, — и где нам их искать? — спросил Эдик.

Терне удивленно моргнул. От неожиданности, наверное. Но всё же ответил:

— На Лунной Тропе, в восьми днях пути к западу. Вайми отведет вас, он знает.

Терне отвернулся. Остальные Туа-ти развернулись вслед за ним, — а за ними и их тибисы.

Ну вот и всё, уныло подумал Сашка. Вроде бы и наша победа, — а толку? Снова идите, не знаю куда, ищите, не знаю что... Что-то внутри, однако, по-прежнему чесалось. Что там сказал Терне?..

— Эй, стойте! — неожиданно даже для себя крикнул он.

Терне обернулся, недовольно глядя на него.

— Ты говорил, что человек не может победить Хозяев, — выпалил Сашка. — А кто тогда МОЖЕТ?

Вопрос вырвался почти произвольно, но Терне ответил.

— Драконы могут. Но им нет до нас дела. Они нас даже не слышат.

— А что надо сделать, чтобы УСЛЫШАЛИ? — спросил Эдик. Спросил просто так, для порядка, — но Терне ответил и на этот раз.

— Наш голос слишком высок и слаб, чтобы драконы могли даже услышать его. Ещё давным-давным давно Ёрн и Йо сделали Драконову Флейту, звук которой драконы могли слышать. Но они пропали бесследно, — и Флейта пропала вместе с ними. Это всё, что я могу тебе сказать.

Терне развернулся и зашагал дальше, в степь.

* * *

— И что делать будем? — спросил Сашка, когда Туа-ти скрылись за холмом. Нурны тоже скрылись за соседним, направляясь на юг.

Максим с наслаждением потянулся. Потом с усмешкой посмотрел на Сашку.

— Что, что... Пойдем этих ариев искать. Где там, Вайми, эта Лунная тропа?..

* * *

Раньше Сашка не знал, что в степи, оказывается, тоже есть дороги — ну, пусть не дороги, и даже не заметные глазу тропы, а маршруты, направления, идти по которым намного удобнее, чем наугад. Не нужно всё время взбираться на холмы и переходить речки, да и шансов заблудиться нету. Надо, правда, знать всё вокруг, как свои пять пальцев, — но Вайми, вроде бы, знал. По крайней мере, он говорил, что идут они правильно, а как там на самом деле — бог весть. Никаких нормальных ориентиров Сашка тут не видел — степь же...

— Далеко ещё? — спросил он. Было уже далеко за полдень, стояла жара. Сашка устал и проголодался, ноги болели. За этот вот день они отмахали уже километров тридцать, — а до вечера ещё далеко, и воды рядом не видно...

— Не знаю, — спокойно ответил Вайми. — Арии же тоже на месте не стоят, сегодня тут, а завтра там. Но с тропы они не сходят... обычно.

— А НЕ обычно? — буркнул Эдик. Как всегда, он навьючил на себя больше всех прочих — и, как всегда, был этим очень недоволен.

Вайми лишь пожал плечами.

— Раньше они куда угодно шли, где хотели их слушать. Теперь-то их никто не слушает давно... Вот они и бродят туда-сюда, как неприкаянные... И нас ещё трусами дразнят. О, смотрите!

Проследив за его протянутой рукой, Сашка увидел над далекой рощицей жидкую струйку дыма.

— Ну, вот и они, — сказал Максим. — Наконец-то. А то девятый день за ними бегаем уже...

* * *

Карательная служба, или как она тут называлась, у ариев оказалась на высоте. Стоило ребятам только подойти к рощице, из неё вышло несколько рослых светловолосых парней в туниках из шкур и в чем-то вроде сапог из тех же шкур, перетянутых ремешками. В руках вместо обычных здесь копий они держали длинные каменные клинки. Насколько помнил Сашка, сделать даже один такой стоило тут невероятного труда. Да уж, упорные товарищи, и смотрелись они тоже сурово, — только вот волосы, стянутые в пучок на макушке и пропущенные через резные костяные трубочки, портили впечатление. Сразу вспоминались цирковые лошади, и становилось смешно...

— Мир вам, — сказал Вайми, прижав ладони скрещенных рук к груди и вежливо, слегка, поклонившись. В самом деле, желанная дань им в ухо арии не внушали.

— И вам мир, — ответил один из парней, внимательно и чуть удивленно глядя на пришельцев. — Кто вы?

— Мы земляне, — спокойно ответил Максим. — Мы в этом мире недавно.

— Мы тоже земляне... только тут очень давно уже. Что же привело вас сюда? — всё ещё чуть подозрительно спросил парень.

— Мы ищем способ победить Хозяев, — сказал Сашка.

Парень широко улыбнулся.

— Тогда вы пришли куда нужно.

* * *

В сопровождении Верасены — так звали вождя этого племени — ребята прошли в лагерь, очень скромный. Собственно, он состоял лишь из костра и лежавших там и сям котомок. Всё своё арии носили с собой, в самом, что ни есть буквальном смысле. У Туа-ти хотя бы были вьючные тибисы...

Племя оказалось небольшим, — Сашка насчитал примерно человек пятнадцать. Половина, разумеется, девчонки, которые, пересмеиваясь, смотрели на пришельцев. Ни по одежде, ни по оружию они ничем от парней не отличались. И то хлеб, а то обычаи некоторых местных народов иногда основательно мешали думать...

Дальше, разумеется, последовала довольно скромная трапеза из печеных в костре

плодов *ти* — тех самых маленьких «ананасов», похожих на картошку в скорлупе. Рыбы арии то ли вовсе не умели ловить, то ли просто не брали её в рот из-за какого-то древнего табу...

— Ну вот, а говорили, что картошка на деревьях не растёт, — пробурчал Эдик, расправившись с десятком «шишек». — Растёт, и как ещё! И сама по себе. Ни сажать, ни окучивать ни нужно. Рви, пеки и ешь. Эх, жизнь!..

— Пару лет одного *ти* поешь — и не то, что на дерево, на стенку полезешь, — буркнул Сашка. — А арии тут уже три тыщи лет на нем сидят... Бр-р-р!

— Мы не всегда жили в степи, — ответил Верасена. Сашка заметил, что говорил он вообще редко и словно неохотно.

— Ты лучше расскажи, как нам Хозяев победить, — сказал Максим.

Верасена вздохнул и нахмурился. Хмурился он тоже часто.

— Знал бы как, — уже победил бы. Но ракшасы непобедимы, их не поразить ни копьем, ни стрелой.

— Рак... кто? — спросил Сашка. Это слово он уже где-то слышал, но не мог вспомнить, где...

— Ну, ракшасы, демоны, по-вашему, — ответил Верасена. — У них даже кожа железная.

— Не кожа, а броня, — педантично поправил Сашка. — Потому что роботы это.

— А разницы, как называть? — возразил Верасена. — Победить-то всё равно нельзя.

— А драконы? — спросил Сашка.

— А драконам нет до нас дела. Про Драконову Флейту вы слышали уже?..

Ребята вразнобой кивнули.

— Ну вот. Говорят, что когда Хозяева узнали о ней, и пошли на Туа-ти войной, Ёрн и Йо успели сбежать и унесли Флейту — да с ней и сгинули. Может, успели где её спрятать — а может, и нет. Мы вот всё ходим, ищем — и ничего...

— Ну, это уже что-то, — сказал Сашка. — Раньше у нас вообще никаких зацепок не было. Хоть всю вечность тут сиди.

— Их и сейчас нет, — буркнул Эдик, вытягиваясь у костра, — после долгого перехода он устал, да и съел совсем немало. — Может, Флейта эта и поможет — да где ж её искать?

— Дальше что делать будем? — спросил Сашка. — Астеров наши, Туа-ти наши, Верасену даже наши, которого и не искали, — а толку? Как не было выхода, — так и нет.

— Дальше... — Максим задумался. — По-хорошему, нам надо возвращаться в Столицу. Задание мы выполнили, а все наши ребята наверняка уже там. Отдохнем, снова разберемся на отряды, пойдем Флейту искать... Не верю я, что она Хозяевам досталась. Наверняка, ребята её где-то спрятали. Только...

— Только — что? — спросил Сашка, когда молчание слишком уж затянулось.

— У меня сердце за Сергея и Андрюху с Антоном болит, — смущенно признался Максим. — Уж слишком в поганое они место пошли. Про Хорунов этих никто ещё доброго слова не сказал, — и грабят, и в рабство берут, и даже убивают — хорошо хоть, что не насмерть... — он смущенно помолчал после нелепой, но отражающей местные реалии фразы. — И, главное, много их. Ребят наших трое, — а их полсотни.

— Сорок два, — пунктуально поправил Верасена. — Если только парней считать. Своих девчонок у них нет, вот и хватают, где могут, и обращают в рабство. И парней тоже. Уже сотни полторы набрали — и никак не остановятся. Всё мало им...

— А что ж вы это всё терпите? — спросил Максим.

— А нас четырнадцать всего, — ответил Верасена. — И половина — девчонки. Ну, что мы можем сделать? Мы не раз и не два пытались уже. А толку? Половина наших сама в рабство попала — и все дела.

— А помощи попросить? — уже зло спросил Максим.

— А у кого? — удивленно ответил Верасена. — Туа-ти вы уже видели, — они все давно от страха перед Хозяевами тронулись. Астеры все трусы от природы...

— Мы не трусы, мы просто драться не любим! — вскинулся Вайми, но Максим показал ему кулак.

— Помолчи пока... горячий финский парень. А что же другие? — повернулся он к Верасене.

— А другим и дела нет! — зло ответил тот. — Кто в лес забился, кто на острова — лишь бы подальше... Одни Волки могли бы, разве что, — ну так и им разборки с Морскими Воришками ближе...

— Тогда вот что, — сказал Максим. — Своих я не брошу, и в Столицу не пойду. Пойду в западные леса. Вы со мной пойдете?

— Пойдем, — хмуро сказал Верасена. — Хоть и мало нас.

— В самом деле, мало, — буркнул Эдик. — Нурнов бы позвать, и Виксенов, раз уж они теперь помирились. Да и Куниц неплохо бы поднять, их много и ребята они серьезные...

— Ну, так пойти, и подними, — усмехнулся Максим.

— Я? — Эдик от волнения прижал руки к груди. — Почему я?

— Раз сам предложил — сам и делай, — отрезал Максим. — Пятнадцать нас или шестнадцать — разницы никакой, а вот полсотни парней из трех племен — это очень много.

— Пятнадцать? — возмутился Сашка. — А я?

— А ты, друг мой, — усмехнулся Максим, — бежишь живой ногой в Столицу. Хватит Волкам кур разводить. Если хотят пионерами быть не на словах, а на деле — пусть вытащат голову из... ну, в общем, пусть тоже идут Хорунов бить. А то там ребята в рабстве мучаются, — а они гадов морских в музей собирают...

— А если они не захотят? — спросил Сашка, вспомнив надменную «Аллу Сергеевну». Такую убеждать — быстро самого мехом внутрь вывернет...

Максим усмехнулся.

— А ты постарайся. Ты парень — или где?

Сашка вздохнул.

— Постараюсь...

Глава 13: На море и вокруг

*Голубеет небосвод,
Утро начиная.
За рекой труба поёт,
Серебром сверкая.*

*На зарядку поспеши,
Не ленись, приятель.
Чистым воздухом дыши —
Дела нет приятней!*

*Хорошо проснуться вместе с птицами,
Перекликнуться с дружкой.
Ключевой воды напиться,
И опять в поход пуститься —
Хорошо, хорошо, хорошо!*

*Спорить весело с волной
В жаркую погоду.
Даже солнце с головой
Окунулось в воду.
Как чудесно полежать
На песке прибрежном.
А потом нырнуть опять,
И поплыть, как прежде!*

*Научись в лесу, дружок,
Не плутать по кругу:
Вечной зеленью дубок
Повернулся к югу.
Тренируй-ка зоркий глаз,
Смелым будь и ловким.
Пригодится много раз
Пригодится много раз —
Молодым — сноровка!*

Димка сидел на берегу, бросая в воду камешки — больше делать было совершенно нечего. Ребята давно скрылись, плот Волков уплыл, Борька и Юрка непобедимо дрыхли, подложив рюкзаки под голову — добирали за вчерашнее. Самому Димке спать не хотелось, — он смотрел на сверкавшие зеленым огнем волны, бежавшие откуда-то от смутного горизонта. Море было совершенно пустынным, — если не считать островов, темневших между небом и морем. Где-то там, невидимая, скрывалась Цитадель Хозяев — и

её недоступность буквально бесила мальчишку. Вертолет бы... или, хотя бы, катер и автомат — и он показал бы им, где раки зимуют. А так...

Димка вздохнул. Всю жизнь он знал, что вокруг всегда есть взрослые, которые решат любую проблему, — но тут взрослых нигде не наблюдалось, а у них пока получалось не очень...

Что-то плеснуло в воде, — Димка не столько заметил, сколько услышал, и быстро перевел взгляд. Из моря вынырнул мальчишка — непонятно откуда взявшийся, ведь Димка видел, что тут никто несколько часов не нырял!..

Димка кувыркнулся назад, прячась в траве, — похоже, что ему повезло!..

Ныряльщик, между тем, быстро и ловко поплыл к берегу, выпрямился, осмотрелся... Гибкий парнишка, на вид всего лет двенадцати, одетый лишь в короткую набедренную повязку из рыбьей, кажется, кожи, с копной густых каштановых волос. На загорелой коже отчетливо выделялось несколько шрамов — полученных, как, наверное, и сам загар, ещё до попадания сюда, в Ойкумену...

Вслед за ним начали выныривать и другие Певцы — такие же гибкие и загорелые. Димка ошалело помотал головой. Откуда они тут берутся — не с морского же дна, в самом-то деле?..

Опомнившись, он торопливо отполз назад и разбудил друзей. Скрывшись в траве, они внимательно следили за Певцами. Те, похоже, не подозревали об этом — вопили и купались, словно самые обычные дети...

— Откуда они тут? — шепотом спросил Юрка.

— Тут, наверное, есть подводная пещера, попасть в которую можно лишь нырнув под берег, — ответил прагматичный Борька. — Вот что. Давайте отойдем назад, — а потом выйдем на берег, словно мы пришли сюда только что. А то мало ли...

* * *

Идея Борьки оказалась удачной. По крайней мере, когда ребята вышли на берег, никто из Певцов не смутился и не испугался. Они просто замерли, внимательно, но не зло глядя на пришельцев.

— Привет! — крикнул Борька, и для убедительности помахал рукой. — Вы Певцы, да?

— Да, — ответил тот самый парнишка со шрамами. — А вы?

— А мы — земляне, — гордо ответил Борька. — Мы тут недавно.

— Спускайтесь тогда, — сказал парнишка. — Гостям мы всегда рады...

* * *

Ребята быстро спустились на берег и замерли под внимательными взглядами Певцов. Димке даже стало неловко: в конце концов, их тут всего трое, а Певцов десятка полтора. Но никакой враждебности они не проявляли, да и оружия у них не было. Да и зачем им оно?..

— Привет, — сказал парнишка со шрамами. — Я Лари. А вы?..

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ребята вразнобой представились, потом представились Певцы, потом, как-то вдруг,

земляне искупались вместе с ними, — что оказалось делом вовсе не коротким... Наконец, вся компания с удобством расположилась на пляже.

— Вообще-то, вам повезло на нас наткнуться, — с широкой улыбкой сказал Лари. Димка заметил, что улыбался он часто, — только вот большие серые глаза парнишки при этом оставались грустными... — Обычно-то мы только ночью выплываем. А то мало ли что...

— Вообще-то, мы вас искали, — дипломатично сказал Димка, и тут же добавил: — Повезло.

— А зачем? — удивленно спросил Лари. — Меняться?

Димка вспомнил, что Пловцы лучше всех тут добывают со дна моря кораллы, жемчуг и перламутр, на который выменивают все нужные им вещи. При этой мысли его как-то неприятно царапнуло. Он бы точно не хотел так вот жить...

— Мы ищем способ победить Хозяев, — просто сказал он.

Лари вздохнул.

— Хозяева... знаешь, я сам бы не против. У меня к ним большой счет накопился... Да толку...

— Неужели совсем нет способа? — спросил Борька.

Лари лишь пожал плечами.

— В Нынг`ай... ну, у себя дома, то есть, мы могли Петь Мир. А тут не можем. Хозяева отняли у нас это...

— Петь мир? — удивленно спросил Борька. — Как это?

Лари лишь покачал головой.

— Вряд ли ты сможешь это понять... Петь для мира, сливаться с миром, менять мир — для нас это было одно и то же. Здесь же мы стали... никем. Глухими и немыми. Знал бы ты, как я ненавижу Хозяев за это!..

— Может, здесь просто мир другой? — спросил Борька.

Лари вздохнул.

— Мир другой. Но Песни везде одни и те же. Просто Драконы тут могут Петь Мир... а мы не можем.

— Ну так попросили бы их — и все дела, — сказал Борька.

Лари снова вздохнул.

— А мы пробовали. Правда. Но наши голоса слишком слабы для слуха Драконов. Туати, ещё давным-давно, создали Драконову Флейту, звуки которой Драконы могли слышать. Но Хозяева разгромили их, и Флейта пропала. И, вместе с ней, — те, кто придумал её. И всё.

— А искать не пробовали? — спросил Борька.

— Да все, наверное, здесь пробовали, — вздохнул Лари. — А толку...

— Ну, это уже что-то... — сказал Димка.

На самом деле это было куда лучше того, на что он надеялся. Пока что никакой надежды вырваться из этого мира-ловушки у них не было, — а теперь она появилась, пусть призрачная, но всё же надежда!..

Тут он краем глаза заметил, что к ним идет другая группа ребят — в таких же набедренных повязках из рыбьей кожи, но в одной руке каждый из них нес сетку с рыбой, а в другой — острогу, причем, едва ли не торжественно, как флаг.

— Кто это? — удивленно спросил Димка. Он уже успел привыкнуть к здешнему

безлюдью, и появление гостей казалось уже странным.

Лари вздохнул.

— Буревестники это... На обмен идут. Видишь? — он приподнял тючок с яркими кораллами и какими-то пёстрыми ракушками. — Рыбаки они лучшие, это так. Но при том — жулики страшные. Стараются обмануть просто развлечения ради. А вождь их, Терри — самый главный среди них гад. Он и своих-то даже в дугу согнул, — а они и рады прислуживать. Вот он, видишь? — Лари показал рукой.

Димка присмотрелся. В самом деле, во главе Буревестников (мальчишка не сомневался уже, кто дал им такое громкое название) гордо вышагивал светловолосый парнишка лет четырнадцати. Без сетки, но тоже с непременною острогой. На гада он совсем не походил, напротив, — этакий юный Аполлон, мечта любой девчонки. Впрочем, мерзавец и должен выглядеть честным, иначе как же он обманет?..

— Слушай, — спросил он у Лари. — Раз эти Буревестники, или как их там на самом деле, такие мерзавцы — то, что же вы с ними водитесь?

Лари вздохнул.

— Ну, рыбу-то они лучше нас ловят, это факт. А нам кораллов и жемчужин набрать проще. Так-то они не злобные — обмануть-то могут или исподтишка гадость сделать, — но сами нападать никогда. Трусоваты. Вот Морские Воришки — другое дело. Эти и отнять могут, и побить. Они и Буревестников тоже обирают, ты не думай...

Буревестники, между тем, подошли совсем близко, с явным и каким-то нехорошим интересом глядя на землян.

— Привет! — Терри вскинул острогу в насмешливом салюте. — Мы здесь, как обещали. А это кто? — он небрежно ткнул острогой в землян.

— Мы пионеры! — обиженно сказал Борька, поднимаясь на ноги.

— Кто-кто? — насмешливо переспросил Терри.

У Димки зачесались кулаки. Он уже понял, что насчет Терри Лари ни чуточки не врал.

— Мы — представители Советского Союза! — громко сказал он.

Терри удивленно заморгал.

— Представители ЧЕГО?

— Советского Союза, — упрямо повторил Димка. — Это самая большая страна в мире!

— В каком мире?

Димка прикусил язык. В самом деле, — Советский Союз, конечно же, велик, но он остался... дома. А тут они могут рассчитывать только на себя. Ну что ж...

— Дома, — хмуро сказал он. — Мы тут недавно.

— А, — понимающе улыбнулся Терри. — Новички, значит?

— Терри, хватит, — примирительно сказал Лари. — Пришел меняться — давай меняться. Не нужно гостей задирать.

— Так они ваши гости?

— Терри, хватит, — повторил Лари. — Не ищи ссоры. Иначе обмена не будет.

Терри надулся, но возражать всё же не стал — как-никак, Певцов, вместе с землянами, было почти вдвое больше.

— Ладно, обмен так обмен. Рыбу мы принесли. А что у вас?

— Вот, — Лари показал тючок с ракушками.

— Да этого же даже на половину не хватит!..

Лари лишь пожал плечами.

— Не нравится, — не бери.

— И не возьму!..

— И не бери!..

Начался ожесточенный торг с шумом, криком и всем прочим. Продолжался он минут пятнадцать, но, к удивлению Мишки, кончился тем, что Буревестники отдали всю рыбу в обмен на жемчуг и ракушки. Похоже, что тащить её назад они явно не собирались.

— Ну вот, — довольно сказал Лари. — А шума...

— Да ну, мы вас просто подкормить решили, — буркнул Терри, но уже не зло. — А вот если в следующий раз так мало предложите, — ничего не возьмем!..

— Да ну тебя, — буркнул Лари. — Каждый раз одно и то же. Хоть что новое придумай!..

— Да ладно, — Терри с интересом посмотрел на землян. — Не хотите к нам в гости? У нас весело. Рыба жареная там, копченые ракушки, икра...

— Нет, спасибо, в следующий раз, — буркнул Мишка. Уж чего-чего, а идти в гости к таким жуликам ему вовсе не хотелось.

— Ну, как знаете... — Терри повернулся и, вместе с остальными, пошел обратно, — наверное, туда, где у Буревестников было стойбище.

— Ни фиги себе... — сказал Димка через минуту. — Похоже, не такие уж они и гады!..

— Такие, такие... — вздохнул Лари. — Только трусоваты. Сами не отнимут, но обжулят обязательно.

— А что ж тогда вы с ними водитесь? — повторил Димка.

— А что делать? Соседи, как-никак. Горгульи далеко, а они — близко. А в собственном соку кипеть — спятить можно же.

— А ракушки им зачем? — спросил Борька.

Лари улыбнулся.

— А от жадности. Они их копят, меняются с другими племенами и друг с другом. У кого больше ракушек — тот и важней. А нам-то проще их ловить, чем рыбу.

— Чокнутые какие-то, — сказал Юрка. — Ладно, малыши разные там собирают фантики, — но эти-то уже большие!..

— Да ну, — ответил Борька. — Не хватало ещё и с ними разбираться. Дело сделали — и ладно. Давайте в Столицу, а то девчонки там без нас...

— Никак сохнешь по кому? — предположил Юрка.

Борька отмахнулся.

— Да ну тебя... Просто на душе неспокойно. Пусть Волки и хорошие — но мало ли там что...

— Короче, давайте костер жечь, — сказал Димка и повернулся к Лари. — Поможете?..

* * *

Певцы, в самом деле, помогли отлично: натаскали на обрыв громадную кучу плавника и сухих водорослей, так что костер получился роскошный. Ну, а где костер — там и посиделки. Тем более, что вечер выдался ясный, теплый, в общем, замечательный. Над далекими западными горами ещё догорал закат, море стало густо-синим и словно непрозрачным, вдали, на островах, смутными искрами мерцали костры, — и от этого у

Димки почему-то становилось тепло на душе. Там, далеко, у костров тоже сидят ребята, поют, травят байки, болтают... И пофиг им на Хозяев, засунувших их в этот странный, но, в общем, не такой уж плохой мир...

* * *

Прикрывая глаза от бешеного ветра, Димка перегнулся через парапет. Глубоко внизу бесновалось черное, в белых полосах пены море, огромными валами набегаая на берег. Справа, под черной морщинистой скалой, стоял маленький, полузатопленный уже поселок, — перехлестывая через берег, волны врывались на улицы, по ним гуляла буйная вода, Димка увидел, как рухнула светлая стена одного из одноэтажных домишек, как поплыли в море длинные балки. Людей там, похоже, уже не было, но смотрелось это всё равно жутко...

Дождь, к счастью, не шел, но ветрище бушевал так, что казался тугой струей воды, но не холодный и пронизывающий, а какой-то нездорово-теплый. По небу бешено неслись растрепанные сизые тучи, между них то появлялась, то скрывалась полная синеватая луна. Под ней, из чащи неистово машущих ветвями голых черных деревьев, поднималось крестовидное многоэтажное здание, тоже черное против тусклого света — лишь слева, под крышей, светились мутно-багровым два окна. Шторы, наверное, — но всё равно, выглядит всё это на удивление зловеще, подумал Димка... и проснулся.

* * *

Какое-то время он лежал неподвижно, глядя в затянутое высокими облаками утреннее небо и пытаясь вспомнить, где он. В первый миг показалось, что дома, и ощущение получилось... болезненным. До дома было как раз очень далеко, и Димка не знал, смогут ли они вернуться. Да и сон был определенно нехороший — интересный, конечно, но нехороший, как ветер в самом сне, где надвигался невиданный, чудовищный шторм... Очень похожий на грозу, которая перенесла их сюда, но хуже, много хуже, потому что он должен был не забрать что-то из этого мира, а ПРИНЕСТИ... что? Он никак не мог вспомнить, но от эти безумно машущих деревьев, от здания, как-то нехорошо похожего на областную больницу, тянуло какой-то мертвящей, неземной жутью...

Димка недовольно помотал головой и приподнялся, осматриваясь. Он лежал у давно погасшего костра. Борька и Юрка ещё бессовестно дрыхли. Певцов и след простыл — ну да, они простились с ними ещё вчера, уже далеко за полночь. Пели они в самом деле хорошо — в любой школе такой хор оторвали бы с руками, да и не только в школе, наверное...

Вдруг Димке показалось, что всё это — тихая утренняя степь, высокий свод облачного неба, тихое серое море — всё это уже снилось ему, там, ещё дома...

Он замер, пытаясь вспомнить, так ли это, — но лишь запутался уже окончательно. Такого с ним раньше не случалось, — воспоминания шли всегда одно за другим, ясно и четко, и он всегда помнил, что сон, а что не сон. Да и таких странных снов ему дома не снилось. А теперь...

Димка даже немного испугался, — он чувствовал, что с ним происходит что-то

непонятное. Но, чем больше он старался вспомнить, тем больше ему казалось, что он уже видел во сне это место — и не только. Видел высоченную, как телевышка, пальму, видел деревню Виксенов... выходит, что и другие миры, которые он видел во сне, существуют?..

Эта идея ему не понравилась, — он совсем не хотел, чтобы что-то, похожее на последний его сон, существовало в реальности — но, тем не менее, он чувствовал, что она верна. Есть его родной мир, и есть вот этот мир, — почему бы ни существовать и другим? И, раз он попал из своего родного в этот вот мир, — почему нельзя попасть в другие?..

Димка недовольно помотал головой, отбросил одеяло и поднялся. Теплый ветер, летящий со стороны моря, сразу же упруго толкнул в грудь. Так же упруго в голову вдруг толкнулось воспоминание...

...Залитая ослепительным солнцем крыша двенадцатиэтажки. Отсюда, кажется, видно, как загибается горизонт. Где-то невероятно далеко, на том берегу текучего воздушного океана, виднеются синевато-зеленые полосы лесов, столбы дыма, спички мачт ЛЭП... Мощный поток теплого воздуха непрерывно омывает тело — и он, Димка смеется, раскинув руки, почти чувствуя, что летит...

Мальчишка вздохнул и недовольно помотал головой. Сейчас такие вот воспоминания были вовсе ни к чему — но, разбуженные, они никак не унимались. Вдруг среди них мелькнуло что-то важное, и Димка замер, отчаянно пытаясь вспомнить. Случилось это, кажется, в июле — день был жаркий и влажный, солнце расплывалось за тонкими облаками, затянувшими весь небосвод. Лет ему тогда было около двенадцати. Каникулы, от нечего делать он катался на автобусах и вышел на окраине города, — автобус шел в дачный поселок, а делать там было совершенно нечего...

Как-то сразу ему стало вдруг не по себе — дренажные канавы, болота, заросли, вокруг — ни души: понедельник, всего часов десять утра... Сам не зная, зачем, он поперся в кусты. Отойдя от остановки всего метров на двадцать, он замер на берегу маленькой, заросшей бурьяном поляны, на берегу небольшого пруда — скорее, заполненной водой большой ямы. Воронки — земля вокруг неё поднималась пологим валом. Словно от бомбы, — но какая тут война? Даже боев с колчаковцами тут не было, — он бы знал...

Вода в яме была темная, глубокая, странного сероватого оттенка — и вдруг ему показалось, что оттуда, со дна, на него кто-то смотрит. Ощущение оказалось резким и неприятным — он вылетел на дорогу и, ошалело осмотревшись, быстро зашагал к городу. Больше он никогда там не бывал, — но проклятая яма несколько раз потом снилась ему. Во сне он раздевался и заходил в воду, — и каждый раз просыпался до того, как погружался с головой. Каждый раз ему казалось, что, погрузившись, он уже не проснулся бы. И каждый раз ему хотелось съездить туда, искупаться в этой проклятой луже — просто, чтобы убедиться, что ничего такого с ним на самом деле не случится, — и каждый раз он не решался, потому что боялся, что всё будет как раз, как во сне. Сейчас, в этом сне, ощущение было такое же — не похожее, а в точности такое же. Он никак не мог понять, в чем тут дело, — и именно поэтому мысль назойливо зудела в мозгу. Невесть отчего, она показалась ему невероятно важной. Словно какая-то сила прицепилась к нему ещё там, у той проклятой ямы — и тянется за ним с тех пор, даже сквозь миры, причем тут, в Ойкумене, ей даже проще дотянуться до него, чем дома...

Вздохнув, Димка сел, скрестив ноги, и задумался, вспоминая другие свои сны. В первый раз ему приснилось, как Машка... нет, это очень интересно, конечно, но явно не то. Тогда что? Застроенный дачами овраг? Какой-то праздник не то в будущем, не то в родном для

Волков Союзе Народных Республик? Но там как раз не было никакой жути, напротив, там ему понравилось... или, как раз, не ему?..

Димка замер, ухватив, наконец, мысль — сны эти отличались от обычных тем, что в них он становился не собой, а каким-то местным мальчишкой, незнакомым — оттого и получалось ощущение странности: он не узнавал себя. Но как такое может быть — и что всё это значит? Может ли он застрять в таком сне, потерять себя — или стать тем, другим мальчишкой?.. Казалось, что да — как раз это и пугало, потому что стать таким вот перекасти-полем, носимым по мирам, Димке совершенно не хотелось. Но тут, наконец, проснулся Борька — и все эти рассуждения показались ему полной чужью...

* * *

— Ну и когда приплывут эти Волки? — спросил Юрка. Мальчишки искупались, позавтракали и сейчас просто сидели на берегу, глядя на лениво набегающие волны. Далеко слева в море темнел остров со Столицей — без плота или лодки не доплыть, как ни старайся...

— Не знаю, — вздохнул Димка. — Костер наш они точно видели. Ну да сюда-то они недолго плыли. До обеда ещё будут, наверное...

— Если им эта «Алла Сергеевна» позволит, — сказал Борька. — Мы ж её не спросили когда сюда поперлись, — а она, говорят, такого страсть как не любит. Вот как встанет на рога — и не отпустит сюда Игоря с ребятами. И будем мы тут сидеть до морковкиного заговенья...

— Да ну тебя, — буркнул Димка. — Не Игоря, так кого другого сюда пошлет, чтобы лично уши нам надрать. Ей же порядок важнее всего, а когда мальчишки черт знает, где болтаются без разрешения — это не порядок.

— Перспективочка... — вздохнул Борька. Настроение этим утром у него тоже было почему-то невеселое. — Или сидеть на берегу с этими Буревестниками — или уши под драньё подставлять...

— Лучше уши, — оптимистично предположил Юрка. — Всё веселее, чем на берегу болванами сидеть.

— Кстати, а куда Певцы делись? — спросил Димка. — Где они живут-то хоть? Не на морском дне же, на самом-то деле?

— Да я ведь говорил уже, — удивился Борька. — Тут, в скалах, наверняка есть пещера, попасть в которую можно лишь нырнув под берег. Вон, видите, справа утес прямо в море выходит? Там сразу у обрыва глубоко, наверняка вход там. Я про такое в одной книжке про пиратов читал.

— Проверим? — сразу же предположил Юрка.

— Да ну, нехорошо в чужой дом без спроса лезть, — сказал Димка. — Да и черт знает, что там за пещеры. Свернешь не туда, не успеешь вынырнуть и захлебнешься. И будут тебя раки глодать или кто тут в море — крабы?..

— Да ну тебя, — сказал Юрка. — Певцы же ныряют — и ничего.

— Они дорогу знают, — сказал Димка. — А мы нет. Да и не сокровища же там, в самом-то деле... Да даже если и сокровища — на что они нам тут?..

— А всё равно, зачем-то же Певцы живут там, — не унимался Юрка.

— Боятся, потому что, — рассудительно сказал Борька. — Мы же сами видели, что оружия у них нет, да и сами они хиловатые и робкие. Вот и запрятались в пещеру. Туда-то никакой враг не заберется, даже если и узнает, где она.

— А всё равно, трусливо это — в норе под водой жить, — упрямо сказал Юрка. — Могли бы хоть к Волкам пойти — «Алла Сергеевна», ясное дело, не сахар, но там хоть прятаться от всяких гадов не надо. А они сидят в норе, как мыши, и ждут чего-то...

— Они песни берегут, — сказал Димка. — Лари говорил же, что плохо очень будет, если их нехорошие люди узнают.

— Да чушь это! — возразил Юрка. — Придумали, как малыши, себе сказку, и сами же в неё поверили. Нет, чтобы самим Флейту пойти искать...

— Они не могут, — вздохнул Димка. — Ты же их видел. Мелкие они. И человека им ударить — что себя ножом в живот. Если им кто злой встретится — побьет или вообще заберет в рабство... а кто туда хочет? Вот и не идут они...

— Они-то не могут, но мы можем, — сказал Юрка. — Сергей, Андрей и Антон вон сами к Хорунам в леса пошли, — а мы чем хуже?

— А нам задание дали Певцов расспросить, — уныло сказал Димка. Ему упорно казалось, что здесь он пропустит всё самое интересное.

— Ну, вот мы и расспросили, — ответил Юрка. — Про Флейту вот узнали. Теперь искать её надо.

— Нам Сергей велел к Волкам потом вернуться, и за девчонками присматривать, — возразил Димка.

— По Машке всё сохнешь? — усмехнулся Юрка.

— Может, и сохну, — обиделся Димка. — Твоё какое дело?

— А такое!.. — возмутился Юрка, поднимаясь.

Димка тоже поднялся — и дело, наверное, дошло бы до драки, но тут Борька вдруг крикнул:

— Смотрите! Плот!

* * *

Димка быстро узнал квадратный парус «Смелого» — но ветер сегодня был слабый, и плыл плот медленно. Глаз даже не мог ухватить его движение: лишь если отвернуться и снова посмотреть через минуту, становилось заметно, что он уже в другом месте, но ничуть не ближе, как казалось, и Димка извелся от нетерпения: ему хотелось узнать последние новости, хоть какие-то. С ними тут оказалось очень плохо: он привык к газетам и телевизору, но ни того, ни другого тут, разумеется, не было, и он откровенно скучал. Ну, не всегда, конечно, но, если никаких дел не оставалось, скука вставала перед ним в полный рост...

Ощущение оказалось непривычное: дома под рукой всегда были журналы или радио, или друзья, наконец... Здесь друзья остались, — но знакомый мир пропал, а этот вот мир был, конечно, очень интересным, — но жил слишком уж неторопливо. Того и гляди, сам начнешь от скуки поэмы сочинять, словно какой-нибудь Гомер...

Димка недовольно мотнул головой. Мысль ему не понравилась. Было в ней что-то, определенно нехорошее. Гомер уж точно сочинял поэмы не от скуки, — а вот с ним от этой

самой скуки творилось что-то неладное. Чуть вон всякая в голову лезет... и вообще...

Непрощеное воспоминание вновь тенью проскользнуло в голову. Глухая декабрьская ночь, он лежит животом на прохладном, гладком подоконнике, опираясь на локти, глядя на падающий в тумане снег. Окно распахнуто настежь, влажный, сырой воздух волнами обтекает плечи и спину, бедра такими же волнами обжигает исходящий от батареи жар. Уши щекочет шум сбегавшей с крыш талой воды, и ему почему-то хочется прямо как есть, в трусах, выбежать на улицу, хотя он и знает, что ничем хорошим это точно не кончится...

Димка вновь недовольно мотнул головой, ощущая, что краснеет, и сердито взглянул на товарищей, словно они могли как-то подсмотреть его мысли. Но они, конечно, ничего такого не заметили. Юрка, свесив ноги, сидел на берегу, глядя на, казалось, неподвижный плот, Борька, опираясь на копьё, смотрел куда-то в степь.

— Что там? — лениво спросил Димка. Степь тут была на удивление пустынной — не то, что бизонов, но даже антилоп тут не наблюдалось, лишь стайки каких-то небольших животных, похожих на голенастых морских свинок.

— Следит за нами кто-то, — буркнул Борька. — Вон с того холма. Высунется и спрячется. А кто и зачем — не пойму.

Димка вскочил и присмотрелся, — но на пологом гребне холма, тянувшемся в километре от них, никого не было. Конечно, шпион мог спрятаться в высоченной траве, и смотреть прямо сквозь неё. Тут очень пригодился бы бинокль — но, как назло, его отдали Максусу, а остроты глаз не хватало, чтобы что-то разглядеть. Конечно, если там вообще кто-то был.

— Это Буревестники, наверное, — предположил Юрка, глядя на холм из-под приставленной к глазам ладони.

— Зачем им? — удивленно спросил Димка. — Если им что надо — подошли бы и спросили.

— А если они напасть хотят? — спросил Юрка.

— Напали бы, — буркнул Борька. — Их же всё равно больше.

Димка поёжился. С одной стороны, незаметно подобраться в этой степи невозможно, — если не ползти в траве на манер каких-нибудь змей или индейцев, — а с другой убегать тут тоже особенно некуда, да и на помощь звать, в общем, некого. И в милицию не позвонить. Неуютно...

— Может, это и не Буревестники, — сказал Юрка.

— Ага, а тогда кто? — спросил Димка. — Не Хозяева же. Им, говорят, и так всё тут видно, а роботы их не подсматривают — сразу идут и громят.

— Морские Воришки или Астеры, — предположил Юрка.

— Морские — они на то и Морские, чтобы по суше не ползать, — рассудительно сказал Борька. — А Астеры вообще безвредные же. Ну, так говорят.

— Ага, а тех, кто говорит другое, уже никто не слышит — с того свету-то... — буркнул Юрка.

— Да ну, тут же никто не умирает... вроде бы, — ответил Димка, тоже пристально глядя на холм. В принципе, они могли просто сходить и посмотреть — время ещё оставалось, — но это уже не казалось ему подходящей идеей. Неведомый шпион наверняка успел бы сбежать, — а если за холмом и впрямь укрывалось какое-то нелюдимое племя, то поход и подавно не привел бы ни к чему хорошему. Да и отходить от берега не очень-то хотелось — того и гляди, Волки решат, что они уходят, и повернут назад, — и что тогда

делать?..

В общем, они сидели теперь, как на иголках, глядя то на плот, то на холм. Несколько раз Димка замечал, что там и впрямь что-то движется, — но под ветром по траве бежали волны, в ней сновали быстрые стайки роба, как местные называли «свинок», и понять, не скрывается ли там кто-то ещё, не получалось. Может, Борьке просто померещилось... а может, и нет. Теперь Димка, в самом деле, был уверен, что чувствует чужой недобрый взгляд, и это очень его злило. Он уже мечтал убраться с этого проклятого берега, — но прошло ещё добрых часа два, прежде чем плот ткнулся в берег.

Подхватив пожитки, мальчишки стремительно сбежали вниз. Игорь уже поджидал их, стоя на песке, и Димка с облегчением вздохнул: капитан «Смелого» совсем не выглядел зашуганным, а значит, оставался шанс, что его прислали сюда вовсе не затем, чтобы отвезти их на расправу.

— Наконец-то! — Игорь порывисто схватил его за руки. — Ну, как у вас? Получилось?

— Получилось, — буркнул Димка. Удовольствие от встречи вдруг куда-то испарилось. Нет, задание-то они как раз выполнили, — но дальше-то что?.. — Узнали, что помочь нам могут лишь Драконы, а чтобы говорить с ними, нужна Драконова Флейта, а где та Флейта — вообще никто не знает.

— А, — Игорь вздохнул. — Ладно, помогите плот столкнуть. Поплывем домой, чего уж там...

* * *

Димка сидел на краю плотового настила, свесив ноги и с тоской глядя на далекий пока что остров Волков. Игорь уже рассказал, что «Алла Сергеевна» изволила пребывать в ужасном гневе. Она публично обещала вырвать беглецам ноги, оборвать уши и всё прочее, что обычно обещают парням взбешенные девчонки. Димка, правда, знал, что злятся они, обычно, от того, что нужных им парней нет рядом. А стоит им только появиться, как грозное «ноги выдерну и спички вставляю!» сменяется на «ах, ах, вы все могли убиться-покалечиться, я этого не переживу, у меня волосы от нервов вянут!», ну и всё прочее в таком вот стиле, от которого, правда, начинали гореть уши и хотелось живьем провалиться под землю...

Мальчишка недовольно мотнул головой, с удивлением обнаружив, что разнос «Аллы Сергеевны» его совершенно не волнует, — ну вот ни капельки, — а вот то, что ему может сказать Машка, волнует чрезвычайно. Она-то как раз стояла перед глазами как живая — почему-то в национальном костюме Виксенов, то есть, в фартучке и украшениях.

Он не хотел себе в этом признаваться, — но во всем этом Машка смотрелась потрясающе. В буквальном смысле — от одного этого воспоминания перехватывало дух, сердце сладко сжималось, а мысли разбегались в разные стороны.

Димка попытался представить, в каком наряде Машка встретит его, вновь недовольно помотал головой и осмотрелся. Юрка и Борька сидели с другой стороны плота, держа в руках самодельные удочки, — Игорь уверял, что прямо на ходу тут замечательно клюет милк, местная рыба, похожая на земного окуня. Экипаж «Смелого», по большей части, бездельничал. Пара мальчишек присматривала за веревками, которые удерживали парус под нужным углом к ветру, сам Игорь, естественно, стоял у рулевого весла, тоже не особо напрягаясь, — ветер дул совсем не по курсу, но несильно, так что плыл плот медленно. Даже

издевательски медленно, на взгляд Димки — со скоростью неспешно идущего человека. Хотелось прыгнуть в воду и подтолкнуть его, но и это наверняка не помогло бы...

Он вздохнул и осмотрелся. В небе по-прежнему висели высокие облака, сквозь них едва проглядывало солнце, море оставалось тихим и спокойным. Справа по курсу угрюмо темнел один из островов Морских Воришек — поросший густым лесом, он походил на спину какого-то морского чудища. Мальчишка приложил ладонь к глазам, стараясь рассмотреть, нет ли кого на побережье... и тут же заметил три лодки, или, скорее, пироги, почти незаметные на фоне острова. Сидевшие в них очень бодро гребли к ним, и Димка вскочил.

— Эй, ребята, смотрите! — крикнул он, показывая на пироги.

Игорь обернулся первым — и замысловато выругался. Такие выражения вполне подошли бы настоящему морскому волку, но Димка невольно поморщился: такой грязной ругани он не любил, родители приучили к тому, что грязь в словах — это грязь в мыслях. Но, как оказалось, Игорь вполне имел право на такие выражения.

— Три больших пироги — в каждой по десять пиратов, итого тридцать, — сказал он. — И через полчаса они нас догонят. А нас всего...

Димка нахмурился. Экипаж «Смелого» состоял всего-то из шести мальчишек — из них лишь двое с луками, остальные с боевыми палками. Даже если добавить трех землян с копьями, пираты имели преимущество три к одному, что, похоже, и придало им смелости.

— Может, ещё не догонят? — предположил Юрка.

— Догонят, — хмуро сказал Игорь. — Ветер слабый, а весел у нас нет.

— Почему? — сразу же спросил Борька.

— А ты сам посмотри, — Игорь показал на толстые бревна плота. — Это тебе не лодка. Плот на веслах — это... — он проглотил, очевидно, непечатное определение, — это хуже беременной коровы. Уломаешься насмерть, — а скорость всё равно будет никакая. Это ж тебе не байдарка.

— А что ж вы тогда плаваете на плотах? — это прозвучало глупо, но Борька уже не мог остановиться. Перспектива схватки с тридцатью пиратами не радовала.

— А ты сам на пирогах здешних плавал? — Игорь старался сохранять спокойствие, но удавалось ему это с видимым трудом. — А я вот плавал. Ни сесть, ни встать, ни ноги толком вытянуть. И груз приличный не взять. И парус не поставить. А веслами всю дорогу махать — оно тоже, знаешь, не сахар. Особенно, когда погода свежая. Тут-то волны под настилом проходят, — а на лодках всё через борт. Не утонешь, конечно, — но груз уплывет, и сам замерзнешь, как собака.

— А пираты? — сразу же спросил Юрка.

— А они обычно нас обходят, — хмуро сказал Игорь. — Уже десять лет как. С тех пор, как мы им вломили. Они тогда по всему побережью разбежались и зареклись нас трогать... до сих пор.

— А теперь почему передумали? — спросил Борька.

— А черт их знает, — с чувством сказал Игорь. — У них сотня людей, — но нас в четыре раза больше. Наши их потом мехом внутрь вывернут.

— Так это потом, — сказал Юрка. — А сейчас они нас... того. Помощь-то нельзя позвать?

Димка оглянулся на Столицу. Увы, отсюда она казалась лишь крошечным холмиком на краю острова. Наблюдатели на вышке должны были заметить всё это безобразие, — быть может, — но даже если «Алла Сергеевна» сразу бы решила выслать помощь, неуклюжие

плоты добирались бы сюда несколько часов, если бы вообще доплыли против ветра. Пираты — сгори их проклятые души, как выражались в таких случаях герои любимых им книг, — рассчитали всё верно...

— Теперь, — спокойно сказал Игорь, — нам остается только драться.

* * *

Ожидание битвы оказалось делом неожиданно нудным. Смешно, — но Димка совсем не испытывал страха. А вот злость на проклятых пиратов, — ему не терпелось увидеть Машку, и всё, что мешало этому, казалось ему страшнейшим преступлением, — его прямо-таки распирала. Ему очень хотелось, чтобы Морские Воришки гребли побыстрее, чтобы он мог, наконец, встретиться с ними лицом к лицу и высказать всё, что он о них думает, — а также хорошенько вздуть всех, до кого только выйдет дотянуться. Остальные, похоже, не разделяли его энтузиазма, — Борька откровенно хмурился, Юрка нервно облизывал губы, — но сам экипаж «Смелого» держался неплохо. Игорь смотрел на пироги пиратов с мрачным вызовом — или, по крайней мере, делал вид, что смотрит именно так. На поясе у него висел нож — не финка, простой нож, какой носят геологи и все, кто обычно работает в лесу, — и он явно готов был пустить его в ход.

Димка подумал, что им предстоит не обычная драка, а настоящее сражение, — но страх, шнырявший вокруг, словно волчья стая, пока что не мог пробиться к сознанию. Он раз за разом повторял себе, что здесь не умирают, — хотя получить стрелу в грудь или там дубинкой по башке наверняка было страшно больно, а очнуться где-нибудь в диком лесу и подавно оказалось бы невесело, — но несравненно лучше, чем пойти на корм рыбам или вовсе угодить куда-нибудь в ад, на сковородку к чертям.

При этой мысли мальчишка усмехнулся. В чертей он, конечно, не верил, — но дракона видел наяву, и теперь не стал бы отрицать, что и другие герои сказок, быть может, тоже существуют. Между тем, пироги пиратов уже заметно приблизились. Теперь стало видно, что это тростниковые лодки, на вид довольно неуклюжие. Но Морские Воришки гребли, как безумные, — похоже, им тоже не терпелось добраться до плота, и Димка нахмурился. Такое вот рвение совсем ему не нравилось. Настоящие пираты хотели золота или там прекрасной дочке губернатора, в которую влюбился их капитан, — но на плоту ни того, ни даже другого не имелось. Тогда что?..

— Готовьте луки! — крикнул Игорь.

Это прозвучало грозно, — но на «Смелом» было всего двое лучников с десятком трехзубчатых стрел, предназначенных, вообще-то, для рыбы, — очень странный метод рыбной ловли, по мнению Димки. Убить такая стрела не могла, — но ранить могла очень больно, и он надеялся, что несколько таких раненых заставят Морских Воришек передумать.

Напрасно надеялся, как оказалось. То ли пираты слышали Игоря, то ли сами догадались, — но над лодками появилось несколько плетеных щитов, надежно прикрывших гребцов. Морские Воришки тоже знали своё пиратское дело. Нескольким из них, правда, пришлось бросить весла и держать щиты, так что неуклюжие лодки теперь плыли ещё медленнее, — но они всё равно их догоняли.

Димка крепче сжал в руках копьё. С одной стороны, ему очень хотелось автомат или гранатомет, — это мгновенно решило бы проблему, — с другой, гранатомет не очень-то

годился для того, чтобы дать пиратам по башке, а этого ему очень хотелось. Столь примитивное оружие позволяло вовсю отвести душу.

До лодок оставалось всего метров пятьдесят. Один из мальчишек выстрелил, — но стрела, как и ожидал Димка, застряла в щите. Тот качнулся под ударом, но ничего больше не случилось. Вот если бы у него был автомат, или хотя бы самый обычный наган...

— Сдавайтесь, козлы! — закричали из-за щитов. — Или хуже будет!

— Идите на...! — заорал в ответ Игорь, приложив руки ко рту, и через секунду к нему присоединились остальные.

Димка тоже заорал что-то воинственное во всю мощь своих легких. Теперь он понял, что, примерно, чувствует викинг, готовясь прыгнуть с топором на палубу вражеского драккара. Вот только ни топора, ни рогатого шлема у него не было, — хотя он и чувствовал, что сейчас эти вещи ему бы оченьгодились.

Пираты, кажется, смутились от такого дружного ответа, — они даже перестали грести и одну из пирог начало разворачивать на волне. Димка подумал, что сейчас она подставит борт и лучники «Смелого» смогут, наконец, подстрелить пару-другую уродов, — но тут на пирогах раздались яростные окрики, и пираты вновь загребли, как безумные. Больше криков с их стороны слышно не было, и мальчишка нахмурился. Молчание Воришек оказалось страшнее самой грязной ругани.

До лодок оставалось уже всего метров двадцать. Теперь щиты уже не прикрывали их полностью, и один из Волков, отбежав в сторону, выстрелил. Удачно — трезубая стрела вонзилась в плечо одному из пиратов, и тот завизжал, как девчонка, выронив весло. Второй лучник вскарабкался на мачту. Стрелять с неё было очень неудобно, но он тоже попал, судя по ещё одному воплю боли.

Вдруг щиты на пирогах упали, — все разом — и Димка увидел, что пираты бросили весла. В руках у всех оказались короткие луки, видимо, такие слабые, что могли стрелять лишь со столь небольшого расстояния.

— Ложись! — заорал Игорь.

Димка мгновенно плюхнулся на шершавые доски. В этот миг пираты уже спускали тетивы и их залп, по большей части, пропал даром, — стрелы просвистели над головами прижавшихся к настилу мальчишек. Тем не менее, справа тоже кто-то заорал, и он понял, что дело дрянь, — теперь их могли просто расстреливать, словно сидячих уток. Пираты снова натянули луки, и Димка сжал зубы — смотреть, как в тебя целятся, оказалось очень неприятно. Всё равно, что смотреть на медсестру со шприцем, нацеленным на твой собственный зад, — только ещё хуже.

Вокруг снова засвистели стрелы, но на сей раз, прицел оказался точнее. Одна стрела воткнулась в доску прямо перед носом, — и тут же бок обожгло дикой болью. Рука Димки дернулась, наткнувшись на древко, он бездумно сжал его и рванул, выдернув стрелу. Боль взорвалась белым, ослепительным пламенем — и оно мгновенно привело его в ярость.

Вскочив, он изо всей силы запустил копьем в парня, стоявшего на носу центральной пироги — смуглого, черноволосого, одетого во что-то вроде юбки. На груди у него скалилась какая-то татуированная морда — не то тигриная, не то кабанье рыло, отсюда не получалось разглядеть.

Парень дернулся в сторону, и Димка не попал бы в него, — но скверно сбалансированное копьё развернуло в воздухе, и древко треснуло парня по лбу. Тот смешно взмахнул руками и опрокинулся на остальных. В пирогах завывали, — похоже, что Димка

попал в их вождя!..

В рядах пиратов наступило замешательство, — по крайней мере, они все опустили луки и закрутили головами, пытаясь понять, что с их предводителем, — и друзья Димки, вскочив, тоже метнули копья. Юркино копье воткнулось в борт левой лодки, но Борьке повезло больше, — он попал в грудь парня, стоявшего на носу правой. Того отбросило назад, пират судорожно схватился за древко, изо рта у него выплеснулась ярко-алая кровь, и...

Вдруг всё его тело вспыхнуло ослепительно-белым сиянием, и в следующий миг он... исчез, словно и не было. По ушам Димки ударил резкий треск — схлопнулась пустота на месте пропавшего тела. Сидевших в пироге пиратов ощутимо трянуло, по воде разбежалась стремительная рябь, — чем бы это ни было, работало оно довольно грубо.

На несколько секунд все замерли — ведь они увидели самое настоящее чудо! — затем пираты завывали совсем уже безумно. Бросив луки, они схватились за весла, — похоже, им тоже не терпелось добраться до наглых Волков и разобраться с ними по-свойски.

Сейчас Димка видел, что это мальчишки примерно лет четырнадцати, такие же смуглые и черноволосые, как и их вождь, но для своих лет весьма здоровые и крепкие. Не слишком симпатичные, на самом деле, — низковатые, покатые лбы, массивные челюсти, носы широкие и приплюснутые. На груди у каждого скалилась звериная морда. Во всем их облике было что-то темное и первобытное. Настоящие дикари, уже без шуток. На их фоне даже Куницы со всеми их примочками казались очень цивилизованным народом...

Лучники «Смелого», наконец, опомнились — один из пиратов снова заорал, получив стрелу в грудь, второй завыл, схватившись за пробитую руку — но остальных это не остановило, они гребли и гребли с мрачной жестокостью на лицах.

Димка крутанулся, высматривая хоть какое-то оружие, — без копья он чувствовал себя совершенно незащищенным, — но на глаза, увы, ничего не попало. Матросы выстроились на краю настила, сжимая в руках свои палки, Игорь, торопливо чиркая кресалом, разжигал огонь, — похоже, он решил подать сигнал о помощи, хотя времени на это не оставалось, да и никакая помощь уже и не могла к ним успеть...

Через каких-то полминуты две лодки тупо ткнулись в плот. Третья отстала метров на десять — похоже, что сидевших в них напугало исчезновение их вождя, и потому гребли они не слишком уж старательно. За это время лучники «Смелого» успели ранить ещё пятерых пиратов, — но всё равно, ещё здоровые превосходили их числом более чем вдвое.

Добравшись до цели, пираты схватили дубинки, и с диким воем бросились в атаку. Однако, поднятый на полметра настил с крепкими перилами не дал им навалиться всей массой — а тех, кто лез наверх, Волки встретили точными ударами в лоб. Своими палками они орудовали очень даже умело — не лупили сверху со всей дури, а кололи, как штыком, в поддых, и несколько пиратов сразу же вышли из строя, упав под ноги остальным. На борту началась свалка, и плот ощутимо качнулся, накрываясь под массой навалившихся на него тел. Третья лодка, однако, обходила их слева. Пираты в ней, опомнившись, взяли за луки, и Димка понял, что сейчас им придется очень кисло: до них осталось всего метров пять, а с такого расстояния они могли стрелять, словно в тире. Лучники «Смелого» перенесли огонь на них — и смогли ранить ещё двух пиратов, прежде чем сами попали под прицел. В одного воткнулось сразу несколько коротких стрел и он, вопя от боли, покотился по палубе. Парню на мачте стрела попала в руку, — он выронил лук, и повис, цепляясь за веревки.

Быть безответной мишенью не хотелось, и в голове у Димки вдруг словно что-то взорвалось. Уже совсем не думая, он бросился в воду и нырнул. Вода оказалась неожиданно

холодной, раненый бок снова обожгло. От ярости он взял слишком сильный разгон, но как раз это ему помогло: он проскочил под лодкой и вынырнул с другой стороны, сразу схватившись за борт. Едва пираты обернулись, он схватил одного из них за волосы и рванул изо всех сил.

Завопив от боли, Воришка полетел за борт, а вот Димка буквально взлетел в лодку, один против восьми пиратов, — но лодка оказалась узкая, и рядом с ним стояло только двое, да и те без дубинок, с бесполезными сейчас луками. Они растерялись на мгновение, — и Димка врезал одному в челюсть, а второму вцепил с ноги куда-то под юбку. Воришка широко разинул рот — и, скрючившись, свалился за борт. Второй выронил лук и свалился на руки сидевшего за ним. Третий, однако, успел схватить дубинку. Димка в ответ сцапал весло, — и они столкнулись с резким треском. Пират попытался пнуть его ногой, — но потерял равновесие и тоже кувыркнулся за борт. Зыбкая лодка качалась, и стоять в ней оказалось очень неудобно.

Теперь в ней осталось всего четверо пиратов, — и ни один уже не рвался нападать. Димка перехватил весло, и...

Четверо? А где же пятый?..

Он попытался повернуться, — но тут что-то сокрушительно ударило его по затылку. Мир взорвался фонтаном разноцветных искр и погас.

* * *

Очнувшись, Димка сразу пожалел об этом, — голова буквально раскалывалась, а бок дергало и жгло, словно к нему приложили раскаленный уголь. Сам он лежал на дне лодки, уткнувшись лицом в грязные связки сырого тростника, а в его тело упиралось несколько босых ног. Димка попробовал пошевелиться, и сразу же понял, что его руки и ноги ещё и связаны. Он в плену.

Живот при этой мысли свело, но всё же Димка испугался не так сильно, как боялся, — дикая боль в голове не оставляла места для переживаний. Мир вокруг плыл и кружился, его тошнило, в дополнение ко всему прочему. «Были бы мозги, — сотрясение было бы» — некстати вспомнилось мальчишке. Стало смешно, — но вместо смеха вышел судорожный кашель.

— Очнулся, гад, — сказал кто-то над ним. Голос был низкий и хриловатый, какой-то грубый. Чья-то грязная пятка лягнула его в ухо, и Димка застонал от нового взрыва ослепительной боли. — Ты у меня ещё попляшешь. Мы вам всем руки-ноги повыдержаем, шончанскую казнь устроим.

Димка понятия не имел, что это за Шончан — но ему совсем некстати вспомнилась похожая поговорка про китайскую казнь, и это вовсе ему не понравилось. Он, правда, смутно представлял, что там имелось в виду, но память тут же выдала набор разных жутких вещей из арсенала гестаповцев. Воришки, конечно, не фашисты, — но с них вполне случилось бы поджарить ему пятки на костре или...

Димка сжал зубы. Думать о таких вот вещах не хотелось, — да и явно не стоило, если он не хотел запугать сам себя до одури.

— Димк, ты как?..

Он узнал голос Юрки, донесшийся откуда-то сзади, — но там тотчас же раздался звук

удара. Димка дернулся — и тут же кто-то поднес острое кремневого ножа к его глазу.

— Молчи, падла, не то зенки выколую, — угроза казалась вполне реальной, и Димка с отвращением промолчал. Тут же его снова ударили по голове, и он даже перестал дышать, переживая очередной приступ тошноты и боли...

— ...было видно по всему гребаному миру, — донесся до него чей-то голос, когда муторная волна схлынула. — Крых совсем в корягу обурел. Нас Волки теперь вовсе со свету сживут. Я же говорил, что...

Снова глухой звук удара и чей-то возмущенный вопль.

— Заткнись, ты... — дальше последовал мат. Незнакомый, но несомненный мат. Димка постарался запомнить несколько слов — просто так, на всякий случай. — Драконова Флейта скоро будет наша. А с ней мы Волков к ногтю возьмем, и вообще всех. Понял?

Димка снова дернулся. Воришки знают о Флейте, — но откуда?.. Правда, он сомневался, что Драконы будут подчиняться этой глупой шайке, — если вообще станут её слушать, — но от этого ему было не легче. От разочарования Воришки наверняка просто сломают Флейту, — а тогда дома им всем не видать, как своих ушей, и они застрянут тут навечно, в компании вот с этими...

— Да где ещё та Флейта? — буркнул ещё кто-то. — Терри не сказал, где она.

— Скажет, — кто-то отчетливо сплюнул. — Крых шутить не будет. А эту падлу давно пора к ногтю. Обнаглел.

Итак, Терри, угрюмо подумал Димка. Остался и подслушал — или, что вернее, послал подслушать своих прихлебаев, которые и наплели ему невесть что. Мало ему точно не покажется, — но смеяться Димке не хотелось. Обломавшись, Крых — мама родная, ну и имечко! — точно отыграется на пленных, и если за себя Димка не очень-то боялся, — просто не верил, что ему станет ещё хуже, чем сейчас, — то за Юрку стало очень страшно.

— Может, причалим? — спросил ещё кто-то. — Костерок разведем, и по быстрому допросим этих... — Димка снова дернулся. Такое вот предложение совсем ему не понравилось. — Погони-то пока не видно.

— Будет, не сомневайся, — вожак снова сплюнул за борт. — Волки теперь совсем на рога встанут. На берег придется уходить. Всё равно, Флейта там где-то... Заодно пару Певцов поймаем и допросим хорошенько, как и что.

— Их поймаешь... — пробурчал второй голос. — Они же как мухи — не прихлопнешь.

— Ничего, про нору их мы давно знаем, — ответил вожак. — Обложим, — и никуда они не денутся. Кто-нибудь да выплывет, когда жрать захочет. Тут-то мы его и...

— Ага, а Волки рядом стоять будут и ждать.

— Посмотрим, — вожак снова сплюнул. Речь его звучала не совсем внятно, словно у него не хватало пары зубов. Передних, например. — Сами не справимся, — Терри поможет. Они ж ему доверяют, придурки.

Димка опять дернулся. Услышанное нравилось ему всё меньше и меньше. Тут же его ткнули ножом между лопаток, причем, довольно сильно — лезвие разорвало рубаху и поробородило кожу на спине. Сразу же потекла кровь.

— Лежи тихо, ты!.. — его опять ударили по голове, а потом ещё раз, и Димка снова потерял сознание.

Очнувшись во второй раз, Димка снова пожалел об этом, — голова по-прежнему раскалывалась, а бок жгло и дергало ещё сильнее. Похоже, что рана от стрелы воспалилась. Ко всему этому добавилась ещё и боль от второй раны, на спине, и боль в затекшем теле. Похоже, что на сей раз, он провалялся без сознания пару часов, а то и больше...

Мальчишка осторожно приподнял голову, — но смог увидеть лишь чьи-то грязные босые ноги и тростниковый борт лодки. За ним равномерно плескали весла — Воришки гребли старательно и молча. Похоже, пока он валялся в отключке, дискуссия подошла к концу, так или иначе...

Он прислушался, — но Юрки слышно не было. Наверняка, его тоже запугали и заставили молчать. Димка надеялся, что остальные спаслись.

Они плыли, наверное, ещё несколько часов, — по крайней мере, Димке так казалось. Время, в его положении, не то, что двигалось медленно, оно, казалось, вообще стояло на месте. Больше всего мальчишку злило то, что Воришки поставили на него ноги, словно на коврик. Ему страшно хотелось вскочить и долго-долго бить каждого из них по голове, — но даже не будь он связан, это у него вряд ли получилось бы. Голова по-прежнему жутко кружилась, и он сомневался, что вообще сможет встать на ноги...

Наконец, спустя целую вечность, откуда-то, — наверное, с берега, — донеслись приветственные крики. Воришки ответили на них — и ещё через несколько минут попрыгали за борт. Кто-то перерезал веревки на ногах Димки, но идти он всё равно не мог, и двое Воришек просто потащили его, схватив за связанные руки. Это оказалось зверски больно, и мальчишка сжал зубы, изо всех сил стараясь не заорать. Ноги его тащились по земле, и сейчас он почти их не чувствовал...

Тем не менее, он заставил себя поднять голову и осмотреться. Пираты обосновались в небольшой бухте, окруженной высоким, мрачным лесом, без малейших признаков полей — обработка земли, в любом виде, тут явно оказалась не в чести. В бухте стояло несколько тростниковых пирог и небольшой плот, гораздо грубее «Смелого» — просто десяток связанных вместе бревен. Между лесом и берегом лежала большая поляна, на ней громоздился неровный земляной вал высотой в рост Димки. Из него горизонтальным частоколом торчали заостренные сучья врытых в вал деревьев, — даже если не считать зиявшего перед валом рва, штурмовать такое ограждение было очень трудно, если вообще возможно. За валом торчали неопрятные тростниковые крыши. Димка невольно вспомнил аккуратные каменные домики Нурнов. Те тоже были бандиты и разбойники, — но сейчас они казались ему в миллион раз симпатичнее Воришек.

Ворот в валу не оказалось, просто узкий проем, но рядом с ним лежало ещё несколько превращенных в рогадины деревьев, которыми его быстро можно было перекрыть. Само селение оказалось небольшим — два кольца хижин и круглая площадка в центре. В её середине лениво дымилось большое кострище, — а по периметру стояла дюжина темных деревянных столбов, как оказалось, предназначенных для пленников. Мальчишку подтащили к одному и перерезали веревку на руках. Димка сразу попробовал вырваться, — но его ударили по голове, грубо скрутили руки за столбом и снова связали. Ещё одной веревкой прихватили ноги, чтобы он не смог пинаться. Веревки тоже были грубые, скрученные из каких-то явно растительных волокон, и мальчишка подумал, что сможет растянуть и разорвать их, — но это явно требовало времени, которого у него, увы, не было.

Вслед за ним сюда втащили Юрку, Борьку, и весь экипаж «Смелого», и сердце Димки упало: спастись никому не удалось. Все Волки тоже были ранены, у Игоря разбита голова —

он был бледен, как смерть, но держался с вызовом, насколько это удавалось в таких обстоятельствах. Но десяток пиратов тоже был ранен и явно чувствовал себя не лучшим образом, — они тут же расползлись по хижинам, сразу потеряв интерес к происходящему. Но здесь осталось ещё четыре десятка Воришек, если считать только парней. В селении были ещё и девчонки, — но одетые в какие-то джутовые на вид мешки, без украшений и зашуганные. Они молчали и отчетливо шарахались от парней, едва те решали куда-то пройти. Это понравилось Димке ещё меньше. Ему сразу вспомнились нахальные девчонки Нурнов. Чужих парней вполне можно бить, — но бить своих девчонок было действительно последним делом. Но он заметил и мальчишек, одетых в такие же мешки — несколько явно из племени Горгулий, ещё несколько — из Буревестников, но стоявший тут же Терри, казалось, вообще не замечал их. Он-то точно не был тут рабом, — в руке он держал неизменную острогу, а вокруг стояло ещё четверо парней из его племени, тоже с острогами, и Димку передернуло. Терри был очень красив, — в самом деле, юный Аполлон, ни дать, ни взять, — но теперь даже в его виде мальчишке мерещилось что-то, невыразимо мерзкое. Предательство чужаков ещё можно как-то объяснить, — но равнодушно смотреть на своих, оказавшихся в рабстве!..

В центр круга вышел парень в грубой кожаной юбке до колен — тот самый, которому Димка засветил в лоб копьем. На лбу Воришки набухла здоровенная шишка, да и двигался он тоже не совсем уверенно. Мальчишка усмехнулся — но, как оказалось, зря. Парень тут же уставился на него с угрюмой злобой, и Димка как-то вдруг вспомнил, что сейчас он, привязанный к столбу, совершенно беспомощен.

— Чего лыбишься? — парень подошел к нему, хотя его шатало, как пьяного. Кто-то из Воришек попытался поддержать его, — но парень, не глядя, ударил его по лицу. Похоже, что он и был тем самым Крыхом, который «всем покажет». Но сейчас лицо пиратского вождя осунулось, и выглядел он откровенно неважно. Что, впрочем, только углубило его злобу. — Ты у меня кровавыми слезами плакать будешь, гнида.

— Да пошел ты, — спокойно сказал Димка. По крайней мере, он надеялся, что это прозвучало спокойно.

— Смелый, да? — вождь оглянулся, нетвердым шагом подошел к костру и нагнулся. При этом он потерял равновесие и едва не грохнулся лицом прямо в угли, — но всё же выпрямился и выхватил из кострища пылающую головню. Потом посмотрел на мальчишку, — и у Димки вновь отчетливо свело живот. Нет, не решится же он...

Вождь помахал головней, чтобы она разгорелась поярче, и пошатываясь пошел к нему. Вокруг стало очень тихо. Димке показалось, что он видит какой-то страшный сон — только вот проснуться никак не получалось. Вокруг несколько десятков людей — не может же быть, чтобы все спокойно смотрели на это!..

И, тем не менее, они смотрели. Может быть, происходящее тут было слишком жестоким, даже по меркам Воришек, судя по всему, как все затихли, — но никто не пытался помешать вождю...

— Давай, посмейся, гнида, — вождь прижал головню к его раненому боку. Рубаха задымилась, в нос ударила вонь паленой шерсти. А потом Димка ощутил боль. Сперва она показалась несильной, — но очень скоро ему захотелось заорать изо всех сил. Губы вождя растянулись в отвратительной ухмылке, — он откровенно наслаждался, — и Димка плюнул ему в лицо. Просто потому, что больше не было сил смотреть на него.

Крых вытер щеку, взглянул на мокрую ладонь с каким-то детским удивлением, — потом

его лицо исказилось от ярости.

— Ах ты!.. — он замахнулся головней, явно собираясь изо всех сил ударить его по лицу — но замах оказался слишком уж широким. Вождя повело назад, и он вдруг упал, грохнувшись затылком об землю. Головня выпала из его руки, лениво откатившись в сторону.

Стало совсем тихо. Мертво. Сначала Димке даже показалось, что вождь Воришек на месте испустил дух, — но он всё-таки дышал, пусть неровно и медленно. Вероятно, от удара он снова потерял сознание, как и сам Димка недавно.

И тут раздался смех. Смеялся Игорь, — но смех тут же подхватили и другие пленники, и даже многие Воришки. Похоже, что они сами не слишком-то любили своего вождя...

— Молчать!.. — заорал один из Воришек. Димка узнал голос командира пироги, — но он сорвался на фальцет, как у принца Лимона из мультика, и вокруг засмеялись ещё громче. Озверев, тот бросился на кого-то из парней и принялся его дубасить, — но тут же кто-то ударил его дубинкой по затылку, и он сам упал ему под ноги. Сразу несколько Воришек напали на ударившего, — но на них тут же навалились со спины. Веселье мгновенно превратилось в драку. Терри оторопело смотрел на неё, — пока об его голову не разбился брошенный кем-то горшок. Заорав не своим голосом, он бросился в самую гущу свалки, размахивая острогой, — а вслед за ним и остальные Буревестники. Димка никак не мог понять, кто, кого, и за что лупит. Воришки молотили друг друга дубинками, резали ножами, кто-то схватился за лук и Димка видел, как в чьей-то спине мгновенно выросла стрела, — но драчун, казалось, не заметил этого...

Вдруг со всех сторон раздался дикий, почти ультразвуковой визг, и из проходов между хижинами хлынула живая волна — девчонки, вооружившись скалками и другим хозяйственным инвентарем, набросились на парней, атакуя с неистовым остервенением. Вслед за ними появились рабы, которых тут оказалось неожиданно много. Как их ни запугивали, ненависть к поработителям никуда не делась, — и теперь она прорвалась, превратившись в ярость. Смертельную ярость — свалку разодрала белая вспышка, потом еще, — а потом побоище пошло на убыль, распадаясь на кучки. Кто-то стонал, корчась на земле, кого-то молча и сосредоточенно били. Несколько Воришек бросились в самую большую хижину, очевидно, принадлежавшую вождю — так сказать, грабить награбленное, — и оттуда сразу же донесся шум драки. Похоже, что между победителями тут же возникла существенная разница во мнениях...

Кто-то схватил Димку за запястье и принялся деловито пилить стянувшую его руки веревку. Это заняло куда больше времени, чем он ожидал, — похоже, что его освободитель орудовал тупым каменным ножом — но, в конце концов, веревка всё же лопнула, и Димка плюхнулся на четвереньки, едва не вывихнув лодыжки, — ноги-то его всё равно оставались привязаны. Сзади пробормотали что-то извиняющее — и начали пилить и эту веревку. Она поддалась быстрее, и мальчишка, наконец, поднялся на ноги, тут же схватившись за обожженный бок. Болел он просто адски. На коже уже вздувались пузыри, — а в рубашке зияла выжженная дыра размером с кулак. Но, по крайней мере, это перебило боль от первой раны.

Сжав зубы, Димка осмотрелся. Слава богу, побоище уже закончилось, — голова у него по-прежнему кружилась, и он чувствовал, что драться при всем желании не сможет. Победители деловито вязали побежденных, кто-то уже побежал грабить их хижины. Девчонки помогали раненым, но не всем — на многих они смотрели с откровенной

ненавистью. Рабы — бывшие рабы, поправился Димка, — освобождали пленников. Димка осторожно подошел к друзьям. Выглядели они неважно, — Юрка был ранен стрелой в ногу, у Борьки тоже разбита голова, — но смотрели на него с уважением.

— Ну, ты даешь, — сказал Юрка. Стоял он как-то криво, держась за пробитое бедро, но лицо у него было довольное. — Я уж думал, что этот гад живьем тебя зажарит, — а ты...

— Терри где? — спросил Димка. У него имелся счет и к вождю Буревестников, — но того нигде видно не было...

— За ворота смылся, гад, — ответил Борька. — Вместе со своими.

— Так, — Димка осмотрелся в поисках оружия и подхватил брошенный кем-то лук. Потом колчан. Лук был паршивый, — лишь чуть лучше его собственных школьных самоделок, — но ничего лучше вокруг не наблюдалось, а времени искать его не было. — Пошли.

Держась друг за друга, они выбрались за ворота. Терри с друзьями в этот миг уже отчаливал на плоту, на котором, очевидно, и приплыл. Взять лодку Воришек он то ли не осмелился, то ли просто не догадался, но, когда ребята вышли на берег, плот отплыл уже довольно далеко. Чувствуя себя в безопасности, Терри показал им средний палец.

Сердце Димки вскипело от такой наглости, — он вскинул лук, натянул тетиву и выстрелил, почти не целясь. Тем не менее, он, к своему удивлению, попал, — точно попал бы, долети его стрела до цели. Но лук у Воришек и впрямь оказался дрянной — стрела воткнулась в плот возле ноги Терри. Тот, однако, подскочил, как ужаленный. Хлипкий плот качнулся, Терри потерял равновесие, нелепо замахал руками, — и шумно плюхнулся в воду.

Димка сплюнул от досады, — но Терри вдруг забил руками и истошно заорал:

— Тону-у-у-у!.. Спаси-и-и-ите!..

Мальчишка ошалело распахнул глазами — он и представить не мог, что вождь рыбацкого, вроде бы, племени не умеет плавать! — но даже спутников Терри эта новость явно удивила. Они ошалело смотрели на вождя — и лишь когда тот в самом деле скрылся под водой, бросились за ним. Буквально через полминуты кашляющий, нахлебавшийся воды Терри снова оказался на плоту, — но теперь даже его дружки смотрели на него... презрительно.

Димка не знал, чем бы всё это кончилось, — но тут на берег выбрался экипаж «Смелого», и Буревестники бешено заработали веслами. Плот довольно быстро поплыл к выходу из бухты. Терри сидел в середине, икая от пережитого.

Димка подумал о погоне, — но Волки тоже едва держались на ногах. Лицо Игоря по-прежнему было страшно бледным, вокруг глаз возникли черные круги, как бывает после сильного удара по голове. Почти у каждого было по несколько ран — а вот проклятые Буревестники в свалке не пострадали. Ну, почти — несколько синяков они всё же заработали, а Терри тоже держался за голову, похоже, основательно отбитую горшком. Вероятно, брошенным какой-нибудь девчонкой.

Игорь вдруг сел на землю и засмеялся, а вслед за ним — и остальные Волки.

— Что это с вами? — испуганно спросил Димка. Он слышал, что от сильного удара по черепу человек мог сойти с ума.

— К-кто бы м-м-ог п-подумать, что Т-терри не умеет п... п... п-плавать! — наконец выдал Игорь, немного успокоившись.

— Они же рыбаки, — удивленно сказал Борька. — Как он рыбу-то острой бьет, если даже плавать не умеет?

— А он и не бьет, — ответил Игорь, немного успокоившись. — Да и никто из них не бьет, разве что напоказ. Так-то они рыбу сетями с плотов ловят. А Терри и сетей в руки не берет, командует только. Остроги они так таскают, для важности. Ну, ещё и соседей пугать, которые послабее. И всё.

— Ничего себе... — сказал Юрка. — А Певцы говорили, что Буревестники — лучшие тут рыбаки.

— Лучшие, — спокойно согласился Игорь. — Хвастуны. Ну, и ещё секретный состав какой-то знают, чтобы рыбу приманивать. От него она дуреет, и сама в руки лезет. А так-то...

— Ничего себе... — Димка хмуро посмотрел вслед исчезающему за мысом плоту. — Жаль, что ушел, гад...

— Уж не знаю, что там у них будет, — но вождем Терри больше не быть, — ответил Игорь. — Вождь рыбаков, не умеющий плавать, — да над ним всё племя ржать будет! Он же говорил, что лучше всех плавает, — а что не плавает, так вождю не положено. Не царское, мол, это дело... Ну и зуб, ясное дело, на него там много у кого есть.

— А почему ж его тогда не скинули? — спросил Димка.

— А потому, что он всех, кто против него, подставляет. Возьмет чью-то вещь и подбросит, а когда её хватятся, «найдет», да так, чтобы все видели. И поди, докажи, что не вор. Или лежалую рыбу на обмен подсунет, чтоб испортилась, — а менявший виноват. Или просто кому скажет, что тот про него плохое говорил, и тот того побьет. Там все про это знают, но никто не хочет неприятностей. Трусы они, а вдобавок и жулики. До того, как сюда вот попасть, они жили в Аматоре, а там капитализм был, ещё похуже, чем в Атлантиде...

Димка вздохнул. Он уже слышал, что в странном мире Союза Народных Республик Атлантида была не затонувшим мифическим материком, а большой страной за океаном, вроде Америки, где пышно загнивали прежние, буржуазные порядки. Они так глубоко въелись в плоть аматорцев, что даже здесь они остались верны им, — обманывали и воровали, хорошо хоть, не угнетали никого... С этим тут справлялись и без них. Морские Воришки, например, попали сюда из какого-то рабовладельческого государства, вроде земного Карфагена. Хоруны, по слухам, и вовсе происходили из какого-то совершенно жуткого места — вроде земной Ассирии. А немцы — так и вовсе фашисты недобитые, хотя ничего плохого про них вроде бы не говорили, и давным-давно даже не видели их...

— Так, — Игорь прислушался к доносившемуся из селения шуму, и вытащил из-за пояса два кремневых ножа. — Пока они там власть делят, давайте резать лодки. Хватит, попирали...

— Резать что? — спросил Димка. Получив столько ударов по башке, соображал он явно не очень хорошо.

— Лодки, — повторил Игорь. Он бросил ему второй нож — Димка едва поймал его — а своим начал пилить скрученный из волокон канат, который стягивал тростниковые связки.

— А, — Димка присоединился к нему. Нож оказался неудобный, — но зазубренный клинок резал неожиданно хорошо. Канат тут же лопнул и он сел к следующему. Лодка на глазах разваливалась, превращаясь в грудку тростника. — А как они жить потом будут? Без лодок?

— А тут наши скоро будут, — Игорь замер, очевидно, переживая приступ тошноты. — Разберемся. Да и рыбы они мало ловят. Тут, на островах, штука такая растет, вроде дикой картошки — они, в основном, её и жрут. Ну и дань с соседей берут, не без этого. Ты лучше

режь давай...

Димка взялся за очередной канат. Работа оказалась несложная — ломать не строить — и через несколько минут от всей пиратской флотилии осталась только груда тростника. Остальные с тревогой посматривали на селение, — но его обитателям пока было не до них...

— Ну, вот, — сказал Игорь, поднимаясь. — Ещё весла бы сжечь, — но это потом. Давайте за вещами пойдём...

Возвращаться в селение не хотелось, — но оставлять свои вещи вора́м Димке не хотелось и подавно. Подобрал лук, он пошел вслед за Игорем, за ними потянулись остальные. Ворота никто не охранял, — а внутри им предстала дивная картина. Кры́х с дру́жками был привязан к столбам, предназначенным для пленников. Все они выглядели, как клоуны, — было видно, что в них бросали гнилыми фруктами, протухшей рыбой и вообще всем, что удалось найти в помойной яме. Возле дома во́ждя громоздилась целая гора вынесенных вещей, в ней рылись, видимо, их бывшие владельцы. Самого Кры́ха несколько бывших рабов деловито обкладывали связками тростника, словно монахи на картинке сожжения Джордано Бруно. Пусть он их и угнетал, представления о справедливости у них явно оказались жутковатые. Не то, чтобы Димка был против, — обожженный бок дико болел, — но ему стало гадко и противно. Во всех читанных им книжках восставшие так не поступали.

— А ну, прекратите! — крикнул он, поморщившись от боли, — голова болела всё же жутко. Он даже пощупал её, чтобы убедиться, что она не проломлена.

— Так он же не тебя... — мальчишка уставился на его обожженный бок и замолчал.

— И меня, — хмуро сказал Димка. — Ребята, нельзя так.

— А как? — хмуро спросил бывший раб. — В ножки ему пасть?

— Его будут судить, — сказал Игорь. — И других.

— И что? — спросил мальчишка. Лицо у него было худое, грязное, украшенное парой свежих синяков. — На необитаемый остров сошлете? А толку? Утопится — и опять на воле.

— Кры́х не утопится, он трус, — сказал ещё один бывший раб.

— А толку? Дружки всё равно за ним приплывут. Шли бы вы отсюда...

— Ну, зажарите вы его — и что? — спросил Игорь. — Опять на воле будет. Только озверее́т ещё больше.

— А пусть получит за всё хорошее! Ему нас можно, — а нам его нельзя?

— Нельзя, — хмуро сказал Димка, держась за голову. Бывший во́ждь смотрел на него... с недоумением. Похоже, он до сих пор не мог поверить, что всё это происходит наяву. — Ребята, ну нельзя же так! Пусть он и последний гад.

— Можно, — ответил мальчишка. — Где вы были, когда они над нами издевались? А теперь явились трындеть о гуманизме. Шли бы вы отсюда... по-хорошему. А не то...

Димка беспомощно осмотрелся. Вокруг них собралась целая толпа — в основном, девчонки, — и смотрела она совсем не дружелюбно. Он не представлял, что стал бы делать дальше, — то есть совершенно, — но тут в селение вбежал один из, наверное, дозорных.

— Волки! — крикнул он и замер, ошалело глядя на царящий в селении разгром. — Волки... идут.

Крых с дружками был мгновенно забыт. Толпа, словно в театре, повалила на выход — похоже, что визит Волков был тут событием... необычным.

— Пошли отсюда, — хмуро сказал Игорь. — А то черт знает, что этим Воришкам ещё в голову придет. Они все тут психованные, — что те, что эти...

— Куда? — спросил Димка.

— На Сторожевой Мыс, — ответил Игорь. — Там хоть сигнал можно будет подать, что мы тут, а не где...

— Так ты ж уже подал, — сказал Борька. — Такое не заметить, — точно слепым надо быть.

— Какой сигнал? — спросил Димка. Опираясь друг на друга, они медленно заковыляли к лесу.

— Я «Смелого» сжег, — хмуро сказал Игорь. — Ну, не весь. Парус. Горело, правда здорово. Наши точно это видели, раз уж отправились сюда... Ладно, пошли, пока там все места не заняли...

* * *

Сторожевой Мыс и в самом деле оказался мысом, высотой метров в пятнадцать. На венчавшей его ровной поляне угрюмо чернело кострище. Рядом стояла сторожевая вышка и аккуратный домик для часовых — не тростниковая хижина, а плетенка, вроде щита. Сами часовые стояли тут же, среди прочих, — но, к счастью, совершенно обалдели от увиденного. Вдали, в море, виднелась сплошная стена парусов, — Волки шли на выручку...

* * *

В сказке на этом всё и кончилось бы, — но в реальности ветер дул в сторону и плоты, казалось, стояли на месте. Ожидание оказалось делом скучным и нудным. Димку по-прежнему мутило, голова у него кружилась, — и так же муторно было на душе. Несколько мальчишек из бывших рабов всё это время рассказывали о том, как им жилось под властью Крыха и его дружков, — а жилось им, мягко говоря, неважно. Даже мальчишки из его племени не нашли для вождя ни одного доброго слова — Крых поддерживал свою власть подачками, пинками и побоями, а его жадность была прямо-таки анекдотической — добра в его хижине хватило бы на целое племя. И самое противное, что всё это творилось в нескольких часах пути от Волков, которые могли всё это прекратить, — но ни «Алле Сергеевне», ни другим не было до этого дела. Во всем этом «Народном Союзе» и его ребятах — ну, за исключением Игоря и ещё некоторых — было что-то, откровенно гниловатое...

Толпа Воришек на мысу постепенно рассасывалась, — они решали то ли сбежать, то ли принять участие в переделе власти, да и армада Волков их пугала. Уничтоженные лодки вызвали кое у кого тихую панику — но, как ни смешно, никто не связал это с пришельцами. Их уничтожение приписали Терри — что само по себе говорило о его репутации — и Димка усмехнулся про себя. При встрече с Воришкам ему точно перепадет на орехи — и, честно говоря, он это заслужил. Кое-кто из бывших рабов попал сюда как раз по его милости, всего лишь потому, что не поклонился вождю...

Слушать это было странно и дико — про такое Димка не читал даже в исторических книжках. В чем-то Буревестники с их капитализмом были даже гаже Воришек с их откровенным разбоем и рабством. Даже в этих освобожденных уже рабах было что-то... склизкое — они мечтали сбежать с острова. Встреча с Волками их, почему-то, пугала до судорог. Но Волки точно смогут навести тут порядок. По крайней мере, Димка на это надеялся...

* * *

Волки добрались до острова Воришек уже на закате, — но картина получилась... впечатляющая, словно в каком-то историческом фильме. Димка насчитал добрый десяток плотов, — похоже, что «Алла Сергеевна» послала в бой всё, что стояло в гавани. Разноцветные паруса заслоняли горизонт, флаги развевались. На плотях ровными рядами стояли Волки с копьями и луками. Теперь они были не в шортах, а в синих одинаковых туниках — явно форме, с одинаковыми щитами, чем-то похожие на римских легионеров.

Самый большой плот первым ткнулся в берег. На песок упали сходни, по ним, не замочив ног, сошла сама «Алла Сергеевна» — с неизменным луком и при галстукке. Рослая девчонка за ней несла большой красный флаг с девятью золотыми звездами — одна большая в центре и восемь ромбом вокруг — флаг Народного Союза. За ней шла «гвардия королевы» — ещё дюжина девчонок с длинными луками. Всё вместе смотрелось, как картинка «высадка конкистадоров» из учебника истории. Казалось, что сейчас «Алла Сергеевна» вонзит в песок шпагу и объявит все земли вокруг собственностью испанского короля. Она смотрела на кучку измученных мальчишек — но, казалось, в упор их не замечала. Все Воришки к этому времени отсюда уже смылись.

Осмотревшись, «Алла Сергеевна» кивнула, — наверное, самой себе, — и обернулась к знаменосице, сделав ей какой-то знак. Та, в свою очередь, обернулась к плотам и провозгласила:

— Товарищ Председатель повелевает начинать!

Именно так. Повелевает. Димке показалось, что он бредит. Все остальные, однако, восприняли это, как должное. Волки аккуратными цепочками посыпались с плотов и побежали в лес — копейщики впереди, лучники сзади. Сама «Алла Сергеевна» с гвардией осталась на месте, очевидно, решив, что не царское это дело — бегать по зарослям. Она, наконец, соизволила их заметить, и замахала рукой кому-то на плотях, на сей раз правда лично. Оттуда сошло штук тридцать девчонок, каждая с большой сумкой на боку и красным крестом на груди, в полной боевой готовности к приему немощных и искалеченных.

Димка ошалело распахнул глаза, увидев среди них Машку и остальных земных девчонок, — и морок вдруг рухнул. Всё стало таким, как и должно быть: девчонки с испуганным писком побежали к ним, знаменосица опустила флаг, и даже сама «Алла Сергеевна» вдруг улыбнулась. Ну а потом Машка обняла его, и всё остальное для него исчезло...

* * *

Теперь Димка в полной мере прочувствовал, что значит быть Раненым Героем. Его под руки, как хрустального, отвели на самый большой плот, оказавшийся госпиталем, — по крайней мере, там был устроен навес и постели для раненых, на одну из которых его и уложили. Димка слабо задергался, ощутив, как с него стягивают одежду. Не слишком старательно, правда — она и впрямь была черт знает в чем, а рубаха теперь годилась лишь на тряпки. Машка ощупывала его голову, ещё кто-то — его несчастный левый бок. Было зверски больно, но мальчишка улыбался, потому что стонать, глядя на Машку, было совершенно невыносимо. Девчонки тоже улыбались, довольно идиотски на его взгляд, и время от времени пытались напустить на себя Суровый Вид. Их голоса, как бабочки, порхали в воздухе:

— ...осторожно, у него сотрясение...

— ...Головин, ты меня в гроб решил загнать, да? У тебя же гангрена... может быть...

— ...себя не жалеешь, штаны бы пожалел, я же теперь за век их не заштопаю...

— ...постельный режим, на месяц, обязательно...

— ...что значит «гадость»? Пей давай. А то могу клизмой — быстрее до головы дойдет...

Когда очередь дошла до Димки, он подумал, что клизмой, пожалуй, было бы лучше, — отвар, который, по мнению девчонок, был показан при сотрясении мозга, оказался невыносимой гадостью, такой горькой, что язык буквально свернулся в трубочку, а из глаз потекли слезы. После неё и впрямь стало как-то не до разбитой головы — мальчишке казалось, что он до конца дней не отплюется от этой дряни. Девчонки почему-то считали, что чем противней лекарство, — тем оно полезнее. В этом плане на них всегда можно было положиться. Примирило его с этим только то, что Машка сидела рядом и участливо гладила его по голове. Его бок намазали чем-то, от чего его продрало жутким морозом, а потом он вообще онемел. Девчонки делали с ним что-то ещё, но Димка старался в это не вникать, — о таких вещах лучше не знать, если хочешь потом спать спокойно...

Но, в конце концов, выдохлись даже неутомимые девчонки. К этому времени, правда, уже стемнело, на плоту зажглись масляные лампы и свечи, и атмосфера стала... довольно романтической. Димка, правда, чувствовал себя так, словно ему дали по башке здоровенной подушкой. После проклятого отвара головная боль прошла, — но всё тело стало, словно ватное. Шевелиться совершенно не хотелось. Машка уютно устроилась рядом, держа его за руку и глядя на него огромными сияющими глазами. От одного этого взгляда в груди разливалось щекотное тепло, и мальчишка вздохнул. Так или иначе, — но он сделал всё, что мог.

Глава 14: Три дороги к одному

*Солнцем весёлым объята
Родины нашей сады.
Если, ребята, взяться, как надо,
Станут делами мечты!*

*Сдвинем реки и горы,
Покорим все просторы!
В бурях грозных, в далях звёздных
Нам преграды нет!*

*Где-то ждут нас штурвалы,
Где-то — море и скалы.
Не собьемся, — доберёмся
До любых планет!*

*Сколько для мысли простора,
Сколько свободы для рук!
Вырастим скоро, кликнем на сборы
Наших друзей и подруг!*

*Солнцем весёлым объята
Родины нашей сады.
Если, ребята, взяться, как надо,
Станут делами мечты!*

Сашке было странно. Именно так: не страшно, а странно. И одиноко. Он стоял на вершине холма, — а вокруг во все стороны, насколько хватал глаз, простиралась пустынная степь, изогнувшаяся такими же холмами. Вроде бы и простор, но обманный: дальше, чем на час пути, не видно, да и что за соседним холмом — тоже. Это Сашку нервировало: пусть хищников тут, вроде бы, и нет, и лихих племен тоже, но одному тут было как-то неуютно. А с другой стороны, от пустынного раздолья по телу разливалось пьянящее ощущение свободы: можно орать, вопить, да хоть бегать голым — и никто даже слова не скажет, потому что не увидит. Вот только орать и бегать голым Сашке не хотелось, и это даже оказалось отчасти обидно: свободы полно, а делать с ней нечего. Вернее, ясно что: идти на юг, к Волкам. Максим вручил ему компас, так что заблудиться он не мог, да и не пройдешь же мимо моря, даже ориентируясь по солнцу... Вот только идти далековато: десять длинных здешних дней, а может, и больше, чтобы выйти не просто на берег, а к Горгульям. Волки иногда там бывают, да и шансов, что они заметят-таки сигнальный костер, больше...

Но, всё равно, Сашка очень волновался. Мало ли, как они к нему отнесутся?.. Особенно, увидев, что рядом нет других ребят. В рабство, конечно, не возьмут (ну а вдруг?..), но могут же и посмеяться, и просто послать нафиг, — и что ему тогда делать? Подводить друзей не

хотелось, да и вечно бродить по этой вот степи — тоже. Хотя его и считали нелюдимым молчуном, Сашка на самом деле боялся одиночества. Хорошо, когда рядом друзья: пусть посмеются, пусть скажут что-то резкое (даже не за дело!..) — всё равно, рядом с ними спокойнее. Сам он очень не любил что-то там решать — вдруг не получится, и в итоге не только ему, но и друзьям тоже будет хуже?.. А теперь решать — ему. Пусть дело и не очень сложное, но, без всякого сомнения, важное, можно сказать, что решающее, — а значит, как раз от него, Сашки, может зависеть их возвращение домой. Хотя как он «поднимет Волков» — мальчишка совсем не представлял. Это всё равно, наверное, что убедить завуча поехать к нему, Сашке, на дачу, картошку копать, — как-то некстати подумалось ему.

Он представил, что и впрямь сделал суровой Ольге Павловне такое вот предложение — и невольно передернул плечами. Да. Уж! Одним вызовом к директору дело точно не кончилось бы, — а эта «Алла Сергеевна» наверняка ещё хуже. И начальства тут над ней и вовсе никакого нет — ни гороно, ни директора, ни вообще никого. Она тут — царь и бог. Захочет — на дальний остров сошлет, захочет, — велит высечь на конюшне, захочет — навечно загонит на картошку, или что у них тут вместо неё...

Мальчишка недовольно помотал головой. Конюшни у Волков, ясное дело, не было, да и, вроде как, они даже никого и не секли. Но, может, плетение каких-то корзин или остров...

Сашка вздохнул. Домой ему очень хотелось, — наверное, даже сильнее, чем остальным. И мысль о том, что его, Сашку Колтакова, могут тут просто забыть на каком-то там острове, словно боцмана Айртон, показалась ему очень обидной. Но такое иногда с ним случалось: то он опаздывал на экскурсию, которая уезжала без него, то его забывали пригласить на чей-то день рождения — не назло, а просто забывали, и от этого становилось ещё тошнее. Иногда он чувствовал себя прозрачным, словно Человек-Невидимка: вроде бы и тут, но никто не замечает. Правда, он особо и не рвался быть замеченным...

Стоять тут, на виду у всего мира, ему тоже не особенно хотелось, и, вновь сверившись с компасом, он зашагал вниз. Совсем не туда, куда его понесли бы ноги, — пришлось наискось спускаться по склону, да и впереди маячил крутой отрог соседнего холма. Снова взбираться на него, потом спускаться — и так день за днем, без конца... Но ничего не поделаешь: азимут есть азимут, шагнешь в сторону в начале — и на десять километров промахнешься в конце, как говорил Игорь Васильевич. Жаль, что здесь его нет, в тысячный, наверное, раз подумал мальчишка. Уж он-то точно разобрался бы со всеми этими Хозяевами, и мы давно уже были бы дома...

Тут же ему пришло в голову, что если бы Игорь Васильевич был с ними, — они вообще бы не попали в этот странный мир, потому что взрослые сюда никогда не попадали, ни одни, ни вместе с ребятами. Это было бы, наверное, обидно...

Сашка поправил лямки рюкзака. Неизвестное будущее страшно его раздражало: он хоть в Африку согласился бы поехать, если бы знал, что кончится всё хорошо. Но сейчас... он душу бы, наверное, продал, чтобы хоть одним глазком заглянуть в будущее — просто чтобы знать, чем всё это кончилось. Нечто похожее он ощущал иногда, читая книжки, — только вот там всегда можно заглянуть в конец. Тут конца не было, — вернее, Сашка знал, что *как-то* вся эта история кончится, но в голову ничего не приходило. Вернее, приходило, но как-то совсем неубедительно: вот рядом садится зеленый вертолет пограничников... или на море появляется корабль... или, на худой конец, из-за холма выезжает самый обычный милицейский «газик» — только вот в это как-то плохо верилось. Никто сюда за ними не явится, и никто не спасет...

Сашка вздохнул и попытался представить себе Хозяев, — но в голову пришел только какой-то злобный бородатый мужик в плаще с высоким воротом и брюках с подтяжками, похожий не то на диктатора Яра Юпи с иллюстрации к казанцевским «Фаэтам», не то на какого-то писателя-пасквилянта в «Крокодиле». Сидит, поди, гад, в своей Цитадели, и жрет рябчиков с ананасами, или что у него там...

Вопрос еды Сашку очень волновал: в рюкзаке у него лежал запас вяленой рыбы и плодов *ти*, но вдруг до конца пути его не хватит? Рыбу ловить ему нечем, а *ти* надо ещё печь, а дым в степи видно очень далеко...

Тучи сегодня тоже были похожи на дым: огромные, низкие, туманные, они плыли, казалось, прямо над головой. Сквозь них то проглядывало, то скрывалось солнце, и Сашке казалось, что он смотрит на мир через зеленоватое стекло: к тому, что таков тут сам солнечный свет, он так и не привык. Парило, к полудню наверняка будет гроза, а это означает, что ему придется лежать где-нибудь в траве, — чтобы молния не хряпнула прямо по черепу, — а по спине будет весело лупить дождь. С градом — град тут шел часто. Вайми говорил, что тут бывали и торнадо, и что его однажды унесло прямо в тучу, — но тут он, несомненно, бессовестно врал...

Уй!.. Нога соскользнула на траве, и Сашка с размаху грохнулся на задницу — не очень больно, но зато очень обидно. На глаза даже навернулись слезы. Захотелось зашвырнуть компас подальше, и просто плюнуть на всё это. Он должен... а кому он должен?.. Всё равно, отсюда не выбраться, и вся эта суета, вся эта беготня — ни к чему. Друзья?.. А что ему друзья?.. Бросили, прогнали, послали черт знает куда... Вот прямо сейчас он встанет, выбросит... нет, растопчет этот проклятый компас, и пойдет, куда глаза глядят, — может, к Виксенам, может, к Астерам, может, просто в лес жить. И никто, никогда, не будет ему что-то указывать...

Вдруг мальчишке вновь представился Хозяин. Он сидел в роскошном кресле перед огромным клепаным телевизором и смотрел на него, Сашку, радостно поднимая большой бокал с вином: ура! Ещё один сломался! Давай, иди, мальчик, бросай друзей, дичай, превращайся в зверя!..

А вот хрен тебе, с неожиданной мрачной злобой подумал Сашка. Я тебе не кто-нибудь. Я дойду до Столицы, и подниму Волков, и мы — все вместе! — разгоним этих Хорунов, и найдем Флейту, а потом возьмем тебя за шкуру...

Вздыхнув, он поднялся и пошел туда, куда указывала ему стрелка компаса.

* * *

Утопая по колено в снегу, путаясь в торчавшем из него бурьяне, Сашка упрямо брел к старинному, кирпичному, темно-красному зданию церкви, или, скорее, костела — массивному, с высоким цоколем, узкими сводчатыми окнами и массивным карнизом с какими-то узорами, хитроумно выложенными из того же кирпича. Оно казалось заброшенным — с несколькими разбитыми стеклами в темных, густо зарешеченных окнах, и снаполовину ободраным скелетом островерхой кровли на небольшой колокольне, — но снег возле двери был расчищен, хотя никакой тропинки к нему не вело...

Сам заросший бурьяном, довольно просторный двор был совершенно пуст. С двух сторон его замыкали глухие краснокирпичные торцы громадных зданий, с двух других —

высокие дощатые заборы. За грубой, серо-коричневой изнанкой переднего виднелись две пятиэтажки, — их окна светились холодным синеватым светом длинных ламп. Над улицей сплеталась сеть черных троллейбусных проводов, слышался ровный шум машин, — но здесь снег был нетронут. Ни одного следа — и на этой целине лежал отблеск чистого заката. С другой стороны шла довольно широкая улочка с извилистой колеей, — а за ней начиналось море низких деревянных домишек. Ведущую сюда калитку из трех толстых, насквозь промерзших досок Сашка тщательно запер. Мороз был нестерпимый, лицо щипало, словно его яростно растерли грубой тряпкой, — и мальчишка чувствовал, что начинает уже замерзать.

Перебравшись через небольшой сугробчик, он с облегчением сполз на небольшую площадку у крыльца, и, укрывшись под полукруглым железным козырьком, украшенным или подпертым какими-то коваными завитушками, постучал в массивную коричневую дверь. Звук получился почти совершенно неслышным, и, заметив на косяке кнопку звонка, он надавил на неё. Внутри что-то глухо задребезжало.

Примерно минуту царила тишина, — если не считать этого самого дребезжания, — потом за дверью что-то глухо стукнуло, и она приоткрылась, показав выглядывавшего изнутри Димку.

— Проходи, — улыбнувшись, сказал он.

Едва Сашка проскользнул внутрь — в тускло освещенный единственной лампочкой высокий тамбур, похожий на какой-то громадный пустой лифт, — Димка закрыл дверь и запер её на массивный засов. Внутренняя дверь здесь тоже была деревянная, массивная, но с узкими витражными окнами в верхней части. Сквозь них пробивался какой-то непонятный свет. Сашка с усилием толкнул её... и проснулся.

* * *

Какое-то время мальчишка лежал неподвижно, пытаясь понять, что Димка делал в костеле польских ссыльных, и зачем он сам пошел туда... потом недовольно мотнул головой и осмотрелся. Мир вокруг скрывался за тусклой, туманной белизной. В её текучей мутной глубине едва проступали низкие серые дюны. Справа тускло поблескивала вода Моря Птиц. Солнца не видно, только небо чуть светилось красным.

Сашка не сразу смог вспомнить, как он попал сюда, и зачем вообще спит здесь, на морском берегу. На какой-то миг ему показалось, что это — тоже сон, и что сейчас он проснется в теплой постели, у себя дома... но острая резь внизу живота тут же вернула его к реальности.

Тихо ругаясь, мальчишка выбрался из спальника. Утро встретило его промозгой сыростью и холодом. Труссы показались здесь не самой лучшей одеждой, а сырой песок сразу же налип на ноги. Спальник тоже отсырел, и мальчишка снова выругался: сырой не понесешь, тяжело, да и сопреет, а сушить — полдня уйдет, не меньше... Когда он засыпал, вода стояла куда ниже... и на какой-то миг ему даже показалось, что каким-то сверхъестественным образом он во сне сполз к ней... потом он решил, что это, наверное, прилив. Ладно, хорошо ещё, что ночью его не унесло в море, на радость здешним хищным рыбам, вроде тотема Горгулий...

Завопив для смелости, Сашка бросился в воду. Сначала она обожгла его холодом, но

почти сразу это прошло. Через минуту, однако, холод вернулся и навалился всерьёз. Мальчишка пулей вылетел на берег, отряхнулся и побегал по нему, пытаясь согреться, потом вытащил из рюкзака полотенце и с наслаждением растерся. Сразу стало горячо и бодро, и он даже тихо засмеялся. Утро оказалось не таким уж и плохим... хотя он и смутно представлял, что ему делать дальше. Вчера, увидев с холма море, он шел к нему весь день и начало ночи, вымотался и устал, как собака. Сил на ужин уже не осталось, и теперь со страшной силой захотелось есть.

Сашка заглянул в рюкзак. Увы, — рыба кончилась ещё вчера, а жалкой кучки плодов *ти* могло хватить лишь на завтрак. К тому же, в сыром виде они были съедобны ещё меньше, чем картошка, и мальчишка, вздохнув, побрел по берегу, высматривая плавник...

* * *

Завтрак на природе оказался делом жутко долгим, — пока Сашка набрал достаточно сучков, пока костер прогорел, а *ти* достаточно запеклись в углях, прошло никак не меньше часа. Когда мальчишка, наконец, наелся, уже давно вошло солнце и туман рассеялся. Вздохнув, Сашка, наконец, оделся, и полез на ближайшую дюну — осмотреться.

Дело оказалось непростое, — песок осыпался под ногами, так что, в конце концов, он решил обойти дюну и подняться с другой, пологой стороны. Это тоже оказалось непросто, — дюна была высотой с пятиэтажный дом, а ноги глубоко вязли в песке, который, к тому же, набивался в кеды. Плюнув, Сашка снял их и пошел дальше босиком. Это оказалось проще, хотя ноги теперь вязли ещё глубже. Но он всё шел... и шел... и шел, пока ему не открылся бескрайний морской простор.

Довольно вздохнув, Сашка обернулся. С высоты округа стала видна гораздо лучше. Полоса дюн протянулась между морем и степью. Ветер гнал по ней волны сизо-серебристой травы. Вдали равнину ограждали призрачные, скрытые утренней дымкой холмы, и он даже удивился, какими они выглядят далекими. Неужели за вчера он отмахал столько?..

Вдруг ему показалось, что там что-то движется. Сашка сощурил глаза, фыркнул и пожалел, что у него нет бинокля. Глазу же это казалось кучкой темных точек. Несомненно, люди — восемь или девять. Вот и всё, что ему удалось разглядеть. Интересно, кто же...

Опомнившись, Сашка плюхнулся на живот и сполз за гребень дюны. Он не знал, увидели ли его — солнце сейчас светило слева, так что шансы у них были равные. Но, раз он их заметил...

Сашка задумался. Он не представлял, кто это, — и понимал, что и не сможет разглядеть их, пока они не подойдут слишком близко, — и не знал, что теперь делать. Он мог пойти вправо или влево, или, наконец, остаться здесь. Наверное, лучше остаться: бегать непонятно от кого не годилось, да и вдруг это друзья? Не арии, конечно, — те пошли с Максимом — и не Туа-ти, которые к морю и на пушечный выстрел не подойдут. Может быть, Астеры... хотя, что заставило бы их изменить своему вековечному кочевью, — Сашка не представлял.

Тут же ему пришло в голову, что это могут быть, например, те самые Хоруны или Морские Воришки, — хотя ни те, ни другие в степь вроде бы не заходили. Тогда кто?..

Он посмотрел на отряд ещё раз. Тот не сдвинулся ни вправо, ни влево, только чуть заметно спустился по склону. И так, они его заметили, и идут прямо к нему. Сашка ещё сполз по склону и задумался. Он без особого удивления понял, что ему страшно. Встреча с

недружелюбно настроенными незнакомцами здесь ничего хорошего не сулила. Вокруг на несколько десятков, наверное, километров никого больше нет, твори что угодно. Возьмут, например, и закопают в песок, оставив дожидаться прилива, как пираты в книжке. Или поджарят пятки на костре. Или просто отберут все вещи и пинками прогонят взащей — тоже приятного мало...

Сашка вздохнул. Ему страшно хотелось скатиться сейчас к берегу — и бежать, бежать, бежать... только вот куда? Вправо или влево? Мальчишка понимал, что заблудился и не представлял, в какую сторону идти. Ладно, если ему повезет, — и он наткнется, например, на Певцов, Горгулий или сразу на Волков, зачем-то приплывших на берег. А если ноги занесут его в западные леса, в руки тех самых Хорунов? Или на восток, в бесконечные плавни, где вообще никто не живет, кроме бесчисленных стай тех самых птиц, так похожих на земных чаек и уток?.. И он так и будет жить там, боясь вернуться, постепенно дичая и забывая человеческую речь — пока не...

Сашка сжал зубы и мотнул головой. Нет, — он останется, и будет ждать.

* * *

Ждать, однако, пришлось долго, — пожалуй, добрых часа два. Отряд, казалось, почти не приближался, и много, много раз мальчишка думал, что ещё есть время сбежать, укрываясь за дюнами. Останавливало его только любопытство, — страшно хотелось узнать, кто это, и, если это друзья, какие-то новости. Да даже если и враги — от них тоже что-то можно узнать, неведение давило...

Наконец, Сашка выглянул из-за гребня ещё раз, — и в этот раз в голове у него словно что-то щелкнуло. Смутные мельтешащие пятнышки вдруг превратились в крохотные человеческие фигурки. Голые, бритоголовые, украшенные перьями, — но при том с луками и колчанами.

— Квинсы! Только их мне не хватало!

Оседлав целую лавину песка, Сашка сполз с дюны. Бежать... нет, уже наверняка поздно. Квинсы, хотя и некрупные, бегали очень быстро, — выследят и загонят. И его копьё бесполезно против их маленьких луков...

Сашка вздохнул и пошел вдоль берега — собирать плавник. Может, Волки ещё смогут заметить костер...

* * *

Времени у него осталось мало, и костер получился так себе, — горел он жарко, но почти без дыма. Сашка сидел у него, хмуро глядя в огонь, чувствуя себя последним идиотом, — надо было убежать, а теперь... Опять утычут отравленными стрелами, как ёжика, а потом ограбят догола... ну и поделом ему, раньше надо было думать...

Сашка посматривал на гребень дюны, и удивленно вздрогнул, заметив Квинсов справа — они-то, конечно, не полезли на верхотуру, а потом вниз, а просто обошли её. До них осталось не больше сотни метров. Сейчас они были без боевой раскраски, и Сашка видел, что кожа у них золотисто-коричневая, ещё темнее, чем у Астеров.

Заметив его, Квинсы ненадолго замерли — верно, они удивились, увидев его ожидающим, — о чем-то коротко поговорили, потом опять пошли вперед. В самом деле, голые и босиком, вся одежда, — переброшенная через плечо перевязь с колчаном, ножнами и десятком крохотных сумочек, всё — бахромчатое и многоцветно зеленое, для маскировки в зарослях. Луки, правда, убраны сейчас в налучи, — но и так, их-то тут девять, а он — один...

— Ой, привет! Давно не виделись, — сказал, очевидно, вожак этой шайки, широко улыбаясь. Как и все Квинсы, он выглядел едва лет на двенадцать. Косо висевший колчан прикрывал ему причинное место — вот и вся одежда, как и у других. Сашка увидел, что глаза у него раскосые, странного золотистого оттенка, словно у тигра. Нечеловеческие глаза, и, правду говоря, страшноватые. Хотя ничего больше жуткого в Квинсе не было — мальчишка как мальчишка, худенький, почти задохлик — таким часто дают щелбаны, таскают за уши, а то и, схватив за ремень и за шиворот, и хорошенько раскрутив, запускают в ближайший сугроб... — Прости, в тот раз забыл представиться. Я — Шиан Та.

— И что?

Шиан удивленно моргнул.

— Я — главарь Неуловимых Разбойников, — наконец гордо сказал он. — Я приговорен к смерти в девяти племенах. Ужаснись.

— Чего? — спросил Сашка.

Шиан удивленно приоткрыл рот. Посмотрел на него, потом на товарищей, потом снова на него.

— Неужели ты ничего про нас не слышал?

— Почему? Слышал, — буркнул Сашка. — Живут, мол, в лесах такие дикари, всех боятся, прячутся в дуплах, тырят всё, что не приколочено, и стреляют из луков прямо в зад.

— Ой, да ну тебя! — Шиан замахал руками. — Я у самого Йэрры его родовое кольцо украл, вот! — он полез в одну из сумочек и гордо показал мальчишке потертый золотой ободок. — Он знаешь, как бесился? Обещал мою шкуру к своим дверям прибить. Да только она до сих пор вот! — он гордо похлопал себя по животу.

— Так тут ничью шкуру нельзя к дверям прибить, — спокойно сказал Сашка. Сейчас он чувствовал себя как-то странно. От Квинсов он ждал худшего — и, возможно, самого худшего, — но сейчас они казались настроенными довольно дружелюбно. — Тела после смерти исчезают же.

— Ой, да ты вообще как неживой! — возмущенно сказал Шиан. — Ты вообще сейчас должен визжать и бегать!

— С чего это? — спокойно спросил Сашка.

Шиан смешно сморщил нос — не то, собираясь засмеяться, не то заплакать, — потом гневно топнул ногой и взмахнул руками. Сашка заметил, что он вообще не может стоять неподвижно. В школе он не вылезал бы из двоек по поведению, это точно.

— Мы же разбойники! — наконец, заявил он. — Мы тебя, для начала, ограбим, а потом привяжем к... — он задумчиво окинул взглядом пляж. Никаких деревьев в, минимум, дне пути отсюда не наблюдалось. — Ну, к чему-нибудь привяжем, а потом смертную казнь устроим, через защекотание. А потом наловим во-от таких пауков, и на тебя посадим.

— Зачем? — Сашка не на шутку обалдел от предложенной ему программы.

— Как зачем? — удивился Шиан. — Они будут по тебе ползать, а ты будешь визжать. Развлечение!

— Ты что, совсем дурак? — на фоне этических размышлений Сашки о Хозяевах и судьбах Ойкумены, шуточки Шиан Та казались очень глупыми, и какими-то... да, очень мелкими. И совершенно неуместными.

Тот ошалело распахнул глаза.

— Ты что — совсем нас не боишься?

— А чего вас бояться? Вы что — злодеи какие-то?

Шиан удивленно посмотрел на него. Моргнул. Снова посмотрел. Потом вдруг плюхнулся на землю, ловко скрестив босые ноги. Вздохнул.

— Скучно тут, — как-то очень некстати сказал он. — Люди тут угрюмые и злые, шуток не понимают, да ещё и мстят, а за что?..

— За воровство, быть может?

— А за воровство нельзя мстить, — печально сказал Шиан. — Это не по закону. Если вор попался — его можно убить, потому что сам виноват. Ну, или в рабство, или высесть, если маленький совсем. Но потом-то!..

— Вор должен сидеть в тюрьме, — убежденно ответил Сашка фразой из фильма.

Шиан вскочил и взглянул на него даже как-то испуганно.

— Ты чего?! В тюрьму мятежников сажают или душегубов, а воров-то за что? Они же жизни не лишают. Это не по закону гильдии даже.

— Какой гильдии? — познания Сашки в данной области были, однако, достаточно смутными. Он помнил, что гильдии были чем-то вроде древних профсоюзов.

— Воров, естественно, — удивленно ответил Шиан. — Я там учеником был... все мы были. Хорошее было время! А потом наместник в Церрасине сменился, и тангэков привел, а они не люди — звери. Гильдейский дом сожгли, взрослые — кого не убили, того в тюрьму, нас только успели на лодку посадить, но нас в море отнесло, а там шторм. Ну и... теперь мы здесь. Сначала-то считали, — повезло. А теперь иногда думаешь, — лучше бы тогда с взрослыми порубили...

— Лучше уж в тюрьму, — сказал Сашка.

— Да ты что? — Шиан посмотрел на него почти с ужасом. — Там же каждый день на пыточный двор. Если палачи хорошие — то всего пару недель помучают, и всё. А если плохие — то и год не дадут умереть, и два, и три, пока всю душу по волоску не вынут. А мечом, говорят, и не больно совсем. Раз — и ты уже у предков. И всё.

Сашку передернуло. От рассказа Шиана повеяло какой-то совсем уже нездешней черной жутью. Нет, конечно, на Земле в прошлом тоже и на кол сажали, и варили в кипящей смоле, а Иван Грозный, говорят, скормил какого-то боярина крысам, — но такого точно не было, даже у фашистов...

— У нас по тюрьмам никого не мучают, — как-то даже обиженно сказал он.

— А зачем тогда вообще в тюрьму сажать? — удивленно спросил Шиан.

— Ну, это... — Сашка почесал затылок. — Перевоспитывать.

— Пере-вос... А что это?

Сашка облегченно вздохнул — контакт, похоже, состоялся. Он даже устроился поудобнее, готовясь к длинному рассказу.

— Ну, видишь ли...

— Ой, это мы удачно зашли, — сказал Шиан Та, выглядывая из-за гребня холма. Сашка лежал рядом с ним, тоже глядя вниз. Там, на берегу моря, лежало селение Горгулий — с полдюжины «фигвамов» — конических сооружений из фигни и палок, как однажды описал их Льяти. Сам Сашка в этом селении не был, и не особенно рвался, — ничего интересного там явно не было, — но сейчас возле селения стоял плот Волков, — с убраным парусом, но на его мачте развевался алый флаг с девятью звездами. На берегу горел костер, возле него кружком собрались ребята — и Волки, и местные. Праздник, не праздник, — но общались они, похоже, довольно дружелюбно, и расставаться в ближайшее время не собирались. Всего-то и осталось — пойти туда, к ним... но Сашка поймал себя на том, что как раз этого ему и не хочется. Предстоящая встреча с «Аллой Сергеевной» пугала. Ещё сильнее пугала опасность опозориться перед ребятами. Они там будут с Хорунами драться, может, и насмерть, — а он будет сидеть в Столице, кушать манную кашку под бдительным присмотром «Аллы Сергеевны», и чувствовать себя последней предательской свиньей...

— Ну что — пошли, что ли? — он повернулся к вождю Квинсов.

— Ой, да ты что? — Шиан даже испугался. — Тебе-то ничего, а меня Волки страсть как не любят. «Алла Сергеевна» лично обещала меня за пальцы на ногах подвесить, за воровство. А я что, себе враг?

— Дурак ты, — с чувством сказал Сашка. За два этих дня вождь Квинсов — улыбчивый, очень быстрый в движениях, — даже начал ему нравиться. — Ты домой, что ли, не хочешь?

— Не хочу, — неожиданно хмуро сказал Шиан. — А после того, что ты мне рассказал, — ещё больше не хочу. У вас-то все, как люди живут, а у нас...

Сашка вздохнул. За эти два дня он много что слышал от Квинсов об их родине — и от услышанного голова просто шла кругом. По земным меркам Квинсы жили в настоящей сказке, — но сказке, очень страшной. Он наслушался уже историй о великом граде Церрасине, славном пыточных дел мастерами и крупнейшим на континенте рынком рабов, о набитых бриллиантами сокровищницах, которые охраняют механические скорпионы и гигантские пауки, которые слышат даже стук сердца, о невидимых змеях, о громадных голубых крысах, ворующих младенцев, о многокрылых гигантах варренах, извергающих молнии, разящие без промаха и без пощады, об окружающих город бесконечных черных джунглях, в которых правят белоглазые н'ктаа, слепые и безумные, они наводят морок свистом, а потом высасывают душу... Слушать про это было очень интересно, — но видеть всё это наяву Сашке как-то не хотелось. Да и самим Квинсам, видимо, тоже...

— А что ты хочешь-то? — спросил Сашка. — К нам? Или до конца дней где-нибудь в дупле сидеть, одичав до лешего?

Шиан сморщил нос, смешно и задумчиво.

— Я свободу хочу, — наконец, сказал он. — А у Волков меня в яму какую-нибудь посадят, будут пальцами тыкать и смеяться. Лучше смерть, — он сказал это как-то очень спокойно — и, наверное, как раз поэтому Сашку передернуло. Шиан и в самом деле, наверное, поступил бы так...

— Если на самом деле хочешь, то выбирай — или ты идешь с нами и дерешься с нами, или уходишь и всю оставшуюся тебе вечность проведешь в лесу, всеми презираемый, — Сашку понесло, он понимал, что говорит сейчас какие-то чужие, не свои слова... но слова верные. Жестокие, это так, но *верные*. Может, даже единственно правильные тут.

Шиан взглянул на него как-то ошалело, — словно его сейчас хорошенько треснули по лбу. Сейчас Сашка почти видел, о чем именно он думает.

— Про воровство своё забудь. Всё, что украл, — верни. И прощения попроси. И пообещай, что больше не будешь. Тогда тебя никто не будет голым по лесам гонять.

— Нас по лесам никто не гонял, мы сами... — начал возмущенно Шиан... и замолчал, осекшись. — Нурны сильнее же, — наконец, печально сказал он. — И воины, настоящие, не воры. Они на каком-то острове в холодном море жили, и всех соседей грабили, кого хотели. Ну, не прямо они, а их отцы... Виксены потише... но это пока их не злить.

— Так чего вы от них не ушли? Лес большой же...

— Большой, да только в одиночку в нем не выжить. Или звери заедят, или тоска, одичаем совсем, станем, как Бродяги...

— А это кто? — о таком племени Сашка пока что не слышал.

— Они в западном лесу живут, рядом с Хорунами. Те их загоняли совсем — они даже огонь от страха разводить разучились, прячутся ото всех, живут на деревьях, оружия не знают, не охотятся, жрут, что найдут. Да только они и такой жизни рады. Без Хорунов-то совсем одичают, речь забудут, превратятся в зверей. Ты же знаешь, как тут это бывает.

Сашка знал. Не то, чтобы верил, но слышал много. В том числе и такое, что перекинуться в зверя — ещё не самый плохой тут исход. Можно, сохранив вроде бы человеческий вид, утратить в душе всё человеческое, превратиться в лесную нечисть, в лешего, для которого обычные люди уже страшны и непонятны... Брр!..

— Ну вот, тем более решай. Или вы с нами — или закончите, как эти... Бродяги, прыгая по веткам, как мартышки, и кидаясь в Хорунов какашками.

— Бродяги не кидаются, — обиженно сказал Шиан и задумался. Было видно, что выбор совсем ему не нравится, и что он совсем не прочь попросить на раздумья пару-тройку лет. Только вот времени ему Сашка уже не оставил, — решай здесь и сейчас... и окончательно.

— В общем, так, — сказал он. — Я сейчас поднимаюсь и иду, а вы — как хотите.

И в самом деле, — поднялся и просто пошел вперед, не оглядываясь. За спиной у него было совсем тихо. Мертво. Сердце неприятно подступило к горлу — допрыгался, идиот, заигрался в Макаренко — вроде бы, и сделал всё, как задумано, осталось только подойти к Волкам и всё, его поход окончен. Только вот Квинсы за спиной наверняка хихикают и крутят пальцем у виска, — и от одной этой мысли на душе стало невыразимо мерзко, словно его вдруг оплевали с головы до ног, непонятно, за что...

Заметили его почти сразу — и неудивительно, несколько мальчишек сидели как раз лицами к нему. Но реагировали как-то странно — повскакивали все, хватаясь, кто за копья, кто за луки. Словно к ним идет не одинокий гость, а...

Сашка улыбнулся и замахал рукой.

— Ребята! Успокойтесь! Квинсы — теперь друзья!

* * *

Эдик Скобелев не любил леса. Совсем не потому, что там темно и страшно — вот ещё!.. Просто в лесу неудобно ходить, там везде коряги, кочки и ямы, да и ничего интересного нет — кроме грибов, и, разве что, земляники, — но и их проще купить на базаре, и нечего ноги ломать...

Эдик вздохнул и остановился, переводя дух. Идти по неровному склону было действительно, без дураков, тяжело, — только вот другого пути тут, вроде как, и не было:

именно эта проклятая речка вела к селению Куниц, только отойди от неё — и не отыщешь их вовсе. Вроде бы и просто, — да только идти вдоль той речки непросто, на пути непременно попадетсся то скала, то болото, то просто непроходимые заросли. Обходя всё это, Эдику приходилось петлять, отчего путь, и без того неблизкий, удлинялся мало, что не втрое. Можно бы и плюнуть, и пойти напрямик, — да только вот для этого нужно знать дорогу, а её-то как раз Эдик и не знал. Да и не было тут никакой дороги, даже и простой тропы, хоть как доступной глазу, — люди тут ходили, но редко, и не помногу, — двое-трое, просто узнать новости, да ещё иногда пробегал неугомонный Льяти... Ему Эдик откровенно завидовал — и тому, что тот выглядел, как статуя какого-то древнегреческого бога, и тому, что тот скользил по лесу, словно рыба в воде. У него такое никак не получалось, и простой вроде бы поход превратился в работу, причем, работу тяжелую. За этот вот день Эдик вымотался, как последняя свинья, и приближавшийся вечер ничуть его не радовал — снова возиться, устраиваясь на ночлег, а потом, глядишь, ещё всю ночь слушать невыразимо мерзкий скрип трущихся друг о друга деревьев... Вчера ему в этом плане «повезло», и он промучился почти полночи, — а потом, естественно, проспал, и в итоге понял, что и эту проклятую ночь ему придется провести в лесу... А ведь, если бы он встал, как хотел, спозаранку, сейчас он уже был бы у Куниц, которые точно приветили бы гостя... по крайней мере, накормили бы, а большего ему и не хотелось. Эдик ненавидел готовить, — только вот есть от этого меньше не хотелось...

Мальчишка остановился и вздохнул. Солнце, похоже, уже заходило — здесь, внизу, в долине, как-то вдруг резко стемнело. Похоже, что засветло до селения Куниц уже, как ни старайся, не дойти, — а значит, нужно устраиваться на ночлег, то есть — лезть на дерево и строить там гнездо, словно какой-то там птице. Смешно, конечно, и дико неудобно, — только вот палатки у него не было, а простой шалашик казался очень уж ненадежным укрытием, особенно учитывая, что как раз тут, вокруг селения Куниц, бродят оборотни — и чуть ли не натуральные лешие...

Эдик осмотрелся и пошел к подходящему дереву. Взбираться наверх одна морока — но, хотя бы, не нужно бояться, что тебя ночью схватят за горло и выпьют всю кровь. Хотя оборотни, вроде, крови и не пьют, но, кто их тут знает...

Дома Эдик не верил в оборотней — ну вот ни чуточки, — но тут поверил безоговорочно и сразу. Одного взгляда на тех жутких зверюг ему хватило. Пусть его в классе и дразнили тугодумом, дураком он себя не считал: просто любил хорошенько, не спеша, всё обдумать. Особо буйным воображением мальчишка не отличался, а потому привык принимать мир так, как он есть. Оборотни — так оборотни, ну и что?..

Правду говоря, в душе он даже был рад, что задержится тут ещё на ночь. Задание Максима совсем его не радовало. Нет, людей в рабстве очень плохо держать, ясное дело, — да только попробуй, подними Куниц, которые тут натурально в землю вросли!.. А тем более Нурнов, которые тут недвижимостью обзавелись даже, в виде собственноручно построенных домов. Так они их и бросят, и попрутся через полмира воевать не пойми с кем!.. А уж про Виксенов и говорить нечего: эти, скорее, помрут, чем отойдут хоть немного от своих ненаглядных полей. Да и в том, что от них будет толк, Эдик сомневался. Вождя их, Ивана, он глубоко уважал, — потому что, как ни странно, видел его похожим на себя. Льяти восхищался и завидовал — за красоту и смелость. Но вот другие... вроде и силой их не обделили, и трудолюбием, и смелостью даже, — а всё же чего-то, самого главного, не хватает...

Мальчишка остановился. Эта мысль показалась ему новой, и притом, очень важной, что с ним случалось нечасто. Сразу захотелось сесть и хорошенько всё обдумать — дело-то не праздное, а имеющее самое прямое отношение к его заданию! А задание своё Эдик собирался выполнить, так или иначе. Срамиться перед Максимом не хотелось. Но зато очень хотелось домой. И не потому даже, что там теплая ванна и холодильник с едой, просто при мысли, ЧТО сейчас чувствуют родители, к горлу сразу подкатывал комок...

Только вот, словно назло (впрочем, всё в этом проклятом лесу, похоже, сейчас происходило именно ему назло) вдруг раздался жутковатый, с переливами, вой — и ему отозвалось сразу трое, да ещё, со всех сторон!.. Вроде бы волки — только вот волков в этом лесу не было...

* * *

Эдик замер, ошалело осматриваясь по сторонам. Чего греха таить — он испугался. Испугаешься тут, когда такой вой, а вокруг уже темнеет... Но испугался всё же не настолько, чтобы орать и бежать прочь, сломя голову. Ни то, ни это всё равно не поможет...

Он задумчиво взвесил в ладони двухметровое деревянное копьё — без наконечника, просто с обожженным на костре острием. Оружие не бог весть какое — но если засадить прямо в пасть, любой зверюге мало не покажется. К тому же, в рюкзаке ждала своего часа увесистая дубинка. Ей Эдик доверял больше. Пускать копьё в ход ему ещё не приходилось, а вот отмахиваться от злых собак палкой — не раз, и даже далеко не два... Тут главное — не теряться и бить с размаху, прямо по башке, чтобы не ухватили зубищами — а то не одни лишь штаны разодрать могут...

Четырехкратный вой раздался вновь, теперь уже ближе. Его явно пугали, неторопливо сжимая кольцо. Только вот пугаться Эдик всё же не стал, — быстро скинул рюкзак и начал собирать валежник. Если получится зажечь костер...

Он выпрямился, — и охапка валежника вывалилась у него из рук. В глубине леса горели зеленые глаза. Только глаза, — словно две зеленых лампочки. И больше — ничего. Как мальчишка не напрягал взгляд, он не мог разглядеть головы или тела — хотя было, вроде, не так уж ещё и темно...

Эдик повернулся, чтобы подобрать копьё... и столкнулся взглядом со вторым оборотнем — тот стоял за спиной, буквально в трех шагах. Сердце ёкнуло, подступив прямо к горлу, но мальчишка не двинулся, — тело словно отнялось. Оборотень смотрел на него пристально и безразлично. Он не двигался, лишь его текучий, длинный мех слабо шевелился под ветром.

Словно в каком-то страшном сне, Эдик повернул голову. Справа от него стоял второй оборотень, слева — третий. Он даже не заметил, откуда они появились, — словно ступились из воздуха. Ничего жуткого в них, на первый взгляд, не было — никаких тебе налитых кровью глаз и клыков, торчащих из пасти, — но исходившее от них ощущение СИЛЫ, перед которой человек — ничто, пугало несравненно больше.

Мальчишка оглянулся. Так и есть, — за спиной стоит четвертый, непонятно когда успевший подойти — ему-то показалось, что до тех горящих глаз добрых метров пятьдесят! Глупо брошенное копьё лежит шагах в шести, дубинка в рюкзаке, — да и она тут не поможет. Против одной такой зверюги у него ещё были какие-то шансы, но стая... Схватят

за руки и ноги и раздерут начетверо, вот и весь бой. Такая перспектива казалась мальчишке вполне реальной — каждая из зверюг весила, наверное, добрых килограммов сто, и он мог бы дотронуться любой до морды, почти не опуская руки. Пока что, правда, его никто не собирался рвать. Обратни откровенно рассматривали его, и под этими взглядами мальчишка почувствовал себя... неуютно, мягко говоря. В классе он был самым сильным, после Максима, — но тут-то не класс...

Стоявший впереди оборотень вдруг повернулся и беззвучно потрусил в лес. Сделав шагов пять, он оглянулся и посмотрел на мальчишку. Эдик оглянулся, — остальные трое надвинулись, откровенно отрезая путь, и в голове у него взорвался целый вихрь мыслей. Его, без всяких сомнений, ПРИГЛАШАЛИ, — но вот к кому?..

Глубоко вздохнув, мальчишка подошел к рюкзаку, — будь что будет, но бросать вещи он не собирался. Обратни не двинулись, один даже немного отступил, освобождая дорогу. Словно во сне, Эдик поднял копьё, — оборотни даже не двинулись, лишь один презрительно зевнул, показав страшные зубы, которым явно ничего не стоило превратить древко толщиной в два пальца в щепу...

Тем не менее, едва он взял копьё в руку, морок отступил. Мальчишка понял, что он всё же не пленник, а гость... пусть приглашение и того сорта, от которого невозможно отказаться. Он глубоко вздохнул, и пошел вслед за зверем, указывающим путь.

* * *

Шли они недолго, всего минут пятнадцать, — даже толком не успело стемнеть. Мальчишка терялся в догадках, к КОМУ его ведут. В голову лезла всякая сказочная чушь — Баба Яга, Кощей Бессмертный, кикиморы, лешие... ну не Хозяева же, в самом деле, перехватили его в этом лесу!..

Шли они вверх по склону и куда-то вправо — Эдик, как ни старался, не мог запомнить путь. Казалось, что приметы, если такие и есть, сами ускользают тут от взгляда, — и это необъяснимо его злило. Казалось, что идешь во сне, — только вот во сне ноги не болят от постоянного подъема в гору...

Его проводник остановился у крутого заросшего склона, потом вдруг отступил и даже повел носом, словно указывая цель. Мальчишка подошел... и вдруг понял, что смотрит на небольшую плетеную дверь, замаскированную так искусно, что он едва разглядел её с двух шагов. Он оглянулся на сопровождающих, — они сели и смотрели на него с неким ироничным интересом. Эдик вздохнул и открыл дверь.

* * *

Он не представлял, что собирается увидеть, — наверное, всё же тайное подземелье Хозяев со всякими там лампочками и циферблатами, — но увидел неожиданно просторную, сухую и чистую землянку, едва освещенную горевшим в дальнем конце очагом. В нос ударил горький запах дыма и каких-то трав. Мальчишка вошел, ошалело осматриваясь. Чем-то помещение походило на музейную кладовку — стен не видно под висящими на них резными костяными и деревянными фигурками, аккуратными пучками каких-то трав и корешков,

маленькими, словно бы игрушечными, но богато изукрашенными луками и копьецами, колчанами, какими-то сумочками, поясками и вообще не пойми чем. Ни дать, ни взять, какой-то древний магазин. Пол застелен шкурами, на них у очага сидит древний старик с длинными — до пояса — седыми волосами...

Услышав его, «старик» быстро повернулся — и Эдик увидел, что ему едва лет четырнадцать. Светлое, высокосулое лицо, длинная одежда из тщательно выделанных, похожих даже на замшу шкур, короткий нож на поясе — не оружие, а просто инструмент, это мальчишка понял сразу. Сейчас он видел, что волосы у хозяина дома не седые, а просто очень светлые, ещё светлее, чем у остальных Куниц, — черты лица не оставляли в этом никаких сомнений. Только вот — никаких украшений, ремешков и косичек. И взгляд светло-голубых глаз такой, что сердце снова ёкнуло и подступило к горлу — перед ним, в самом деле, сидел тысячелетний старик, помнивший каждый прожитый тут день...

* * *

— В ногах правды нет, — сказал хозяин дома. Он показал на шкуры. — Проходи, садись. Только оружие оставь.

Опомнившись, Эдик поставил копьё у двери, потом сбросил изрядно уже надоевший рюкзак. И сел, тоже глядя на хозяина. Лисьё мальчишеское лицо, в общем, довольно симпатичное — только вот, совсем без выражения. И взгляд, казалось, проникает в душу до самого дна, — и... нет, не презирает, а просто отметаёт в сторону. Неприятный, честно говоря, взгляд...

— Ты кто? — наконец спросил Эдик, устав от игры в гляделки.

— Зови меня — шаман, — голос у Куницы был такой же, как и лицо. Совершенно бесстрастный.

— Да понял я уже, что шаман, — буркнул Эдик, ругая себя за недогадливость. Теперь-то всё стало понятно — и оборотни, и травы, и отсутствие оберегов — к чему они тому, кто повелевает духами?.. — Звать-то тебя как?

— Нет у меня имени, — шаман всё ещё пристально смотрел на него.

— Нет, так нет, — буркнул мальчишка. На самом деле, Эдик даже разозлился — невежливо, когда не представляются! — но хозяин, как говорится, барин... — Звал-то ты меня зачем?

— Не ходи к Куницам. Не тревожь. Пусть живут, как жили.

— Откуда ты знаешь? — сердце мальчишки вновь ёкнуло. Барахло, наряд, дрессированные звери — это любой может, наверное, — но вот мысли читать...

— Просто — знаю. Не ходи.

— А если пойду? — мальчишка начал злиться. Колдун, не колдун — но кто он такой, чтобы что-то ему запрещать?..

— Не пойдешь.

Эдик, было, вскинулся... но тут же вспомнил о ждущих за порогом зверюгах. Мимо них пройдешь, пожалуй...

— Там же Хоруны ребят в рабстве держат, — обиженно сказал он. — А ты...

— В Хорунах — Зло.

— Ну, так я и говорю!..

— Зло в них, — повторил шаман. — И в земле их тоже Зло. Нехорошо туда ходить.

— Со злом надо бороться, — упрямо сказал Эдик.

— Не они злые, в них Зло. А с ним бороться — всё одно, что в лихоманское болото копьем тыкать. Трясину лишь разбередишь, сам лихоманку подхватишь, да и сгинешь, — а болото ещё шире станет.

Эдик открыл, было, рот, чтобы возразить — но тут же вспомнил не то вьетнамскую, не то китайскую сказку про героев, которые шли убивать дракона — но, убив, превращались в него... Он недовольно помотал головой. Глупая была сказка, честно говоря...

— Да что там такого, в тех Хорунах? — возмутился он. — Ну, много их, ну, здоровые, ну, драться умеют — ну так и что? И не таким козлам рога обламывали.

— Зло в них, — в третий уже раз повторил шаман. — Они так давно служат Злу, что стали Злом сами.

— Да что это за Зло-то? — возмутился мальчишка. Отец говорил ему, что на свете нет такой вещи, как абстрактное зло. Зло всегда состоит из конкретных злодейств и конкретных злодеев, с ними и надо бороться. — Они там что — сатане поклоняются и козлов под хвост целуют? Или сердца у пленных вырывают, словно какие-то древние ацтеки?

— Здесь — не вырывают, — ответил шаман, и мальчишку передернуло. — Зло в них, как в Морских Воришках, — но тех-то только самым краем зацепило...

— Да что это за Зло-то? Они что — тоже разбоем пробавляются?

— Они служат Злу. Пусть не понимая. А Хоруны — всё понимают. Они так слились со Злом, что Зло тоже служит им.

— Да черт тебя возьми! — взорвался Эдик. — Развел тут чертовщину! Они что — черной магией балуются?

— Они волю у людей крадут.

— Что? — весь запал мальчишки как-то испарился.

— Волю крадут, — повторил шаман. — Посмотрят в глаза — и всё, ты уже раб. Не на всех это действует, но мало кто выдержать может. А если не выдержал — то всё. Прикажут — дерьмо будешь жрать. Прикажут, — на брюхе будешь ползать. Прикажут, — сам себе яйца отрежешь.

— Да как же это... — мальчишка задохнулся. — Да как вы это терпите? Собрались бы всеми племенами — и...

— Собери. Кого только? Волки хоть и сильны, — да только порча в них, пусть и не видно её. Да ещё и Пустота, — а она всякого Зла хуже... Буревестники — их порча так проела, что они сами в порчу превратились. Туа-ти изжились, не душу, так дух совсем утратили. У Горгулий и не было его никогда. Астерам что Зло, что Добро — всё едино...

— А вам? — обиженно спросил мальчишка.

— Мы по заветам предков живем. Одни мы теперь и живем. И жить будем, даже когда все прочие тут сгинут.

— Ага, пока Хоруны до вас не доберутся.

— До нас не доберутся. Нас предки защитят. Да и Хорунам тоже отмерен свой срок. Морским Воришкам — вон, уже пришел. Нет больше их племени, — да уже и не будет.

— Как это? — Эдик ошалело помотал головой.

— Волки их извели. Ну, не телесно извели, но под свою руку взяли. Только не будет от этого добра.

— Да откуда ты всё это знаешь-то?

Шаман вновь посмотрел в его глаза.

— Знаю. И Куницам не будет добра от твоего дела.

— Ну и черт с вами, — обиженно сказал мальчишка. — Хотите в лесу гнить — ваше дело. Я к Виксенам тогда пойду.

— И к Виксенам ты не ходи. Они покой заслужили.

— Какой покой? — мальчишка едва сдержался от того, чтобы схватить шамана за шиворот и потрясти хорошенько.

— Покой. У них мир погиб, — они одни от него и остались. Поганый был мир, но всё равно... Они ни за что совсем там пропадали. Сюда попали, — землю целовать начали. Все без волос, у кого и кожа уже сходить начинала... Еле-еле выходили их. Иван три жизни положил, чтобы у порчи их отбить. Ты не смотри, что человек он простой — ему все предки до седьмого колена поклонятся. Да и то, дел там у него ещё на три жизни хватит. Не лезь туда. Плохо будет.

— Да ну тебя! — возмутился Эдик. — Ты ещё скажи, что у Нурнам мне тоже нельзя!..

— До Нурнов мне дела нет. Они хоть и злые, — но Зла всё же нет в них. Пусть идут, коли есть охота. Плохие они соседи, без них нам только лучше будет.

— Спасибо, разрешил, — буркнул мальчишка. — Благодетель... Только о своих и думаешь.

— А кто, если не я, о них думать будет? Не ты же?..

— Ну, не я. Но нельзя же паскудство такое терпеть!..

— Так я тебя не заставляю. Хочешь — иди. Твоя воля. Хотя и жалеть будешь потом. Но не след с собой тех тащить, кому ещё хуже будет.

— Да что там будет-то? — спросил Эдик. — Ты что — будущее тут предсказываешь?

— И будущее, — спокойно ответил шаман. — С моё проживи — тоже предсказывать начнешь. Я многих, знаешь, пережил. Тут же под две сотни племен было. Осталось хорошо, если десятка два, да и из тех едва полдюжины ещё шевелятся. Остальные все сгнули и расточились, разбрелись по лесам, не то, что речь — облик человеческий утратили... Я таким помогаю, чем могу, — да только что я один могу-то? Только службу предложить, да и то...

— Это всё оттого, что вы мхом тут покрываетесь.

— А тут вовсе не рай. Того-этого нельзя, брага не бродит, грибы не вставляют, — одно это уже многих подкашивает. Сначала-то все думают, что рай — жизнь навсегда, хоть каждый день с обрыва вниз головой прыгай. Только людям-то просто жить мало. Они и власти хотят, и чтобы жить удобно. Я повидал тут таких... Сначала-то на травке лежат, — а потом как одержимые бегают, потому что скучно... Приключения, конечно, — путешествуй, дружи, воруй, дерись... только чихнуть не успеешь, как в памяти только несколько последних лет и останутся, и будет тебе вечно пятнадцать...

— А что — это разве плохо?

— А это кому как. Всё одно повторять без конца — небо с овчинку покажется. Только выхода-то нет. Или в нечисть лесную, добрых людей пугать, или, если повезет ума набраться, в колдуны. Только оттуда — уже никуда. Только козни друг другу плести, да разным дуракам приключения устраивать. А они и рады — думают, что повергают Зло... хотя на деле их просто за нос водят, кто смеха ради, кто и с издевкой...

— Это где такое?

— А ты думаешь, Ойкумена тут одна? Нет. Мир один, это да. А Ойкумен — много. И

живут в них... по-разному живут. Где повеселее нашего, где ещё хуже. Где-то — сказка натуральная, где-то — чудеса и приключения, где-то — такой ад, что все там и помереть уже рады, да только вот — не могут...

— А Хозяева тогда что?

— А нету никаких Хозяев. И — никогда и не было.

— Ребята же их Цитадель видели! — возмутился мальчишка.

— А что Цитадель? Мертвое железо просто. В ней и могущества-то нет. Не в ней оно, совсем не в ней...

— Тогда как мы сюда попали-то? — возмутился мальчишка. — Да и ты? И все?

— По ЕГО воле.

— Кого?

— ЕГО.

— Да кого же?! Бога? Черта? Хрена в ступе?

— Ты ЕГО все не поминай. ОН этого не любит, знаешь... А власть ЕГО тут везде. Тебе и не представить, что ОН может. Та буря, что вас сюда перенесла — для НЕГО так... пальцами щелкнуть. А если ОН в гнев впадет — тут не то, что нас, тут вообще ничего не останется. И какова ЕГО воля — то неведомо.

— Да кто он-то?

— ОН.

— Бог?

— Нет.

— Дьявол?

— Нет.

— Тогда кто?

— ОН.

— Да ну тебя! — разозлился Эдик. — Развел тут удольфские тайны. Он, она, они, оно...

Ты скажи лучше, что мне делать.

— Если ты себе добра хочешь — иди к Виксенам и оставайся там жить. Не мутить их. Просто жить, как они. Если девчонку из своих приведешь — совсем хорошо будет.

Мальчишка даже задохнулся от возмущения.

— А остальные как?

— Да хоть все там живите. Худа от того не будет.

— А Хоруны как?

— О Хорунах забудь. Не вашего ума это дело. И — не моего даже. Им и без нас срок придет. Скоро уже.

— Туда же наши ребята пошли! — возмущенно сказал Эдик. — Они же пропадут там!

— Так пойдя за ними и верни.

Мальчишку вновь расперло.

— Я же уже не успею! Далеко же.

— Может, и успеешь. Если мешкать не будешь.

— Вот и пойду! Прямо сейчас и пойду!

— Иди. Тебя... проводят, — шаман впервые едва заметно усмехнулся. — Если не боишься.

— Я-то не боюсь, — буркнул Эдик. — А вот ты...

— Не верь белокожему, — вдруг сказал шаман.

— Кому? Тебе, что ли? — в самом деле, шаман был очень бледен, наверное, от долгого сидения под землей.

— Не верь белокожему.

— Да кому? Льяти, что ли?

— Не верь белокожему. Просто — не верь. Иначе вам всем будет очень плохо.

— Спасибо, очень ясно, — съязвил Эдик. — Я и тебе-то не особо верю.

— А ты не верь, ты слушай. Не верь белокожему. Не бойся Зла. Не проси Драконов. Тогда вернешься домой. Оплошаешь хоть раз, — сгинешь. Оплошаешь дважды, — погубишь всех своих. Оплошаешь трижды, — сгинет весь мир.

— Тебе бы оракулом работать, — пробормотал Эдик. — Что ни фраза — всё непонятно, но страшно.

— Всё понятно будет, когда время придет. Только — не забудь. Теперь — иди. Больше мне сказать нечего.

— Ну — бывай тогда, — пробормотал мальчишка, и, отвернувшись, толкнул дверь.

* * *

Увидев впереди частокол селения Нурнов, Эдик ошалело моргнул. Казалось, что он только вышел за дверь — и вот тебе, уже у цели. Словно никуда и не шел... только вот над лесом уже вовсю разгорался рассвет. Селение уже просыпалось, — из труб на крышах домиков бодро поднимался дымок, из-за частокола слышался смех и молодецкие выкрики — похоже, что Нурны поутру обливались ледяной водой. На караульной вышке никого — ну да, кого им тут бояться-то?..

Мальчишка ошалело помотал головой. Это что — он шел по лесу всю ночь? Без света? И при этом не убился, упав в какую-то яму, не переломал ноги, и даже не сбился с пути? И не устал так, что дальше — только сдохнуть? Чудеса...

К горлу снова подступила злость. Эдику хотелось вернуться к шаману и, взяв его за грудки, трясти, пока он, наконец, не объяснит, что, как и почему... Или просто долго и вдумчиво хлестать по щекам за все слова, после которых в душе всё кипело и переворачивалось вверх дном. Только вот где его найти-то? Он никак не мог вспомнить даже, где его встретили оборотни, не то, что путь к потаенной землянке. Да если даже и вспомнить...

Он передернулся, вспомнив, как шел под конвоем. Шаг вправо, шаг влево — побег, прыжок вверх — попытка улететь... Да и сам шаман явно не так прост. Возьмет — и превратит, например, в крысу... или в оборотня, и заставит себе корзинку с завтраком таскать...

Мальчишка вновь недовольно помотал головой. В такое вот всё же не верилось, — но без чудес не обошлось, это факт. Уже просто то, что он тут оказался...

Эдик вздохнул и поднялся к селению. Ворота, конечно, оказались не только закрыты, но и, похоже, заперты изнутри. Он попробовал, было, стучать, — но лишь отбил кулак о неструганые плахи. Это тебе не фанерная дверь в комнату, это ворота, которые не всякий таран вышибет. Хоть лбом с разбегу в них долбись, — внутри ничего и не услышат...

Он замер, тяжело дыша. Из-за частокола слышались грубоватые голоса, — кто-то над кем-то подшучивал, кто-то обещал вырвать шутнику ноги... Как-то вдруг мальчишка

вспомнил, что и не хотел идти сюда — разве что в конце, когда с ним будут Куницы и Виксены тоже... А ведь Нурны, вообще-то, разбойники... и прежняя встреча с ними оказалась не слишком-то приятной. С невероятной силой захотелось плюнуть на всё и уйти. Пойти к Виксенам, на самом деле — не жить, конечно, а просто отдохнуть пару дней... а потом назад, в Столицу, к нормальной еде и девчонкам...

При мысли, что ребята в это время уже, возможно, будут в рабстве, мальчишке стало тошно. Да и тащиться неделями по буеракам не хотелось, честно говоря. Он отступил на два шага и заорал:

— Эй, вы там! Открывайте!

За частоколом наступила тишина, затем, буквально через несколько секунд, на караульной вышке появилось несколько голых по пояс парней.

— Чего тебе? — не очень-то радостно спросил один из них.

— Открывайте. У меня дело к Йэрре есть.

Общение с шаманом всё же пошло ему на пользу: мальчишка понял, что вот так сразу вываливать все новости не стоит: только посмеются и пошлют нафиг. А так — хоть бы вождь выслушает...

— Что за дело?

— Важное, — Эдик решил давить на любопытство.

Парень усмехнулся. Он уже явно предвкушал, как Йэрра показательно вздует нахала. Да и новости узнать всё же хотелось, они же здесь редкость...

— Ну, проходи тогда.

За воротами что-то глухо стукнуло, — снимали засов, — потом они распахнулись. Поправив рюкзак за плечами, мальчишка вошел. Селение и в самом деле ещё только просыпалось, — туда-сюда сновали девчонки с ведерками и котелками, полуголые парни зевали и потягивались. Ничего злодейского в них сейчас точно не было...

Они подошли к домику вождя — такому же, как и все прочие, разве что чуть побольше. Нравы тут оказались простые, и Йэрра вышел к ним сам — босой, растрепанный, в одних потертых кожаных штанах. Похоже, что проснулся он недавно...

— Чего вам?.. — его взгляд остановился на землянине. — Ты кто будешь-то?

— Эдуард, Скобелевых сын, — буркнул мальчишка. Первым его побуждением было нахамить... но Йэрра ведь сейчас не задирался, он, в самом деле, не знал... Старинное представление вырвалось у него само собой — не иначе, сказалось общение с Иваном — но, как он чувствовал, пришлось очень даже к месту. Современного представления, с именем, фамилией и пионерским званием, тут точно не оценили бы...

— Чего пришел? Никак злые люди опять по дороге обидели?..

— Дело у меня к тебе, вождь, — сказал мальчишка.

— Ну, проходи тогда, — Йэрра даже придержал дверь, пропуская гостя в дом. Там оказалось темно и тесновато, но всё же, неожиданно уютно — деревянные полы, на стенах — какие-то коврики. Под ними — две постели, у узкого окна — сложенная из камня плита, у которой хлопотали две девчонки — женщины вождя... Они тут же повернулись, глядя на гостя с крайним любопытством. Йэрра передернул плечами и провел гостя в свою, наверное, личную комнату. Неожиданно бедную — грубая деревянная кровать, столик, два стула. Вот, собственно, и вся обстановка. Никаких куч награбленных вещей, которые Эдик уже настроился увидеть. Вся роскошь — пушистый ковер на полу. На стене висит оружие — лук, колчан, два метательных, наверное, топорика из любовно начищенной меди, тяжелый

деревянный меч — наверное, тренировочный, очень уж глупо драться таким вот...

Йэрра плюхнулся на стул, молча указал гостю на второй. Грубоватый и тяжелый, — но инструментов здесь нет же, странно, что смогли сработать и такой...

— Ну, что за дело? — спросил он, едва Эдик сел. Мальчишка сперва не отказался бы позавтракать, — но просить ещё и еду «в номер» уже точно было бы сверхнаглостью, а сам Йэрра уже то ли поел, то ли просто не хотел угощать гостя...

— Ты о Драконовой Флейте слышал?

— Да кто ж не слышал-то... — Йэрра усмехнулся. — Неведомо только, правда то или нет. Много кто её искал — да так и не нашел ничего.

— А где искал-то? — мальчишке пришла в голову некая мысль, и он сейчас лихорадочно старался оформить её.

— Да везде. Кроме, ясное дело, западных лесов — Хоруны там, да и место само по себе злое и гиблое...

— Выходит, что если она где и есть — то только там.

— Может, и есть, — легко согласился вождь. — Да только толку? Племя у меня, конечно, сильное — да вот не настолько, чтобы тех Хорунов воевать идти. Да и говорят про них разное... и нехорошее сильно говорят. Да если б только говорили... Я сам поначалу своих удалцов на запад водил — не грех с сильным боками потолкаться. Да только сила-то в Хорунах есть, — а чести нет. С ними воевать — всё одно в дерьме мараться. Как пришли, так и ушли, да и то — повезло...

— А что, разве только с честным врагом можно воевать? — удивился мальчишка.

Йэрра удивленно взглянул на него.

— Если по своей воле — то да. Да то и не война, так — молодецкие сшибки за честь и за славу. Бывает и иначе... бывает. Да только Хоруны поганые с нами воевать не стали. Рабов своих послали, — а сами сзади стоят и смеются. А на раба оружие поднять — всё равно, что на женщину. Подло то и бесчестно. Вот мы и не стали. Рабов, кто нападал, ясное дело, побили, повезло — не до смерти. Хорошо, что мало их было, не ждали нас Хоруны... А то всякое могло быть... Рабы, понятно, драться не умеют, но кучей навалятся и свяжут, а потом... в Город утащат, и всё.

— А у них, что — город есть?

Йэрра кивнул.

— Есть. Даже каменный. Рабы как раз им выстроили. Безвозвратный Город. Так его называют. Потому что тот, кто в него вошел, назад уже не возвращается.

— Дела... — Эдик вздохнул. — А наши ребята как раз туда пошли... втроем, правда, с Льяти. Не знали про Хорунов ещё...

— Льяти-то знает, — ответил Йэрра. — Он-то по землям Хорунов много ходил, даже к самому Городу их подбирался. С ним-то, может, и не пропадут. Да только шальной он, когда как взрослый, а когда — как маленький совсем...

— Туда ещё Максим пошел, их вытаскивать, — уныло сказал Эдик. — Правда, с Вайми и этими... как их... ариями.

— О. Так вам повезло Верасену найти? — оживился Йэрра. — Давно я его не видел, эх, давно... Ребята у него справные, да только вот — мало их осталось. Бегают туда-сюда, во всё здесь суются... почитай, почти все кто в рабство сам попал, кто сгинул вовсе... А Вайми кто?

— Из Астеров он.

Йэрра хлопнул себя ладонями по бедрам.

— Чудеса. Вы сами, часом, не колдуны, а?.. А то везет пока вам... как не знаю кому.

— Он с нами пошел, чтобы мы по землям его племени не шастали, — буркнул Эдик.

— Ну, это-то ясное дело, чужаков они не любят. Да так не любят, что даже мы их найти не смогли, сколько по степи ни гоняли...

— А вам-то Астеры зачем?

— А девчонки у них, говорят, красивые, — Йэрра усмехнулся. — Да и мало ли что ещё у них есть?

— Понятно — ограбить хотели.

Йэрра фыркнул.

— Ну, так. А что в том плохого? За что можешь драться — то твоё. За что не можешь — того, кто может драться лучше. Только Астеры — трусы отменные, так ловко прячутся, что не найти. Вам-то как повезло?

— Так костры же. На них и шли.

— Костры у них обманные. Идешь себе, думаешь, что уже там, — а вечером раз, и костер уже в другом месте.

— А мы ночью шли, по компасу. Они нас и не видели.

— А компас что?

— А штука такая, направление смотреть. Там стрелка такая, она всегда на север указывает.

— Дельная вещь, жаль, что мне не досталась, — Эдик напрягся, и Йэрра хохотнул. — Да ты не бойся. Что ваше — то уже не моё. Как того парня звали, что меня побил?

— Сережка. Сережка Малыхин. Он как раз к Хорунам пошел, вместе с Андрюхой и Антоном.

— Жаль. Я бы с ним ещё... потолковал, — Йэрра задумался.

— Сашка побежал Волков поднимать, — добавил Эдик. — Как раз на Хорунов идти. Я слышал, что они уже Морских Воришек под руку взяли.

— Чудеса, да и только, — Йэрра вздохнул. — Раньше я и не слышал о таком. Ну что ж, и мы тогда в стороне не останемся. А то, как с Виксенами помирились, — скучно стало. Плечи размять не с кем. Квинсы — и те, трусы, сбежали... и по лесам теперь некого гонять. Ладно, пошли, чего там...

* * *

Они вдвоем вышли во двор. Ожидая новостей, там собрались уже все Нурны — только парни, все голые по пояс и здоровые, словно в каком-нибудь спортивном лагере...

— Ну что — засиделись без доброй потехи? — неожиданно весело обратился к ним Йэрра. — Будет вам потеха! Арии и Волки пошли на Хорунов. Неужто мы откажемся от своей доли?

Радостный рев множества здоровых глоток был ему ответом...

* * *

— Вот, — сказал Льяти, когда они поднялись, наконец, на вершину холма. — Западный лес. Любуйтесь.

Антон Овчинников вздохнул. Этот холм был заметно выше остальных, и подниматься по нему пришлось долго. Да и сам подъем вышел непростым, — кеды скользили по покрывающей крутой склон траве. Пришлось разуться и идти босиком. Медленно и осторожно, чтобы трава не порезала перепонки между пальцами, — но вид, определенно, стоил всех потраченных усилий.

Они, как оказалось, стояли на самой высокой точке протянувшейся на много километров гряды, так что обзору не мешало ничто. В полукилометре впереди — и на две сотни метров ниже — бежала рыжая, неожиданно широкая для здешних мест река. За ней сплошной стеной стоял лес — высокий, темный, мрачный. Он начинался сразу, как посаженный. Над зеленым валом кустов и подлеска поднималась бесконечная колоннада могучих стволов. Она, насколько хватал глаз, тянулась вправо и влево, словно портик колоссального храма. Свод ему заменяла сплошная масса тяжелой, плотной зелени, в которую слились бесконечные кроны. Дальше глаз видел лишь бесконечные волны холмов, покрытых тяжелым одеялом леса. Лишь где-то очень далеко, словно видение другого мира, парили призрачные, зеленовато-белые гребни гор.

Зрелище было странно торжественное, как на картине, и мальчишка замер, стараясь получше всё запомнить. Они шли сюда почти целую неделю, — но настоящее дело начиналось лишь сейчас. В степи им не встретилось ничего опасного, — но про лес сказать это было нельзя...

— Немцы живут вон там, — Льяти вытянул руку, показывая на трехрогий, похожий на корону пик. — В ущелье у подножия Рогатой Горы.

Антон вздохнул. До горы было точно километров сто, — а может, и все двести, такие расстояния сложно определить на глаз. Над ней, словно нимб, парила смутная горбушка диска Таллаара, похожая сейчас на странное неподвижное облако. Всю дорогу сюда Льяти распинался о том, что оттуда, с горы, он выглядит просто потрясающе, — но мальчишка уже понимал, что добраться туда будет ой как нелегко. Очень уж неприветливо смотрелся этот бесконечный лес...

— А Бродяги где? — деловито спросил Сергей. Он поднес ладонь к глазам и теперь всматривался в зыбкую линию гор. Они тоже изгибались колоссальной дугой, словно огибая Ойкумену, и таяли в смутной дымке на юге и на севере.

— А кто их знает? — вздохнул Льяти. — Бродят где хотят. Бродяги же!

— А Хоруны? — за время похода они наслушались рассказов о том, что они повелевают зверями, гипнотизируют и чуть ли не убивают взглядом. Антон считал их обычными страшилками — но от них всё равно пробегали мурашки. Здесь, в мире, где обитали драконы, они могли оказаться вовсе не только страшилками...

— А вон там, — Льяти указал в том же направлении, но чуть ниже — куда-то в самую гущу леса. — У Черного Озера. Там их город проклятый и стоит.

Антон вздохнул. Льяти прожужжал им все уши рассказами о Безвозвратном Городе — большая часть их казалась откровенным враньем, но оптимизма всё равно не внушала. По всему выходило, что Хоруны не разбойники, а самые настоящие рабовладельцы, которые не работали, а только обучались сражаться, да ещё и могли управлять всякой нечистью. В то, что они заставляют воевать за себя ещё и рабов, мальчишка не верил. Работать заставить могут, ясное дело, — но воевать!.. Как можно заставить человека, у которого оружие в

руках?..

— Обходить придется, — буркнул Сергей. — Там сколько ещё пути-то?

— Отсюда до Трехрогой — недели две, — бодро сообщил Льяти. — По горам — ещё неделя.

— А в горы-то зачем? — удивленно спросил Антон.

— А Таллар? — не менее удивленно ответил Льяти. — А заброшенные города? А вид?

— Стоило бы ноги бить, — буркнул Андрей. Дома дружба с Аглаей давала ему изрядную фору в пионерских делах, но здесь он чувствовал себя уже не так уверенно...

— Вид — это всегда хорошо, — возразил Сергей. — Интересно же, что там, за горами.

— Лес там, до горизонта, — сказал Льяти. — Я видел. Сперва горы пониже, потом лес. Потом такая круглая гора, — он повел руками, изображая что-то вроде плоского конуса. — Но её трудно разглядеть, далеко очень...

— А ты там бывал? — спросил Антон.

Льяти вздохнул.

— Нет. Там отвесная скала — не спуститься. И вообще...

— Побоялся нафиг по пути замерзнуть?

Льяти вздохнул.

— Ну да. Немцы там тоже не были, вроде бы.

— А НЕ вроде? — спросил Сергей.

— А я не спрашивал, — Льяти снова вздохнул. — То есть, я-то бы хотел, да вот не дали.

— Небось, опять стянуть что-то попробовал? — спросил Антон. С манерами Льяти он уже был знаком.

— Ну... — тот глубокомысленно опустил взгляд на пальцы босых ног. — У них там всякие шуковины железные, — он вновь повел руками, изобразив что-то вроде автомата. — Я просто посмотреть хотел, честно-честно, а они!..

— По шее тебе дали, — закончил Сергей. — Партизан недоделанный. Ты скажи лучше, куда нам сейчас идти.

— Да вон туда, — Льяти показал влево-вниз. — Там брод. А напротив ручей в реку впадает. Пойдем вдоль него — и завтра уже будем у Хоргов.

— А кто это — Хорги? — спросил Антон. Ни о чем таком Льяти им не говорил, то ли просто забыв, то ли...

— Ну, это племя такое, — Льяти вздохнул. — Вроде нас... то есть, из такого же мира. От них новости узнаем, и вообще...

— А Хоруны к ним как относятся? — спросил Сергей.

Льяти вздохнул.

— А никак. То есть, дань заставляют платить, а так не трогают. Живут, и ладно.

Антон недовольно мотнул головой.

— Ты же сам говорил, что они в рабство всех берут. А тут...

— А вот договорились как-то. Не знаю, как. Я мало у них был. Скользкие они какие-то...

— Тогда, может, обойдем? — предложил Сергей.

— А новости? — возразил Льяти. — Я же давно очень тут был, сам-то ничего не знаю. То есть, раньше знал, но тут же всё могло поменяться на тридцать три раза.

— А если они нас... того? — предположил Андрей.

Льяти отмахнулся.

— Да не. Они и меня-то не тронули, когда я один был — а нас сейчас четверо.

— Это утешает, — буркнул Сергей. — Ладно, что тут стоять... Пошли.

* * *

Переправа через Грань-реку, как назвал её Льяти, оказалась делом непростым. С холма она казалась небольшой — но, когда мальчишки к ней спустились, Антон увидел бурный поток шириной метров в пятьдесят. За ней ровно, словно по линейке, поднимался берег — сначала песок, потом трава, потом кусты, подлесок — и, наконец, уходящие вверх колонны стволов толщиной в два или три метра. Они терялись в сплошной массе зелени, и мальчишка задрал голову. Кроны уходили, наверное, на высоту двадцатиэтажного дома, и там то и дело мелькали какие-то пёстрые птицы, которые, как рассказал Льяти, никогда не спускались на землю — там, наверху, был целый мир, недоступный человеку...

Вода оказалась неожиданно холодная — река текла с гор, так быстро, что не успевала нагреться. Цвет её был ржаво-рыжий, словно у мутного чая, какой часто бывает у лесных и болотных речушек. Впереди в неё вливалась струя ещё более темного, густого цвета — Путь-ручей, как назвал его Льяти. Самого ручья Антон пока не видел — лишь рассекающий берег неглубокий овраг, перекрытый сверху густым зеленым сводом. Он до странности походил на круглое жерло туннеля, и мальчишка невольно поёжился, — мрак в нем казался совершенно непроглядным.

Дно у реки оказалось каменистое, и идти было относительно легко, — быстрое течение всё-таки мешало, — но вдруг Антон замер. Точно на середине реки висело нечто вроде завесы из дрожащего воздуха — невидимой, но ощутимой. Мальчишка даже повел рукой, ощутив очень слабое, но всё же явственное сопротивление. И воздух за завесой был... другой. Пахнувший цветами, смолой, тленом. Воздух леса.

— Что это? — удивленно спросил он.

— Что? — Льяти удивленно взглянул на него. — А. Граница.

— Граница чего? — спросил Антон, миновав завесу и быстро направляясь к берегу — холодная вода не располагала к дискуссиям.

— Ойкумены, конечно, — пояснил Льяти, не менее бодро следуя за ним. — Ну, не самой Ойкумены, конечно, а её мирной части. Тут и звери всякие бывают, и люди, и вообще...

— То есть, там, — Сергей показал назад, на степь, — просто песочница, а тут...

Льяти быстро повернулся к нему с неожиданно серьезным видом.

— Тут дикий мир, в котором всё возможно и всё бывает. Буквально всё.

* * *

К радости мальчишек, сумрак в «туннеле» ручья лишь казался непроницаемым, — когда они выбрались на берег и углубились в него, то быстро обнаружили, что тут, в общем, довольно светло, — свет пробивался сюда даже сквозь многослойную толщу листвы. Она, свисая над руслом, закрывала дорогу, так что видно было лишь на несколько метров вперед.

Само русло мало напоминало ручей — скорее, заросшую ряской бочажину. В ржавой воде плавали клочья белой плесени и большие розетки из глянцевого, словно бы пластмассовых листьев. Идти по этой воде было неприятно, она оказалась холодная, а мокрые штаны противно облепляли ноги. Хорошо ещё, что дно было относительно твердое, и кеды в нем почти не вязли. Голоногий Льяти, правда, чувствовал себя в этой воде как рыба — он шлепал по ней вполне бодро, то и дело оглядываясь и насмешливо посматривая на землян — ему, конечно, не привыкать было к здешним лесам. Антону же казалось, что он сейчас в какой-то заброшенной оранжерее — среди виденных им листьев не было, казалось, даже двух одинаковых. Узкие беловато-зеленые, темные глянцево-зеркальные треугольные, большие, как лопухи, с красной каймой, на упругих, как проволока, темно-красных черешках, потусторонне-фиолетовые с белыми прожилками, словно пропитанные чернилами — разнообразие казалось бесконечным. Над руслом то и дело нависали тонкие чешуйчатые стволы, из которых, вместо листьев, росли длинные, упругие, похожие на шланги отростки — они казались теплыми и касаться их было необъяснимо неприятно. К тому же, там и сям путь им преграждала густая паутина, на которой росли какие-то крохотные зеленые звездочки, — она мерзко липла к рукам и покрывала их, как плесень. Воздух тут был густо пахнущий гнилью, сырой и тяжелый.

— Далеко ещё? — спросил Антон, пытаясь отряхнуть с рук липкую паутину с какими-то мертвыми жуками и другой гадостью.

— До Хоргов? День ещё, — весело сообщил Льяти. К нему вся эта гадость, казалось, совершенно не липла.

— А по воде обязательно идти? — спросил Андрей.

Льяти улыбнулся.

— Нет. Но наверху ещё хуже, там бурелом. Да ты не бойся, как только вглубь зайдем, идти легче станет.

В самом деле, вскоре они оказались в сумрачной глубине леса. Ряска пропала, берега речки раздались, и по ним вполне можно было идти... только вот в сплошной массе палых листьев ноги вязли, как в болоте, к тому же, её покрывал белесый, похожий на плесень лишайник. Выше росли толстые, черные, корявые деревья, давным-давно засохшие — кое-где, рухнув, они перекрывали речку на манер арок. Антону казалось, что они в какой-то сказочной чащобе, и что сейчас уже наступает вечер, — свет едва пробивался сквозь сплошную массу листьев, под которой, к тому же, висел лениво клубившийся туман. Проникавшие сверху редкие солнечные лучи расплывались в нем беззвучно переливавшимися облачками какого-то колдовского свечения. Картина была смутная и странная, как во сне.

— Фух, привал, — сказал Льяти, всё же выбираясь из воды.

— Что, тут? — спросил Сергей. В самом деле, — тут негде было даже сесть, не говоря уж о том, чтобы развести костер.

— Нет, там, — Льяти показал на уходившую вверх примитивную лестницу, скорее — просто ряд врытых в склон каменных брусьев. Тем не менее, и она Антона удивила.

— Откуда тут это? — спросил он.

— А, не знаю, — Льяти отмахнулся от него, бодро взбираясь наверх. — Хорги тоже не знают, а Хорунов я и не спрашивал.

Поднявшись вслед за ним, Антон увидел вполне уютную полянку... вернее, кусок склона, сплошь заросший чем-то, похожим на крохотные деревца с двумя-тремя листьями.

Со всех сторон поднимались корявые обомшелые стволы, такие сучковатые, что походили на каких-то застывших осьминогов. Тем не менее, где-то высоко наверху в многослойной толще крон зиял просвет и сюда падал разбитый на тысячи смутных лучей свет солнца.

— Уф! — Льяти плюхнулся на «деревца», на поверку оказавшиеся чем-то вроде земной земляники — только, к сожалению, без ягод. — Хорошо...

— Как вы тут вообще живете-то? — спросил Антон, тоже осторожно садясь на землю. Осторожность оказалась не лишней: под сплошным ковром листьев кишели муравьи.

— А добрые люди тут и не живут, — назидательно сообщил Льяти. — Добрые места — для добрых людей.

— А дурные, выходит, для дурных? — спросил Антон.

— Верно! — Льяти улыбнулся.

— А если они в хорошие захотят?

— Ну, так они и хотят. Только добрые люди им не дают. Хорунов вот сюда выжили же. И Хоргов.

— А Бродяги? — сразу же спросил Сергей. — Они что, тоже все плохие?

— Ну... — Льяти смутился. — Их-то я не видел. И никто. Говорят, такие трусы, что от всех вообще прячутся. Так что самое место им тут жить.

— А тебе их не жалко? — спросил Антон.

— А чего их жалеть? — удивился Льяти. — Сами всего боятся, сами и виноваты.

— А почему боятся-то? — спросил Сергей.

— Потому, что трусы, — сообщил Льяти. — У них даже вождя нет, вот!

— Трусы, потому что вождя нет? — удивился Антон.

— Ну да. Стадо баранов, возглавляемых львом, всегда сильнее стада львов, возглавляемых бараном.

— А вы, выходит, бараны? — не удержался Андрей.

— Мы львы!.. — пылко начал Льяти... и смутился. — Ну, вначале баранами и были. Но уж потом-то!.. А Хорги как баранами были, так и остались. А всё потому, что у них тоже вождя нет.

— А кто есть-то? — спросил Сергей.

— Тройка. То есть, эта... как там её... комиссия. Из трех этих... как их там, чертей... комиссаров.

— Революционная, что ли?

— Да не, наоборот. Революционная — это к Волкам. Ну, или к вам. А у Хоргов комиссар по продовольствию есть, комиссар по дипломатии и комиссар по этой... как там её... по терпимости.

— По терпимости к кому? — удивился Антон.

— А черт её... — легкомысленно отмахнулся Льяти... и вдруг нахмурился. — У нас дома что-то похожее было, но я не помню. Не хочу. Очень уж гадко. Давайте про девочек, что ли...

* * *

Хоргов они встретили, как и обещал Льяти, через сутки. Не самые легкие в жизни мальчишек — весь этот лес буквально кишел муравьями, пауками, многоножками, так что не

то, что лечь, а просто сесть на землю было совершенно невозможно — со всех сторон сразу на потное тело лезла многоногая нечисть. Полуголый Льяти, как ни странно, чувствовал себя лучше всех, — с его кожи она просто соскальзывала, а если и цеплялась, то он её легко стряхивал. Земляне же замучились вытряхивать насекомых из одежды, но раздеться по примеру Льяти и идти в трусах никто из них не решался. Антон совсем некстати вспомнил, как смеялся раньше над всякими колонизаторами, которые в таких вот лесах носили широкополые шлямы, гетры и шарфы на шее (что может быть нелепей в парниковой жаре, казалось бы?!). Теперь вот смеяться совсем не хотелось. Хотелось жалеть, что у него нет такого вот наряда. При одной мысли пройти по этому лесу босиком мальчишку передергивало, — в лесной подстилке кишели мерзкие белесые черви (как уверял Льяти, чудесные на вкус, отчего землян буквально корчило). Сам он, правда, попробовать их не решался. Да и вообще, с едой тут оказалось негусто, — растущие повсюду грибы имели на редкость мерзкий вид, и, как уверял Льяти, все были жутко ядовиты. С дичью дела обстояли получше — едва ли не в первый же час он подстрелил большую обезьяну, но есть её земляне не смогли — слишком уж это отдавало людоедством. Рыба в речке, как оказалось, водилась — но выглядела подозрительно. В итоге, питаться приходилось растущими по берегам орехами и небольшими плодами, похожими на мандарины, — но с мучнистой и безвкусной мякотью. Ярко выглядывшие ягоды, по словам Льяти больше напоминали аптеку, — есть их было можно, но лишь в случае болезни и не больше нескольких штук за раз, чтобы не дать дуба.

В довершение всего, тут кишели всевозможные змеи, так что смотреть под ноги приходилось очень внимательно — все эти гадины, по словам Льяти, были очень ядовиты, но, к счастью, отличались ярко-пёстрой окраской, так что заметить их не составляло особого труда. Нервировали землян и здоровенные, с блюдце, мохнатые пауки (как уверял Льяти, совершенно безобидные, но прижимать их к груди всё равно никто не рвался). Порой Антону казалось, что он попал в какой-то зоопарк или серпентарий — столько в здешнем лесу было живности, на земной взгляд экзотической, а порой откровенно страшноватой — как, например, *калты*, — мерзкие, серо-сизые твари, похожие на согнутых вдвое пчел, но четвероногих и размером с небольшую собаку. Землян передергивало от одного их вида, — а Льяти беззаботно отправлял их в полет древком копья и намекал, что они особенно вкусны в живом виде — но, скорее всего, просто врал, потому что Антон не согласился бы даже подойти к такому вот близко, не говоря уж о том, чтобы брать его в руки. Сам Льяти тоже не рвался демонстрировать свои кулинарные таланты, предпочитая налегать на прихваченную с собой круто посоленную рыбу. Вяленая в местном климате никуда не годилась, — она моментально отсыревала и гнила.

После неё, правда, страшно хотелось пить, — а с водой тут тоже было плохо: она тут была везде, но из-за кишачей в ней живности походила на суп. Земляне пробовали её кипятить — но, во-первых, в здешнем лесу нельзя было найти дров, одни лишь сырые гнилушки, а во-вторых, даже кипяченая вода покрываласьдохлыми личинками и воняла тухлой рыбой. Пить такое Антон не согласился бы даже под страхом расстрела, да и другие ребята тоже. К счастью, тут, у речки, в изобилии рос *кынг*, в свернутых листьях которого собиралась отдающая плесенью, но зато вполне безвредная вода...

Без Льяти они наверняка пропали бы тут уже на второй день, и тот всю этим пользовался, рассыпая бесчисленные, и, по мнению мальчишек, совершенно ненужные указания. Да и чувство юмора у него точно было... странное. Льяти хватал с кустов мерзко

выглядевших слизней, делал вид, что надкусывает их, — и весело смеялся, когда землян начинало тошнить. Антон пару раз пробовал дать ему в ухо, — но Льяти каждый раз уклонялся с небрежной легкостью, и вновь смеялся. Очень хотелось послать его подальше, — но вот как раз это никто из землян сделать не решался. Льяти мог обидеться и в самом деле уйти — и что им тогда делать? Дорог тут и в помине не было, а лесных троп никто из них не знал. К тому же, с Льяти и его луком было как-то спокойнее. Стрелял он далеко и точно, и пара убитых им тварей ребят откровенно напугала — что-то вроде крупных лемуров, но мерзкого зелено-коричневого цвета и с парой жутких, сантиметров по десять, когтей, похожих на стальные крючья. *Вульты*, как говорил Льяти, прыгали на жертву сверху и разрывали ей горло. При виде их когтей в это хорошо верилось, и мальчишки всё время крутили головой, — хотя Антон, на самом деле, не представлял, как Льяти ухитрился заметить *вультов* в этой дикой мешанине веток и листвы, в которой, к тому же, всё время что-то порхало и бегало.

Обезьян и похожих на них тварей тут было великое множество, в то время как на земле почти никто не жил, — наверное, и к счастью. Единственный представитель крупной местной фауны, какого им удалось тут заметить, походил на жирафа — только массивнее и с парой лишних конечностей, похожих на ноги богомола. Ими *ри`на*, как назвал его Льяти, прорубался через заросли, но вид у него был на удивление злобный, да и характер, как говорил Льяти, вполне ему соответствовал. К счастью, гигант — его рост был раза в три больше человеческого, — прошел далеко в стороне, не заметив людей или не обратив на них внимания, и Антон с облегчением перевел дух. Во всем виде *ри`на* было что-то... глубоко неправильное — и, откровенно говоря, жуткое, пробирающее до озноба. Как говорил Льяти, многие существа, как и люди, появлялись здесь из других миров, и некоторые из них оказывались настоящими монстрами. К счастью, они так и оставались в лесах, не выходя в степь или к морю, и, обычно, не нападали на людей, — но, когда это всё же случалось, по Ойкумене ещё долго ходили страшные рассказы...

* * *

Антон мотнул головой, очнувшись от воспоминаний. Сейчас они шли по относительно открытому месту, — река тут текла почти прямо, окруженная мощной колоннадой стволов толщиной в добрых метра два. Они стояли так густо, что за полсотни шагов уже ничего видно не было. У реки же они расступались, образуя нечто вроде анфилады, освещенной косыми, — дело уже шло к вечеру — солнечными лучами. И вот там, впереди, вдруг показались люди. Антон насчитал пять или шесть. Грязные, лохматые, одетые в шкуры, — но при том в рогатых шлемах... и с широкими мечами.

— Хоруны! — Сергей сплюнул. — Только их нам не хватало!

— Да не, это Хорги и есть, — Льяти усмехнулся. — Хоруны черепа *ринов* носят в виде шлемов, и копыя. И не трусы, к тому же.

Антон мельком взглянул на туземцев. До них было не больше сотни метров. Одетые в косматые шкуры, длинноволосые, они, однако, ничуть не были напуганы.

— А это точно Хорги? — спросил Андрей. — Ты ж говорил, что они все трусы. А это просто викинги какие-то...

— Да точно-точно, — Льяти оперся на копыя и усмехнулся. — У них шлемы из кожи, а

мечи деревянные. Не драться, а так, для понтов. Драться-то они и не умеют, зато страсть как любят пугать всех, кто слабее. Хотите, я им морды набью?

— Нет уж, спасибо, — буркнул Сергей. — Давай, знакомиться пошли...

* * *

Шагая к поджидающим их Хоргам, Антон невольно поёжился. Не то, чтобы он боялся, просто, ему стало... неудобно. Всё же, Хоргов было больше, и смотрели они не особо приветливо. Да и земля вокруг, как не крути, всё же их, и они тут — в своем праве. В том числе — и в праве выдворить незваных, вообще-то, гостей...

Пока что, правда, Хорги явно не рвались кого-то выдворять, — построившись рядком, они вполне спокойно поджидали гостей. Пятеро парней лет по четырнадцать, но не слишком здоровых — скорее, вполне обычных. Босых, светловолосых, в самом деле, чем-то похожих на викингов, только лица их казались всё же слишком мягкими для гордых скандинавов. Наверное, так могли бы выглядеть какие-нибудь бельгийцы или голландцы. Правда, живьем Антон ни тех, ни других не встречал. Смотрели Хорги настороженно и даже несколько тревожно, — похоже, что встреча с четверкой крепких парней не слишком их обрадовала.

— Привет, — вполне дружелюбно сказал Льяти, сложив руки на копьё, упертом тупьём в землю.

— Мир вам, — нейтрально сказал средний из Хоргов. Теперь Антон заметил, что мечи у них и в самом деле деревянные, — но в их кромки вставлены какие-то зазубренные зубы, вроде акульих, так что выходило что-то вроде громадной костяной пилы. Получить удар такой штукой не хотелось. — Что привело вас в наши земли?

— Мы тут проездом... ой, то есть, проходом, — поправился Льяти. — Идем на запад, — туманно сообщил он.

— С миром? — спросил Хорг.

— С миром, с миром, — буркнул Льяти. — Если получится.

— Если, — спокойно сказал Хорг. — Ты привел незнакомых людей, — он подозрительно посмотрел на землян. — Мне это не нравится. Вам придется дать объяснения Комиссии. Всем вам.

— Вот и славно. Сразу узнаем последние новости и всё такое.

— Но сперва вам придется сдать оружие.

Льяти одним легким движением повернул копьё острием вперед.

— Отними.

Хорг вздрогнул и отступил на шаг назад. Его друзья подняли мечи, но как-то не слишком решительно. Антон невольно подумал, что насчет «набить морду» Льяти не так уж и приврал.

— Хорошо, до селения сможете идти с оружием, — пошел на компромисс Хорг. — Но входить с ним вам туда нельзя.

— Ладно, ладно, тогда пошли давай, — Льяти явно надоели все эти церемонии.

Хорг молча повернулся и пошел вперед, указывая дорогу. Его собратья потянулись за землянами, в некотором отдалении — это неприятно напоминало конвой, и Антон нахмурился. Встреча получилась какая-то мутная, — и он чувствовал, что и дальше лучше не

К радости ребят, до селения Хоргов было совсем недалеко, — каких-то полчаса ходу. Само селение оказалось неожиданно уютным, — десятка два маленьких хижин со стенами из вбитых в землю кольев и крышами из больших круглых листьев, похожих на тарелки. Оно стояло на поляне, на вершине небольшого холма, так что тут оказалось не сыро, и даже относительно светло. Между хижин бродили какие-то небольшие скотинки, похожие на земных коз, — но вот никаких укреплений, к удивлению Антона, не имелось. Аккуратный деревянный заборчик высотой по пояс, — просто чтобы не разбредалась скотина, вот и всё. Сам Антон не согласился бы жить в таком вот лесу без солидного частокола, — а скорее вообще не согласился бы, ни за какие коврижки. Это же даже не лес, — это какой-то гадюшник, куда только всяким ученым и охотникам ходить за коллекциями...

У ограды Хорги остановились, выжидательно глядя на гостей.

— Сдавайте оружие, — предложил их вожак, которого, как уже знал мальчишка, звали Эвертсен.

— А вот фиг тебе, — Льяти вновь ловко перехватил копьё острием вперед. — Знаю я вас. Навалитесь кучей и свяжете, — а потом Хорунам в рабство.

— Тогда в селение ты не войдешь, — Эвертсен пропустил мимо ушей обвинения. Может, из гордости, а может...

— Вот и славно, — Льяти вновь спокойно оперся на копьё. — Ребята, я тут подожду. И ваше оружие постерегу заодно.

— Молодец, правильно думаешь, — буркнул Сергей, вылезая из перевязи лука. Самому Антону не слишком хотелось расставаться с оружием, — он с удивлением обнаружил, что намертво привык к нему, — но и Хорги были в своем праве. Он и сам точно не стал бы пускаться в дом каких-то незнакомых вооруженных парней, — а уж пенять за это хозяевам и вовсе не решился бы.

Не слишком охотно ребята сложили оружие к ногам Льяти. Осторожность — осторожностью, но очень уж это походило на капитуляцию. Пусть временную и, в общем, понарошку, — но всё равно...

Эвертсен придирчиво осмотрел гостей, — но настаивать на обыске всё же не решился, и совершенно правильно: потребуй он чего-то подобного, Антон просто послал бы его нафиг. На гостеприимство такие вот вещи не походили ничуть.

— Проходите, — не слишком-то охотно сказал он, — впрочем, вежливо приотворив калитку.

Ребята прошли. Селение Хоргов оказалось неожиданно уютным, — чистенькое, с аккуратно подстриженной травой (Антон даже покрутил головой в поисках газонокосилки, и едва не разинул рот, заметив двух мальчишек, подстригавших траву ногтями!) Хижины окружены невысокими, по колено, заборчиками, у входов даже посажены какие-то цветы, вроде земных анютиных глазок. Народу совсем мало — Антон заметил всего нескольких Хоргов, да и те как-то не рвались приветствовать гостей. Все одетые очень легко, — в какие-то смешные юбочки из больших глянцевого листьев (и девчонки тоже!), с множеством каких-то бус и украшений, что у парней, что у девчонок. Волосы у всех заплетены в две косы на

висках — у парней это смотрелось нелепо и смешно. Вообще, отличить парней и девчонок тут можно было только по фигуре. Похоже, что даже шкуры тут были чем-то вроде военной формы — оно, впрочем, и понятно, в здешней жаре и нагишом жарко... Тишина и малолюдые резанули глаз, — ни одной группки, ни даже пары, — каждый сам по себе, каждый наособицу, в своем чистеньком уютном домике...

Эвертсен остановился у центральной хижины, чуть побольше остальных, без газона и заборчика, — очевидно, резиденции Комиссии. Над ней торчал шест с чем-то вроде флага, — но не из ткани, а плетеным из какой-то вылинявшей синей травы, с кругом из увядших цветов, похожих на ромашки, — похоже, что его подновляли, но не слишком регулярно.

— Входите, — предложил он.

Ребята вошли. Антон почти приготовился увидеть трех толстяков за массивным столом, — но внутри оказалось почти пусто. Лишь у дальней стены висел гамак, да на полу лежало несколько охапок травы. На стенах — вылинявшие рисунки, наверное, вырванные из журналов, но совсем непонятные, — сплошные круги и квадраты. «Абстракционизм», как говорил про такую вот «живопись» дед Антона.

Посреди всего этого стояло трое ребят... вернее, двое ребят и одна девчонка, — высокая, костлявая, с волосами, связанными в хвост, и с длинным (так и тянуло сказать «лошадиное») лицом. Не слишком-то приветливым, на самом деле, словно тут продыху не знали от незваных гостей. Ребята смотрели не дружелюбнее, словно богатый хозяин на конец надоевших бедных родственников. Левый — коренастый, плотный, скорее, даже полный, с круглым, похожим на тарелку лицом, каким-то слащавым, — словно у малолетнего жулика в комедии. Правый, напротив, — высокий, мускулистый атлет, — вполне мог бы играть надменного сынка какого-нибудь аристократа. Светло-голубые глаза смотрели с породистого лица пристально и безразлично, — словно и не гости перед ним, а так, собака забежала в комнату... У Антона сразу зачесались кулаки, — драться он, вообще-то, не любил, но за такой вот взгляд хотелось дать в ухо.

Должно быть, его чувства ярко отразились на лице, потому что парень улыбнулся, — но не насмешливо, а с выражением невыразимого ни в каких словах презрения. Или, точнее, попытался навесить на лицо такое выражение. Получилось не очень. Мальчишка понял, что и этот вот Хорг опасается гостей, — просто из всех сил старается это скрыть. При этой мысли его отпустило. В противном случае он не удержался бы от драки. Смотреть на себя, как на пустое место, Антон не позволил бы никому. Особенно не пойми кому, который и знает-то его без году неделя...

— Кто вы? — наконец, спросила девчонка. Голос у неё тоже оказался неприятный — высокий, визгливый. Именно из таких вот вырастают истеричные тетки, которые только и делают, что портят жизнь мальчишкам, подумал Антон.

Земляне вразнобой представились — надо сказать, безо всякой охоты. Антон даже вспомнил, что в древности не принято было называть свои имена кому попало, — чтобы не навели порчу. Узнав об этом в первый раз, он даже посмеялся, но сейчас... Он не боялся, конечно, что Хорги наведут на него порчу — вот ещё! — просто называть своё имя столь неприятным людям ему вовсе не нравилось. Будут ещё трепать потом во всяких разговорах...

Их имена вызвали тут усмешки и переглядывания, — мол, знаем мы тут этих русских... У Антона снова зачесались кулаки. Он догадался, что с Волками Хорги хорошо знакомы, — и, судя по тому, что они безвылазно сидят в этом гнуснопрославленном лесу, на пару с

Хорунами, это знакомство вышло для них довольно неудачным. То-то они тут бесятся...

Наконец, девчонка решила вспомнить о приличиях.

— Я — Сабина Генрика, комиссар по продовольствию Содружества Эймейден. Это, — она небрежно повела рукой в сторону высокого парня, — Йорд Шелл, комиссар по дипломатии. Это, — ещё один небрежный жест в сторону круглолицего, — Пампус Винкельман, комиссар по терпимости.

— По терпимости к кому? — не удержался Антон. Имя мальчишки тоже звучало смешно, — с таким и в самом деле только жуликов в комедии играть...

— Ах, в основном к нашим достойным соседям, — Пампус театрально взмахнул руками. — Здесь мы добились просто потрясающих успехов, когда...

— «Достойные соседи» — это кто? — ошалело перебил Антон. — Хоруны, что ли? Так они же все рабовладельцы!..

— Нет, нет, так нельзя говорить! — Пампус снова замахал руками. — Это оскорбительно!

— Оскорбительно назвать рабовладельца рабовладельцем? — Антон ошалело мотнул головой. — А КЕМ его тогда называть-то?

— Владельцем движимостей, конечно же, — снисходительно сообщил Пампус. — Это политкорректно.

— Политчто?

— Политкорректно. Нельзя же оскорблять людей только за то, что они следуют своим обычаям.

— Держат рабов? — по лицу Сергея заходили желваки. Было видно, что он с трудом сдерживает бешенство. Сам Антон был пока просто слишком удивлен, чтобы злиться.

— Ах, держать рабов плохо, да? — Пампус вновь взмахнул руками. — Безусловно, это попирает основные права человека. Но вы же должны понимать, что Хоруны просто не могут иначе! Таковы обычаи их общества. Им нужно поддерживать порядок на этой огромной территории. Они не могут делать это, если кто-то не будет исполнять за них их хозяйственные обязанности.

— Какой порядок? — Андрей тоже выглядел совершенно обалдевшим. — Тут дикий лес же!

— К западу от нас живут немцы, как вы знаете. Это ужасное, ужасное сообщество, просто одержимое насилием. Юго-восток захватили охваченные тоталитаризмом Волки...

— Чем, чем охваченные? — мальчишке показалось, что Пампус сейчас просто бредит.

— Тоталитаризмом, — Пампус посмотрел на него снисходительно, словно врач на очередного Наполеона. — Неуважением к основным правам личности и человека. Да вы садитесь, садитесь. Угощайтесь, — он вытащил из угла глиняные чашки и кривобокий, явно вручную вылепленный кувшин с козьим, очевидно, молоком.

Антон бездумно сел — в основном, потому, что его сейчас как-то неважно держали ноги. С сумасшедшими он пока что не встречался, — а Хорги точно были сумасшедшие. Он не вполне понимал даже, что они тут имеют в виду.

— Послушайте, я не понимаю, — сказал Андрей, тоже садясь, вслед за Серым. — Какие права? Какая личность? Там ребята мучаются в рабстве! А вы тут...

Поймав три уже откровенно враждебных взгляда, он осекся... и Антон сразу вспомнил, что сумасшедшим нельзя противоречить, — от этого они могут стать буйными.

— Я тоже не понимаю, — быстро сказал он. — Что вы вообще имеете в виду?

Хорги переглянулись — как-то непонятно. Потом тоже сели.

— Пусть мы и оказались здесь, в этом диком мире, — начал Пампус, — мы храним традиции нашего великого общества, его принципы и достижения...

— Какие достижения? Это? — мальчишка обвел рукой хижину. Тоже чистенькую, но довольно убогую, честно говоря.

— Ах, нет, — Пампус поморщился. — Наши моральные принципы, конечно.

— Да что за принципы-то? — не удержался Антон.

— Принципы терпимости, — пояснил Пампус. — Толерантности. Хоруны ведь сильнее нас, верно? Разве мы можем как-то возражать им, тем более, их оскорблять? Даже если они идут против наших моральных принципов? Конечно, нам приходится оказывать им уважение, которого они, наверное, не заслуживают, платить им дань, выдавать им беглых рабов... и просто подозрительных странников, но что же делать? Благодаря всему этому, нам удается избегать насилия в наш адрес, мы сохранили неприкосновенность наших личностей... за исключением тех, к счастью, коротких периодов, когда они бывают у нас... конечно, тогда нам приходится терпеть... определенные унижения, но ведь мы всё равно морально выше их, верно? Зато нам удалось сохранить нашу свободу, наш позитивный взгляд на мир, и поэтому мы...

— Да что за бред? — взорвался, наконец, Сергей. — Какая свобода? Вы вообще о чем?

— Это не бред, — лицо Пампуса вдруг исказила злоба. Теперь оно вовсе не казалось забавным. — Это наши принципы, и мы никому не позволим...

— Бред, бред, — спокойно сказал Серый. — Точнее, декларация трусов: соглашайтесь со всем, чтобы вам не дали в морду, служите, кланяйтесь, чтобы вам не дали в морду, не говорите неприятной правды, чтобы вам не дали в морду, берегите свою шкуру, радуйтесь жизни, даже если в ваш дом пришел враг и весело трахает вас во все дырки — ведь вы же до сих пор живы!..

Сабина вдруг зашипела, словно рассерженная змея. Звук был тихим, но очень... очень страшным. И в лицах парней тоже появилось что-то, уже совсем не нормальное. Ни разу. Мама родная, вдруг подумал Антон, да они же убить нас готовы за всю эту чушь!..

А Сергей... засмеялся.

— Возразить нечего, правда?

Антон смотрел на него. На его узкое, презрительное лицо. На глаза, в которых плескала весёлая гадливость. От друга исходило не очень приятное на ощупь любопытство. Так смотрят на объект... на объект...

— Нам придется задержать вас и выдать Хорунам, как опасных смутьянов и шпионов, — сказала Сабина, поднявшись. — Там вас быстро научат правильным манерам.

Антон как-то вдруг заметил, что она держит в руке нож. Симпатичный такой ножик, с обоюдоострым, чуть выгнутым лезвием длиной дюймов в восемь, и с гардой. Ни разу не каменный, — судя по блеску, из нержавеющей стали. Она держала его лезвием вниз, с какой-то, очень нехорошей уверенностью. Совсем не как девчонка. Скорее, как человек, который уже не раз пускал этот вот нож в ход. И совсем не для того, чтобы нарезать колбасу. Сергей спокойно взглянул на неё снизу вверх.

— *Nemo me impune lacessit*, — очень ровно сказал он.

А потом всё взорвалось. Сабина вдруг взвилась в воздух, её ноги описали огромную дугу, — и она плашмя рухнула на землю, издав странный звук, словно упавшая на пол гармошка. Под Антоном тоже что-то словно взорвалось, — схватив приятно тяжелый

кувшин с молоком, он прыгнул вперед, и изо всей силы обрушил его на голову оскаленного, уже готового к прыжку Йорда. Кувшин тоже взорвался, словно бомба, и Йорд, в облаке белых брызг, полетел куда-то назад. Антон тут же повернулся к Пампусу...

...чтобы увидеть, как вскочивший уже Андрей, тоже изо всей силы, бьет его ногой в грудь. Пампус, смешно взмахнув руками, тоже полетел назад, врезался в гамак, — но веревка лопнула, и он, опять взмахнув руками, рухнул, стукнувшись башкой об стенку. Антон повернулся к Сергею.

Сабина перевернулась на живот, пытаясь встать, — но Серый уперся ей ногой в поясницу и изо всей силы врезал рукоятью ножа (её собственного ножа!) ей по затылку. Девчонка молча ткнулась лицом в пыль. Антон снова быстро повернулся. Йорд всё ещё лежал неподвижно, лицо его было разбито, сквозь молоко бежали веселые темные струйки. Пампус в странной позе лежал у стены, его голова оказалась повернута под неестественным углом. *Готов*, сразу понял мальчишка. Йорд ещё дышал, — но неровно, нехорошо. А начиналось так забавно... — как-то отстранено подумал Антон и прислушался. Нет, всё тихо, никто ничего не заметил... наверное.

В этот миг тело Пампуса вспыхнуло белым, ослепительным пламенем, — а потом вдруг исчезло, и воздух сомкнулся в пустоте с громом орудийного выстрела.

* * *

Антон не знал, сколько он сидел бы здесь, совершенно обалдев от случившегося, — но Сергей, к счастью, опомнился быстрее.

— Валим отсюда, быстро!.. — заорал он.

Антон пулей вылетел из хижин. И буквально нос к носу столкнулся с Эвертсеном — должно быть, тот спешил на шум. Времени на объяснения не осталось, так что мальчишка просто врезал ему в челюсть, да так, что парень, гораздо крупнее его (во всяком случае, толще и мордастее) на ногах не устоял.

Перескочив через него, он помчался к ограде. За спиной кто-то завопил, но на перехват пока никто не бросился, — Хорги лишь испуганно выглядывали из хижин. Зато впереди маячили четверо воинов — и стоявший между них Льяти. Судя по его вдохновенно поднятой руке и перекошенным лицам Хоргов, он всю объяснял им, как глубоко они погрязли в бездне порока. Очевидно, уловив краем уха, что в селении происходит что-то не то, он повернул голову, — и расплылся в ослепительной улыбке.

В следующий миг он поудобнее перехватил лук, который держал в другой руке — и, хорошенько размахнувшись, огрел по башке ближайшего Хорга. Тот без слов ткнулся лицом в пыль, — а Льяти, мгновенно развернувшись, лягнул второго в живот (Хорг тут же рухнул, сложившись пополам, точно перочинный ножик), со всей дури врезал в ухо третьему, — а потом ткнул четвертого луком в поддых. Вся расправа заняла не более пяти секунд.

* * *

— Ничего себе... — наконец, выдохнул Антон, когда они остановились. Погони слышно не было, — но Льяти бежал, как угорелый, и они мчались за ним, пока между ними и

селением не встали два холма. — Как ты их...

— Я врасплох их застал, — сказал Льяти. Лицо его сейчас было очень серьёзным. — Иначе плохо могло быть.

— А всё равно... — Антон оперся руками в колени, стараясь успокоить бешено зашедшееся сердце. Плохо бегать по такой жаре, да ещё и по неровному... — Четверо на одного — это четверо на одного. Да ещё и с мечами, пусть и деревянными...

— У меня лук был, — возразил Льяти. — И я знал же, что этим и кончится. И думал, что делать, когда...

— Ну, это-то понять было нетрудно... — Андней помотал головой. — Делать-то что будем?

— Да всё то же — к западным горам идти, — удивился Льяти. — Только теперь придется кружным путем идти, и быстро-быстро-быстро. Хорги-то за нами не погонятся, кишка у них тонка, — но вот гонцов к Хорунам наверняка уже послали, а уж те из кожи вон вылезут, чтобы вас к себе заполучить. Они ваших, — ну, русских, — аж до судорог не любят. С тех пор, как их Волки сюда, в этот вот лес выгнали.

— Веселенькая перспектива... — Сергей покрутил в руке отобранный у Сабины нож. — Отличная вещь. Жаль, такой дуре досталась. Ну что — пошли тогда...

*Гори, наша радость,
Гори, не сгорая,
Напевом откликнись вдали.
Цвети, наша песня,
От края до края —
Песня советской земли!*

*Для нас зеленеют
Весенние нивы,
И вишни для нас расцвели.
Мы дети свободной,
Мы дети счастливой,
Нашей, Советской земли!*

*Для нас самолёты
Летают за тучи,
И в море плывут корабли.
Мы дети счастливой,
Мы дети могучей,
Нашей, Советской земли!*

Димке было скучно. По-настоящему скучно, до зевоты, как не было ещё никогда в жизни. Впрочем, и строгий постельный режим ему до сих пор не прописывали — ничем, хуже обычной кори и ОРЗ он до сих пор не болел. И нафиг его не пошлешь, что самое смешное — чувствовал себя он, в самом деле, скверно. Голова до сих пор нудно и надоедливо болела, бросало то в жар, то в холод, — а стоило хотя бы подняться, как волной накатывала противная тошная слабость. Неудивительно, что он на стенку готов был полезть. И не сделаешь ведь ничего, — только лежи, как бревно, да пей противные отвары, от которых мозги становятся совсем уже дубовыми. И, что самое гадкое, никто, даже «Ольга Петровна», заведующая у Волков госпиталем, высокая и до ужаса строгая девчонка, не мог ему сказать, сколько всё это продлится. Может, неделю, может, две, а может, и весь месяц. А начнешь дергаться — и вовсе не поправишься, станешь дураком до конца дней...

В дурака Димка всё же не вполне верил — насколько он знал, ничего такого при сотрясении мозга не случилось, — но всё равно, каждый раз становилось страшновато. Мало ли что может случиться здесь, где нет ни рентгена, ни настоящих лекарств... Да и «Ольга Петровна» не жалела черных красок в описании того, что с ним станет, если он не будет «соблюдать покой» — и речь у него отнимется, и ноги, и даже самые мозги... Так что оставалось лишь лежать на набитом травой тюфяке и плевать в потолок. В переносном, разумеется, смысле. Устроили-то его, по здешним меркам, просто лучше некуда, — госпиталь у Волков помещался на третьей платформе Столицы, выше была лишь сторожевая вышка, да резиденция самой «Аллы Сергеевны», так что вид отсюда открывался отличный.

Замечательный, можно сказать, вид — на сине-зеленую гладь Моря Птиц, горбатые острова и изогнутый дугой холмистый берег, — только вот и он не радовал. Не радовала и еда, хотя кормили его, можно сказать, на убой, — но вполне больничной кашей без масла и соли. Могучий дух копченой рыбы пропитал, казалось, всю Столицу, и от каши Димка добавочно бесился. Но «Ольга Петровна» категорично заявляла, что соленое ему нельзя, от него вырастет «внутричерепное давление» и вообще придет пиндык.

Димке страшно хотелось послать её нафиг и нажраться рыбы просто в знак протеста, — но какое там «нажраться», когда даже на горшок в его состоянии сходить — уже подвиг, вот стыдоба-то... Да и девчонки от него не отходили, буквально круглые сутки. Особенно, конечно, Машка — она, можно сказать, поселилась в больнице, поправляла подушки, меняла повязки на раненом боку, — и, дай ей Димка волю, кормила бы кашей с ложечки. В другой обстановке он бы пах и цвел, прося тоном умирающего лебедя и того, и другого, и десятого — но сейчас ему было по-настоящему плохо, и даже внимание девчонки раздражало. Пару раз Димка даже наорал на неё. Машка, конечно, надулась и обиделась, — но ухаживать за ним не перестала, и теперь мальчишку терзал стыд. Уж Машка-то такого ничем не заслужила, — но и извиниться он тоже почему-то не мог, и оттого мучился ещё больше. Да и раненый бок не давал забыть о себе. Стрела лишь скользнула по ребрам, разорвав кожу, — но потом Крых приложился к ране пылающей головней, да и грубо наложенный шов тоже не пошел ей на пользу. То есть, наверное, пошел, но болело всё равно сильно. Не так противно и нудно, как болела голова, но всё равно... Машка регулярно перебинтовывала рану, накладывая какую-то мазь, — но боль вскоре возвращалась, и поделаться с этим ничего было нельзя, — только терпеть. Хорошо ещё, что никакого воспаления и заражения крови не случилось — то ли помогла мазь, то ли его крепкий молодой организм оказался не по зубам здешней заразе, да и прививки от столбняка ему в детстве всё же делали...

Димка вздохнул, и всё же сел, осматриваясь. Разместили его почти по-царски — в отдельной, пусть и небольшой палате со стенами из циновок, сплетенных из длинных, похожих на ремни, листьев «острого дерева», в изобилии растущего на острове Волков. Причем, циновки не просто свисали с потолка, а были растянуты на крепких веревках, так что пройти сквозь них без ножа не получилось бы. Такие же циновки играли тут роль сразу и окон, и штор — их растягивали во время частых здесь грозových бурь, защищая Столицу от ливня и града. Они же покрывали и бревенчатые, засыпанные золой полы, делая комнату похожей на громадный кузов для грибов, какой был у Димки дома.

Подумав о доме, мальчишка вновь вздохнул. Домой ему очень хотелось, чего уж там, — но сейчас он, увы, ничего не мог для этого сделать, отчего ощущал себя едва ли не предателем. Борьке и Юрке было не легче, — хотя Борька лежал в соседней «палате» с разбитой головой, а Юрка шкандыбал на самодельных костылях, словно настоящий инвалид войны, — пробитая стрелой нога заживала небыстро. На самом-то деле шел всего третий день с того памятного боя, — но по земному счету это было уже добрых дней пять, почти неделя. Нет, лучше Димке становилось, — но слишком уж неспешно. Похоже, что он проваляется тут ещё добрых недели две, как свинья, в то время как другие ребята...

Нет, думать об этом совершенно не годилось, — сделать-то он ничего не мог, даже при желании, а постоянно травить себя мыслями, как они и что с ними, явно не стоило. Так и в самом деле превратишься... ну, не в дурака, но в записного неврастеника — точно.

Ещё раз вздохнув, мальчишка сполз с тюфяка и подобрался к ограждавшим платформу крепким перилам. Внизу было весело и шумно, — Волки ткали новый парус для «Смелого».

Ткацкий станок для этого им потребовался бы больше органа, так что поступили они проще, — от выступавших из верхней платформы Столицы балок до земли была натянута хитроумная сеть из веревок, по которой, словно пауки, ползали ткачи. Роль челнока играло цельное бревно — пусть выдолбленное изнутри и снабженное плетеными ручками, но работа всё равно получалась нелегкой. Ещё несколько мальчишек ползали вдоль полотна по веревочным лестницам, с помощью каких-то шуковин уплотняя сотканый материал, или стояли на земле у ворота, тоже сделанного из цельного бревна, на которое то полотно наматывалось. Чтобы как-то разнообразить скучное мероприятие, ребята пели.

*Когда над нами день встаёт,
Плечом раздвинув дали,
Мы солнце доброе своё
Друзьям по-братски дарим.*

*Гори, гори, весёлая заря,
Пой песню, свежий ветер!
Быстрее, быстрее кружись, Земля,
Цвети на радость детям.*

*Когда мы с песней — мир светлей,
И звонче наше счастье.
Сердца и двери для друзей -
У нас открыты настежь...*

Песня была незнакомая, пели её весело и дружно, и Димка заслушался. И невольно вздрогнул, когда за заменявшей дверь циновкой кто-то вежливо покашлял.

— Входи, входи, — предложил он, забравшись обратно в постель и накрывшись одеялом — всё же, ничего, кроме трусов, на нем сейчас не было.

Циновка сдвинулась в сторону, — она не откидывалась, а скользила на натянутых у потолка и пола веревках — и внутрь вошел Антон Паланов. Отчества его Димка не знал, да ему оно и не было нужно. Он уже знал, что этот, здешний Антон был «верховным визирем» при самой «Алле Сергеевне», то есть, по сути, её заместителем и «вторым человеком в государстве». Он был где-то на год старше Димки, — то есть, ему было уже лет пятнадцать, — но высокий даже для своих лет, ладный и крепкий. Сложение его нельзя было назвать атлетическим, — но сложен он был великолепно, и всем своим видом показывал, что знает себе цену. Кожа его отливала молочной белизной, резко выделяясь на фоне черных волос и карих глаз — очень необычное сочетание, чем-то очень напоминающее Льяти. Широкое лицо с высокими скулами и большим чувственным ртом было бледно, с плосковатым носом — симпатичное, но вовсе не лицо красавца, — его необычайно меняла улыбка, открывавшая ряд белоснежных зубов. В общем, Димка не видел ничего необычного в том, что «Алла Сергеевна» всячески ему благоволила, — выглядел Антон как дар свыше всему женскому роду. Двигался он энергично, но не резко — скользил в воздухе, словно рыба в воде. Когда Димка с ним заговаривал, он поначалу складывал руки на груди и смотрел на него с серьёзным и деловым выражением лица, словно настоящий Большой

Начальник. Сейчас, правда, эта придури у него уже в значительной степени прошла.

— Как ты тут? — спросил Антон, садясь на плетеный, набитый травой пуфик, которые в изобилии валялись по всей Столице. Одет он был лишь в невероятно заношенные, утратившие всякий цвет шорты, перетянутые таким же облезлым кожаным ремнем. На нем, правда, висели ножны с настоящей финкой — не только полезный инструмент, но и знак статуса, потому что настоящих стальных ножей у Волков осталось всего несколько штук, — и истертая кожаная сумочка. Вначале Димка принял её за патронный подсумок, какие он видел у офицеров в кино, — но Антон сказал, что это всего лишь сумочка для документов, модная на его родине.

— Нормально, — соврал Димка, подтыкая подушку повыше. Принимать гостя лежа в постели ему было неловко, — но хоть какое-то развлечение, а то Машка опять куда-то смылась, и до обеда ещё далеко, да и что тот обед — одно название...

— Башка болит? — спросил Антон.

— Болит, — буркнул Димка. Врать в таких очевидных вещах он совсем не видел смысла.

— Ничего, поболит и пройдет, — оптимистично предположил Антон. — Когда меня в том бою по башке треснули, — я вообще с месяц провалялся, думал, сдохну нафиг... Но оклемался, как ты видишь.

— Игорь как? — спросил Димка. Сочувствие, даже в такой замаскированной форме, его сейчас злило.

— Да так же, как и ты, — вздохнул Антон. За странноватую внешность его тут прозвали Метисом — он, в принципе, не обижался, благо, разных Антонов тут было целых семь. — Лежит, бесится... Ну да ему не в первый раз уже.

Димка вновь вздохнул. Он уже знал, что именно Метис командовал Волками даже не в сражении, а в настоящей войне, когда ребята выгнали Хорунов с морского побережья в леса, несколько раз был ранен — а один раз так даже и убит, и потом несколько недель пробирался к своим. Слушать про такое ему до сих пор было странно, — и становилось почему-то невероятно обидно за свой родной мир, в котором люди умирают навсегда...

— А Морские Воришки как? — посетителей в свою вотчину «Ольга Петровна» не пускала, и новости доходили сюда, наверх, как-то трудно.

— Да как обычно, — Метис пожал плечами. — Рабов их бывших в племя приняли, бедняков — ну, тех своих, кому в их племени хреново жилось, тоже. Этих, понятно, с испытательным сроком. Остальных на Остров Мертвой Головы отправили. С голоду они там не сдохнут, а там посмотрим...

— А что ж вы раньше с ними не разобрались? — спросил Димка. — Вы же в любое время могли...

— А скучно тут, — Метис прямо посмотрел на него. Лицо у него в этот миг было хмурое. — Вот проживешь тут с моё — начнешь ценить врагов больше друзей...

— Там же ребята в рабстве мучились, — с чувством сказал Димка. — Гады вы...

— Ну, гады, — легко согласился Метис. — Но раньше-то все разговоры были о том, что Морские Воришки сейчас делают, да что могут сделать, — а теперь тут, брат, будет снова ску-у-у-учно. А это, поверь мне, вовсе не к добру.

— А домой попробовать вернуться? — спросил Димка. — Победить Хозяев, найти эту Драконову Флейту, понять, что это за мир, наконец?

— Так мы же пробовали, — Метис опять пожал плечами. — Чего мы только тут не пробовали... А толку?

— Плохо пробовали, значит, — Димка поёрзал в постели. Мысль о том, что даже ребята из будущего за эти тридцать лет ничего тут не добились, мягко говоря, не вдохновляла. — Про Флейту вот, например, не узнали, хотя Певцы у вас прямо под боком живут.

— А я тебе сотню таких историй расскажу, про всякие волшебные штуковины, да как домой вернуться. Может, и не все они враньё. Да только как проверить-то? Если кто и вернулся домой, — так нам уже не расскажет.

— Отряд в западный лес послать, найти эту Флейту, Хорунам хвосты накрутить в очередной раз...

— В западном лесу я уже был раз — больше не хочу, — Метис нахмурился. — Гиблое место, и гадкое. А про горы за ним и вовсе несусветное рассказывают. Ты про Поющего Червя слышал, нет? А я вот слышал. Говорят, живет там такая тварь — червяк, не червяк, растет прямо из скалы, и Хоруны ему каждый год по семь человек скармливают, чтобы не пел. Потому что от тех песен люди с ума даже за сотни километров сходят. А если год никого не скармливать ему — так он из скалы своей и вылезет, и тут свету и конец придет.

— Да ну, фигня какая страшная, — Димка невольно поёжился. — Сам-то ты его видел? Или хоть говорил с теми, кто своими глазами видел?

— Нет, — неохотно признался Метис. — Да только те, кто своими глазами видел, говорят, до сих пор под себя ходят. Такие вот, брат, дела.

— Туда наши ребята пошли, — после слов Метиса Димке стало совсем нехорошо. — Серый и Андрюха с Антоном. Немцев за вымя пощупать. Ну, и Льяти с ними.

— Ну, так с Льяти им как раз не будет ничего, — усмехнулся Метис. — Он-то Ойкумену лучше всех знает, наверное. Сходят, вернуться... Новости какие принесут, опять же. Льяти-то как раз не дурак в опасные места лезть — потому и бегаёт по миру до сих пор. Удачливый он...

— И всё? — хмуро спросил Димка. Может, Метис был и прав, — но его правота мальчишке совершенно не нравилась.

— А ты чего хотел? — удивился Метис. — Чтобы мы все поднялись и поперлись на запад, Зло повергать?

— Ну да, что-то типа того, — признался Димка. — Вас же много! Четыре сотни почти — батальон собрать можно! А Хорунов, говорят, и четырех десятков не наберется.

— Только вот каждый из них трех наших стоит, — хмуро возразил Метис. — Они же не работают совсем, — только тренируются сражаться. Да ещё сотни две рабов, которые за них драться будут. Да ещё разное зверьё, которое они страсть как хорошо умеют на незваных гостей натравливать. Плавали, знаем... Тебе ещё копьем в кишки не засаживали? А мне вот, между прочим, прилетело...

— И что?

— А то. Три дня промучился — и помер. Очнулся далеко на западе, в лесу, прямо, в чем был. Месяц потом к своим шел, чуть снова с голоду не сдох — неопытный же был совсем. Лягушек, не поверишь, живьем жрал. Листья даже... Снова по своей воле на такое подписываться... ну нет уж.

— Трус ты, — зло сказал Димка. — Трусло. Там ребята в рабстве мучаются — наши, русские даже, — а ты...

— А я. А ты — просто дурак, — очень спокойно сказал Метис, поднимаясь. — Молодой, небитый... ну, почти. Наивный такой... Копье в кишки — это, знаешь, не самое страшное ещё. Это можно вынести. А вот когда...

— Что? — спросил Димка, не дождавшись продолжения. Разговор перестал ему нравиться совсем.

Метис молча смотрел на него, явно собираясь что-то сказать — но всё не решаясь.

— Я тебе покажу кое-что, — наконец, сказал он. — Тогда, надеюсь, сам поймешь.

Он быстро повернулся на пятке и вышел, с шелестом задвинув «дверь». Димка вздохнул. На самом-то деле Метис был старше его раза в три, и споря с ним он и впрямь чувствовал себя дураком. Только вот правее от этого он всё равно не казался...

Ждать ему пришлось недолго — с минуту, быть может. Потом Метис вернулся и молча протянул ему блокнот. Старый, потертый, из той, ещё до Ойкумены, жизни. Но дорогой. При первом же взгляде на него Димке вспомнились всякие аристократы, которые аж в Париже заказывали себе бумагу для одного какого-то конкретного письма. Ну и ещё, естественно, девчонки из самых выпендренных, которые целый блокнот могли «оформить» разными нарисованными от руки виньетками — ну, чтобы, типа, только мой неповторимый стиль — «а я вот любые заметки пишу на таких вот высокоартистичных и сильнохудожественных листочках». Но это был явно фабричный блокнот, такие Димка видел в магазинах: формат вертикальной половины обычного машинописного листа, красивая глянцевая обложка, перфорация под отрыв листа, очень качественная белая блокнотная бумага, тонкая, но плотная, а внизу каждого листа, в правом уголке — какой-нибудь рисунок, либо голубой, либо светло-коричневый, либо бледно-зелёный: парусник, или олень, или изящный цветок. И все твои письма и заметки тут же приобретают эдакий оттенок яркой индивидуальности и тонкого художественного вкуса... Как говорил Димкин отец, вещь с понтом и претензией. Этот вот блокнот как раз был с кораблями. Синенькими, под цвет моря. И исписан четким, очень аккуратным почерком, при первом же взгляде на который в душе у мальчишки шевельнулась черная зависть: ему до такого было очень далеко. Он вздохнул, и вновь взглянул на первую страницу.

«22 мая 1989 года. Сегодня, в мой пятнадцатый день рождения, мама подарила мне этот блокнот. Я решил начать вести дневник...»

Димка поднял глаза и вопросительно посмотрел на Метиса. Ему мама внушила, что читать чужие дневники — мерзость и гадость, и сейчас он чувствовал себя очень неловко. Дурацки даже чувствовал.

— Ты в самом конце читай, — неохотно сказал Метис. Видно, неловко сейчас было и ему.

Димка молча открыл последнюю страницу. Почерк здесь был совсем другой — дерганный, рваный. Верно, не нужно было быть экспертом-графологом, чтобы понять — всё это писалось в очень раздерганных чувствах.

«289-й день второго года Попадания. Сегодня ночью пропало ещё трое пленных. Покончили с собой, потому что клетки нетронуты. Черт знает, как — повеситься там не на чем, а если бы перегрызли себе вены, — на земле осталась бы кровь. Сегодня ночью сам буду следить...».

«290-й день второго года Попадания. Я видел. И уже никогда не смогу забыть. Рыгхар зубами оторвал щепку от кола. Длинную, острую. И загнал себе в глаз, наверное, достав до мозга, — тело сразу же исчезло. Я не успел ему помешать. Он меня видел, но ему было уже всё равно. Его усмешка — это самое ужасное, что я видел в жизни. Да, Хоруны — звери, но мужества у них не отнять. Как же мне тошно...».

В самом конце листа была ещё запись, без даты, — наверное, сделанная в тот же день.

«Осталось одиннадцать пленных. Сегодня же приказал всех отпустить. Пусть они вновь займутся старым, — но не творят с собой... такое. К черту, к черту, к черту эту войну, есть вещи, которые я просто не могу делать. Прости, дорогой дневник, что мы расстаемся на такой ноте, — но это, в самом деле, всё».

— Понял, наконец? — спросил Метис, забрав у него блокнот.

— Понял, — буркнул Димка. Сейчас ему тоже было тошно, как никогда в жизни, — и сотрясение мозга не имело к этому уже никакого отношения...

* * *

— Я бы сейчас даже пирог с картошкой съел, — с тоской сказал Борька, глядя вниз. — А дома-то нос воротил, во дурак был, да? Да что там пирог! Я бы сейчас теста поел, просто сырого. Сил уже нет нюхать...

— Да! — согласился Димка. Сырое тесто, особенно песочное, для тёртого пирога, в детстве было невероятно вкусным. Куда вкуснее, чем готовый пирог. — Но начинка всё равно вкуснее.

— Да, да! — подтвердил Борька. — Тертые с сахаром яблоки для начинки я в детстве только так ел, гоголь-моголь взбитый для безе — тоже. А уж вишня с сахаром — вообще праздник души. В общем, все взрослые — это дикие, дикие люди: портят столько замечательных вкусных вещей, которые гораздо приятнее слопать сразу и в сыром виде.

— Только не рыбу, — вздохнул Димка, тоже с тоской глядя вниз. Словно назло, кухня Волков помещалась едва ли не под окном его «палаты». Ну, не кухня, конечно, а просто очаг — длинная, метров в пять, мелкая яма, обложенная плоскими камнями, между которых жарко пылали угли. Яму перекрывало несколько каменных плит, на которых пеклась к ужину рыба, распространяя одуряющий аромат. Вокруг ямы кружком сидели девчонки, то и дело отгоняя мальчишек, пытавшихся подобраться поближе. Димка очень хорошо их понимал...

— Эй, не помешал? — дверь в «палату» Борька оставил открытой, так что Метис зашел просто так, без привычного уже покашливания. — Натё, а то помрете тут совсем, — в каждой руке он держал по здоровенному куску копченой рыбы, которые и вручил обалдевшим мальчишкам.

— Да нет, что ты! Заходи, — Димка лишь махнул рукой и тут же вцепился в кусок. Рыба была обалденная, да и закоптили её с явным знанием дела, так что в ближайшие несколько минут он был очень занят. Метис никуда не ушел, сел тут же, насмешливо посматривая на ребят, — но сейчас это Димку не злило. — А вредно не будет? — несколько запоздало спросил он, бросив хребет рыбы в горшок.

— Рыба полезна для мозгов, — ухмыльнулся Метис. — Фосфор там и всё такое.

— То-то вы так её трескаете, — хмыкнул Димка, глядя вниз. Девчонки, наконец, раздали рыбу, и сейчас там лопали все, держа её прямо руками. — Прямо как дикари какие.

— Да, мы думали, что у вас тут культура, щипчики для омаров, вилочки для улиток, четырнадцать слева, шестнадцать справа, венецианский хрусталь, богемский фарфор, — а тут просто ужас что, — поддакнул Борька.

— Венецианское стекло, богемский хрусталь, саксонский фарфор, — педантично поправил Димка. — К улиткам положены щипчики для удерживания и вилочка.

— Ага, — щипчиками мы ловим улитку на дереве, вилочкой достаём из раковины и жрем, — хмыкнул Борька. — Льяти оценил бы это кулинарное искусство.

Димка поморщился. Упоминание Льяти пришлось совсем не к месту, — думать на эту тему ему сейчас не хотелось вообще.

— Ну, извини, не догадались хрусталь в поход взять, — Метис развел руками, и ребята засмеялись. — Обходимся, чем есть.

Димка кивнул. С посудой тут и впрямь было неважно, — но девчонки ухитрились обходиться без неё: плели широкие мелкие корзины, которые накрывали здоровенным, больше земного лопуха листом, — и в итоге получался вполне оригинальный поднос, который после еды и мыть не приходилось, — лист просто выбрасывали и срывали новый. Никаких тебе нарядов «на посуду» и прочих радостей культурной жизни...

— А красиво у вас тут, — невпопад сказал Борька, устраиваясь поудобнее. «Палата» Димки выходила на запад, солнце зашло, так что перед ними во всю ширь раскинулся роскошный местный закат. Над обычным рыжим заревом поднималась широкая полоса чистого зеленого сияния, плавно перетекавшего в бездонное, зеленовато-синее небо, перечеркнутое алыми и зеленовато-белыми длинными облаками. Между них висели две здешних луны — одна зеленовато-голубая, покрупнее, и вторая, поменьше, рыжая, чем-то похожая на земной Марс. Над морем уже поднялась палевая дымка, сливаясь с закатом, и темные глыбы островов, казалось, парили в воздухе над ней, придавая пейзажу уже окончательно таинственный, совершенно неземной вид...

Димка вздохнул. Тоска по дому накатила с невероятной силой, и он, сжав зубы, недовольно помотал головой: так недолго было и расплакаться.

— Домой хочешь? — участливо спросил Метис.

— Угу, — буркнул Димка. Развивать эту тему не хотелось.

— Мне тоже, — Метис вздохнул. — Да только что делать-то... Ты лучше подумай, как нам тут повезло. Вечная жизнь и всё такое. И не просто жизнь, а натуральное бессмертие. Даже если тебе руку оторвут или там глаз выбьют, — залез на скалу повыше, оземь ударился — и снова как огурчик. И болезней никаких нет, разве что простынешь или отравишься чем...

— Ага, и вечный мальчик, — неожиданно хмуро сказал Борька. — Ни семьи, ни детей, одни вечные каникулы, блин.

— Мне на самом деле уже сорок пять, — возразил Метис. — Дома я бы уже пожилым дядькой был, с пузом и лысиной. С геморроем каким-нибудь, с одышкой... А ещё лет через тридцать и вовсе в ящик бы сыграл. И всё. Совсем всё.

— А родители как? — вскинулся Димка.

— Так тридцать лет же прошло, — удивился Метис. — Их и в живых-то, наверное, давно уже нет. А я вот живу, живу...

— Вот-вот, — поддержал Борька. — Живете просто так, ни для чего. словно растения какие-то.

— Сам ты растение, — обиделся Метис. — Нормально живем, как в старину люди жили. Даже получше многих. Скучновато, конечно, этого не отнять. Но тут уж каждый сам себе хозяин. Кто новые песни сочиняет, кто фигурки лепит разные, кто работает просто, пока пар из ушей не пойдет.

— А толку-то? — возразил Димка. — Муравьи вон — тоже работают от рассвета до заката и обратно. Только у них и мозгов-то никаких нет, один инстинкт. А у человека цель

должна быть. На то он и человек.

— А ты что — думаешь, что мы тут только веточки из кучки в кучку таскаем? — Метис поднялся на ноги, с наслаждением потянулся, и теперь насмешливо смотрел на него сверху вниз. — У нас и музей уже есть, и экспедиции всякие. И карта Ойкумены, которой ни у кого больше тут нет, — разве что у Хозяев... Два бинокля хороших, поэтому — астрономия. Если ты не дурак конченный, то дело по душе найдешь.

— Так только для себя дело-то, — удивился Димка. — А для всех? Ну, проживете вы тут сто лет, ну — двести, потом одичаете совсем, станете как Квинсы, которые голышом по лесам бегают. Или вовсе в зверей перекинетесь — тут, говорят, и такое бывает...

— Не станем, дорогой, — Метис усмехнулся, снисходительно так... — Алла, конечно, самодурша та ещё, — но мхом покрываться никому не дает, потому-то я и с ней, и за неё... А, раз Морских Воришек теперь нет, она и на берегу порядок наведет, и Горгулий с Буревестниками Родину любить научит. Уж в этом-то я ей помогу, — да и вы, я полагаю, тоже. А там и на дела побольше можно замахнуться...

Димка хотел спросить, что это за дела, но не успел: на сторожевой вышке завопили, и он сунулся к «окну», совсем не представляя, чего ждать. И замер, ошалело приоткрыв рот.

По небу неспешно плыли пятнистые фиолетовые шары. Громадные — метров по шесть в диаметре, и много: он даже не мог все сосчитать. Плыли они с востока, — и, наверное, долго оставались незаметными на фоне темнеющего уже неба.

— Что это? — выдохнул Борька.

В голове Димки тоже закружился вихрь самых невероятных версий — от банальной галлюцинации до воздушного десанта Хозяев. Метис усмехнулся.

— Плоды это.

— Как... плоды? — Димка сейчас совсем ничего не понимал.

— А так. Далеко на востоке, где степь переходит в солончаки, есть такое дерево — румут. Дерево-дождевик. На нем эта фигня и растет — как тыквы-фонарики, только большие. В них постепенно скапливается водород, в конце концов, они отрываются и улетают. Сейчас им самый сезон. Ну, сейчас пойдет потеха...

Во дворе, в самом деле, радостно завопили, потом куда-то пробежали несколько мальчишек с луками. Шары подносило всё ближе — и в небо, одна за одной, взвились горящие стрелы, оставляя за собой тонкие дымные полоски. Первые несколько выстрелов оказались неудачны, — шары летели слишком уж высоко — но, наконец, стрела, пущенная со сторожевой вышки, достигла цели. Шар неожиданно мощно разорвало изнутри ярким оранжевым огнем, оглушительно бахнуло, в лицо толкнулся теплый воздух. Вниз посыпались горящие лохмотья, пламя вывернулось в неожиданно ровное кольцо белого дыма или пара, — и оно поплыло вверх и вверх, наверное, на полкилометра. Димка, приоткрыв рот, следил за ним, пока оно не рассеялось. А шары плыли уже над головой, над морем, чернея на фоне заката. Волки вопили и лезли на всё, что возвышалось над поверхностью, горящие стрелы расчерчивали небосвод, оставляя призрачные дымные дуги. То и дело грохотали взрывы, их эхо, отражаясь от берега и островов, мощно и гулко перекатывалось над морем.

Зрелище было невероятно красивое, лучше любого виденного им фейерверка — и притом, совершенно сюрреалистическое. Димке тоже страшно хотелось взять лук и стрелять, — взрывы получались очень уж красивые, да и похвастать силой руки и верностью глаза тоже хотелось, чего уж там. Но лука под рукой, увы, не оказалось, да он и не уверен был, что сумеет послать стрелу на такую высоту, — метров сто, если не больше. Правда,

запас зажигательных стрел у Волков оказался всё же сильно ограниченным, — пальба довольно быстро прекратилась. Теперь ребята просто сидели, глядя вверх, на последние плывшие вверх белые кольца и так же плавно плывшие шары. Они покрыли уже всё небо до горизонта, — словно туча невероятных мигрирующих планет.

— Ну, вот вам и дело, — с усмешкой сказал Метис, вновь садясь на пол. — На юге — море и Хозяева, туда нам плавать нельзя. На западе — дикий лес и горы, на севере тоже. А вот на востоке — всё степь и степь, потом солончаки, — а что ещё дальше, то неизвестно. Да и деревья эти интересные. У них на листьях, говорят, чистая соль, только в мешок стряхивай. И щелочь где-то в соке, а это тоже в хозяйстве вещь полезная...

— А если кучу этих шаров вместе связать и полететь на них? — предложил Борька. — А то ногами-то из Ойкумены не выйдешь, говорят, — забудешь всё, вернешься... А ветру-то что — несет себе и несет...

— Так тоже можно, наверное, — Метис пожал плечами. — Но особо далеко не улетишь, они же сами по себе потом взрываются. Разбрасывают семена и всё такое.

— А отчего взрываются-то?

— А вот не знаю. Разбираться надо. Алла давно большую экспедицию на восток хочет отправить — сначала на плотках вдоль берега, насколько моря хватит, дальше пешком. Хороший такой отряд, человек на тридцать, вооруженный, с тележками для запасов воды, всё как положено... Вот это дело. Настоящее. Не беготня по лесу с криками «а кто тут хочет Хозяев побить!?»

— А ты что — не хочешь? — удивился Димка.

— А, думаешь, — они есть, те Хозяева? — переспросил Метис. — Я вот их не видел. И никто. Легенда бродит просто. Ну, и роботы ещё эти. Может, Хозяева все померли давно, а роботы их просто так остались, Цитадель стерегут...

— А как мы сюда тогда попали, раз все Хозяева померли?

— А вот не знаю. Может, там просто машина какая-то стоит, которая сюда — ну, в этот вот мир — ребят выдергивает, даже без цели, а так... А может, Хозяева — никакие не Хозяева, а такие же, как мы, бедолаги, которые сами в этот мир провалились, только не с палатками, как мы, а с кораблем...

— С кораблем? С каким кораблем?

— С космическим, ясное дело. Мы, знаешь, её тут рассматривали — давно ещё, когда только в этот мир попали. Сделали змея здоровенного, он с мальчишкой полегче поднимался метров на сто. Ну, и я тоже поднимался. С биноклем, ясное дело. С двенадцатикратным.

— И как?

— А так. Странная такая штука — видно, что вся металлическая. С люками разными, с антеннами... Но она не у берега стоит, а за холмами, и нам только верх видно. А внизу тоже много чего интересного может быть.

— Так может, прямо туда и двинем, а? — предложил Борька. — А то, говорят, даже роботов Хозяев много лет уж не видел никто, — а вы тут до сих пор трясетесь...

— Ну, нет уж, — отрезал Метис. — Много таких умных было. Пробовали уже... Да только потом по лесам им хорониться приходилось. А мы в Столицу знаешь, сколько труда вложили? Вторую такую нам вовек не построить. А вот тогда, брат, нам и впрямь будет жить сразу и плохо, и скучно... Ну да не вечные же они. Когда-нибудь сломаются. Вот тогда и посмотрим, что там. Спешить-то нам некуда.

— Вам-то уже некуда, — а нам так очень есть куда, — возразил Димка. — Зажрались вы тут, только о себе и думаете.

— У нас тут большинство ребят из разных местных племен, которым карачун пришел, — из дюжин двух, пожалуй, — обиженно сказал Метис. — Когда поправишься, поспрашивай их, как они тут до нас жили, да почему к нам прибились. Да что они думают о том, чтобы опять по лесам с голой задницей бегать.

Димка надулся и замолчал. В здешних делах он, честно говоря, до сих пор «плавал». Веселее от этого они, правда, не становились. Вроде, и сделать ничего нельзя, и ребят, которые хотят спокойно жить, тоже понять можно. Да только гадко всё равно...

Разговор незаметно угас, и все молча смотрели на закат и на небо, по которому всё так же неспешно скользили шары. Несколько, очевидно, дырявых прошли совсем низко, один едва не задел Столицу, и Димка невольно отшатнулся: не хватало ещё, чтобы такая громадина взорвалась ему прямо в лицо. Наконец, стемнело уже почти совсем, и закат превратился просто в смутную зеленоватую полосу. На небе зажглись звезды, но ребята внизу ещё не спали, и, словно призраки, сновали туда и сюда.

Димке вдруг вспомнилось, как прошлой зимой они с друзьями, пересмеиваясь, брели вдоль голого, заснеженного сквера. Фонари тогда почему-то не горели — похоже, что во всем городе, — и улицу освещал лишь тусклый желтоватый отблеск множества окон, горевших на разбросанных вокруг темных коробках зданий. Их тусклый отсвет лежал даже на низко нависших облаках, и было довольно-таки светло, — во всяком случае, он мог без труда узнать других гуляющих вокруг людей, даже на довольно-таки большом расстоянии. Тогда это казалось волнующим и очень необычным...

Снова волной навалилась тоска, и мальчишка вздохнул. Сейчас ему очень не хватало друзей — Сергея, Тошки, Максима... Они точно нашли бы, что ответить, — а он сейчас словно тонул, нет, даже хуже, — терял уверенность, что они тут ненадолго, и что Хозяев МОЖНО победить, — если найти способ. Вот же повезло ему тут влипнуть...

— А всё равно, — вдруг упрямо сказал он, больше для себя, чем для кого-то другого. — Ну, стыдно же, ребята, так жить, — по прихоти каких-то уродов, которые нам даже показаться бояться, только роботов насылают своих... Раз уж победить их нельзя — то домой надо вернуться. Пусть сами в свои непонятные игры тут играют...

— Вернуться... — каким-то неприятным тоном сказал вдруг Метис. — А что, если мы никуда не пропадали?

— Это как?

— А так. Ты вот слышал, чтобы целый пионерский отряд вдруг пропал с концами?

— Н... нет, — признал Димка. — Не было такого. Тут не то, что область, — тут вся страна на уши бы встала...

— Ну вот. И я не слышал. А у нас тут только из Союза — пять отрядов. Один аж из девяносто девятого года, где гласность и всё такое прочее. И никто ничего никогда...

— И что? — Димка не понимал, куда клонит Метис, но сам разговор ему почему-то не нравился.

— А то. Ты про всяких двойников в фантастических книжках читал же? Вот и мы, может, такие же двойники. А настоящие мы — ни сном, ни духом... Никуда не пропадали, дружно вернулись домой, пошли в школу, и так далее... А мы тут. И, даже если получится вернуться — то куда? Сам к себе домой придешь и себе скажешь: пойдешь нафиг, я теперь тут жить буду?

Димка ошалело помотал головой. С одной стороны, при мысли, что на самом деле он никуда не пропадал, что его родители и прочая родня не сходят с ума, обшаривая морги и болота, он испытал невероятное, прямо-таки космическое облегчение. С другой стороны выходило, что у него украли его же собственную жизнь, выбросили непонятно куда и непонятно зачем, вернее, даже хуже — сам он теперь непонятно кто и непонятно зачем. Сразу резко зашумело в голове, волной накатила тошная слабость. Тело обмякло, как ватное, мальчишка привалился к стене. Сейчас ему не хотелось уже совершенно ничего...

* * *

— Димк, купаться ещё будешь? — спросил Лис.

— Не-а, накупался уже, — буркнул Димка, вытягиваясь на песке. Вообще-то, на самом деле Лиса звали Аристархом, — в разговоре неизбежно сокращаемым до Арика, что невероятно его злило: лицо у мальчишки было типично русское — широкое и круглое, хитроватое, отчасти даже лисье, с далеко посаженными светло-голубыми глазами и красиво очерченным ртом, волосы густые, светлые и длинные. Димка уже знал, что он не только дружил с Метисом, но и был при нем помощником, — так сказать, заместитель заместителя. В Столице он заведовал разными скучными хозяйственными делами, до которых ни у «Аллы Сергеевны», ни у самого Метиса просто не доходили руки. «Алла Сергеевна» считала их вообще не царским делом, — ну а Метис толковал, так сказать, её волю широким трудовым массам, и тоже мало интересовался разными скучными вещами, типа того, откуда в Столице берутся дрова, весла и бревна для плотов. Лис же как раз был «министром растительных ресурсов», отвечавшим за всё это. Димка в жизни не интересовался таким вот — но, раз ему придется здесь жить, то придется работать. И не как попало, а в полную силу — иначе он просто не умел. А заготовка дров и прочего была точно не хуже прочих дел. Да, не приносящим славы, но всё равно, нужным и полезным. Реально нужным и полезным. А ничего другого Димке пока не хотелось. Хотя с того памятного боя прошла уже неделя, и физически он вроде бы поправился, он всё равно чувствовал себя так, словно его только что треснули по башке пыльным мешком. Всё вокруг казалось ему теперь ненастоящим и каким-то бесцветным, почти плоским. Слова Метиса просто перевернули его мир вверх дном, — и поверить в то, что настоящий Димка не он, что он дома, а он тут вообще непонятно кто, он не мог. Вернее, как раз мог, — но вот принять это всё не получалось. Это было, как самому предать себя, и превратиться в такую же плоскую, бесцветную тень...

— А, я тогда тоже не буду, — Лис повернулся, глядя на что-то. Догадавшись, на что он там смотрит, Димка тоже поднялся. Ну, да, так и есть, — Машка с Ирккой разделявали выброшенный на берег *маути*, громадный здешний фрукт, росший и в западных лесах, а сюда изредка приносимый течением. В самом деле, громадный — длиной сантиметров в шестьдесят и весом килограммов в девять. Ирка упорно резала и обдирала толстую синюю шкуру, а Машка нарезала на аккуратные ломтики плотную фиолетовую мякоть, пронизанную черными, похожими на пули семенами, заворачивала их в листья и укладывала в корзину. На вкус *маути* напоминал земной грейпфрут, — как раз получится десерт к обеду...

Машка сейчас сидела на пятках, и Димка поймал себя на том, что бездумно любуется её стройной спиной, покрытой, как и всё тело, светло-золотистым загаром. Лис сейчас тоже

смотрел на неё, — и Димка толкнул его локтем.

— Одевайся давай. Дальше будешь мне показывать, как вы тут хозяйствуете...

— Да я, в общем, уже показал всё, — Лис вздохнул и всё же отвернулся, направившись к своим штанам. Джинсам, тоже истрепавшимся и совершенно утратившим цвет, — но пока ещё как-то державшимся, хотя смотрелись они, конечно, живописно — на киностудии такие с руками оторвут, наряжать всяких оборванцев и пиратов... — Разве что просто погуляем ещё, до обеда.

— Угу, — буркнул Димка. Возвращаться в Столицу не хотелось. Царившая там суэта раздражала, хотелось просто посидеть, подумать, в надежде, что мысли в голове придут хоть в какой-то порядок...

Лис смешно запрыгал на одной ноге, натягивая джинсы, и Димка невольно подумал, как Волки станут жить всего лет через десять, когда окончательно расплзется земная одежда и сломаются или заржавеют последние стальные инструменты, и так работающие на износ. Хреново они станут тут жить, честно говоря. Никакой музей с биноклями не поможет. Хотя и биноклей к тому времени тоже наверняка не останется — или разобьют, или утопят, как утопили уже целых четыре штуки...

Он недовольно мотнул головой, — думать о таких вот вещах не хотелось. Хотя выходило, что и ему тоже тут жить — и не десять лет, а вообще до бесконечности. В такое вот верилось с трудом, — а точнее, вообще не верилось, и этому Димка был рад: верить в это не хотелось. Совсем. Да только что же делать?

Мальчишка печально вздохнул. Без родной «Банды Четырех» он ощущал себя каким-то потерянным. Вот уж точно: один в поле не воин, как ни старайся. И неясно, когда вернутся ребята, и вернуться ли вообще... Вот это особенно давило. Зря они всё же разделились, совсем зря...

— Чего грустишь? — спросил Лис. — Скоро обед. А после к Морским Воришкам поплывем, на инвентаризацию. Это наша же земля теперь.

Димка вздохнул. Насколько он помнил, Морские Воришки жили на острове, даже на нескольких, — по крайней мере, они считали их своими, но точно никто это не знал. Значит, придется обшарить все западные острова, и не только на предмет ценимого здесь стрелодерева или, скажем, кустов бутылочной тыквы, но и на предмет разных отрядиков, избежавших карающей руки «Аллы Сергеевны». Дело на самом деле серьезное и способное затянуться на много дней...

Чуть раньше Димка завопил бы от радости — вот оно, Настоящее Приключение! — но сейчас ему было тошно. Вот вернутся ребята, — а он с Борькой и Юркой болтается черт знает где, тыквы считает или гоняет каких-то недобитых пиратов. И не откажешься ведь, — сам напросился к Лису в подручные, так что полезай теперь в кузов... Пусть и вернутся ребята хорошо, если ещё через месяц, — но мало ли что, да и оставлять Машку не хотелось...

При мысли о Машке он недовольно помотал головой. Антон вон — не побоялся оставить Ирку, отправляясь к Хорунам, в самый гадюшник. А он... Но плыть с Лисом всё равно не хотелось — даже не потому, что Машка, а потому, что это выходила уже капитуляция. Словно у него есть ещё какой-то выбор... И всё же, — как жаль, что Сергей так и не сказал ему, что делать тут потом, после возвращения от Певцов... Нет, делать-то как раз понятно что: поднимать Волков на драку. Но только вот как, когда и Лис, и Метис, и даже сама «Алла Сергеевна» — категорически против? А ведь тут ещё и Вадим есть — угрюмый здоровенный парень, служивший при «Алле Сергеевне» не то телохранителем, не то кем-то,

куда как похуже... Вот уж точно — Банда Четырех, причем, самая настоящая, не в шутку. И многие тут их поддерживают — и не за страх, а просто за спокойную, налаженную жизнь, и не из лени даже, а просто потому, что по жизни натерпелись всякого... И, что самое противное, даже победа мало что изменит, в самом деле. Ну, разнесут они этот Безвозвратный Город, перебьют Хорунов — так через год или два они вновь где-то соберутся и примутся за старое, только и всего. А в плен их брать...

Смотреть на то, как посаженный в клетку человек загоняет себе в глаз острую деревяшку, ему не хотелось совершенно точно. Метиса-то можно понять — сам Димка боялся и представить даже, как смог бы с таким вот жить. Тогда что? Плюнуть на всё и поплыть на острова вместе с Лисом? А потом, вместе с Метисом, — на восток, в длинное, на несколько месяцев уже путешествие? Ну, ладно, — а потом-то что? Вечность напролет сидеть у окна с Машкой, любуясь местными закатами? От такого точно сдохнуть можно — не телом, так душой, как сдохли тут, похоже, уже многие...

Димка не представлял, до чего в итоге бы додумался, — то есть, совершенно, — но тут заметил бегущего к ним Борьку. Тот тоже вполне уже поправился, — но сейчас глаза у него были ошалелые.

— Сюда Нурны приплыли, мир с Волками заключать! — выпалил он ещё на бегу.

— И что? — новость интересная, конечно, — но он и не знал даже, что у Волков с Нурнами была какая-то война...

— А то, что они по дороге Туа-ти с Астерами видели, — выдохнул Борька, добежав-таки и отдуваясь. — И наших. Эдика с Сашкой и Максима. И Туа-ти им сказали, кто тут может Хозяев победить, вот!..

Димка невольно оглянулся на Лиса, — лицо у того было совершенно обалделое, — и усмехнулся. Знай наших, так-то вот!..

* * *

Понятно, что ни о каком плавании на запад теперь не могло быть и речи. Ребята — все вместе — побежали к Столице, но послов уже препроводили в резиденцию «Аллы Сергеевны» — для переговоров, так сказать, на самом высшем уровне, — а на ступеньках единственной ведущей наверх лестницы сидел Вадим, улыбаясь и задумчиво поглаживая лезвие длиннущего — и где только такой взяли! — похожего на кавказский кинжал ножа. Не то, что приставать с расспросами — даже подходить к нему как-то не хотелось. Волки все бросили работу и тоже собрались здесь, шушукаясь и вполголоса обсуждая невероятную новость. Димка душу бы продал, лишь бы узнать, о чем говорят там, сейчас, наверху, — но долго переговоры не продлились. Спустившись по лестнице, «Алла Сергеевна» лично провозгласила (Димка уже знал, что она и не говорит «с народом» как обычно, а лишь провозглашает что-то там), что всё прекрасно и мир с Нурнами заключен. Ну а где мир — там и пир. На пиру земляне подсели поближе к обалдевшим от веселья и многолюдства послам, — но особо много о друзьях узнать не смогли. Да, пошли искать ариев. Да, с ними настоящий Астер. Да — Туа-ти и впрямь сказали, что Драконы могут победить Хозяев — только вот чтобы их об этом попросить, нужна Драконова Флейта, а где сейчас та Флейта — то никто в целом свете не знает...

— Ну, и что делать будем? — спросил Димка, когда пир кончился, и осовевшие от еды

Волки расползлись спать, — хотя было, вроде, совсем не так уж поздно...

— А что тут делать? — удивился Борька. — Ребята сейчас далеко, тут мы им не помощники уже. А если и сорвемся куда, — то точно разойдемся с ними, напутаем только, помешаем... Ждать надо, когда вернутся. Тогда и посмотрим, где ту Флейту искать...

— А где её искать-то? — спросил Юрка. — Все вон, её тут ищут, уже тыщи лет как — да только толку...

— У знакомых нам племен никакой Флейты нет, это и ежу ясно, — сказал Димка. — Так что, она или у немцев, или у Хорунов, или у Бродяг этих — больше не у кого же.

— Ага, или где-нибудь в горах спрятана, в какой-нибудь пещере, куда ворон костей не заносил, — буркнул Борька.

Димка вздохнул. Нет, умом-то он понимал, что так оно, скорей всего, и есть, — иначе-то эту Флейту давным-давно уже нашли бы, — но мысль... не вдохновляла. До здешних гор и добраться-то мудрено, — а уж шариться по ним и вовсе хоть целую вечность можно...

— Ну, и что делать-то? — спросил Юрка. — Нет, честно, ребята — до чертиков надоело всё это. Пойди туда, не знаю, куда, найди то, не знаю, что... Да и найдем мы ту Флейту — и что? Мы ж языка Драконов-то не знаем, даже как «привет!» сказать. Будем дудеть, как дураки, ни в склад, ни в лад — и только.

Димка хотел было взвиться — да что, сговорились они тут все, что ли? — но тут же прикусил язык. В самом деле, об этом он как-то не подумал.

— Певцы-то знают, наверное, — неуверенно предположил он.

— И что? — спросил Борька. — Если бы Хозяева Драконам мешали, — они б давно их прихлопнули, без нас. Значит, или не могут, или просто не хотят. И тут мы им вовсе с десятого бока, что с Флейтой, что без.

— Да если даже и так — то что? — зло сказал Димка. — Попой кверху на пляжУ туль и хором петь «всё хорошо, прекрасная маркиза!»? А на дом и родителей забить?

— Димк, ты волну не гони, — миролюбиво предложил Борька. — Нет. Нет, нет, конечно же. Но что ты предлагаешь-то? Собрать всех ребят тут в кучу и двинуть на Хозяев?

Димка прикусил губу. Как раз этого ему, в общем, и хотелось. И, более того, казалось очень правильным. Но вот умом он уже понимал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Не всё тут так вот просто, ой, совсем не всё...

— Нет, — наконец, неохотно сказал он. — Но делать-то что-то тут НАДО, иначе мы быстро прокиснем совсем... Не можем Хозяев пока что побить — ладно, черт с ними. Но Хорунов-то как раз вполне можем. Значит, этим и займемся. А там... а там видно будет.

— Ага, а как? — уныло спросил Юрка. — Местные не очень-то...

— Ну, так поднимать их, — зло сказал Димка. — Вот вам и дело. Настоящее. Не тыквы по островам считать.

— Ага, так тебе «Алла Сергеевна» в лес и побежит с боевым кличем, — кисло сказал Юрка. — Ей и тут хорошо, между прочим. Чисто, тепло, холопы в ряд кланяются...

— А она тут вообще кто? — сказал Димка. — Столбовая дворянка? Царица вольная? Владычица морская? Так — вожатая отрядная. И вся власть её дома осталась, вообще-то, как у нашей Аглаи. Там-то она была а-га-га и и-го-го, а тут... девчонка просто. Самая обычная. Вот и Алла эта... воображает невесть что, а здешние лопухи ей и верят, и думают даже, что без Её Величества им ни пукнуть, ни пописать, ни покакать... И Метис при ней этот ещё... Бирон, блин. Радикал Кишелье...

— А вы тут, выходит, три мушкетера?

Димка испуганно вскинул глаза. Ну да, так и есть — они сейчас сидели у самого берега, а Метис стоял над ними, на выступе скалы, — и бесстыдно ухмылялся.

Мальчишка почувствовал, что нехорошо, густо краснеет. Вот говорил же отец, что нельзя других за глаза обсуждать — и не зря, ой, совсем не зря...

— А ты-то тут кто? — зло спросил он. — Предводитель дворянства и особа, приближенная к императору?

— Неубедительно карбонария изображаешь, — Метис уже откровенно скалился. Он набрал в грудь воздуха и крикнул: — Сатрапы! Душителы свободы!

Димка смущенно опустил глаза. Сейчас он чувствовал себя уже полным идиотом. Сатрап точно натравил бы на них «гвардейцев кардинала», или ещё каких дуболомов с дубинами — а Метис вообще был один, и явно не боялся, что его тут завонзают кинжалами, словно Юлия Цезаря в сенате...

А вот интересно, сколько он тут слышал, вдруг подумал Димка. Только про себя — или про «Аллу Сергеевну» тоже? И какие у них там на самом деле отношения? Если как у нас с Машкой, — то я за такое точно в морду дал бы. Ой...

— Глупые вы, — сказал Метис спокойно, и даже неожиданно с грустью. — Как у нас в школе говорили — уже пионер, а в попе значок октябрятский играет.

Это прозвучало очень обидно, и Димка снова вспыхнул. Но извиняться ему всё равно совершенно не хотелось. Точно не после такого. Пусть он и сам сказал глупость, всё равно...

— Зато ты сильно умный, — сказал Юрка. — Прямо князь Потемкин. Таврический который.

— Значит, так, д» Артаньяны, — Метис упер руки в бока, совсем как Аглая. — Я вам что хотел сказать... «Смелый» отплывает завтра утром. На рассвете. Не проспите.

Ну вот и всё, уныло подумал Димка. Поплывем в ссылку, словно князь Меншиков в Березово... Ну, не в ссылку, конечно, — сами хотели же! — но там точно агитировать некого, кроме Игоря и его команды, которые и сами не в восторге от здешних порядков. Разве что Воришек каких отловить и речи им толкать, пока у них уши в трубку не свернутся...

— А ты тут рябчиков будешь жевать с анянсами? — опять не удержался Юрка.

Метис вздохнул. Потом вдруг сел прямо на скалу, подогнув под себя ноги.

— Ребята, ну ведь глупо же это, — спокойно сказал он. — Я сам, когда сюда попал, на стенку готов был полезть. Туда-сюда бросался, как проклятый, ребят на войну поднимал... Только весь итог — вот, — он приподнял руку, открыв широкий, нехорошо заживший шрам на левом боку. — И ещё хуже было, до того, как я... в общем, понятно.

— Ну и что? — ровно возразил Димка. — Что нам делать-то? Сидеть на попе ровно, думать о себе только, и всё?

Метис отчетливо смутился.

— Нет, почему... Вы вот Виксенов с Нурнами помирили — необычное и удивительное дело. Ваши там с Астерами говорили, с Туа-ти даже, — дело ещё более удивительное. Может, и с немцами договоритесь этими, хотя мы сильно их обидели тогда... Нурны вон — Квинсов прогнали, с которыми столько лет сладу не было... Буревестники тоже сгинули куда-то... Морские Воришки — кто у нас, кто того... изолирован.

— Ага, то-то вы без нас с ними справились бы, — не удержался всё же Димка. — Мхом вы тут заросли, вот что.

— Ну, заросли, — вдруг легко согласился Метис. — Замотались в делах, всё такое... Но уж теперь-то... Квинсы с Буревестниками тоже из Ойкумены уйдут, в западные леса, мы там

пару фортов поставим, — и всё будет, как положено... Хорошие люди в хороших местах, плохие, соответственно, в плохих.

— Ага, а ребята у Хорунов будут мучиться в рабстве, — опять не удержался Димка.

— Ну, будут, — вновь легко согласился Метис. — Но вот у Воришек не все мучились почему-то. Знаешь, есть такие люди... Жрать дают, что делать говорят — а ничего больше и не надо. Они и тут сидят и ждут, что им делать прикажут. И делают даже, но только что скажут, от сих до сих, больше ни-ни. А есть и такие, кто жалуется, что плохо, мол, без хозяина — хозяин добрый был, вкусно кормил, бил редко и только за дело... А тут за то, что на цирлах скакал, не похвалят и подачки не дадут. У Хорунов, думаешь, иначе? Одни Спартаки? Так что-то никак они не восстают...

— Хоруны, говорят, гипнотизировать умеют, — буркнул Димка.

— Ну, умеют, — вновь согласился Метис. — Вот у них рабы и не считают, что они рабы. И почитают за великое счастье Избранным Господам послужить. И глотку за них порвать готовы, вот что самое-то гадкое...

— А что, разве никак нельзя этот морок снять? — спросил практичный Борька.

Метис пожал плечами.

— Почему, можно... По башке крепко дать, чтобы сознания лишился, или травы какой, чтобы отрубился наглухо. Только ты попробуй им травы той налить, когда они в тебя копьями тычут... — Метис передернулся. Димка догадался, что и «прилетело» ему от такого раба. Да уж, дела...

— А всё равно, — упрямо сказал он. — Пусть и по башке. Но нельзя же так, нельзя! Вы тут благоденствовать будете, — а они там...

— А они там, — согласился Метис. Взгляд у него в этот миг был жесткий, совершенно не мальчишеский. — Но тут тебе не сказочка в «Мурзилке», тут жизнь. Такая вот. Рассказать, что в последнюю большую войну было? Когда тут племен, можно сказать, не осталось — одни одиночки воскрешенные? Да все вперемешку — что Хоруны, что наши... Когда те, у кого хоть какой-то порядок остался, даже по воду целым войском ходили, с копьями и луками, а те, кому так не повезло, — подальше в чащу забивались, да всем богам сразу молились, чтобы не нашли... Только лет через десять всё более-менее успокоилось, да и то... до сих пор, говорят, по лесам бродят те, кто от одиночества и страха последнего ума решил. А вы хотите, чтобы всё опять... Не извели вы, каково это — по дикому совсем лесу гольшом и босиком бродить, да ещё и не зная, остались ли тут вообще люди нормальные...

Димка хотел что-то возразить — но не нашел слов и надулся, глядя на закат. Кровавый, пугающе огромный купол солнца застыл на горизонте, бросая багровые отблески на поросшие лишайником скалы, и мальчишку вдруг передернуло: точь-в-точь умирающая Земля из «Машины времени» Уэллса, не хватает лишь чудовищных крабов, бродящих по берегу со своим бесконечным «Дуд-а-чок»...

— Ну, и что нам делать-то? — в тысячный, уже, наверное, раз тут спросил он.

Метис вздохнул. Вообще растянулся на скале, положив голову на скрещенные руки. Помолчал, глядя на закат.

— Да хотя бы не испортить снова всё, — наконец неохотно сказал он. — Знаю я этого Верасену — ему лишь бы мечом помахать, ни своих, ни чужих не жалко... Если ваши на него наткнутся — снова буча большая может быть... Надо...

— Что? — спросил Димка, не дождавшись продолжения.

— Изучать этот мир надо, вот что, — как-то невпопад сказал Метис. — Прямо тут вот есть несколько островков, на которых никто не бывает — боятся Хозяев, хотя они и севернее красной линии той... А на них тоже каких-то ребят странных видели... В западных горах, говорят, есть какие-то развалины, про которые никто не знает толком. В северных никто и не бывал вообще, разве что Льяти по снегу босиком гонял... А на востоке, за пустыней, говорят, тоже море есть. То ли как это, то ли уже настоящее... И там, на берегу, стоят Осенние Дворцы, громадные такие... А ты говоришь — война, пики в руки, сабли вон, беляков руби и гонь...

— А что, там, на востоке, разве кто-то бывал уже? — удивился Димка.

— Туа-ти, говорят, каждый год там бывают, — Метис скосил на мальчишку свои странные глаза. — Из Астеров, вроде, тоже кто-то был — Вайми, кажется... Только к нам-то они не заходят, а из третьих уст такого наслушаешься, что голова кругом пойдет. И что там целый город с ребятами, где еда и одежда всем даром, и что там машины Хозяев под землей, и что там самих Хозяев усадьба, с разными дворцами и слугами. Да только не проверишь же, слишком далеко... И тропы знать надо, где вода...

— Ну так и разведали бы, — сказал Димка. — А то всё тут сидите, пьете, жрете, да фейерверки устраиваете...

— А как разведать, когда то Морские Воришки, то Буревестники шалят? — возразил Метис. — Ты вот на Хорунов предлагаешь пойти... А там, на востоке, отряд нужен большой. Мало ли что там... И кто. Ну, да это я и говорил уже...

Димка прикусил губу. Поучавствовать в настоящем, без дураков, географическом открытии хотелось, разумеется, страшно. Да и, чем черт не шутит? Вдруг там и впрямь усадьба Хозяев? И можно будет натурально взять их за глотку? И домой, наконец? Без войны этой бесконечной без шансов на победу, без звериных клеток с пленными, без беготни за Флейтой, которая, если и существует, может быть, просто бесполезная фигня?..

Ой, а я ведь, кажется, тону, — как-то отстраненно подумал мальчишка. — И, что самое противное, мне и выплывать-то не хочется. И новостей от ребят теперь долго не будет всё равно... Выходит, что придется плыть на «Смелом»... И думать, думать, думать до упора, потому что когда ребята вернутся, то сразу и решится тут всё... Нет, до этого я всё равно ни на какой восток не поплыву, конечно... А вот потом... ах, черт, как же хочется просто плюнуть тут на всё и завалиться на пляж с Машкой, чтобы только я и она, и больше никого... и ничего... в смысле, на нас с Машкой — ничего... Можно же, наверное, найти тут какой-то необитаемый остров... или тихое урочище в лесу... или просто уйти далеко-далеко, чтобы...

Что это за «чтобы» мальчишка до сих пор представлял себе довольно смутно. А, да и неважно, что. Главное, чтобы никто его не дергал, не выкручивал мозги, не тянул просто в разные стороны, как два щенка сосиску...

Он удивленно моргнул, поняв, что как-то вдруг стемнело. Ну да, солнце-то зашло уже... и там, куда оно зашло, стояло страшное алое зарево, словно зарево чудовищного пожара. А, черт, опять, словно в готическом романе, где героя на каждом шагу окружают знаки и знамения... не хватает только ворона с черной розой в клюве или сразу тени отца Гамлета...

— Ну, в общем, договорились, значит, — Метис легко поднялся на ноги, и теперь стряхивал с живота землю. — Вы завтра отплываете, а я тут пока начну всё готовить... — он повернулся на пятке, и быстро зашагал назад, к Столице. Димка, так и не зная, что ответить, молча смотрел ему вслед.

Утром он, конечно, не проспал (хотя полночи не сомкнул глаз, пытаясь хоть что-то придумать, да и соблазн, конечно, был громадный: просто завалиться в уголок подальше, а утром предстать перед обалдевшим Метисом с честными глазами нагадившего в тапки кота: мол, нет, хозяин, я хотел, куда положено, да просто не успел...) Но проснулся невыспавшийся и злой, как сто чертей, чего раньше с ним, вообще-то, не бывало. Игорь, конечно, заметил его состояние.

— Что, на пиру вчерашнем переел? — насмешливо спросил он. Димке страшно захотелось дико заорать на него... или даже с ходу дать в морду... но он всё-таки сдержался. Как-то.

— Нет, — буркнул он. — У меня в мозгах... несварение.

— А, вот оно что... — протянул Игорь с какой-то непонятной интонацией. — Тебя Метис, выходит, обработал уже?

— А это правда? — вырвалось у мальчишки. Глупо вырвалось, конечно, — но просто не осталось сил держать всё это внутри...

Игорь как-то странно посмотрел на него. Быстро глянул вправо, влево... Нет, конечно, никаких шпионов в черных плащах с торчавшими из-под них кинжалами за ними тут, понятно, не следило, да и вообще, на причале и не было никого, кроме трех земных ребят, да самой команды «Смелого». Лис со своими ребятами ещё не появился, — собирал вещи, наверное...

— Пошли-ка... — он ловко подхватил его под локоть и быстро потянул куда-то в сторону. Димка невольно последовал за ним, хотя сейчас и ощущал себя довольно глупо, словно персонаж дурацкой книжки про «ошибку резидента» или что-то вроде.

Они отошли в сторону, в узкую расщелину в скалах, к которой вела единственная, хорошо видная отсюда тропа. Над головой торчал острый пик, под ногами бормотали волны, — тут никто не мог ни заметить их, ни подслушать...

— Ты про двойников? — спросил Игорь, осмотревшись.

Димка кивнул. Сердце у него вдруг зашло, словно в процедурном кабинете, когда уже лежишь на кушетке мордой вниз, медсестра протерла зад спиртом и теперь целится иглой. Смешно, конечно, — только не смешно...

— А никто не знает. Да, у нас тут пять отрядов из Союза. Союзов. Разных. Так что на самом-то деле это теория просто. Но такая... удобная. Тут почти все верят. А как на самом деле... это ты у Хозяев спроси.

Димка даже замычал от злости. Только что всё, казалось, улеглось в голове — и опять всё вверх дном! Вот же гадство-то... Неуверенность — она хуже всего... и ему теперь снова с этим жить... как-то.

— А другое? — спросил он. — Война?

— А война вот такой и была, — мрачно сказал Игорь, глядя на него. — С клетками и всем прочим. Про щепки ничего не скажу — это никто, кроме Метиса, не видел. Но пленные из клеток исчезали. Это факт. И что бардак потом был жуткий — тоже факт. Все перемешались же. И что Метиса убили, и что он потом, голый, еле из западных лесов выбрался. И что у нас тут треть бывших рабов, которые от одного имени Хорунов трясутся. Всё правда. Только вот саму Столицу-то как раз они и построили. Хоруны. В смысле, их

рабы, конечно, но на самом-то деле... Мы её только отбили. Ну, и починили, конечно...

— То есть, это всё... — при одной мысли, что здесь на самом деле всё сделано руками рабов, и что Хоруны жили прямо вот тут, на этом самом месте, Димку едва не стошнило. — Но как же можно-то...

— А так. По своей воле такие вот громадины не строят. Только под кнутом. А нам что делать было? Всё сжечь? А самим тогда где жить? Место-то очень уж удобное, да и безопасное, чего уж там...

— А всё равно... — Димка мотнул головой. Он и не представлял, что ему может стать ещё гаже — но, однако же, стало. — Нельзя же просто... так. Ну, нельзя!

— Можно, — тихо сказал Игорь. — Можно, Димка. Ещё как можно... Особенно, когда большинству наплевать, кто, как и зачем... было бы удобно. Да и сами... строители — они тоже тут же... большей частью. И им вовсе не охота, чтобы всё это... зря было. Совсем уже зря.

Димка яростно помотал головой. Хотелось с размаху долбануться ей об камень... только вот он уже знал, что и это всё равно не поможет. Только окажешься где-нибудь в дикой глушбе, как Метис... хорошо, что не голый...

— А другое? — спросил он. — Восток этот, Осенние Дворцы?

Игорь лишь пожал плечами.

— А вот не знаю. Не был я там. То есть, до края моря доплывал, конечно. Степь там, потом холмы, потом снова холмы, — а что дальше, черт знает. На берегу точно ничего нет — ни людей, никого. Только птиц, в самом деле, дофига... Ребята разные и дальше заходили, — но там и впрямь солончаки, озера соленые, деревья эти солевые... а воды нормальной нет совсем. Может, и можно там пройти, да только я не слышал...

— Метис говорит, что Туа-ти и Астеры там ходят же...

— Они-то, может, и ходят. У них, знаешь, время было всё тут обойти, тропы разведать и прочее... Только я-то с ними не общался, а говорят, знаешь, разное. Очень разное даже. Я вот Туа-ти и Астерам на волосок даже не верю. Трусы они. Никогда никому не помогали. Болтаются по миру, как... — Игорь помолчал. — Ни цели, ни плана, ни кола, ни двора, одни истории про страны, где никто, кроме них, никогда не был.

— Ну, и что мне делать? — задал Димка уже традиционный тут вопрос.

Игорь слабо усмехнулся.

— Думать. Очень хорошо так думать. Потому что вы тут начали такое, чего раньше, похоже, вообще никогда не было. Чудеса творите, натурально. Нурнов с Виксенами помирили, Астеров с Туа-ти приручили... Про вас уже тут слухи ходят... всякие. И хорошие очень... и не очень. И совсем даже... не очень. Потому что войны, на самом деле, тут мало кто хочет. А уж «Алла Сергеевна» — особенно. Ей, знаешь, в ту войну тоже солоно пришлось...

— Да плевать мне на неё... — Димка опять начал злиться. — Я думал, что ты...

— Что я тебе подскажу, что тебе делать надо? — Игорь усмехнулся вновь. — Это, извини, нет. Потому что такие вот вещи каждый сам решает. Сам. И только сам. И сам за это отвечает. Вот что самое забавное-то...

Чего тут забавного — Димка в упор не видел. Он даже дернулся уйти — но Игорь вдруг протянул поперек тропинки руку, перегораживая путь.

— Димка... — вдруг очень тихо сказал он. — Я вижу, ты хороший парень. Храбрый, горячий, как мало тут кто... И удерживать я тебя не хочу. Но... в общем, будь осторожнее.

Не болтай, с кем попало. И думай, перед тем, как делать. Очень хорошо думай.

— Или что? — Димка вновь начал злиться. — Ну, что они мне тут сделают-то? На скале распнут, как Прометея? Башку отрубят каменным топором? На дикий север сошлют, валить ёлки пилкой для ногтей? Просто надают поджоппников? Что?

— Да не знаю я... — Игорь смутился и вдруг быстро убрал руку. — Просто ты с Метисом... осторожнее. Он, знаешь, человек очень даже непростой. Извилистый и замысловатый. Вроде и со всей душой к тебе, — а вроде и нет. И очень себе на уме. «Алла Сергеевна» наша... тоже того... не помпадура. Она, знаешь, хорошо так умеет людей мехом внутрь выворачивать. Вот ходит такой парень, вроде тебя, плюет на всех, хочет странного... А вызовет его на ковер, — и как не было его. «Да, Алла Сергеевна. Нет, Алла Сергеевна. Можно мне ещё раз сортир помыть, Алла Сергеевна?». А Вадим так вообще... Он, знаешь, у Хорунов в рабстве долго был. И вроде как стал слегка не в себе. Или даже не слегка. Без дела никого не трогает, — но если уж тронет, костей потом не соберешь... И за «Аллу Сергеевну» глотки рвать готов. Причем, буквально. А ведь и ещё есть... всякие. Арик, орел наш древесный... Тихий-тихий-тихий, слова никому не скажет, — да только вот слух у него... замечательный. Всё, что надо, услышит... а всё, что не надо — особенно. Ну, и передаст, кому надо, да ещё и с комментариями, какой там на самом деле заговор, да кто ещё в нем замешан... Да и не один он тут такой... далеко даже не один. Есть и ещё... любители стабильности. Даже я не всех тут знаю... Да и Аглая эта ваша... теперь прямо в рот «Алле Сергеевне» смотрит, и Танька эта вредная... Так что и ты с ними тоже того... осторожнее. А то мало ли что... Башку тебе, конечно, не отрубят, и на север тоже не сошлют, — а вот на остров какой в голом виде — это запросто. Года на три, чтобы одумался... Или просто по собраниям всяким начнут нервы мотать... «Алла Сергеевна» это тоже хорошо умеет. Ей только сказать надо «фас!» — а уж исполнители найдутся. Вызовут на коврик — и начнут хором стыдить. Мол, и такой ты, и сякой, и вообще не пионер... Галстук могут снять, навоз за скотами выгребать приставить... «прикрепить» к девке какой, для воспитания. Это самое худшее, кстати. Прицепится к тебе такая — и начнет мозг через трубочку пить... от рассвета до заката и обратно. И ничего не сделаешь ей, потому что тогда — изгнание, без вариантов. Или бойкот могут объявить, когда тебя в упор никто не видит, ну и не говорит с тобой никто. Вот вроде бы и фигня, — а на психику давит только так. Через пару дней ребята на стенку уже лезут и каются во всех грехах. Тогда вроде и прощают их, — только и нет уже человечка-то... Общество, знаешь, это такая машинка, что на ней только в общем салоне хорошо ехать, да не спрашивать, куда. А начнешь советы водителю давать, — сразу в шестереночки затащит, да так пережует, что сам себя после не узнаешь. Вот, в общем, так у нас всё.

Димка вдруг усмехнулся. Не то, чтобы ему стало хорошо, нет. Но Хозяева с их запредельным могуществом, и даже Хоруны-гипнотизеры — всё это было пока непонятно и уже поэтому пугало. А в таких вот вещах он разбирался очень даже хорошо, — его не раз уже пытались строить всякие... И что с такими вот делать — он даже не примерно представлял. Тут ставки, разумеется, повыше, на кону не разнос перед советом дружины, и даже не галстук, тут всё совсем всерьёз. Ну, так и что? Он тоже совсем уже не прежний тихий мальчик, не наивный октябренок, у которого значок в заднем месте играет. Он уже кое-что повидал — и здесь, и даже до, ещё дома. И всерьёз дрался, и даже хаживал разок на нож с голыми руками... и даже удачно, вот что интересно-то... И после этого пугать его бойкотом и разными другими школьными штучками... нет, ребята, это даже уже не смешно. Вот изгнание — это да, это совсем уже серьёзно, это крах, честно говоря. Только ведь и он тут не

один. Вот вернутся ребята, — и посмотрим, кто, как, чем и кого... А если кто тут попробует разжевать лично его, Димку Светлова... так и подавится.

Глава 16: Ущелье потерь и находок

*Тревожит дробный голос барабана,
Горниста клич волнует каждый раз.
О подвигах мечтать и нам не рано,
Они всегда живут в сердцах у нас.*

*Легенды давних лет не забываем,
Гайдаровские тропы нас манят.
И каждый хоть на час мечтает стать Чапаем,
И к звёздам мчится каждый из ребят!*

*В багряной полосочке тонкой
Сумеем рассвет угадать.
Давайте сегодня, мальчишки,
Давайте сегодня, девчонки —
К завтрашним подвигам,
К завтрашним подвигам
Вместе шагать!*

*Пускай в лицо нам дует свежий ветер,
Пускай дорога трудностей полна —
Стараться будем так прожить на свете,
Чтоб люди знали наши имена!*

*Нам слышатся раскаты грозовые,
Победный марш будённовских коней...
Мечты торопят нас, как кони боевые,
И мы вдеваем ногу в стремя к ней!*

— Смотрите! Вон они!

Антон рывком повернулся, едва не поскользнувшись на камнях... и его сердце буквально ушло в пятки.

Внизу из зарослей на осыпь выбралось сразу десятка полтора нелепых, тяжеловесных зверюг, до странности похожих на Брандашмыга из «Алисы в стране чудес». Ещё какие-то мгновения ему казалось, что это просто звери, и что у них есть ещё какой-то шанс... но нет. На спине каждой твари кто-то сидел. По фигуркам всадников сразу стало заметно, что тварюги в самом деле огромны, больше самого крупного земного медведя. То есть, против одной такой вот у них вчетвером ещё был какой-то шанс, пусть и совсем призрачный, — но эти полтора десятка... Плюс всадники — в коротких черных меховых плащах, с обнаженными мускулистыми торсами. В том, что это Хоруны, сомнений уже не оставалось — вместо головы у каждого, казалось, скалился звериный череп. Те тоже, конечно, заметили их, и над осыпью пронесся могучий торжествующий рев...

Мальчишка загравленно оглянулся. Увы — бежать уже некуда, да и укрываться тут, собственно, негде: они, как сидячие утки, торчали посреди крутого каменистого склона. Внизу угрюмо темнел лес, вверху виднелись основания скал, сразу же уходящие в тяжелые, низко нависшие тучи. Да уж, повезло им... как утопленникам. Всего минут через десять, быть может, они бы скрылись в этих облаках — а учуять их след на этих мокрых камнях не смогла бы, наверное, даже хорошая собака. Но, действительно, не повезло. Да и не могло, наверное, повезти — они и так были полудохлые после бешеной гонки, и бежать быстрее всё равно уже не могли. Ну что ж, значит, так...

— Наверх! Быстрее! — заорал Льяти. Он повернул, и они теперь взбирались прямо вверх. На взгляд Антона, дороги там вообще не было — лишь обрывы уходящих в тучи скал. Но Льяти знал эти места, — там, наверное, можно было как-то подняться наверх... или даже отыскать какую-то пещеру. Пещеру было бы хорошо — тогда у них хотя бы появлялся шанс продать свою жизнь подороже. Тут же...

Мальчишка вновь невольно оглянулся. Так и есть — твари дружно поднимались вверх. Медленно и неуклюже, это да — но и расстояние им предстоит одолеть небольшое. Метров пятьсот, может, чуть побольше... И почти двести метров вверх — лишь это не давало стае налететь всей массой и порвать. Значит, минут десять проживем ещё... А там, глядишь, найдется какая-то расщелина, в которой они смогут отбиваться, как спартанцы в Фермопилах... или даже пещера, уходящая во чрево горы... и даже, может быть, выходящая где-то с другой уже стороны... Ладно, Льяти видней...

Антон повернулся, вновь упорно карабкаясь наверх. Под ноги ему приходилось смотреть очень внимательно — даже подвернутая ступня тут означала верную смерть всем четверым, потому что его никто не бросил бы... Обидно, конечно, что их поход кончается вот так — но, правду говоря, уже то, что они добрались до этих вот проклятых гор — настоящее чудо. Без Льяти они, конечно, вообще не прошли бы никуда, — сгнули бы, наверное, уже на второй день. Впрочем, и Льяти бы тут не помог, не окажись у Сергея так кстати прихваченного компаса. Без него они точно заплутали и погибли бы тут, что с Льяти, что без. Спасаясь от погони, Льяти вел их по таким буеракам, где солнца-то не удавалось разглядеть. Да и небо, как назло, было затянуто тучами, из которых то и дело лился дождь. Вообще, если бы Льяти догадался рассказать им хотя бы о половине тягот этого похода — никто из них и не пошел бы сюда, плюнул бы и на немцев, и на горы, и вообще на всё. А ведь им, вообще-то, страшно повезло, погоня прицепилась к ним только дня три назад, да и были это лишь насланные Хорунами звери. Настоящая погоня началась всего пару часов назад — и уже подходила к концу...

Антон ошалело мотнул головой. Он совсем не представлял уже, как они вообще пойдут назад, даже если сейчас каким-то чудом спасутся. Снова проходить через всё это...

Это был даже не лес — это было одно огромное гноище, состоявшее сплошь из болот, чудовищных рухнувших стволов и крутых осклизлых склонов, где на каждый шаг вперед приходилось пять шагов обхода. Даже здешний северный лес на его фоне выглядел ухоженным пригородным парком. Там были джунгли, да — а тут сельва, гилея, дождевой экваториальный лес. В который ему, когда-то, наивно хотелось попасть... а теперь не хотелось. Совсем. Даже воздух тут был душный, так пропитанный влагой, что, казалось, не заполнял до конца грудь. Дышал мальчишка словно через раз, и уже одно это изматывало. А если добавить к этому почти полное отсутствие дров, сухих мест, да и просто твердой нормальной земли... в общем, иногда ему хотелось выть и долбиться башкой о ближайшую

стену. Точнее, об ствол, разумеется.

Стволов тут хватало — куда ни глянь, везде одни только бесконечные стволы, обомшелые, покрытые какими-то неопрятными космами, не то лишайников, не то упавшей сверху мертвой растительной дряни. Она тут, наверное, покрывала землю на много метров в глубину — по крайней мере, иногда мальчишка проваливался в неё чуть ли не по пояс.

Учитывая, что этот рыхлый слой кишмя кишел червями, многоножками, и ещё черт знает чем, удовольствия это ему не доставляло. Тем более, что одежда тут стремительно приходила в негодность. Даже добротная шерстяная ткань тут покрывалась плесенью, становилась противно ослизлой и расплзалась прямо на глазах. Штаны уже приказали долго жить, рубаха пока ещё держалась — но уже превращалась в настоящие лохмотья. Запасная одежда в рюкзаке тоже прела и начинала расплзаться, да и сам рюкзак выглядел неважно. Не ровен час, развалится на обратном пути... да и плевать, в нем почти ничего не осталось. Все припасы они уже подмели, а остальное теперь годилось только на помойку. Металл тут ржавел на глазах, дерево гнило — и лишь пластмасса держалась непобедимо...

Хорошо ещё, что в кедах её как раз хватало — иначе давно пришлось идти бы босиком, а от одной мысли о такой перспективе мальчишку натурально корчило. Босой Льяти в его глазах вырос до настоящего героя — но геройствовать заодно с ним Антона ну никак не тянуло. Он-то был уроженцем совсем других мест, его предки не жили в таком вот лесу последние сто тысяч поколений или где-то около того...

Кожа землян в такой сырости тоже начинала преть, покрываясь грибком, — и спасались они только соком ксорны, липким и жгучим. Кожа от него начинала натурально гореть, как в огне, а потом и вообще сходить клочьями, словно от солнечных ожогов, — и не на спине где-нибудь, а в таких местах, для которых и приличное слово-то не сразу подберешь...

Днем от этого ещё как-то удавалось отвлечься — но стоило только прилечь, и мальчишку буквально начинало корчить от мучительного, с ума сводящего зуда. И не почесишься ведь, вот что самое поганое-то. Иначе кожа и вовсе превратится в кровавое месиво, начнется воспаление — а там недалеко и до заражения крови...

Оставалось лишь кусать себе губы, извиваться и терпеть. Сутки напролет, день за днем. Даже когда всё тело от зуда буквально сводит судорогой. Выспишься тут... Тем более, что и спать-то тут всем было нельзя — только парами, в то время как другая пара напряженно пялится в ночную темноту. Одним часовым тут было обойтись нельзя — он в любую минуту мог заснуть, а так ребята постоянно расталкивали друг друга...

Иногда Антон думал о том, что может с ними стать, если уснут сразу оба. Иногда нет. Значения это всё равно не имело. Делай, что должно, случится, что суждено, как говорится. Черные «волки»-нантанг шли за ними по пятам, буквально «передавая с рук на руки» от одной стаи к другой. Льяти даже не пытался в них стрелять — всех не перебьешь, а делать новые стрелы тут было и некогда, и особенно не из чего — если на наконечники ещё годились половинки семян пальмы-бритвы, то с оперением тут дела обстояли неважно. Птиц тут было полно — но жили они так высоко наверху, что об охоте на них не стоило и думать...

Несколько раз им попадались невыразимо мерзкие твари-шипонсы. Одну убил Сергей, насквозь пробив копьём широкую, похожую на капюшон кобры шею, другую копьём же сильно ранил Андрей, других, к счастью, удалось отогнать. Ему, Антону, в этом вот плане везло больше — крупные твари на него пока что не бросались. Но летучих ящериц-рити тут хватало на всех, а их острые, похожие на иголки зубы оставляли неожиданно глубокие,

сильно кровившие раны, которые тоже приходилось мазать соком ксорны — а тогда ощущения были такие, словно в рану вливали расплавленный свинец...

В первый раз Антон заорал не своим голосом — и с тех пор старался держать мерзких тварей подальше. Получалось не всегда — нападали они совершенно внезапно, а тогда и копье помогало не очень. Андрей вооружился длинной палкой — от рити она помогала куда лучше, только вот попадись зверь побольше — Андрюхе пришлось бы весьма кисло...

Один раз за ними погнался чудовищный гигант *ри`на* — и от него они спаслись, только забившись совсем уж в непролазные заросли. В другой раз им могло и не повезти — но тут оставалось надеяться лишь на удачу...

Антон ошалело мотнул головой, очнувшись от воспоминаний. До скал впереди оставалось всего метров пятьдесят — совершенно неприступных на вид, и он опять невольно оглянулся. До Хорунов с их тварями оставалось всего метров сто. За спинами у них торчали длинные луки, но стрелять они пока не пытались — то ли расстояние оставалось слишком уж большим, то ли их хотели захватить живьем... О том, что ждет их тогда, не хотелось даже думать...

— Сюда! — заорал вдруг Льяти, оборачиваясь. — Быстрее! Да быстрее же!

Антон из последних сил бросился вперед... и замер, увидев впереди врезанную в скалу узкую стальную дверь, совершенно невозможную здесь. На миг он даже решил, что ему показалось. Но Льяти бросился к ней, на бегу вытаскивая из сумки... связку ключей!

В голове у мальчишки всё перевернулось — он не знал даже, что и думать. Первая мысль почему-то была, что это ключи от совсем другой двери. Но, к удивлению Антона, замок поддался, дверь распахнулась. За ней висела крошечная тьма — но, когда Льяти нырнул внутрь, произошло второе чудо: внутри вдруг вспыхнул тусклый, но, несомненно, электрический свет!..

Поняв, что добыча уходит из рук, Хоруны взвыли с дикой злобой. Антон наддал, как только мог... и в этот миг возле самого его уха свистнула стрела. Не решаясь оглянуться — споткнуться и упасть на бегу точно означало смерть — он пригнулся, отчаянно надеясь на удачу.

Она его не подвела — рядом просвистело ещё несколько стрел, но он всё же влетел в проем двери, и, развернувшись, захлопнул её, уже в последний миг заметив перекошенные злобой лица в какой-то полусотне метров. По металлу стукнуло ещё несколько стрел — но Антон уже нашарил замок и запер дверь. Затем, словно из него выпустили воздух, буквально сполз вниз. Короткая лестница выходила в короткий коридор, упиравшийся во вторую такую же дверь. Над ней горела тусклая, пыльная лампочка.

В голове у мальчишки творился сейчас полный кавардак. Он совсем не представлял, чего ждать дальше — то ли Льяти обернется сейчас Мефистофелем в красном плаще и разразится сатанинским хохотом, то ли, напротив, усатым мужиком в форме и скажет густым басом «я, майор КГБ Пронин, имею задание вернуть вас домой...».

Льяти схватился за древко глубоко вошедшей в правый бок стрелы, вырвал её, скривившись, осмотрел, потом бросил на пол...

А ведь его уже тут достало, как-то отстраненно подумал Антон. Прямо тут, в туннеле, когда он повернулся посмотреть, как я там... Только его — он видел, что другие целы.

Холодея, мальчишка взглянул на стрелу. Самую простую, деревянную, без наконечника даже, лишь с обожженным на огне острием — но, судя по налипшей на древко крови, вошла она в тело сантиметров на пятнадцать, прямо в печень... Правда, кровь из раны шла как-то

неохотно, да и держался Льяти пока вполне бодро...

Они замерли, отчаянно пытаясь отдышаться, — но почти сразу же сверху донеслись тяжелые удары. Судя по ним, у Хорунов, кроме луков, нашлись, как минимум, каменные топоры. Вышибить стальную дверь они бы, понятно, не смогли, — но, если постараться, то и каменными топорами можно обколоть её по краям и выворотить из скалы...

Льяти помотал головой, кое-как поднялся и подошел ко второй двери. Тоже запертой — но и к ней у него отыскался ключ. За ней оказалась низковатая комната с бетонными стенами. Справа и слева их прорезали арки низкого, всего метра в полтора, туннеля. Между них стоял небольшой, словно игрушечный вагончик, такой узкий, что четыре кресла помещались в нем в ряд...

Антон вновь ошалело мотнул головой. Меньше всего тут он ожидал попасть в метро, пусть даже и такое. И вагон, словно специально изготовленный для них...

Открыв дверцу, похожую на автомобильную, Льяти сел в переднее. Антон сел за ним, Андрей и Серый — ещё дальше. Сейчас они были слишком удивлены, чтобы что-то спрашивать.

Перед Льяти был маленький пульт. Он нажал несколько кнопок, внизу что-то загудело, и вагончик скользнул в темное жерло туннеля, словно пуля в ствол. Зазор между его корпусом и стенами едва ли превышал пару сантиметров, и Антон невольно поёжился. Остановись вагон в туннеле, — выбраться из него уже вряд ли получилось бы...

Он потер ладонями лицо и вздохнул, попытавшись расслабиться. Он по-прежнему совсем не представлял, что всё это значит, — но уже не сомневался, что всё сейчас закончится: их встретят взрослые, отвезут Льяти в больницу, объяснят, что тут произошло, вымоют, накормят, отправят домой, наконец...

Они ехали, наверное, всего минут пять, миновав несколько таких же крошечных станций. Потом Льяти остановил вагон в просторной кубической камере. Здесь в скальную стену была врезана решетчатая дверь лифта, и они все вошли в него. Льяти повернул рубильник и лифт, дернувшись, с грохотом пошел вверх. Сквозь решетчатый пол Антон смотрел вниз, на быстро уменьшавшийся квадрат дна и убегающую вниз цепочку тусклых лампочек... пока подъем не закончился в такой же скальной комнате, разве что без туннеля. Единственный выход вел на уходящую дальше вверх изогнутую лестницу. Поднявшись, Льяти открыл дверь — и Антон невольно зажмурился от хлынувшего в неё дневного света.

Проморгавшись, он вышел наружу — и замер, ошалело осматриваясь. Он стоял на бетонной, огороженной железными перилами площадке, от которой вниз вела бетонная же лестница. Вокруг же простиралось широкое, мрачное ущелье — его почти отвесные, темные стены уходили в массу тяжелых клубящихся туч. Справа ущелье, казалось, обрывалось в бездну — там он видел лишь уходивший в туманную мглу склон возвышавшейся за ним горы, в то время как дна словно не было. Слева ущелье плавно поднималось вверх и сворачивало. Но больше всего мальчишку поразили стоявшие у его склонов стальные каркасы огромных многоэтажных зданий — не разрушенных, а недостроенных. Они мрачной анфиладой протянулись к верхнему концу ущелья — там, в расщелине между гигантскими утесами, словно в каких-то колдовских воротах, мерцал призрачный свет. Антон не сразу понял, что это лишь кружащийся между скалами туман, но зрелище всё равно пробирало до озноба — он словно попал в царство гигантов, туда, где людям нет места...

— И куда дальше? — спросил он, невольно приглушая голос. Здесь царила странная, зыбкая тишина — какие-то смутные, далекие звуки доносились отовсюду, но столь слабые,

что опознать их никак не удавалось.

— Туда, — сказал Льяти, и протянул руку, указывая на скальные ворота. — Там... ой...

Его повело в сторону, и он как-то вдруг сел, привалившись к скале. Лишь сейчас Антон заметил, что кожа его стала белой, словно снег — пока они ехали, Льяти истек кровью, только не наружу, а внутрь...

— Ребята, мне конец приходит... — сказал Льяти как-то удивленно. Лицо его стало совсем детским, растерянным. — Глупо-то как... Я ведь всё уже вспомнил...

Ребята замерли. Льяти в самом деле приходил конец — и, случись даже вокруг прекрасно оборудованная операционная, помочь тут было уже нечем...

— Вот же опять за мной приперлась... — Льяти смотрел куда-то мимо них — как вдруг подумал Антон, уже туда, где должен был сейчас воскреснуть. Он невольно посмотрел туда же, — чисто рефлекторно, зная, конечно, что там ничего нет. Тем не менее, это пришлось неожиданно кстати: Антон вдруг заметил, что к ним что-то движется. Не Хорун, конечно, — вообще не человек. Больше всего это походило на нелепо согнутый вперед, словно палец, конус из полупрозрачного, сероватого тумана. Или на сгорбленного человека, завернутого в плащ с остроконечным капюшоном. Только вот раза в два выше обычного человеческого роста...

* * *

Хотя Антон ничего не говорил — горло позорно перехватило от страха — ребята, словно по команде, повернулись, тоже глядя в ту сторону.

— Быстро валите... отсюда... Вальфрида найдите, он вам всё... объяснит, — вдруг заторопился Льяти, и ребята повернулись к нему. Он торопливо вытащил из сумки ключи и бросил на землю. — Берите. Вальфрид покажет, куда... А ЕЙ — фи́га от меня. ОН всё равно успеет рань...

Взгляд его вдруг остановился, голова чуть повернулась в сторону. А потом в глаза ребят ударил вдруг чистый, ослепительный свет...

* * *

Антон невольно отшатнулся в сторону, глядя туда, где только что был Льяти. Он него не осталось, конечно, совершенно ничего — ни одежды, ни крови, ни даже знаменитого лука. Лишь связка ключей, да быстро исчезнувший запах озона. Вот и всё. Он мотнул головой и обернулся.

Призрак всё ещё двигался к ним — медленно, плавно, но неостановимо. Именно призрак — теперь мальчишка отчетливо видел, что он проходит сквозь камни. Или, точнее, камни проходят сквозь него. Он не шел, конечно, а просто скользил по поверхности, словно по льду — небыстро, не быстрее идущего человека. Можно было подумать, что это всего лишь причудливый клочок тумана... только вот ветер дул здесь совсем в другую сторону. Да и очертания этого... существа были слишком уж четкими.

— Что... это? — выдохнул Андрей, быстро подбирая ключи. Глаза у него были в этот миг уже совершенно дикие.

— Неважно, что... — Сергей тоже обернулся на миг, глядя на призрак. До него оставалось всего метров двести — минуты две-три на такой скорости. — Бежим!..

Повторять дважды не пришлось: ребята побежали. Скала больно била в ноги, и на бегу Антон порадовался, что тут, хотя бы, нет камней. Звук их шагов раскатился по ущелью, словно пулеметная очередь, и он захотел оглянуться... но не смог. Шею словно заморозили. Он бежал... и бежал... и бежал, уже чувствуя, что начинает задыхаться... а потом мир вдруг как-то странно СДВИНУЛСЯ, словно неудачно совместили кадр.

* * *

— Что это... было? — выдохнул Антон, согнувшись и упершись руками в колени, чтобы перевести дух. Призрак — или что там это было — исчез, и сейчас ущелье казалось совершенно пустым.

— А черт его... — выдохнул Андрей, тоже согнувшись. — Ноги унесли — и ладно... Дальше надо двигать. А то ночевать здесь я что-то не хочу...

При одной мысли о ночевке в этом месте Антона передернуло. Всё же, инстинкт — великая штука. Спокойнее всего ему было в обычном среднерусском лесу. У берега моря — сосущее душу беспокойство, в степи — тянущая пустота, в горах — зло... Настоящее зло, не человеческое...

Тем не менее, никто не сдвинулся с места. Антон не знал, сколько они тут стояли, ожидая непонятно чего. В голове у него сейчас было совершенно пусто. Мысли метались так быстро, что ни одна не успевала сформироваться до конца. С Льяти они все успели подружиться, и глаза невольно уже косили в сторону: спросить что-нибудь у Льяти, просто посмотреть на него, убедиться, что он рядом... но там, конечно, никого не было. И, хотя умом он понимал, что на самом-то деле Льяти не умер — стоит сейчас где-нибудь на берегу моря, живой, целый и здоровый, только расстроенный и обалдевший, — в сердце как-то мерзко ёкало. Ойкумена очень велика: если им повезет найти Флейту и вернуться, Льяти они никогда больше не увидят. Ни в этом мире, ни вообще...

— Ну, и что делать будем? — спросил, наконец, Андрей, вдруг поёжившись: после душной сырости леса тут было неожиданно холодно. — Что тут такое случилось?

— Льяти... — начал Антон. Вопреки всему, он ещё верил, что можно что-то тут придумать — и Льяти вернется назад...

— Льяти больше нет, — неожиданно жестко сказал Сергей. — Здесь и сейчас, по крайней мере. Довел нас, и... — он помолчал. — В общем, одним нам отсюда не уйти. Надо искать этих немцев и как-то договариваться с ними. А что это — они точно должны знать. Ладно, пошли отсюда, наконец...

* * *

Выстроившись неровной цепочкой, они двинулись вверх по ущелью. Дно тут было ровное, идти оказалось неожиданно легко. Антон с удивлением понял, что просто отвык от нормальной твердой поверхности, от свежего ветра, даже оттого, что глаза могут вообще смотреть вдаль... Сейчас же он чувствовал себя так, словно очнулся от дурного сна. Пусть

горы и непривычны русскому человеку — но это ещё не настоящие горы же, даже дышать тут ничего не мешает... или он просто привык к страшной духоте там, под пологом леса...

Но мертвые скелеты огромных зданий и чудовищные массивы утесов за ними всё равно давили на душу: мальчишка чувствовал себя тараканом, ползущим по днищу крепостного рва. А в самой душе всё было как-то совсем пусто и мертво. Что-то случилось тут такое... то ли смерть с родины Льяти нашла, наконец, пропавшего мальчишку, то ли, напротив, кто-то вышвырнул её вон... то ли тут вообще произошло нечто, недоступное человеческому разумению... но итог один: Льяти больше нет. И здесь вот никогда уже не будет...

И тут он заметил, что в устье ущелья, у зловещих туманных ворот, кто-то стоит. И вот это точно был человек.

* * *

На какой-то сумасшедший миг Антону показалось, что это всё же Льяти... но иллюзия тут же рассеялась. Этот мальчишка был отчетливо рыж и одет в черную кожу. Он стоял неподвижно, сложив руки на упертом в землю длинном луке. Длинные волосы стягивала ярко-алая повязка, над левым плечом торчали оперения стрел. Как-то сразу Антон понял, что это и есть Вальфрид.

* * *

Когда они подошли ближе, впечатление подтвердилось: мальчишка действительно был немцем. Рослый, с характерными чертами нагловатого, в общем, лица. Он смотрел на ребят пристально и безразлично. Антон как-то вдруг почувствовал, что вся кожа у него чешется, что одет он, по сути, в лохмотья, да и лицо наверняка не блистает чистотой. Вальфрид же был одет... ну, пусть и не с иголки, но вполне по обстановке: узкие, под колено, сапоги, черная кожаная куртка, кожаные штаны. Всё, конечно, самодельное, — но неуловимо и весьма неприятно похожее на эсэсовскую форму. Конечно, без всяких там орлов и свастика, — но на поясе у него висел нож с литой металлической рукоятью, и вот на ней-то свастика как раз БЫЛА. Небольшая, наложенная на непонятный красно-белый ромб, но всё равно, очень хорошо различимая.

Антон не знал, что он сделал бы чуть раньше. Наверное, обозвал бы Вальфрида фашистом, а потом полез бы в драку, не считая шансов на успех. Но сейчас... Льяти сказал им, что Вальфрид может объяснить им, что тут, черт побери, происходит — и получить эти объяснения мальчишке очень хотелось. Так сильно, что даже вспыхнувшая было ненависть отступила куда-то на второй план. Тем более, что ничего такого возмутительного Вальфрид пока что не делал. Не вскидывал правую руку, не орал «Хенде хох!», даже не обзывал их русскими свиньями. Просто смотрел. Удивленно, как теперь сделалось понятно. А они, развернувшись в рядок, так же молча смотрели на него. Молчание затягивалось и становилось ощутимо нехорошим. Не само по себе даже, просто откуда-то со стороны начало понемногу натягивать нездешней ледящей жутью...

— Зачем вы здесь? — наконец, спросил Вальфрид. На чистейшем русском языке, без малейших признаков акцента. Впрочем, так говорили тут все... или каждому просто

казалось, что все тут говорят на его родном языке...

А в самом деле, зачем мы здесь? — уныло подумал Антон. Поперлись непонятно зачем, глупо и страшно потеряли Льяти, такое увидели, что едва не свихнулись, — и теперь на полной милости этого наглого типа, которому, вообще-то, всё же хочется дать в морду...

— Мы ищем путь домой... вождь, — ответил Сергей.

Немец поморщился. Не сильно, но весьма заметно.

— Я не вождь, — спокойно сказал он. — Я... впрочем, зачем вам знать это? Тут нет дороги домой. Тут вообще нет дороги. Тут тупик.

— Льяти сказал, что ты знаешь, что это, — Сергей обвел рукой мрачные каркасы зданий.

— Льяти? — рыжеватые брови немца удивленно поползли вверх. Впрочем, лишь на мгновение. — Зачем?

— Он умер, — уже зло сказал Сергей. — Там, — он махнул рукой к устью ущелья, в котором медленно клубились облака. — От стрелы Хорунов. И послал нас к тебе, прежде чем...

Лицо немца передернулось в непонятной гримасе, — она промелькнула так быстро, что Антон даже не успел понять, что же она выражала.

— Так. Ну что ж... — он вновь окинул всех троих долгим, непонятым взглядом. — Тогда — идите за мной. И, ради всех богов, не спрашивайте сейчас ничего...

* * *

Молча, как и требовал Вальфрид, они прошли в скальные ворота. За ним склоны ущелья расступались, обрамляя колоссальную котловину, почти донизу забитую низкими, тяжелыми тучами. Дно её занимал... город. Самый обычный. Знакомый. Серые пятиэтажки, тополя, асфальт... Только вот явно заброшенный — стекла кое-где разбиты, асфальт покрыт мусором, да и деревья как-то слишком уж разрослись...

Сердце у Антона опять ёкнуло и подкатило прямо к горлу, — на какой-то миг ему показалось, что он вернулся домой, и сразу же подступила дикая тоска. Он даже остановился и яростно помотал головой, словно стараясь вытрясти из неё лишние здесь мысли. Неожиданно помогло. Мальчишка выпрямился и быстро пошел вслед за друзьями и Вальфридом, — тот шагал размашисто, упруго, держа лук в правой руке. Длинные рыжие волосы падали ему на воротник куртки, и Антон вновь ошалело помотал головой. Он чувствовал, что вот-вот всё же свихнется — просто от удивления и полного непонимания происходящего.

Они прошли совсем немного, когда справа вдруг налетел легкий, какой-то неприятно теплый ветерок. Он зашевелил опавшую листву, и со всех сторон донесся шепчущий, предвкушающий какой-то шелест...

Вальфрид вдруг остановился, словно налетев на стенку. Быстро, как птица, повернул голову, глядя направо. Лицо его стало неожиданно испуганным.

— Что? — спросил Сергей. Тревога немца передалась и ему.

— Туман идет, — коротко сказал Вальфрид, и вдруг сорвался с места. — Бегите! — заорал он, не оборачиваясь.

Спрашивать было уже поздно, пришлось бежать. Вальфрид неся, словно лось, и

Антон едва поспевал за ним. Земля больно была по ногам, дыхание сбивалось — так что болтать было некогда, да не особо и хотелось... Темнело прямо на глазах, небо тяжелело, словно опускаясь на землю. Темно-серые тучи клубились, казалось, прямо над крышами, но не двигались с места, и это, в самом деле, пугало. Сырой, холодный воздух резал грудь, под ногами то и дело плюхали лужи — дождь пока не шел, но голые черные деревья смотрелись очень уж осенне...

Они проскочили в какие-то ворота, и теперь Антон понял, куда немец так бежит. Впереди возвышалось какое-то длинное здание из серого кирпича, на вид давно заброшенное, как, впрочем, и все прочие. Слева тянулись два этажа выбитых окон, справа, за короткой полосой кряжистых деревьев — один, но высоко, под самой плоской крышей. В середине стена была глухой — если не считать темной металлической двери. Добежав до неё, Антон понял, что она не открывается, а откатывается в сторону. Вальфрид замер, пытаясь отдышаться и одновременно нашаривая ключ. Антон смотрел на него... и вдруг, заметив краем глаза какое-то движение, повернул голову.

Справа сплошной, сливавшейся с тучами стеной, напознал туман. В самом деле, странный — очень густой, он, как живой, выпускал щупальца, закручивался огромными косыми кольцами, словно ввинчиваясь в воздух, — а за ними двигалась сплошная зыбкая стена. Она словно поглощала мир, — совершенно беззвучно, плавно... и страшно. До неё оставалось всего метров пятьдесят — и она приближалась к ним со скоростью быстро идущего человека. Мальчишка удивленно моргнул... и перед его глазами вдруг возникло стремительное, белесое, бесцветное мерцание — словно он смотрел на экран плохо настроенного телевизора...

Он ошалело мотнул головой и перевел взгляд. Вальфрид, наконец, добыл из кармана штанов длинный ключ, сунул его в незаметную скважину, и, с заметным усилием, повернул.

За дверью что-то глухо щелкнуло, лязгнуло — и, выдернув ключ, немец изо всех сил налег на длинную ручку, стараясь откатить дверь. Она подалась с визгом ржавых роликов, медленно и неохотно — лишь увидев её край, Антон понял, что это монолитный стальной лист толщиной в добрых сантиметра два. За ним царил кромешный мрак — и, откатив дверь на полметра, Вальфрид канул в нем. Внутри что-то щелкнуло, вспыхнул неяркий желтый свет...

Антон почти против воли повернул голову. Туман уже добрался до торца здания и тянулся к нему, одно за другим поглощая деревья. Ему вдруг вновь почудился слабый не то шипящий, не то шепчущий звук, исходящий из туманной бездны, и он замер, удивленно прислушиваясь... но тут Вальфрид схватил его за руку и довольно грубо вдернул внутрь, после чего вновь навалился на длинную ручку двери. Она так же неохотно и с визгом пошла назад... пока не ударилась в стальной косяк с глухим мощным гулом. Немец облегченно выдохнул и дернул рычаг массивного замка. Что-то вновь лязгнуло, щелкнуло — и повисла тишина...

Антон замер, удивленно осматриваясь. Они попали в короткий, широкий коридор, освещенный единственной голой лампочкой. Он упирался в точно такую же дверь. Левая его стена была глухой, вдоль неё стояли какие-то железные ящики. В правой виднелись ещё две двери — обычных, деревянных. Ближе виднелся ещё темный коридорчик, точнее, тупик — заглянув в него, Антон увидел штабель картонных коробок. Несколько ближайших были распотрошены, в них тускло блестели пёстрые консервные банки. Судя по размерам штабеля, тут хранилась пара тонн жратвы, никак не меньше.

Вальфрид тоже замер, как-то напряженно глядя на дверь. Она была глухая, без малейшей щели, через которую снаружи мог пробиться свет... или же что-то ещё.

Не раздалось ни единого звука — но Антон вдруг почувствовал, как что-то прошло сквозь него, мягко сжав сердце и неуловимо изменив все оттенки. Даже свет лампы, казалось, стал тусклее.

Мальчишка мотнул головой... и наваждение исчезло. Всё было так же, как прежде... но, в то же время, иначе, только вот как — он никак не мог представить. Он замер, пытаясь понять... и тут услышал странный скрип — словно снаружи что-то царапалось или скреблось в дверь. Звук был тихим, но очень отчетливым — на сей раз, ему явно не казалось. Он даже дернулся к двери — казалось, что за ней скребется забытая всеми собака, — но Вальфрид вдруг крепко схватил его за руку. Взгляд у него по-прежнему был странно напряженный, и Антон вновь замер, глядя в его расширенные в полумраке глаза. Звук слышался снова и снова, упорный и бессмысленный, как журчание воды или скрип веток на ветру.

— Что... — наконец, спросил Андрей.

— Ничего, — словно по приказу, звук стих. Они стояли, вслушиваясь в тишину, но снаружи не доносилось ничего.

— И что дальше? — наконец, спросил Сергей. Реальность вдруг словно моргнула, и только что бывшее вдруг показалось Антону дурным сном.

— Проходите давайте, — Вальфрид пошел к дальней двери.

Антон двинулся за ним. Взгляд его упал в открытый длинный ящик наверху штабеля — в нем тускло блестели какие-то массивные стальные детали, и вдруг он понял, что видит крупнокалиберный пулемет. Разобранный, без станка, но вполне узнаваемый. Мальчишка невольно передернул плечами. Другие ящики имели тот же вид, и в них наверняка тоже хранилось оружие. Целый арсенал...

— Это всё равно здесь не поможет, — сказал Вальфрид, даже не оборачиваясь, и толкнул дверь, вновь нырнул в темноту, в которой, правда, тут же вспыхнул яркий желтый свет. Сергей и Андрюха вошли вслед за ним. Антон захотел всё же заглянуть в ящики, — но одному ему стало тут неудобно...

Войдя вслед за Андрюхой, он снова удивленно замер. В этой комнате жили, и жили неплохо — казалось, что он попал в самую обычную гостиную, с ковром на полу и люстрой в виде скругленного треугольника. Слева от входа стоял платяной шкаф, справа — большой холодильник. За ним — длинный, роскошный диван. Напротив, у дальней стены — застекленный книжный шкаф-стеллаж, у стены слева — второй. В угол между ними втиснуто кресло с журнальным столиком. Ещё один стол с парой стульев — простой, кухонного вида — в центре комнаты. Уют портило только отсутствие окна.

Облегченно выдохнув, Сергей бросил на диван лук и начал раздеваться. Антон удивленно смотрел на него — здесь, конечно, было теплее, чем на улице, но точно не жарко. Серый, однако, перехватил его удивленный взгляд.

— А ты что — купаться не будешь?

— А тут ванная есть? — глупо спросил Антон.

Вальфрид усмехнулся.

— Конечно. А от вас воняет, как отдохлых свиней.

...вторая дверь, как оказалось, вела именно в ванную — огромную, роскошную, выложенную по полу и стенам глянцевой коричневой плиткой, с темными деревянными

полками для всяких мелочей, которые имелись тут в избытке. Едва заглянув в дверь, мальчишка удивленно замер — здесь, на заброшенном заводе (или что это?) он совсем не ожидал такого. Серый с Андрюхой уже лезли в ванну — а он всё не мог пошевелиться...

— Ты разве купаться не будешь? — Вальфрид заглянул в ванную, насмешливо глядя на него.

— После ребят, — говоря правду, мальчишка страшно хотел вымыться... но всё же не настолько, чтобы остаться тут совсем уж беззащитным. Пусть даже в Вальфриде и не было ничего... угрожающего — видно было, что он давно уже не общался с людьми, даже голос его звучал хрипловато и как-то неуверенно — словно он отвык им пользоваться. — Что это было? — спросил он, вернувшись в коридор.

— Что? — Вальфрид повернулся к нему и замер в неловкой позе. Он тоже снял куртку и на его спине косо, от бока до лопатки, алел свежий, неровный, нехорошо заживший шрам.

— Туман.

— А, это... — немец повернулся и сел на ящики. Лицо у него сразу стало ничего не выражающее, сонное. — Я не знаю. Сам по себе он безвредный — ну, если не считать того, что в нем можно заблудиться. Но в нем есть... твари.

— Что? — Антон невольно дернулся и посмотрел на дверь. Как по заказу, из-за неё вновь донесся мерзкий скрип — словно кто-то скреб по стали когтями. Огромными когтями.

— Твари, существа — называй, как хочешь. Но не звери, не животные — потому что таких зверей не бывает. Иногда мне кажется...

— Что? — спросил мальчишка, чтобы прервать опасно затянувшееся молчание. За дверью ванной шумела вода — и даже этот тихий звук казался здесь непереносимым.

— Что они выходят из тумана. Сгущаются. Я даже не уверен, что видел хоть одного из... них целиком. И...

— Что? — разговор шел какой-то нехороший, но Антон пока не мог понять, почему... — Они вообще... живые?

— Не знаю. Вряд ли. Их можно убить... но потом оно просто распадется, поимитировав перед этим труп, и соберется в другом месте.

Антон переделернуло. Он никогда не боялся чертовщины... но он видел туман. И (да прекратится ли вообще этот мерзостный скрип?) он... он верил Вальфриду.

— Ну, и что нам делать? — уныло спросил он.

— Мыться. Жрать. Спать, — немец усмехнулся. — Туман всё равно не уйдет до утра.

— А... — начал Антон.

— От тебя воняет, русский, — Вальфрид усмехнулся. — А я не намерен разговаривать со свиньей.

В другой ситуации мальчишка наверняка бы взбесился и полез бы в драку, не считая шансов... но сейчас он понимал, что в самом деле грязный, как свинья... да и просто слишком устал, чтобы со всем этим спорить. Продолжать разговор, правда, резко расхотелось, и, плюнув на стыд, он пошел в ванную к ребятам.

* * *

В ванной оказалось... весело. Антон радостно намылился, забыв о том, что кожа кое-где сошла до мяса... и очень скоро почувствовал себя, как Джордано Бруно на костре. Жгло так,

что он едва удержался от того, чтобы заорать дурным голосом. Хотя почти сразу же боль начала стихать, ожидаемой радости купание ему не доставило, скорее, совсем наоборот. Но после него он почувствовал себя уже вполне человеком. Одежда, правда, выглядела так, что надеть её мальчишка не решился бы даже под страхом расстрела, — но у Вальфрида, к счастью, среди прочего барахла нашлась и запасная одежда, которой хватило на всех троих. Антону досталось что-то вроде темно-синего, с красными полосками, спортивного костюма — слишком большого для него, но дареному коню, как известно...

Когда они привели себя в порядок, Вальфрид пригласил их к столу. Правда, никакой консервированной колбасы или там сардин, которые жрут фашисты в книжках, там не оказалось. Мальчишек ждала родная «красная рыба» — то бишь, рыбные тефтели в томатном соусе. Сама банка, судя по надписи на этикетке, была выпущена Усть-Манским рыбоконсервным заводом, в 1974 году, — то есть, через два года, в будущем. Антон постарался вспомнить, есть ли в его СССР Усть-Манск или хотя бы река с наванием Ман, но так и не смог. Вальфрид, конечно, перехватил его удивленный взгляд.

— Ты что, «Колы» ждал? — насмешливо спросил он.

— А что это за «Кола»?

— «Кола» — это тонизирующий шоколад, тоже в банках, — ответил вместо него Сергей. — Мне отец рассказывал, что пилотам и разведчикам такой выдавали на фронте.

— А, — от шоколада Антон сейчас не отказался бы. — Просто на год посмотрите — 74-й. А у нас сейчас 72-й. Поняли?

— Поняли, чего там не понять? — буркнул Андрей. — Откуда это?

— Тут, в магазине нашел, — ответил Вальфрид. — А что, вы, выходит, из нашего СССР? Где пакт Молотова-Риббентропа был, и всякое такое?

— Выходит, так, — буркнул Сергей. Было видно, что и он сейчас не слишком-то рвется развивать тему. — Есть давайте...

«Красная рыба» с чаем и без хлеба точно не была тем, что обрадовало бы мальчишек дома — но после той дряни, которую им приходилось есть по дороге, и она показалась им деликатесом. Они все наелись до упора — ну а потом, понятно, ни о каком разговоре не могло быть и речи. Оставалось только завалиться спать.

* * *

...на них налетел ещё один порыв влажного, жаркого ветра, и Антон невольно посмотрел на небо. Похоже, что солнце садилось — плывшие, казалось, над самыми крышами туманные, растрепанные тучи сочились каким-то болезненным желтовато-коричневым светом, и он, несмотря на жару, невольно поёжился. Потом впереди что-то плеснуло, и его взгляд торопливо скользнул вниз.

Окруженный желтыми двух-трехэтажными домами двор тут пересекал неглубокий овраг, перекрытый баррикадой из земли, деревьев и строительного мусора. За ней виднелось заросшее такими же низкими, корявыми деревьями болото. Над темной, разделенной кочками водой лениво стлался пар — и там что-то двигалось, уже давно...

Теперь он уже отчетливо видел белесые, сгорбленные силуэты, — они медленно, словно слепые, брели вперед по пояс в темной воде, то и дело оступаясь и ощупывая путь неестественно длинными руками. Оружия в них не было, но самих... существ оказалось

очень много — не менее нескольких десятков. А тут их всего трое, если не считать его...

Мальчишка нервно сжал копьё с грубо сделанным железным наконечником. Весь его наряд сейчас составляла кое-как обернутая вокруг бедер тряпка, и ему казалось, что в драке она обязательно свалится. Как ни смешно, это тревожило его куда больше приближения врага — в конце концов, тварям ещё предстояло взбираться на обрыв высотой в добрых три метра, — а при их очевидной неуклюжести это обещало стать нелегким даже без активного сопротивления четырех парней.

Он с сомнением посмотрел на мальчишек, одетых и вооруженных ничуть не лучше его. Все они были ниже его, и казались какими-то заморенными, да и смотрели на тварей как-то испуганно. Похоже, это значило, что все трое едва ли стоили в драке больше его одного, — а такое вот превосходство Антону категорически не нравилось. Он уже чувствовал, что отдуваться придется ему одному... и проснулся.

* * *

Какое-то время мальчишка лежал неподвижно, глядя в потолок. Сон был мерзкий и дурной, — из тех, что надолго портят настроение. Даже не потому, что сам мир в нем был непривычно мерзким (в нем он был участником восстания в какой-то психушке, что само по себе просто не укладывалось в голове, — представить, что его, Антона Овчинникова, отличника и гордость школы, могут посадить в дурдом, было просто невозможно), сколько потому, что он чувствовал себя дезертиром, бросившим товарищей в безнадежном бою. Кем были те трое мальчишек? Черт, теперь и не вспомнить... но ощущение, что всё это было на самом деле, и что теперь, просто из-за того, что ТАМ его нет, страшно умрут десятки и сотни хороших ребят, было очень, очень резким, — и ещё более неприятным. Предателем Антону ещё не приходилось себя чувствовать, и он даже и представить не мог, что это окажется так гадко. А ведь, казалось, просто дурной сон...

Яростно помотав головой, мальчишка поднялся, и без особых церемоний растолкал остальных. Все, включая Вальфрида, поднялись какими-то смурными, — видать, и им снилась какая-то гадость, но распространяться на этот счет никто не стал, — не расскажешь, не сбудется, как известно. В последнем Антон уже не был уверен, — ему, как раз, казалось, что всё УЖЕ сбылось, — но после умывания и завтрака (неужели Вальфрид всё время ест ту эту гадость?) настроение в компании всё же неожиданно улучшилось, — словно из самой души извлекли невидимую занозу. Тем не менее, начинать разговор никто не спешил. Ребята молча посматривали на Вальфрида, — но тот ухитрился смотреть как-то сквозь них. Не как сквозь пустое место, а просто... сквозь.

— Ну? — наконец, не выдержал Сергей. — Что всё это значит? Что это за место?

Вальфрид откинулся на спинку стула, глядя на него — на всех них — с каким-то непонятым выражением.

— Город Тарск, Союз Советских Народных Республик, — спокойно сказал он. — Часть его, по крайней мере.

— Советских Народных — это тот, откуда Волки? — спросил Антон.

— Он. Странное место, скажу я тебе...

— А люди?

— Не думаю, что тут вообще кто-то жил. Это место — лишь отражение того, что

существует ещё где-то.

— И мы тогда, выходит, тоже... отражение? — довольно нервно спросил Андрей.

— Не знаю, — безразлично сказал немец. — Но улицы в этом... городе никуда не ведут.

Они просто упираются в скалу. Никто не стал бы так строить, понимаете?

Антон невольно поёжился. Думать о таких вот вещах, о том, что на самом-то деле они давным-давно благополучно вернулись домой, а тут, в этом странном мире — или сне многих миров? — только их отражения, их копии, совсем не хотелось. Потому что тогда — мальчишка это чувствовал, — разлетится в пыль всё, во что они тут верили...

— Ну, и что нам тут делать? — наконец спросил он.

Вальфрид моргнул. Потом посмотрел на него удивленно.

— О чем ты? Если о возвращении домой, то это невозможно. По крайней мере, я не нашел такого пути — а я, поверь, видел тут очень многое. Даже такое, что видеть мне совсем не хотелось. Если о том, куда тебе идти — то какое мне дело?

— Это не то, — сказал Сергей. — Льяти говорил, что ты всё нам объяснишь. Что?

— Что тут есть части городов из разных миров, из которых сюда попадают ребята? Тут нечего объяснять, это очевидно.

— А это от чего тогда? — Андрей, опомнившись, вытащил из кармана связку оставленных Льяти ключей.

— Ах, это... — немец поморщился. Было видно, что отвечать ему совершенно не хочется — но и отмолчаться он уже не мог. В конце концов, он тут был один, а их — трое. — Ну, ладно... Тут, выше, уже на перевале, есть ещё кусок города. Я не знаю, как он там называется, да это и неважно... В нем есть комната, в которую нельзя войти. И шаман...

— Какой шаман? — перебил, не утерпев, Антон.

— Шаман Куниц. Я с ним встречался, и с удовольствием свернул бы ему шею — если бы он на самом деле умер. На редкость неприятный тип... Так вот, шаман сказал, что там хранится Ключ.

— Ключ к ЧЕМУ?

— К Надиру.

— И что это за Надир?

— Бог этого мира, — немец откровенно наслаждался сценой.

— Ключ, Бог... ты что, издеваешься? — не выдержал Сергей.

— Нет, — лицо Вальфрида вдруг стало очень хмурым. — Комната такая и в самом деле есть. И в неё действительно нельзя войти, там воздух такой твердый, как стена. Льяти пробовал. Что там хранится — он не знает. Просто пьедестал такой, а в нем чаша. С водой. Только вот что там на дне — от дверей не видно.

— Ну, ладно... — Сергей помолчал. — Допустим, там ключ. Только... вставлять его куда? Что это за Надир?

Немец вновь откинулся на спинку стула, и с минуту, примерно, молча смотрел на них, насмешливо приподнимая брови. Наконец — когда молчание стало уже ощутимо нехорошим — всё же ответил.

— Я не знаю. Верасена, вождь ариев, — это немец произнес с очевидной иронией, — говорил, что далеко-далеко на востоке, на другом краю мира, на берегу Тихого Моря, за пустыней, стоит город. Город Снов, так он, вроде, называется. В нем есть Башня Молчания, — а где-то в ней скрыт Надир, который может всё — или, по крайней мере, исполняет желания. Только пока вот не исполнил ни одного, потому что Ключ от него скрыт

с самого рождения мира. А шаман, стори его черная душа, говорил, что только один человек во всей Ойкумене может использовать Ключ — только вот когда он войдет с ним к Надиру, тут и свету наступит конец. А потому искать тот Ключ не надо, а надо вовсе про него забыть...

— Смерть Кощеева в игле, игла в яйце, яйцо в жо... в куре, кура в курятнике, а его сторож Михеич с берданкой стережет, — не удержался Андрей. — Бред какой-то...

— Я там не бывал, врать не буду, — Вальфрид пожал плечами. — Говорят, что город такой есть, и что там не жизнь, а сплошной праздник — только вот кто туда попал, назад не возвращается, потому что сны видит наяву, и вообще, становится ку-ку...

— А Хозяева тогда что? — спросил Антон.

— А Хозяев я тоже не видел. Вот роботов их мы покروшили знатно, было дело, — в зеленоватых глазах Вальфрида зажегся огонек мрачного удовлетворения. — Вот только толку... Пули-то их не берут, а фаустпатронов у нас почти не было...

— Осталось что-нибудь? — деловито спросил Сергей.

— Осталось, — Вальфрид жестом фокусника выхватил откуда-то из-за пояса «вальтер» — и убрал его раньше, чем ребята успели толком его рассмотреть. — На самом деле мы ни одного ствола не потеряли, — добавил он с гордостью. — Только вот патронов не осталось совсем.

— А это? — Сергей кивнул в сторону коридора.

— Это местное всё. Там патронов тоже нет. Так, железо... Интересное, конечно, но только железо.

— Послушай, а что ты тут делаешь? — спросил Антон.

Вальфрид усмехнулся — коротко и непонятно.

— Сижу, смотрю, как вы тут жили... То есть, не вы, но всё равно... Вдруг найдется что-нибудь для... а, неважно.

— А другие ваши где?

— А там, — Вальфрид махнул рукой куда-то в стену. — На севере, в долине Тегернзее. Воюют с Хорунами в своё удовольствие. Им хорошо, они всё забыли...

— А ты не забыл?

Вальфрид мрачно посмотрел на него.

— А вы? У этих тут, — он повел рукой вокруг, — тоже была страшная война, Вторая Континентальная. Всего-то сорок лет назад. Ещё живых свидетелей полно. А пишут как... как о водевиле каком-то. Комедии снимают, в каких-то заклепках ковыряются, словно от них там всё зависело...

— Ну, у нас-то всё помнят, — буркнул Сергей. Тема, правда, была очень скользкая, так что развивать её он не стал. — Делать-то что будем?

— Туман ушел, — Вальфрид встал и потянулся. — Пойдем снаряжение вам подбирать. А то в горах, знаете, холодно...

* * *

Впереди, в непроглядном уже сумраке, пробился, наконец, свет, — но это Антона не обрадовало. Почти под ногами был неровный, обломанный край тропы, — а за ним лишь тусклая мгла падающего снега, скрывающая бездонную, казалось, пропасть. Слева же, тоже

совсем близко, поднималась почти отвесная, темная скала в неровных полосах того же снега. Они медленно ползли вдоль неё, и, оступаясь, мальчишка каждый раз холодел — ему казалось, что он сорвался с этого чертова карниза, и уже начинает падать...

Он и представить не мог, что тут, в этом тропическом мире, найдется вот такое... однако же, нашлось. Все эти три дня они только и делали, что карабкались вверх, — и сегодня добрались до вечных снегов. Идти по этой тропе на ночь глядя было чистым безумием — только вот ночевать тут было просто негде. Да даже если бы такое место и нашлось, до утра они точно не дожили бы: мороз тут стоял дикий, а развести костер было не из чего, вокруг только снег и камни...

Только вот и вернуться они тоже уже не могли: если верить Вальфриду, до цели оставалось всего ничего, а проделывать весь путь вниз ночью было даже не безумием, а прямым самоубийством. Оставалось только верить, что и в остальном он не соврал, и там в самом деле есть город... или хоть какие-то здания, потому что на снегу они просто замерзли бы. Верилось в это с трудом: даже для горных козлов эта тропа казалась слишком уж опасной. Впрочем, немец говорил, что там никто не жил — хотя свет и тепло там неким непонятным образом были...

От загадок и нелепости здешнего мира у мальчишки пухла голова — да и дышалось на такой высоте уже не так, чтобы очень вольно. Хорошо ещё, что Вальфрид подобрал им теплую одежду и горные ботинки с шипами — без них они давно улетели бы в пропасть. К счастью, заниматься альпинизмом в прямом смысле им не пришлось — но и так карабкаться по скалам оказалось непросто. Кое-какой опыт у них троих имелся — но в настоящих горах никто из них, увы, пока не был. А пробираться по ним оказалось, мягко говоря, неуютно — камни сверху тут падали, словно брошенные чьей-то злобной рукой, и выскальзывали из-под ног, как живые. Вальфрид, то ли всерьёз, то ли в шутку говорил, что тут живут кобольды, злые горные духи, — и в это вполне можно было поверить. Во всяком случае, один неверный шаг тут мог стоить жизни. Хорошо ещё, что высоты никто из них не боялся, а Вальфрид так и вовсе оказался прирожденным горцем — он прыгал по камням с ловкостью... ну да, горного козла. Правда, сказать это вслух никто из них не осмелился бы — и совсем не потому, что за такое вот немец не глядя дал бы в ухо. Как-то глупо это было. Просто глупо — здесь и сейчас, по крайней мере. А может быть, и вообще...

Вальфрид был, конечно, не подарок, — молчаливый и язвительный, когда не молчаливый, — но без него они сюда точно не добрались бы, даже если бы и знали, куда именно идти. Заблудиться в горах, как ни странно, было проще простого — свернешь не в то ущелье (точно такое же на вид, как и нужное!) — и ошибку поймешь, когда возвращаться будет уже поздно. Вообще... поздно. Даже если не наткнешься на что-нибудь похуже простого обвала. Рассказни Вальфрида о снежных людях-людоедах мальчишка пропускал мимо ушей — такого он наслушался и дома — но снежные барсы точно здесь были, он сам вчера видел одного. Вальфрид говорил, что в снега они, вопреки названию, не поднимаются, и на людей вообще не нападают — но при виде двухметрового (это если без огромного хвоста!) пепельно-пегого хищника в это верилось с трудом. Впрочем, бывали здесь вещи и похуже...

Мальчишка невольно поёжился, вспомнив, как три дня назад, едва выбравшись из города, они шли мимо Ущелья Тумана — того, в котором он... жил, и из которого выползал наружу. На туман это, кстати, не походило ничуть — между угольно-черных утесов висела смутная, бледная, какая-то ПУСТАЯ масса — и на ней, против солнца, дрожали страшные

бесцветные радуги. Зрелище было столь жуткое в своей абсолютной чужеродности, что в ту сторону мальчишка больше старался не смотреть. И всё равно, чувствовал словно проникающее через кожу давление — даже не взгляд, а нечто такое, для чего у него не было определений, и от чего волосы буквально поднимались на голове. После этого зрелища рассказни Вальфрида о Серой Хозяйке и Поющем Черве казались безобидной сказкой...

Задумавшись, Антон не сразу понял, что тропа повернула. Обогнув подножие высоченной скалы, оплетенной полосами снега, они вышли сразу на площадь. Здесь они остановились, и мальчишка сразу же прищурился. Где-то высоко на скалах горел ослепительный ксеноновый прожектор, и его свет накрывал весь городок — неправильную мозаику стен и крыш, поднимающуюся к краям глубокой скальной чаши. После трех дней диких скал зрелище казалось бредовым, как во сне.

— Откуда тут свет-то? — выдохнул Андрей. — Тут кругом полная дичь же.

— Не знаю. Я мало тут бываю.

— А дальше тут куда? — спросил Сергей.

— Туда, — Вальфрид показал куда-то в непроглядный мрак.

Миновав площадь, они побрели вверх по узким улочкам, всё выше и выше, пока Вальфрид, толкнув калитку, не вошел в небольшой, огороженный высокой стеной двор. Заднюю его часть замыкала неровная скала, уходящая куда-то вверх, во мрак. К ней прилепился узкий трехэтажный дом с темными окнами. Они вошли в него и поднялись на самый верхний этаж, в просторную темную спальню. Днем из её большого окна открывался, должно быть, потрясающий вид, — но сейчас Антон видел лишь половинки освещенных прожектором крыш. Всё остальное тонуло в тусклой сизой мгле, и казалось, что поселок стоит на самом краю мира. Не самое приятное зрелище, на самом-то деле, — и особо любоваться им мальчишка не стал. Ноги после трех дней пути по горам гудели, глаза слипались от усталости, так что даже ужинать никто из них не стал. Наплевав на царящий здесь холод, ребята забрались в спальники и провалились в сон...

* * *

Утром, ясное дело, все проснулись разбитыми и с ломотой во всех мышцах — как всегда бывает, если после долгой нагрузки вдруг расслабиться. Но, по крайней мере, не замерзли — всё же, спальные мешки в этом таинственном ССНР делали на совесть. Картинка в окне правда, вызвала у Антона острый приступ ностальгии. Долина, придавленная сейчас низким покровом тяжелых серых туч, смотрелась совершенно по-земному, пусть даже одно-двухэтажные дома тут выглядели непривычно, словно их строили в какой-нибудь Прибалтике, а то и вовсе в Швейцарии. А безлюдье на улочках не особо пугало — мало ли, ранее воскресное утро... Не хотелось верить, что людей, кроме них, тут просто нет, и пойти в уютное кафе не получится...

— Ну, и что будем делать? — спросил Сергей, когда они все поели. Завтракать пришлось всё той же «красной рыбой», ещё с вечера оттаивающей в спальниках. Не самое приятное соседство ночью — но лучше уж так, чем выковыривать мерзлую рыбу из жестянок...

— Сейчас? — Вальфрид как обычно с усмешкой посмотрел на них. — Пошли Ключ брать, — он помолчал и добавил: — Если получится.

Заранее ёжась, они вышли во двор, но там, к радости Антона, оказалось совсем не так холодно, как он боялся, — обычный зимний мороз, не более того...

— Ну, и куда дальше? — спросил Сергей.

— Туда, — Вальфрид протянул руку, указывая на западный, верхний склон долины. Стоявший у него дом сильно отличался от всех прочих — пятиэтажка из серого кирпича, с двумя косо отходившими вперед крыльями и коротким фасадом. Над ним, в треугольном фронте, виднелось большое полукруглое окно, забранное частой рамой, — не самый плохой вид, не будь некоторые из стекол в нем разбиты.

Увязая в глубоком снегу, ребята побрели к нему. Вот теперь царившая вокруг тишина начала ощутимо давить. Тем более, что откуда-то издали иногда доносился глухой гул — в горах после вчерашнего снега сходили лавины. Эхо путалось, металось между скал, и мальчишке иногда казалось, что где-то тут, за поворотом, работает мотор — дурацкое ощущение, но он никак не мог избавиться от него. К счастью, городок оказался небольшой, и, всего минут через пять, они добрались до цели.

К темным двухстворчатым дверям вело высокое, неудобное цементное крыльцо с железными перилами, тоже занесенное снегом. Сами двери оказались снабжены жутко тугой пружиной, внутри оказалось не лучше. Антон увидел прорезавший три этажа холл — с такой же крутой цементной лестницей. Сквозь узкие пыльные окна сюда проникало мало света, побелка и синяя краска на стенах облупилась. Воздух был теплый и сырой, пахло хлоркой и паром, как в подвале.

— Здесь что, и тепло есть? — возмутился Андрей. — Тогда какого черта мы в той халупе ледяной мерзли?

— Живут здесь, — коротко сказал Вальфрид. — Заткнись.

Андрей сразу же надулся, но возмущаться не стал. Они поднялись на самый верх. Здесь скрипучая деревянная дверь вела на другую, тесную, освещенную пыльными лампочками лестницу. По ней они поднялись на пятый, последний этаж. Здесь лестница уходила в темноту, но путь туда преграждала массивная, грубо сваренная из арматурных прутьев решетка.

— Ключи не потеряли? — отрывисто спросил Вальфрид.

Оглянувшись — снизу донеслась вдруг непонятная возня, словно там таскали тяжелые мешки, — Андрей извлек из кармана связку ключей, и, быстро подобрав нужный, отпер решетку. Они быстро проскользнули внутрь, после чего Андрей, высунув руку наружу, вновь запер замок. Антон с облегчением вздохнул: доносившиеся снизу звуки оптимизма не внушали. Казалось, что там ползали гигантские змеи — и хорошо, если не кое-кто похуже...

— Что там? — спросил Сергей.

— Хайнцели, — коротко и непонятно сказал Вальфрид.

— Кто?

— Духи дома. Слепые. Пошли!

Они поднялись ещё на этаж выше, в темное, неожиданно жаркое помещение — как догадался Антон, здесь скапливался поднимающийся снизу воздух. В нем была единственная обитая железом дверь — снова запертая, но от неё в связке тоже отыскался ключ. Миновав её, они попали на чердак — неожиданно просторное, высокое помещение, сплошь забитое

разнообразной мебелью — кое-где она стояла так тесно, что там нельзя было пройти. Свет здесь не горел, а тот, что проникал снаружи через большое окно, терялся в темноте высокой деревянной крыши. Справа и слева, косо расходясь в стороны, виднелись дощатые перегородки. Сзади, — Антон обернулся, — за кирпичной коробкой лестничной клетки выступала первобытная скала. В ней зиял уходивший в темноту проход, тоже перекрытый решеткой. Андрей отпер и её, и, включив фонарик, нырнул внутрь. Антон последовал за ним, но дорога оказалась короткой — всего метров через пять началась ведущая вверх лестница с неровными каменными стенами, неудобная и тесная, — он то и дело задевал шапкой за низкий каменный свод.

— Черт, вот придумали же... — пробормотал Андрей, пригибаясь. — Подвал на чердаке, всё с ног на голову...

Лестница оказалась неожиданно длинной — они поднялись метров на двадцать, оказавшись в камере с очередной обитой железом дверью. Когда Андрей отпер и её, в глаза Антона ударил яркий дневной свет. В лицо ему дохнул морозный, свежий воздух, и, переступив порог, он удивленно осмотрелся.

Они стояли на дне маленькой долинки, стиснутой заснеженными склонами. Справа она уходила под скалу, превращаясь в занесенную снегом пещеру — довольно жуткую на вид, надо сказать, — слева, над снегом, наверх вели марши ажурной железной лестницы. По ней они поднялись ещё метров на десять, потом мальчишка удивленно замер — из-за толстого заснеженного гребня ему открылся неожиданный вид на долину с городом, вернее, на хмурый океан туч, уходивший к горизонту. Её дно отсюда видно не было.

Долинка же тут не кончалась, она круто поднималась вверх, заваленная нетронутым снегом, — но лестница поворачивала вправо, и, превращаясь в мостик, упиралась в очередную проем в скале.

Они вошли в тесный, но более ровно вырезанный коридор. Он упирался в железную дверь, которую Андрей отпер последним ключом. Дверь открылась с ржавым скрежетом, за ней висела темнота. Мальчишка нырнул внутрь, нащупывая выключатель, потом вспыхнул тусклый желтый свет. Ребята вошли вслед за ним — и Антон разочарованно замер.

Он сам не знал, что толком ожидал увидеть — но увидел он самую обычную комнату, пусть и вырубленную в камне. У дальней её стены и впрямь была чаша, тоже вырубленная в невысоком, по пояс, постаменте, в неё откуда-то с потолка мерно капала вода. Второй такой же постамент стоял возле двери — и на нем, прямо на камне, трепетал странный, ничего не освещающий, словно нарисованный огонь. Антон бездумно потянулся к нему — и тут же отдернул руку. Нарисованный или нет, но жегся этот огонь вполне натурально.

— Что это? — удивленно спросил он.

— Ключ к Ключу, — равнодушно сказал Вальфрид. — Шаман говорил, что войти в эту комнату сможет только человек из стали... и что в Ойкумене таких людей нет, а будут ли — то ему неизвестно.

— А, — Антон осмотрелся. Шагах в двух от пьедестала с «огнем» пол, потолок и стены комнаты обегало что-то вроде непонятно как вставленной в монолитный гранит литой сложной металлической рамы, странно похожей на раму от какой-то великанской картины. Воздух в ней странно мерцал и струился, — и, шагнув вперед, мальчишка коснулся чего-то зыбного, упругого, однако же, непроницаемого — оно поддавалось под рукой, но чем сильнее он давил, тем сильнее становилось сопротивление. Казалось, что он, держа в руке сильный магнит, пытается прижать его к такому же полюсу другого магнита — только вот

никакого магнита у него в руке не было...

— Силовое поле. Офигеть, — выдохнул Андрей, тоже потрогав преграду. — Ну, и что будем делать? Тут всю гору надо разбивать, чтобы эту раму из скалы выворотить...

— Да ясно же всё... — Сергей вздохнул... и сунул руку прямо в огонь.

* * *

Никто не успел ничего сделать — все словно оцепенели. Бесконечно долгая секунда, две, три — и Сергей вдруг коротко, пронзительно вскрикнул. Он отдернул руку и удивленно взглянул на неё. Никаких ожогов не осталось, но кожа на ней вдруг покраснела, — словно под горячей водой. Антон увидел, что даже его запястье залились краской.

— Ф-фальшивка, — пробормотал Серый. — Ну, тем проще...

И сунул руку в огонь вновь.

* * *

...потом Антон так и не смог понять, сколько же всё ЭТО длилось. Серый прикусил губу, его лицо окаменело, словно высеченное из камня, по телу пробежали быстрые, короткие судороги. Голова у мальчишки закружилась, в какой-то миг он понял, что сейчас или свалится в обморок, или просто набросится на друга, чтобы оттащить его в сторону, потому что смотреть на ЭТО у него больше нет сил... но тут вдруг и «огонь», и странное мерцание в раме погасли со странным свистящим звуком. Сергей попытался улыбнуться ему — и свалился прямо где стоял.

* * *

Они — все сразу — бросились к нему. Серый мычал и вяло отпихивался. Рука у него покраснела, как ошпаренная, и стала горячей на ощупь — но ничего страшного с ней, по виду, не случилось. Наконец, мальчишка отдышался и смог сесть.

— Как ты? — испуганно спросил Антон.

— Да нормально... — Сергей помолчал. — Знаешь, боль, сама по себе, страшна лишь сначала. А потом... вроде как гул такой в голове, и просто перестаешь понимать, как и что... Я испугался, что сойду с ума... и, может, сошел бы. Только эта зараза сдохла раньше...

— Вы все, русские, чокнутые, — хмуро сказал Вальфрид. Лицо у него, почему-то, было при этом виноватое. — Вот поэтому и... — он не договорил.

Антон вспомнил, как сам совал руку в этот «огонь». Тепла он не почувствовал, — но было очень больно... Сколько выдерживал это Сергей? Минуту? Две? Три? Немыслимо...

— Я бы так... не смог, — смущенно признался он, понимая, что краснеет сам, унизительно и глупо. — Я даже мгновения не смог терпеть, а ты...

— А я, — Сергей снова помолчал. — Знаешь, мне просто надоело всё это, вся эта беготня туда-сюда-обратно, тайны, загадки все эти... Я просто решил, что должен это сделать, иначе и дальше... а, ладно. Давайте посмотрим, что там...

Осторожно переступив через раму, мальчишки подошли к пьедесталу и заглянули в чашу. Она была доверху заполнена прозрачной водой, а на её дне лежали... бусы. Самые обычные... хотя нет, как раз НЕ обычные — несколько самых крупных бусин были словно налиты изнутри сочным светом, зеленым, желтым или фиолетовым...

— Что это за фигня? — возмутился Антон. Он ожидал увидеть в самом деле ключ, большой и сложный, как рисуют их в сказках, или, на худой конец, какой-то магический кристалл — но это!.. — Они что, издеваются? Да я им всем ноги вырву, когда найду! Мы сюда столько перлись, Ляйти потеряли, Серый сам чуть не сдох, чтобы сюда войти — а это...

— А это, — Сергей сунул руку в воду (Антон напрягся, но ничего такого не случилось — это оказалась самая обычная вода) и вытащил всю связку. Бусы были стеклянные, разноцветные — густо-фиолетовые, сочно-желтые, глянцево-черные, в общем, самые обычные на вид. За исключением нескольких бусин, которые светились, как маленькие фонари.

— Наверное, они радиоактивные, — нервно предположил Андрей.

— Нет, — Серый усмехнулся и сунул бусы в карман. — Пошли отсюда, всё, нечего здесь делать...

С непонятным облегчением ребята выбрались наружу, где снова пошел снег. Никто, однако, не спешил спускаться, зловещую возню на лестнице все помнили слишком хорошо...

— Ну, что нам дальше делать? — наконец, спросил Антон. Делать им тут было совершенно нечего, а когда он представил себе обратный путь — ВЕСЬ обратный путь, с лавинами, Туманом, адским лесом и ждущими их в нем Хорунами, у него откровенно ослабли колени. — Вот, пришли мы сюда, куда никто не приходил, взяли то, чего и взять нельзя, — и что? Даже если местные легенды не врут, этот чертов Надир аккурат на другой стороне этого проклятого сумасшедшего мира, за пустыней, через которую и пройти вовсе нельзя, в таком месте, где люди с ума сходят. Да даже если мы туда как-то дойдем... потратив черт его знает сколько месяцев... Даже если эти чертовы бусы и есть Ключ, то надеть их может лишь один человек. И что-то говорит мне, что это вовсе не один из нас. Не жизнь, а сказка — чем дальше, тем страшнее.

— Хорош ныть, — коротко сказал Сергей. — Ну да, мы в сказке. Страшненькой, чего уж там... И играем по чужим правилам, в которых ни фигя не понимаем. Но ведь выигрываем же! Сюда вот дошли, Ключ взяли...

— Ага, взяли — и что? — уныло повторил Антон. — В Столицу назад топать? Снова через этот ср... этот лес? Так нас там Хоруны ждут — не дождутся. Поймают, Ключ отберут... А вдруг он как раз только ихнему вождю подходит? Вот тогда в самом деле будет конец, как тот шаман сказал...

— Шаман много чего сказал, — Вальфрид молча поиграл желваками. — Только плевать мне... даже если это всё правда. Плевать!..

Антон очень захотел спросить, что там говорил шаман... но сдержался... к своему удивлению. А ведь всего пару месяцев назад... да что там пару месяцев, пару дней всего! — он бы непременно полез к Вальфриду с вопросами... и вышло бы нехорошо. Совсем. Теперь он это чувствовал. Чувство это было новым и почти пугающим. Словно он сам стал каким-то другим человеком...

— Делать-то что будем? — повторил он. — Надир — ладно, Надир это фигня, мы хоть примерно знаем, где он... А вот этот... единственный — мы же не знаем, кто он, и он сам,

наверное, не знает, сидит где-нибудь на берегу и рыбу ловит... или шишки сшибает в лесу... и в ух не дует, что и как...

— Шаман говорил, что он сам узнает Ключ, если ему показать, — неохотно сказал Вальфрид. — И поймет, что с ним делать.

— И что? — уныло спросил Антон. — Будем каждому тут эти бусы дурацкие под нос тыкать? Так на это лет сто уйдет, не меньше. Это если мы их по пути не потеряем, у нас их не отберут, и мы сами не плюнем на всё это... Нет, ребята, что делать в самом деле?

— Будем решать проблемы по мере их поступления, — Серый усмехнулся. — Проблема номер раз — унести ноги из этого милого местечка, не встретившись с... в общем, тихо.

— Это-то просто, — Вальфрид вытащил из сумки здоровенный моток веревки. Конец её он привязал к перилам, остальное бросил куда-то за гребень, и насмешливо посмотрел на ребят. — По канату спускаться умеете?..

* * *

Соскользнув, наконец, на землю, Антон сразу сел на снег. Вот вроде бы и простое дело — но высота была метров сорок, склон неровный, с выступающими скалами, и дело затянулось надолго. Не то, чтобы он так уж сильно боялся... но ноги теперь его не держали. Остальные, впрочем, тоже сели на снег, переводя дух. Мальчишка покосился на совсем близкий торец пятиэтажки. Внутри царила тишина — но войти туда вновь он не решился бы ни за какие коврижки...

— Проблема номер два, — сказал Сергей, отдышавшись. — Спуститься с этих чертовых гор.

— Мимо Тумана мы уже не пройдем, точно не во второй раз, — спокойно сказал Вальфрид. — Нам и в первый-то глупо повезло, правду сказать. Да и Хоруны вас там ждут...

— И что? — спросил Сергей. Тон немца был не очень-то пессимистичным.

— На юг пойдем, к нашим, — Вальфрид поднялся. — Тут недалеко, кстати, только отрог перевалить. Ну и заодно на край Ойкумены посмотрим.

И тут Антон понял, что не так он и устал.

* * *

На сей раз, они поднялись на самом деле высоко. Дышать здесь было тяжело, а мороз немилосердно обдирает лицо и впивался в грудь сотнями ледяных игл — но сейчас мальчишка едва его замечал. Долгий, да и, чего там, мучительный подъем внезапно кончился — и они все замерли, глядя на открывшийся им пейзаж. Прямо от их ног начинался крутой заснеженный склон. Метров через пятьдесят он обрывался в пустоту, — и там, уже в смутной воздушной дымке, лежала необозримая зеленая чаша колоссальной долины, замкнутая скалистыми гребнями, наполовину скрытая клочковатым одеялом туманных облаков. А над ними поднимался колоссальный купол Таллара, весь в бурлящем, словно бы жидком узоре белесых и темно-синих полос. Отсюда, с высоты, он был виден совершенно отчетливо, и у мальчишек просто перехватило дух. Ради такого зрелища Антон точно согласился бы проделать весь путь с начала до конца ещё раз... и ему даже захотелось

завыть от невозможности полететь туда, увидеть всё это вблизи, своими глазами...

Сморгнув непонятно отчего проступившие слезы, он отвернулся. Здесь, тоже далеко внизу, между зелеными склонами гор синело громадное озеро — долина Тегернзее. А ещё дальше — зеленые волны западного леса. Они уходили вдаль, всё более смутные, пока не растворялись совсем в сияющей дымке. Казалось, что там больше и нет ничего — только этот бесконечный лес... и мальчишка вздохнул. Сейчас он видел землю на несколько недель пути... и при мысли, что им предстоит этот путь — на край видимого мира и ещё дальше — его сердце почему-то сладко замирало. Первую битву они выиграли — но приключения ещё только начинались...

Конец первой части.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

Это кажется невероятным, — но китайские вещи поставлялись в СССР и в 60-х, и в 70-х, причём ОТЛИЧНОГО качества. Великолепные ткани, а также теплые одеяла, клетчатые рубашки «Дружба», прекрасные термосы... Тогда китайцы ещё помнили, КОМУ Китай обязан своей независимостью, и старались для «старшего брата»...

Распространённый в середине XX века фонарик с ручной динамо-машиной — после нескольких энергичных нажатий на рычаг довольно долго светил. «Жабой» он был прозван за форму корпуса и издаваемый при работе урчащий звук.